

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

2
2010

Содержание

65-летие Великой Победы

Система социальной защиты участников ВОВ в СССР <i>Суркова И.Ю.</i>	4
--	---

Теория и методология

Информационно-управленческая концепция социальных институтов <i>Дуран Т.В., Костин В.А.</i>	17
Индивидуальная и коллективная формы ответственности <i>Синяков А.В.</i>	37
Гармония общества и социальные противоречия в Китае <i>Сюй Яньли, Романенко М.В.</i>	43

История социологии

Социальные отклонения: взгляд Питирима Сорокина <i>Журавлева Л.А.</i>	52
Маргинальный человек Р.Э. Парка <i>Новикова Л.В.</i>	58

Методика и техника

Контент-анализ в исследовании имиджа <i>Брянцева Е.А.</i>	69
Особенности отбора экспертов <i>Масленников Е.В.</i>	82

Стратификация и неравенство

Размеры тела человека и социальный статус <i>Година Е.З., Задорожная Л.В.</i>	94
Исследование факторов неравенства населения <i>Костылева Л.В.</i>	111
Социальное обеспечение и социальная помощь: запросы среднего класса <i>Салмина А.А.</i>	122

Культура

Смена спортивных приоритетов в условиях глобального кризиса <i>Аверина М.В.</i>	136
Значение ритуала в управлении организацией <i>Архангельская Л.С.</i>	145
Сравнительный анализ эстетических предпочтений киноаудитории <i>Бояринов Б.С., Бояринова Е.Б., Прончев Г.Б.</i>	151
Коммуникационное взаимодействие глобальной и локальной культур <i>Могилевич Б.Р.</i>	156

Технологии создания новой реальности Франц С.В.	162
Образование	
Вузovsky преподаватель: штрихи к портрету на фоне реформ Довейко А.Б.	175
Особенности маркетинговых коммуникаций в сфере образования Тимохович А.Н.	185
Детство	
Влияние мультфильмов на социализацию детей Ткач В.П.	199
Онтологический статус и социальная защита детства Филипова А.Г.	207
Дебют	
Политическая утопия: гносеологические и социологические корни Исмаилова Л.М.	214
Экономическая культура: структура и функции Миннегалиев И.М.	222
Политические технологии в контексте тенденции и закономерностей массовой культуры Поздышева О.Н.	230
Особенности построения гражданского общества в России Бабаева З.М., Вершинина М.И.	237
Наши авторы	237

Система социальной защиты участников ВОВ в СССР

Суркова И.Ю.

Экспертиза законодательства в системе социальной защиты позволила выделить три периода, характеризующие уровень заботы советского государства о ветеранах: военное время и поствоенное восстановление страны, брежневское правление и «перестройка». Интегрирование бывших фронтовиков в мирный социум происходило дифференцировано и зависело от конкретного исторического периода.

Ключевые слова: ветераны, инвалиды войны, Великая Отечественная война, Советский Союз, социальная защита, льготы

Surkova I.U.

System of the social protection of participants VOV in the USSR

Examination of legislation in the social protection system has allowed to identify three periods, describing the care standard for veterans in the Soviet state: wartime and post-war reconstruction of the country, Brezhnev governing and "perestroika". The integration of former front-line soldiers in the peace social space differentiated and depended on the particular historical period.

Keywords: veterans, disabled soldiers, the Great Patriotic War, Soviet Union, social protection, privileges

Век минувший унес с собой время революций и борьбы тоталитарных режимов, мировых войн и крушения советского строя. Подобные события становятся доминантами исторической памяти, благодаря которой происходит осознание принадлежности к той или иной стране, самоидентификация со своим народом, формирование гражданственности и патриотизма, консолидирующих общество.

Самым эпохальным событием, по-прежнему, остается победа в Великой Отечественной войне (ВОВ), именно это вызывает гордость у 93% россиян [1]. Война являлась «величайшей трагедией, неизмеримого людского страдания, нечеловеческой жертвенности, но она была и вершиной невиданного взлета человеческого духа, поразившего весь мир» [2, с. 21]. 9 мая в общественном сознании – символ, который кодифицировался в показатель народной гордости. Это не день памяти о страданиях и жертвах, а «именно день победы торжества советской армии над Гитлеровской Германией» [3, с. 52]. Длительное время

ключевой фразой в публичном дискурсе являлась «победа советской армии и советского народа», ведь именно с этого момента начинается экспансия социалистического строя на мировой арене, захватывавшая все новые и новые государства. Героика победы не подразумевала обращения к воспоминаниям о социальных, психологических и материальных затратах, о боли каждого человека, соприкоснувшегося с этой войной.

Фактически же в структуре общества появилась достаточно большая группа людей - участников и инвалидов войны, требующая заботы со стороны государства за те мучения и страдания, которые были принесены ради победы. Игнорирование их проблем чревато волнениями среди фронтовиков. Кроме того, налаженный механизм социальной поддержки населения - еще один аргумент в пользу социалистического строя. По идее, статус участника ВОВ должен был стать, с одной стороны, привилегированным, а с другой - идеологизированным, что важно для демонстрации эффективной социальной политики в СССР. Насколько реалистичным оказывается это предположение? Проведя экспертизу законодательства в системе социальной защиты, нами было выделено три периода, характеризующие уровень заботы советского государства об участниках ВОВ.

Первый период (1941-1963 гг.) включает непосредственное участие СССР в Великой Отечественной войне и послевоенное восстановление страны; характеризуется минимизацией материальных ресурсов, направленных на реализацию социальной политики, а также дифференциацией пенсионного и льготного обеспечения в зависимости от наличия у военнослужащих инвалидности, приобре-

тенной в результате несения службы во время ВОВ.

Условия военной жизни изменяют личностные приоритеты и ценности, которые являлись важными в мирное время. Материальные ресурсы и деньги в значительной мере утрачивают значение, особенно в условиях боевых действий, когда покупательские практики не востребованы. Приобретаются распространение так называемые «денежные аттестаты», которые являлись основанием получения финансовых ресурсов членами семей военнослужащих через военкоматы. В определенной степени это способствовало созданию более выгодных условий жизни для жен и детей офицеров, они, по крайней мере, не голодали. Хотя все относительно. Как пишет Ю. Веремеев: «Моя мать вспоминала, что денег, присылаемых ежемесячно отцом (майор, командир стрелкового батальона) хватало, чтобы купить на рынке 3-4 литра молока или 1-2 буханки черного хлеба» [4]. С другой стороны, семьи рядового состава и те, у кого близкие пропали без вести или попали в плен, не могли позволить себе даже этого. Система «денежных аттестатов» играла существенную роль, поскольку в военные годы через перевод «денежных аттестатов» осуществлялась связь между фронтовиками и их родными. После окончания войны с их помощью пришлось разыскивать семьи, эвакуированные в связи с боевыми действиями. Объем розыску был огромным и при помощи финансистов по письмам военнослужащих были установлены адреса 147 тысяч семей, были найдены более чем 50 тысяч семей погибших и пропавших без вести военнослужащих [5].

Система выплат коснулась и семей, погибших офицеров (при-

вилегированная категория военнослужащих (включая вдов, вдовцов, сирот, престарелых, инвалидов), поскольку вдовам генералов выдавалось единовременное пособие от 50 до 100 тысяч рублей, семьям старшего начсостава – подполковников и майоров — от 10 до 20 тысяч, в зависимости от количества нетрудоспособных членов семьи (Постановление СНК СССР от 28 апреля 1943 г. №462). Только за вторую половину 1943 года пособие было выдано почти восьми тысячам семей. В ситуации такой глобальной войны любые выплаты связаны с огромными сложностями эффективного распределения ресурсов, но все-таки данные мероприятия можно назвать приоритетными в области социальной поддержки граждан страны Советов.

До второй половины 1950-х годов объектом заботы со стороны государства были, в основном, маргинальные, нуждающиеся в помощи группы: инвалиды, сироты, престарелые [6, с. 79]. Последствием боевых действий стало резкое увеличение категории инвалидов, которые возвращались в тыл и сталкивались с безразличием и невниманием. А жизнь после войны оказалась не такой, как представлялась на передовой. Инвалиды стали лишними, брошенными на «произвол судьбы», их называли «самоварами» – это люди с ампутированными конечностями. Их часто встречали на городских дорогах и деревенских улочках, их стеснялись, прятали, не показывали на официальных картинках мирной жизни [3, с. 49]. А ведь таких «ненужных людей» после окончания войны насчитывалось 2,7 миллиона (по самым минимальным подсчетам) [7, с. 291].

В годы сражений безразличие к судьбам инвалидов было вполне объяснимым, ведь фронт потреблял огромное количество ресур-

сов, людям элементарно не хватало предметов первой необходимости и даже еды. После заключения мира все средства уходили на восстановление страны, а инвалиды стали, с одной стороны, «балластом», с другой – напоминанием о кровавых и трагических последствиях войны. Так, в конце 1940-х гг. проводились «зачистки инвалидов», их отправляли на Соловки, дабы своим видом «не смущать» граждан [8]. Советские люди не слышали привычного грохота тележек и скрипа протезов, которые так портили благообразие светлого социалистического сегодня [9]. Одним из мест их ссылки служил остров Валаам. Позже тех, кто не имел семьи, старались поместить в интернаты, которые по своему виду и условиям проживания больше напоминали тюрьмы.

Несмотря на это еще во время военных действий стали выходить постановления, регламентирующие некоторые привилегии для инвалидов. В первую очередь они касались вопросов трудоустройства и обучения. (Постановление Совнаркома СССР от 6 мая 1942 г. №640; Постановление Совнаркома СССР от 20 января 1943 г. №73). На руководителей предприятий, учреждений и организаций была возложена обязанность по представлению соответствующей работы при обеспечении индивидуального подхода. Инвалиды, которые не способны работать по прежней специальности, могли пройти обучение новым профессиям. Подобный подход вызван не столько заботой о судьбах пострадавших в войне людей, сколько расширением возможностей использования трудовых ресурсов в интересах фронта. Каждый был обязан по мере сил приносить пользу в деле освобождения страны от вражеских захватчиков.

В первые послевоенные годы была оказана поддержка по организации на предприятиях производственного обучения демобилизованных, не имеющих специальности, как в порядке индивидуально-бригадного ученичества, так и путем краткосрочных курсов с назначением стипендий, но не свыше 1-2 месяцев и не более 300 рублей в месяц. Однако не стоит забывать о разнице между нормативно-правовыми актами и их воплощении в жизнь. В действительности учебные заведения собесов, предприятия и организации оказались не в состоянии обеспечить переквалификацию инвалидов. В конечном счете, больше половины инвалидов остались без переподготовки, 15% прошли весьма сомнительную переквалификацию, а многие должны были довольствоваться подсобной работой [7, с. 295]. Например, в 1945 г. в Саратовской области состоялось на учете свыше 30000 инвалидов Отечественной войны, а обучением было охвачено всего немногим больше 1500 человек [10, с. 103].

Кроме того, возможностью поступать в учебные заведения без сдачи экзаменов и на курсы чаще всего пользовались только те фронтовики, у которых не было семьи, поскольку как кормильцы они были обязаны заботиться о средствах на жизнь. Например, в Донбассе получили образование или новую профессию только 2% участников войны [11].

Большой поток демобилизованных хлынул на рынок труда, однако особых условий для осуществления профессиональной деятельности создано не было. Естественно, трудовой потенциал инвалидов войны не мог быть реализован в полной мере. В результате некоторые директора предприятий и колхозов, пытаясь избавиться от

малопродуктивных инвалидов, доносили на них как на «тунеядцев», приговаривая их к депортации [7, с. 295-296]. В данном случае наглядно показана двоякая система социальной поддержки инвалидов ВОВ, выражающаяся, с одной стороны, в декларативной демонстрации заботы, а с другой – в создании барьеров, связанных с трудоустройством.

Одной из основных форм социальной защиты военнослужащих является назначение пенсий и льгот, что предполагает определенную компенсацию за счет отчуждаемых у человека ресурсов. Однако здесь происходит разделение участников войны на две части: 1) инвалидов I и II группы, 2) остальных военнослужащих. С 5 июня 1941 г. действовало Постановление Совнаркома СССР о назначении пенсий и пособий лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям.

В 1944 г. вышло постановление о порядке назначения пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава (Постановление Совнаркома СССР от 31 января 1944 г. №101), а после окончания войны были расширены возможности получения пенсий и льгот для инвалидов ВОВ. Так как пенсии назначались в соответствии со сроком службы, то были установлены льготы военнослужащим в связи с лечением, т.е. каждый месяц пребывания в госпитале засчитывался за три месяца службы, что хоть и не существенно, но увеличивало размер пенсии (Постановление Совнаркома СССР от 30 июня 1945 г. №1545). С 1946 г. на пенсии стали претендовать бывшие

военнослужащие и бывшие партизаны ВОВ, ставшие инвалидами после увольнения с военной службы или из партизанских отрядов в связи с ранениями, контузиями, увечьями, несчастными случаями, имевшими место в период прохождения службы, но не позднее пяти лет со дня увольнения. Если человек умер в течении пяти лет после окончания службы вследствие вышеназванных причин, то их семьям также назначалась пенсия (Постановление Совнаркома от 9 июля 1946 г. №1516).

Размер пенсий зависел, во-первых, от величины получавшегося до мобилизации заработка, во-вторых, от военного звания и, в-третьих, от группы инвалидности [7, с. 293]. Принципы социальной справедливости в данном случае не соблюдались. Ведь по официальной логике выходило, что офицерам-инвалидам требуется намного больше ресурсов, нежели солдатам, которые приобрели увечья на войне. Изначально также рабочие имели больше преимуществ, чем крестьяне или выпускники учебных заведений, поскольку присутствовала явная дифференциация уровня дохода. И все же размер пенсий был настолько мал, что инвалиды начинали нищенствовать, собирая милостыню на площадях и вокзалах. Как пишет в своих воспоминаниях В. Кондратьев, «вернувшиеся инвалидами, особенно те, кто не работал до войны, получили такие нищенские пенсии, которых не хватало даже на то, чтоб выкупить карточный паек...» [12, с.9].

Из-за дефицита ресурсов местные власти активизировали население страны на помощь инвалидам войны. В результате, средства собирались через взимание «недоимок», проведение «месячников» и пожертвования. Полученные ре-

сурсы были гораздо значительнее, чем то, что выделяло государство для социального обеспечения данной категории советских граждан [10, с. 103]. Естественно, самая большая и физическая, и психологическая нагрузка ложилась на близких родственников. Иногда индивидуально, иногда с помощью поддержки членов семьи некоторым инвалидам все же удавалось получить денежную и материальную помощь от разных учреждений одновременно. Однако это зависело от «пробивной способности», индивидуально-психологических качеств участников войны, которые очень хорошо научились использовать практики социальной поддержки населения в условиях крайней послевоенной неразберихи.

Еще одной формой заботы советского государства о нуждающихся было льготное обеспечение. Так, повышенное внимание стали уделять семьям погибших военнослужащих, приравняв их привилегии к льготной категории инвалидов I и II группы (Постановление Совнаркома от 21 сентября 1945 г. № 24360). Основные льготные направления заключались в том, что с инвалидов ВОВ и семей, потерявших на войне кормильца, снимались недоимки по сельскохозяйственным налогам и штрафам, обязательному окладному страхованию, а дети освобождались от платы за обучение.

Фронтовики получали месяц отпуска, армейский паек и начинали обустриваться в поствоенном социальном пространстве. Они возвращались домой, а в их квартирах могли жить другие люди, зачастую жилье было просто разрушено. Демобилизованные военнослужащие вынуждены ютиться у родственников, если они их находили, или снимать комнаты. В деревнях устроиться было много-

го проще, чем в городах, но только если этот населенный пункт не был уничтожен. В ответ на решение данных проблем были установлены льготы на строительство и восстановление жилых домов, заключающиеся в выдаче ссуды в сумме от 5 до 10 тыс. рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет. При этом 10% жилого фонда необходимо было заселять нуждающимися демобилизованными, семьями военнослужащих, инвалидами ВОВ и семьями погибших воинов. Исполкомы и Совнаркомы республик обязаны отводить лесосеки на заготовку строительного материала, обеспечивать топливом в первоочередном порядке. Расширению жизненного пространства инвалидов ВОВ способствовало предоставление им мотоколясок. (Постановление Совмин СССР от 3 июля 1948 г. №2442).

В условиях тотального дефицита во многих городах стали открываться отделения военторгов, обслуживающие семьи офицерского состава, погибших офицеров и инвалидов войны. Так, в начале 1946 г. заместитель командующего войсками Харьковского военного округа предлагал секретарю Сталинского обкома партии открыть специализированные магазины и столовые для офицеров-инвалидов, офицерские универмаги и мастерские бытового обслуживания [11].

Льготы и гарантии для инвалидов ВОВ, зафиксированные в постановлениях Совета народных комиссаров, а также в распоряжениях Совета Министров СССР, не всегда исполнялись и зачастую носили декларативный характер. Инвалиды пытались отстаивать свои права через представителей парторганизаций, руководителей предприятий, сотрудников собесов. Одним из самых популярных

способов было использование жалоб, направляемых в органы власти и редакции газет, с помощью которых можно было решить свои проблемы. Инвалиды ВОВ применяли различные стратегии составления жалоб. Во-первых, это указание на виновных в несоблюдении основополагающих принципов советского строя, что означает непереносимое вмешательство властей в разрешение «вопиющих фактов». Во-вторых, стратегия, заключающаяся в требовании положенных по закону льгот и гарантий. В-третьих, использование символического капитала с привлечением статусной значимости, когда участники войны надевали свои парадные мундиры с орденами и медалями и шли требовать справедливости. В-четвертых, демонстративная стратегия, связанная с описанием тех страданий, которые пришлось пережить инвалиду войны во время боевых действий и отсутствие компенсации за это. В-пятых, это описание всех этапов, которые преодолел человек с целью получения положенных благ. Перечисленные стратегии являлись легитимными практиками отстаивания собственных прав. Однако насколько реально было изменить ситуацию?

Одним из самых спорных вопросов было собственно установление инвалидности. Претендовать на получение даже незначительной пенсии мог только участник войны, официально имеющий статус инвалида. Врачебно-трудовые экспертные комиссии, подчинявшиеся Наркомсобесу, ведали назначением степеней инвалидности. Увеличение количества инвалидов накладывало дополнительные расходы на бюджет страны. ВТЭК обвинили в завышении показателей инвалидности. Например, на Украине после проведения «воспита-

тельной работы» партийные органы отчитались, что в результате принятых Сталинским Обкомом партии мер по исправлению ошибок, которые были допущены ВТЭК, процент инвалидов второй группы в области снижен [11]. В результате запретили выдавать инвалидность тем лицам, кто мог работать по старой профессии – даже в случае потери одного глаза или конечностей. Кроме того, создавались дополнительные препятствия в получении освидетельствования. Так, для установления связи с пребыванием на фронте требовались медицинские документы: справки о ранениях, контузиях, перенесенных заболеваниях и т.п. В случае, когда подобных документов не находилось, инвалидность не назначалась [13, с. 217]. Схожая ситуация возникала, если человек переболел одной болезнью, а инвалидность получил по другой: нужно было доказать причинную связь с военными действиями.

Итак, политика трудовой мобилизации привела к тому, что с одной стороны, кардинальным образом сократилось количество людей, имеющих серьезные нарушения здоровья вследствие военных действий, теперь фактические, но официально не признанные инвалиды пополняли ряды работающих, а ВТЭК боролся с «симулянтством». С другой стороны, на предприятиях и в колхозах инвалиды воспринимались как «малопродуктивные», что провоцировало растущую дискриминацию этой категории граждан. Данный период характеризуется изменениями в нормативно-правовой базе, связанные с определением перечня лиц, приравненных к льготным категориям – это инвалиды ВОВ I и II групп, а также семьи военнослужащих, потеряв-

ших на войне кормильца; установлением льготного набора – списание недоимок по налогам, обеспечение жильем, снабжение необходимыми для жизни вещами и обучение на новые специальности. Вплоть до 1978 г. пенсионное обеспечение и предоставление льгот распространялось только на первую категорию участников ВОВ.

Второй период (1964 – начало 1985 гг.) характеризуется временем правления Л.И. Брежнева (с одной стороны, это была «застой», с другой – «стабилизация») и постбрежневским курсом. Несмотря на то, что эффективно действовала система доступа к общественным благам, уровень жизни советских людей был невысок, ввиду низких зарплат и недостатка жилья [14, с. 20-22]. Социальная политика в тот период имела в своем арсенале достаточно развитые сервисы, обеспечивающие заботу о нуждающихся, однако многие нерешенные вопросы по-прежнему замалчивались.

Если в первый период еще сохранялись воспоминания о повседневности военной жизни, о жертвенности и потерях, о работе для фронта и голоде, то второй период ознаменован началом смены поколений, замещением социальных позиций людьми, которые не имели представления о реальностях войны. Кодификация массового сознания отмечается началом демонстративного почитания «ветеранов», появлением «лирической» тональности в описаниях войны (в первую очередь в воспоминаниях) и различных государственных ритуалов [3]. В 1965 г., в честь двадцатилетнего юбилея победы советских войск, день 9 мая был признан общенародным праздником. Ветеранов стали приглашать в школы, дарить подарки, устраивать праздничные мероприв-

ятия, всячески чествовать. В магазинах появляется надпись «Ветераны ВОВ обслуживаются вне очереди», что явно свидетельствует о дифференциации населения, маркировании группы участников и инвалидов ВОВ, их преимущественном положении перед остальными согражданами.

Брежневская эпоха отличается повышенным вниманием к проблемам бывших фронтовиков, возможно, потому что сам Генеральный секретарь был участником ВОВ. Забота государства об участниках и инвалидах войны становится всеобъемлющей, она превращается в официальный код - правило взаимоотношений советского общества, выражающего логику социалистического патернализма [15, с. 80]. Однако и в это время система социального обеспечения и поддержки ветеранов была далека от необходимого уровня, а основные изменения в области социальной политики носили периодичный характер, приуроченный к юбилейным датам победы.

Так, в 1965 г. было принято постановление о расширении льгот инвалидам ВОВ и членам семей, погибших военнослужащих (Постановление от 6 марта 1965 г. №140). Благодаря ему существенно увеличились возможности для самореализации инвалидов, поскольку, с одной стороны, в каждой отрасли народного хозяйства стали устанавливаться квоты для приема на работу инвалидов ВОВ - до 2% от общей численности рабочих. С другой стороны, данную категорию граждан можно было принимать на работу с неполным рабочим днем, с оплатой труда по фактической выработке, либо по фактически отработанному времени. Это существенный прорыв в области социальной поддержки инвалидов войны по срав-

нению с предыдущим периодом, поскольку, наконец-то государством было признано их право на работу в подходящих условиях. Кроме того, большим достижением в области социальной защиты стала возможность для инвалидов III группы одновременно получать пенсию (с определенными ограничениями) и работать. В это время впервые обратили внимание на самую низкую степень инвалидности, поскольку до этого данная категория лиц была аутсайдером системы социальной защиты.

Другим направлением социального обеспечения явилось первоочередное предоставление путевок в санатории, профилактории, дома отдыха, на амбулаторно-курортное лечение. Кроме того, инвалиды ВОВ могли приобретать лекарства по рецептам врачей с 20% скидкой. Третьим направлением было решение «квартирного вопроса». Инвалиды ВОВ получили первоочередное право на получение жилой площади, им выдавали беспроцентную ссуду на индивидуальное жилищное строительство в размере 1000 рублей - с погашением в течение 10 лет, начиная с третьего года выдачи ссуды. И, наконец, еще одним показателем заботы государства стало предоставление инвалидам ВОВ I и II групп, а также III группы, не имеющим конечности, право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта, за исключением такси.

В связи с 30-летием победы был введен ряд дополнительных льгот (Постановление от 18 апреля 1975 г. №304). Впервые были назначены льготы по квартплате, в связи с чем вышеперечисленные категории граждан оплачивали 50% квартирной платы, исчисляемой по ставкам для рабочих и служа-

щих. Также предоставлялась 50% скидка за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией. Право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского и автомобильного транспорта уже распространилось на все категории инвалидов ВОВ.

С 1978 г. в нормативно-правовой дискурс вводится категория «участник Великой Отечественной войны» (Постановление от 10 ноября 1978 г. №907). Формальное обретение статуса – наличие удостоверения участника войны – приводит к изменениям в системе социальной защиты населения, поскольку, если раньше льготное обеспечение распространялось только на инвалидов ВОВ, то теперь и остальные демобилизованные военнослужащие могли рассчитывать на подобную поддержку со стороны государства (Разъяснение от 14 декабря 1978 г. №8). С 1985 г. происходит расширение льготной категории участников ВОВ за счет граждан, работавших в период блокады г. Ленинграда на предприятиях, в учреждениях и организациях города, и награжденных медалью «За оборону Ленинграда». (Постановление от 14 мая 1985 г. №416). Признаются заслуги не только военнослужащих, но и людей, которые в экстремальных условиях работали на обеспечение и поддержку фронта. Распространяются льготы участников ВОВ на жен погибших военнослужащих, не вступивших в повторный брак, а также родителей военнослужащих, имеющих статус пенсионеров. Номинальным закреплением права пользования льготами служит наличие удостоверений различного типа: «Участника войны», «О праве на льготы» (для лиц, награжденных орденами и медалями СССР за самоотверженный труд

и безупречную воинскую службу в тылу в годы ВОВ), пенсионное удостоверение со штампом «Вдова (мать, отец) погибшего воина».

Так, участники ВОВ один раз в год могли пользоваться 50% скидкой со стоимости проезда на железнодорожном транспорте, а в районах, не имеющих подобного рода сообщений, другим видом транспорта. В отношении индивидуального жилищного строительства участники ВОВ были приравнены к инвалидам ВОВ и могли пользоваться беспроцентной ссудой. Кроме того, установка телефонов (в то время очень дефицитная услуга) предоставлялась по преимущественному праву (Постановление от 15 января 1985 г. №54). Еще одно направление социальной поддержки заключалось в предоставлении медицинского обслуживания. Участники ВОВ смогли пользоваться ведомственными поликлиниками после выхода на пенсию. Они получили право на получение путевок в санаторий, профилакторий, дом отдыха. В это же время вводится льгота на приобретение проездных билетов с 50% скидкой. К началу 1980-х г. большинство участников ВОВ подошли к пенсионному возрасту. В результате появилось Постановление от 27 февраля 1981 г. №220), на основании которого участники ВОВ имели право получать пенсию на льготных условиях.

Повышенное внимание по-прежнему уделяется медицинскому обслуживанию, обеспечению инвалидов ВОВ протезно-ортопедическими изделиями. Приобретение лекарств осуществляется на бесплатной основе. Кроме того, инвалиды III группы могут получать пенсию в полном объеме, если вместе с заработком суммарный доход не превышает 300 рублей в месяц.

Более того, инвалидам ВОВ, имеющим право на бесплатное получение машины, разрешена выдача автомобилей «Запорожец», оборудованных ручным управлением. А тем инвалидам ВОВ, которым полагалось бесплатное получение мотоциклов, могли приобрести «Запорожец» по розничной цене с зачетом стоимости мотоцикла. Однако это новый всплеск конфликтных ситуаций. Правила получения автомобиля были весьма спорными. В соответствии с «Перечнем медицинских показаний» (от 1 июля 1969 г.) право на автомобиль или мотоцикл (11 августа 1970 г.) поставили в зависимость от размера культы, оставшейся после ампутации. «Если короткая, положен «Запорожец», длинная – мотоцикл. А мотоциклу не все брать хотели – ненадежная тархтелка, а по сельскому бездорожью – вовсе бесполезная» [13, с.217]. Проблема оставалась актуальной на протяжении долгого времени, поскольку изданные более чем через 10 лет методические указания по применению перечней медицинских показаний, не изменяли существующего ранжирования заболеваний.

Единственной возможностью отстоять свои на протяжении всей советской истории служила подача обращений и заявлений в органы власти [15, с. 79]. Так, в одной из радиопередач, выступил рядовой солдат, инвалид войны, кавалер полного банта ордена Славы, московский сапожник Иван Румянцев, который, рыдая, сказал в микрофон: «Не думал, что доживу до такого дня. Ведь меня вся страна будет слушать. А все эти годы живем впятером в комнате 15 квадратных метров в подвале... Куда ни ткнусь, всюду гонят: «Ну, воевал! Ну, получил награды. Чего тебе еще надо?» [16]. Ре-

зультативность подобных действий теперь намного выше, чем в послевоенную эпоху, однако к представителям ВТЭК претензии, как правило, не принимались.

В добрежневский период в СССР были запрещены любые объединения инвалидов и участников войны, хотя предложения о создании ассоциации фронтовиков были выдвинуты еще в 1945 г. Видимо, государству сложнее осуществлять контроль, когда происходит групповая идентификация, ведь организованным людям легче отстаивать права перед властными структурами. В 1956 г. образован Советский комитет ветеранов войны. На учредительном съезде присутствовал весь цвет российских ветеранов – более 150 бывших воинов, среди них были герои Советского Союза, видные военачальники, а возглавлял его маршал А.М. Василевский [17]. Организация защищала права ветеранов, имела пропагандистское значение.

Таким образом, рассмотренный период отличается увеличением количества льгот инвалидам ВОВ, сфокусированных на медицинском обслуживании, решении жилищных проблем, а также расширении жизненного пространства за счет гарантированной брони на предприятиях, предоставлении гибких условий работы и возможности приобретения автомобиля как средства мобильности. Инвалиды и участники ВОВ уже становятся символами демонстрации социальной заботы государства, их идеологизированный статус позволяет пользоваться различного рода благами, почетом и уважением. Происходит групповая идентификация инвалидов ВОВ посредством создания собственной организации, с целью защиты своих прав, с одной стороны, и в качестве агента социальной идеологической

машины Советского Союза, с другой стороны. Однако сама система социальной защиты не всегда была эффективной и не всегда положенные льготы и гарантии находили своих адресатов.

Третий период (середина 1985 – 1991 гг.) характеризуется падением уровня жизни населения СССР, в том числе ветеранов в эпоху перестройки. В начале данного периода инвалиды и участники ВОВ стали активно использовать блага в виде предоставляемых продовольственных пайков, которые выдавались в магазинах по спискам с места прописки – эта практика берет начало еще с «брежневской эпохи». Со временем в больших городах начинают функционировать специализированные магазины «Ветеран», где можно было приобрести дефицитные вещи, такие как соковыжималки, стиральные машинки, утюги. Периодически к празднику День Победы ветеранам предоставлялись единовременные выплаты. Подобные меры существенно облегчали жизнь не только самим ветеранам войны, но и членам их семей.

Однако с 1985 г. Советский Союз вступил в эпоху «революций сверху». Началась перестройка, последствиями которой стал распад СССР и изменение государственного строя: приватизирована общенародная собственность, национальное богатство передано практически в индивидуальную собственность, образ жизни всего населения подвергся коренной трансформации. В 1989 г. 64% ответивших через «Литературную газету» заявили, что «наша страна никому и ни в чем не может служить примером» [18]. Моральные чувства людей, защищавших Родину от насилия, от уничтожения целых народов, от фашизма, были угнетены.

Свобода слова и гласность, непрерывные спутники перестройки, открыли поток информации о войне, который долгие годы подвергался сильнейшей сакрализации. Начинается переоценка войны и ее отдельных эпизодов. Как пишет Г.В. Осипов, «самым диким, людомоедским «изобретением» определенной части исторической науки является утверждение о том, что Вторая мировая война явилась войной двух неадекватных в психическом плане диктаторов – Гитлера и Сталина, войной двух возглавляемых ими тоталитарных систем. Кое-кто утверждает, что это была «внутрифашистская разборка»» [19, с. 10]. Культ войны начинает утрачивать свою силу. Подростки могли сказать: «А я не просил страну защищать, лучше бы нас завоевали немцы, стали бы лучше жить». Такая девальвация ценностей больно ударила по ветеранам, которые оказались беззащитными перед надвигающимися глобальными переменами. Их почетный статус в собственной стране оказался никому не нужным. Отсутствие инвалидов войны в обновленной историографии имеет под собой две причины [7, с. 297]: первая связана с тем, что инвалиды войны – это скорее любимцы существовавшего режима, вторая показывает, что в советском обществе инвалидам всегда уделялось ограниченное внимание.

Эпоха «перестройки» ознаменовалась тем, что сначала были «отпущены» доходы и избирательно цены, затем объявлена малая приватизация и вскоре провозгласили свободу цен, финалом которой стала массовая приватизация [20, с. 25–26] и как результат спад производства, вывоз национального богатства за рубеж и массовое обнищание населения. Все это маргинализировало самые уязвимые

слои населения – пожилых и инвалидов. Все участники войны к началу 1990-х годов уже имели пенсионный возраст, поэтому кризисное состояние экономики, деградация системы социального обеспечения вывело их на периферию социального пространства. Как и в сталинские времена на улицах стали появляться люди, просящие милостыню. Для того чтобы выжить, ветераны продавали ордена и медали. Получается, что, с одной стороны, всемирно-историческое значение победы в войне все-таки признается, хоть и пересматривается, а, с другой стороны, участники ВОВ испытывают униженное положение двоякого рода: борьба за выживание (материальная депривация) и моральное унижение, откровенное очернение истории войны, ее результатов и поколений выигравших [2, с.20].

Таким образом, интегрирование участников и инвалидов войны в мирный социум происходило дифференцировано и зависело от конкретного исторического периода. Гражданское общество уважительно относилось к демобилизованным военным, воспринимая их как победителей справедливой войны. Однако такое почитание и забота носили волнообразный характер, поскольку в послевоенные годы проблемы участников войны замалчивались. В брежневскую эпоху ветераны стали героями, затем переоценка событий вывела пожилых победителей на границы социума, девальвируя их значение и маргинализируя социальный статус. Данный период стал серьезным испытанием для всех граждан Советского Союза, поскольку перестройка сняла запреты со многих ранее табуированных тем, в том числе и с оценки Великой Отечественной войны, что, с од-

ной стороны, изменило статус ветеранов ВОВ, а, с другой стороны, серьезно повлияло на мировосприятие самих участников. Несмотря на это уровень социальной защиты участников и инвалидов ВОВ является маркером эффективной политики государства, основанием развития патриотических чувств и гражданственности. Однако это не должно быть завуалировано программами торжественных мероприятий к очередному празднованию Дня Победы, ведь живых свидетелей войны становится с каждым днем все меньше и меньше, они ждут реальной помощи со стороны государства, а не стандартных обещаний.

Литература

1. Советское прошлое в памяти россиян. // Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения № 612. 18.01.2007 <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3864.html>. Дата обращения к ресурсу 11.11.2009
2. Афанасьева, Л.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян. / Л.И. Афанасьева, В.И. Меркушин // Социс, 2005, №5. С. 11-22
3. Гудков, Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян / Л. Гудков // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре, 2005, №2-3 (40-41). С. 46-58
4. Веремеев, Ю. Оплата воинского труда. Денежное содержание советских военнослужащих. / Ю. Веремеев // Анатолия армии. // <http://army.armor.kiev.ua/hist/finansy.shtml>. Дата обращения к ресурсу 10.11.2009
5. Саранов, В. Бухгалтерия победы. / В. Саратов // Газета «Версия». 24.02.2005

6. Богданова, Е. Советская традиция правовой защиты, или В ожидании заботы / Е. Богданова // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре, 2005, №1 (39). С.76-83

7. Физелер, Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе / Б. Физелер // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре, 2005, №2-3 (40-41). С. 290-297

8. Речинский, С. Был месяц май... Куда подевались миллионы инвалидов Великой Отечественной? / С. Речинский // <http://invak.info/content/view/7862/1> Дата обращения к ресурсу 06.11.2009

9. Никифоров, Н. Неперспективные люди с острова Валаам / Н. Никифоров // Российская газета, 01.08.2001

10. Чуева, Е. «Мир после войны»: жалобы как инструмент регулирования отношений между государством и инвалидами Великой Отечественной войны. / Е. Чуева // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985 / Под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», 2008. С. 96-120

11. Шипік, Н.Ф. Фронтовики та інваліди війни у соціалній структурі сталінської області в перші повоєнні роки / Н.Ф. Шипік // http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2009_17_18/09shipik.htm Дата обращения к ресурсу 10.11.2009

12. Кондратьев, В.Л. Парадокс фронтовой Ностальгии. / В.Л. Кондратьев // Литературная газета, 1990, №19(5293). С.9

13. Гажев, Б. От ВТЭК до МСЭ, или «... Как всегда» / Б. Гажев // Нева, 2007, №4. С. 216-218

14. Ярославская-Смирнова, Е.Р. Советская социальная политика и повседневность, 1940-1985 / Е.Р. Ярославская-Смирнова, П.В. Романов, Н.И. Ловцова // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985 / Под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», 2008. С.7-32

15. Богданова, Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» / Е.А. Богданова // Журнал социологии и социальной антропологии, Том IX, 2006, №1 (34). С. 77-90

16. Как это было. Очерки истории инвалидного движения в России и создания ВОИ. // Журнал Индекс/Досье на цензуру, 2008, №28 / www.index.org.ru/journal/28/kakbylo.html Дата обращения к ресурсу 1.10.2009

17. 60 лет назад. Российский Комитет ветеранов войны и военной службы // <http://www.pobeda-60.ru> Дата обращения к ресурсу 11.11.2009

18. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. / С.Г. Кара-Мурза // http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm Дата обращения к ресурсу 6.11.2009

19. Осипов, Г.В. Значение подвига советского народа. / Г.В. Осипов // Социс, 2005, №5. С.9-10

20. Гольденберг, И.А. Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки. / И.А. Гольденберг // Социс, 1995, №4. С. 14-27

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Информационно–управленческая концепция социальных институтов

Дуран Т.В., Костин В.А.

Показано, что социальный институт представляет собой определенный тип управления человеком (управление, самоуправление или их сочетание), который включает в себя следующие элементы: взаимодействующие субъекты, содержание института, границы института, мотивы. Выявлена специфика метапрактических, оценочных, косвенных социальных институтов.

Ключевые слова: социальный институт, содержание института, граница института, метаинституты, практические институты, специализированные институты.

Duran T.V., Kostin V.A.

The Information- administrative concept of the social institutes

It is shown that the social institute is the specific type of human management (control, self-guidance or their combination), who includes the following components: interacting actors (subjects), content of institute, boundaries of institute, motives. It is shown the specific character of metapractical, estimated, indirect social institutes.

Keywords: social institute content of institute boundary of institute, metainstitutes, practical institutes, specialized institutes

В современной науке широко используется понятие «социальный институт», которое по степени охвата сфер общественной жизни приобрело фактически статус общенаучной категории. Процесс роста масштабов применения этого понятия сопровождается обогащением его видов, функций, выявлением новых признаков социальных институтов¹. Вместе с тем процесс развития теории социальных институтов имеет главным образом экстенсивный характер, не предполагающий осмысления самой нормативной парадигмы, в рамках которой осуществляется приращение знания о социальных институтах.

Понятие «социальный институт», будучи заимствовано из юридической науки, до сих пор сохраняет свое юридическое значение как некоего правила (образца) поведения, хотя выявление многообразия мира соци-

альных институтов приводит к выявлению неполноты их нормативистской интерпретации.

Осознанию этого обстоятельства препятствовало (и до сих пор препятствует) существование конкурирующих теорий относительно природы социальных институтов. Внимание исследователей в этих условиях было больше обращено на обоснование правоты той или иной гипотезы, а не на определение степени ее совершенства. Альтернативными теориями институтов, как известно, выступали организационная и деятельностная. В организационной теории в качестве социальных институтов рассматривают различные учреждения: политические, экономические, образовательные, культурные, религиозные, при этом понятия «институт», «организация» и «учреждение» используются как синонимы. Особенно характерно это для анализа религии. Речь идет о сознательно созданных учреждениях, выполняющих определенные функции. Как важнейший элемент социального института рассматривается группа людей. Такое понимание социального института уходит корнями в традиции отечественной литературы марксистского направления².

Достаточно распространенным в отечественной литературе является понимание социальных институтов как устойчивых форм организации общественной жизни и деятельности людей. В 70–80-е гг. XX в. сторонниками данного подхода в качестве социальных институтов рассматривались такие целостные подсистемы общества, как производство, наука, искусство, семья и т.д. Данная позиция представлена и в современной отечественной социологии. Так, в «Российской социологической энциклопедии» под социальным институтом

понимаются «...относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества»³.

Трактовка института как организации, учреждения (или группы людей) сталкивается с той трудностью, что в этом подходе значение термина «институт» оказывается тождественным понятию «организация». Данная ситуация противоречит логике функционирования научного языка, который требует однозначности терминов и понятий.

Интерпретация института как устойчивой формы или вида деятельности с теоретической точки зрения на первый взгляд кажется безупречной, поскольку на обозначение этого содержания не претендует какой-то другой термин. Однако она имеет концептуальные слабости, которые становятся явными, если обратиться к ее теоретическим основаниям. Выделение института как вида деятельности, как некой самостоятельной реальности, заслуживающей особого изучения, предполагает понимание этой деятельности как какой-то естественной исторической реальности, обладающей своей логикой функционирования и развития. Иными словами, деятельность понимается как подчиненная объективным законам функционирования и развития. Из такого подхода вытекает, что мы можем понять устойчивые виды деятельности (институты), отвлекаясь от сознания и воли людей. Приобретший в XIX веке статус парадигмы, этот подход был широко представлен в позитивизме и марксизме, и занимает до сих пор прочные позиции в отечественном социологическом знании.

В настоящее время происходит переосмысление концепции обще-

ственных законов, в частности, концепции законов развития. Последняя оказывается определенной формой фатализма и финализма, ей противопоставляется понимание развития как многовариантного процесса, субъектом которого выступают не объективные законы развития, а сами люди⁴. Действия людей, как известно, опосредованы целями, нормами, правилами, поэтому они не являются самоорганизующимися, как это имеет место в естественных процессах, происходящих в природе. Таким образом, новая концепция социального развития «работает» на концепцию института, под которым понимаются нормы и правила поведения. Устойчивость деятельности определяется нормами и правилами. Более детальный анализ распространенности парадигм социального института представлен в работе Д.П. Гавра «Социальный институт»⁵.

К настоящему времени большинство исследователей осознано преимущества нормативистского подхода, уяснило ограниченность других гипотез. Как отмечает П. Штомпка: «в свое время мы отошли от рассмотрения организаций или структур в качестве определенных реальных объектов, придав им атрибутивное значение, в котором они предстают как определенные сложные особенности, характерные признаки, свойственные социальным объектам, нормативное понятие «институт» также отличается от обыденного предметного, отклоняясь от него в направлении большего абстрагирования. В таком смысле «институт семьи» – это уже не группа людей, живущих вместе под одной крышей, но набор норм и ценностей, которые регулируют эту особенно важную и универсальную сферу человеческой жизни...»⁶.

Отмеченное понятийное уточнение явилось не просто возвратом к нормативной трактовке институтов, последняя была обогащена определенной классификацией социальных институтов. В теоретической социологии существуют два важнейших основания для выделения институтов: это различные общности, которые регулируются институтами (например, семья, политические, экономические, конфессиональные и другие объединения), и социальные статусы. «Набор ценностей и норм, связанных с определенной социальной позицией, приписанный этой позиции и требуемый от каждого, кто эту позицию занимает, называется социальной ролью»⁷.

Признание нормативистского подхода в качестве наиболее конструктивной теории социального института имеет место не только в социологической, но и экономической науке. Так, И. В. Розмаинский дает следующую обобщенную характеристику экономического институционализма. «Институционализм – направление в экономической мысли, делающее главный акцент на анализе институтов. Под институтами «в первом приближении» следует понимать правила и принципы поведения («правила игры»), которым следуют люди в своих действиях. Оговорка «в первом приближении» делается ввиду того, что в разных течениях институционализма этот ключевой термин трактуется несколько по-разному»⁸.

Тем не менее аргументы в пользу нормативистской парадигмы, ее явных концептуальных преимуществ все не означают ее завершенности, ее теоретической закрытости. В связи с этим мы хотели бы выделить два аспекта дальнейшего развития этого понятия. Первый представляет собой

уточнение его сущности, в частности, осмысление того, что же представляет собой «правило поведения», второй – уточнение областей его применения, а именно, применения понятия «социальный институт» для описания интеллектуальных видов деятельности, поскольку в современных условиях институты связываются только с правилами, регулирующими практическую деятельность.

По поводу первого аспекта, связанного с интерпретацией социального института как правила поведения, необходимо иметь в виду, что сам термин «правило поведения» никак не определяется, он постигается на интуитивном уровне. Эта ситуация озадачивает сама по себе, поскольку важнейшее понятие науки, к тому же используемое для определения другого понятия, оказывается неопределенным. Неопределенность исходного понятия – «правило поведения» – отнюдь не способствует достижению ясности в понимании различных видов институтов.

Теория правовых норм сложилась еще при монархических формах правления, в которых акцент делался на осмыслении обязанностей подданных. Осмысление этого вида норм и получило отражение в теории нормы. Обязанность представлялась как правило поведения, за нарушение которого следуют санкции. Позднее возникает теория прав человека, которую пытались осмыслить в рамках сложившейся теории норм, что привело к различным противоречиям.

Многие авторы при объяснении прав человека следуют такой логике: права человека – это социальные институты, а поскольку всякий социальный институт – это нормы, то права человека – это тоже нормы. Так, в юридическом словаре отмечается «Права чело-

века – совокупность правил, характеризующих правовой статус гражданина...»⁹. Термин «правило» в юридической науке – это синоним понятия «норма». Вследствие этого получается, что права человека – это нормы, а поскольку они характеризуют юридический статус человека, то это нормы, созданные государством. Но именно это последнее и отрицается сторонниками теории естественных прав человека. Нормативистская трактовка прав человека, таким образом, порождает проблему, которая существует уже достаточно давно и проявляется в виде существования альтернативных концепций прав человека, отсутствия однозначности в их интерпретации.

Проблема, на наш взгляд, возникает вследствие сведения всех социальных и правовых институтов к предписывающим институтам, к обязанностям. На деле же наряду с предписывающими институтами существуют дескриптивные (описательные) и оценочные институты. Права человека как раз и представляют собой дескриптивные институты.

Социальная норма – это способ ограничения свободы субъекта путем предписания ему идеальной модели деятельности. Норма как способ ограничения вариантов поведения отличается от чисто физических способов ограничения свободы. Тем самым нормативная регуляция неявно предполагает, что человек – свободное существо, что в одной и той же ситуации он может поступать различным образом. Поэтому нормы-обязанности следует отличать от прав, последние не предписывают действий, а, напротив, фиксируют перечень их видов, относительно которых субъект обладает свободой выбора, которые оцениваются как свободные. Свободу нельзя предписать как

некое правило поведения, свобода – это способность субъекта, которую можно признавать или не признавать. Признание свободы приводит к необходимости фиксации ее границ, за пределами которых свобода одного лица приводит к нарушению свободы другого. Это описание границ поступков в виде прав субъекта выступает дескриптивным институтом. Доказательством существования дескриптивных институтов выступают санкции за нарушение границ прескриптивных институтов, в частности, можно указать на санкции за превышение власти, превышение полномочий, меры защиты. Такого рода наказания преследуют субъекта не за само по себе действие, поскольку в установленных рамках оно не наказуемо, а за нарушение социальной границы норм.

Границы прав представляют собой элемент дескриптивного института, то есть модель границы действия, отклонения от которых наказуемо. Чтобы уточнить эту идею, приведем другие примеры дескриптивных институтов. В качестве важнейшего их вида выступают различные показатели безопасности. Например, существует понятие финансовой безопасности коммерческой организации, которое зависит от соотношения собственных и заемных средств, продовольственной безопасности страны и другие. Во всех этих видах деятельности существуют их количественные значения, которые обеспечивают устойчивое функционирование предприятия или страны. Это факты известные. Вопрос лишь в том, как понимать эти количественные параметры: являются ли они придуманными властью или членами организации, или они являются объективными, а потому выявляемыми. Мы полагаем, что эти показатели объек-

тивные, они фиксируются исследователями, они описывают социальную реальность. Однако, будучи познанными, эти показатели могут принимать правовую форму, они предписываются как эталонные состояния для руководителей организаций и органов власти.

Аналогичную ситуацию мы имеем и в случае с границами прав. Они тоже являются объективными, а стало быть, познаются, а не конструируются. Однако, будучи познанными, они тоже приобретают форму закона, то есть предписываются для членов общества.

Другое дело, что познание этих институтов не всегда обособлено от их предписания властью. Разведение познания дескриптивных институтов и их предписания – результат абстракции, фиксирующей в отдельной форме те процессы, которые в реальности могут протекать слитно. В реальности один закон о правах субъекта может сменять другой закон, что создает иллюзию того, что все предписывается государством. Однако смена законов может быть признанием того, что первый закон неадекватно описывал права. Иными словами, выявление границ прав осуществляется методом проб и ошибок.

Другой аспект этого примера состоит в том, что институт представляет собой не модель действия, а модель одного из свойств деятельности, ее определенную величину, или модель параметра деятельности. Этот аспект существования социальных институтов совершенно не учитывается традиционной теорией норм, а, стало быть, и институтов. Теоретики права не сталкиваются с этой реальностью, поскольку она выступает предметом других разделов знания, в частности, социологии, экономики, которые оперируют не

только качественными понятиями, но и количественными.

В случае прав мы сталкиваемся с качественным социальным институтом – границами права, который, являясь описательным по сути, предстает в виде закона, создаваемого государством. Именно эта форма предписания служила и служит основой для ряда теоретиков в качестве методологической позиции трактовки прав как велений государства.

Признание существования дескриптивных институтов позволяет найти ключ к решению давнего спора между сторонниками теории естественного права и легистами.

Напомним, что с позиций сторонников первой теории права человека трактуются как возникшие безотносительно к деятельности государства, как предшествующие его появлению. Теория позитивного права исходит из того, что права и свободы – продукт государственной деятельности, его важнейшие установления, благодаря которым осуществляется регулирование деятельности и отношений людей.

Решение этой проблемы возможно посредством определения, с помощью какого вида институтов осуществляется регулирование прав и свобод. Из дескриптивных институтов следует, что права не являются совокупностью норм. Права, если их рассматривать в контексте социального управления, связаны с тем, что субъекты социальной жизни стремятся руководствоваться не обязанностями, а собственными целями, которые предполагают оценку ситуации и выбор желательного для субъекта варианта действия. Государство может лишь признавать (оценивать как положительные) или не признавать (оценивать как отрицательные) эти стремления,

содействовать или препятствовать их реализации. Права есть признанная свобода, а не какая-то норма, и свободу как способность личности государство создать не может. Именно на это обстоятельство и обращали внимание создатели и сторонники теории естественного права. Напомним, что, по мнению Дж. Локка, право – это свобода следовать своему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от постоянной, неопределенной, неизвестной, самовластной воли другого человека¹⁰.

Однако сама по себе свобода – это еще не право, это скорее объект права. В таком случае возникает вопрос: как она учитывается и признается государством, какова та институциональная форма, которая обслуживает функционирование первичных прав и свобод человека?

Мы уже показали, что государство должно признать права как реальность, установить границы, в которых оно признает то или иное право и наказывать тех, кто нарушает эти границы. Установление границ, опирающееся на познание, принимает форму установления государства.

Действия со стороны государства по защите свободы, фиксируемой в институтах свободы, – это уже обязанность государства, которая выражается в прескриптивных институтах. Тем самым институты свободы включают описание свобод, фиксируют меру свободы и обязанности государства по их защите. По всей видимости, такая мера не является одинаковой для всех времен, а имеет историческое содержание.

Поскольку права представляют собой специфический институт, возникает необходимость в обо-

щении понятия «социальный институт», выделении всеобщих его элементов, преодолении противоречий существующей нормативной теории института.

Общеизвестно, что в юридической науке в составе норм выделяются три инвариантные части - диспозиции, гипотезы и санкции. Гипотеза указывает на круг лиц, а также на обстоятельства, при которых реализуется диспозиция, диспозиция - само правило поведения, которое состоит из прав и обязанностей участников правовых отношений, санкция указывает на меры государственного принуждения, которые применяются к нарушителям правовых норм¹¹.

Нетрудно заметить, что норма трактуется как элемент самой себя. То есть, если норма - это правило, то она сводится к диспозиции, но почему тогда норма как интегральное образование, включающее три элемента, сводится к одной составляющей?

Понятно, что норма не может состоять из самой себя и чего-то другого. Это серьезное противоречие, которому просто не придается надлежащего значения. Другими аспектами противоречия является то, что санкция рассматривается как элемент нормы. Но санкции - это внешние действия, которые применяются в случае нарушения нормы, они не могут быть элементами нормы, хотя, безусловно, связаны с ними. Учитывая отмеченные противоречия, следует отметить, что существуют серьезные основания для развития теории юридических норм как вида социальных институтов.

В содержательном смысле необходимо заменить термин «правило» на теоретически осмысленный и прозрачный конструкт, который бы опирался на современ-

ные представления об обществе, на категориальный аппарат социологического знания. Нам представляется, что решить отмеченные задачи возможно, если использовать для этого два фундаментальных понятия: «виды управления» и «социальный субъект».

В правилах как элементах нормы предписываемые действия выражены в виде некоей идеальной модели действий, в виде информации о действиях, а не в виде самих действий. Действия возникают, если субъект реализует эту идеальную модель действий. Иными словами, правило - это предписывающее знание, обращенное к определенному субъекту, который находится в определенной ситуации. Причем предписывающий характер имеет не только правило, но и все другие элементы нормы: предписывается ситуация, в которой действует правило, предписаны санкции, которые должны применяться к людям, не выполняющим предписаний.

Природа этого предписывающего знания не осознана в полной мере, теоретики зачастую не различают описательного и предписывающего знания. Так, В.К. Бабаев верно отмечает, что норма представляет собой модель регулируемых общественных отношений. Введение понятия «модель» позволяет провести различие между действиями и нормой как идеальной моделью этих действий. Однако автором не проводится различия между описывающими и предписывающими моделями. Он пишет: «Моделирование - это процесс познания природных и социальных явлений путем конструирования в сознании аналога социальной реальности. Мысленно сформулированный законодателем тот или иной вариант идеального поведения, представления о соци-

альных явлениях облекается в форму модели»¹².

Учитывая различие предписывающего и описательного знания, социальный институт можно определить как идеальную модель вида управления или модель параметра вида деятельности какого-либо субъекта в конкретных условиях, которые признаются государством или обществом и охраняются ими.

О каких же видах управления идет речь? Имеется в виду два фундаментальных вида управления: самоуправление и внешнее управление. Самоуправление – это способность личности или группы самостоятельно принимать и осуществлять управленческие решения. Внешнее управление характеризуется тем, что субъекты реализуют решения, которые приняты другими субъектами: государством, менеджерами, органами местного самоуправления.

Самоуправление как тип управления задается и регламентируется посредством институтов прав, внешнее управление – посредством обязанностей или норм. Права – это институты, которые признают существование самоуправления субъекта. Обязанности – это институты, в которых субъекту предписано определенное поведение.

Любой конкретный институт существует не сам по себе, а представляет собой элемент институционального комплекса. Институциональный комплекс включает в себя три важнейших элемента: субъекта, устанавливающего и охраняющего институты, сам институт, и субъекта, деятельность которого регламентируется институтом.

Наличие субъекта, устанавливающего институт – это обязательное условие его возникновения и существования. Возникновение института – это либо его проектирование, либо тиражиро-

вание уже известного образца поведения.

Субъект, устанавливающий институты, находится в сложных отношениях с субъектом власти, он может либо совпадать с ним, либо нет. В последнем случае действия устанавливающего институты субъекта могут получать признание со стороны субъекта власти. Если такое признание отсутствует, будет иметь место противоборство между субъектами института и власти, что приведет в конечном итоге к формированию двух центров власти: государственной и институциональной.

Субъект, предписывающий институты, является важнейшим элементом институционального комплекса, необходимым условием его дееспособности является информация о его правомочности.

Информация может быть неявной, но она не менее значима, чем другие аспекты института. Чем же обусловлена необходимость этого информационного аспекта? Прежде всего, властными отношениями, в которые включены субъекты, исполняющие нормы. Дело в том, что субъекты, реализующие правовые нормы, признают лишь те из них, которые изданы публичной властью, то есть властью, признанной в качестве законной. Если же власть не признана данными субъектами в качестве законной, то и изданные ею нормы не будут признаны. Так, законы французской республики не являются нормами для россиянина, как, впрочем, и наоборот. Или нормы, изданные одной государственной системой управления, не будут признаваться другой, пришедшей ей на смену. Например, советская власть отметила нормы, закрепляющие самодержавие как политический строй. Постсоветская система отменила законы о

собственности, действующие в СССР, и т.д. В силу сказанного становится очевидным, что теория власти не является автономной от теории норм. Введение четвертого элемента института, которым является информация о субъекте, издающем норму, позволяет более конкретно рассмотреть различия между нормами.

Если в правовых институтах (выступающих в виде норм, обязанностей) его субъект чаще всего легко опознаваем, то с другими видами институтов ситуация сложнее, здесь возможны исторические фальсификации, когда отдельные лица или организации подделывали или подделывают документы от имени властных субъектов.

Субъект, действия которого регламентируются институтами, также необходимый элемент институционального комплекса. В этом отношении следует отметить, что конкретный социальный институт непосредственно обращен к конкретному субъекту, индивидуальному или групповому, однако неявно он предполагает и других субъектов, поскольку институт регулирует отношения между различными субъектами. В явной форме другие субъекты возникают тогда, когда речь идет о регулировании отношений между субъектами. Средствами такого регулирования являются не отдельные институты, а система социальных институтов.

Для характеристики института как некой идеальной модели поведения, его аналитического описания необходимо рассмотреть ряд понятий, как минимум - четырех: содержание института, границы института, мера свободы субъекта, к которому обращен социальный институт, мотивация субъекта, к которому обращен социальный институт. При использовании термина «норма» такая

аналитика отсутствует, норма в качестве диспозиции трактуется как некое неделимое образование, поэтому необходимо дать краткую характеристику этих элементов.

Содержание института - это совокупность действий, отношений, эталонов, включенных в институт. Действия являются содержанием таких институтов как права и обязанности, эталоны характерны для метаинститутов, о которых речь пойдет ниже. В свою очередь, с точки зрения совокупности действий институты различаются на простые и сложные. К простым относятся те, которые включают в себя одно либо два действия.

Одно действие может иметь место в сфере обязанностей, а два действия - в сфере прав. Такие обязанности и права можно назвать элементарными. Примерами элементарных видов прав являются такие служебные права, в которых субъект может совершить какое-либо действие, либо воздержаться от него. Воздержание от действия, как известно, тоже признается действием, таким образом, у субъекта имеется выбор между действием и воздержанием от него. Понятно, что не все права таковы, так, право на жизнь вряд ли можно свести к двум действиям. Сложные институты в социологии получили название ролей.

Границы - это те условия, при которых данный институт считается действительным. Границы социального института тоже неоднозначны. Их можно рассматривать с различных точек зрения. Наиболее фундаментальными характеристиками границ следует считать качественные и количественные. Качественные границы - это указание на совокупность условий, при которых действителен институт, количественные - указание на численные параметры. В юридической и

социологической литературе обращается внимание на качественные границы, которые получили отражение в понятии «диспозиция». Однако количественные границы не менее важны. Изучение их видов и роли – это важный аспект современного изучения социальных институтов. К числу наиболее важных количественных ограничителей действий относятся прямые и косвенные. Прямые ограничители фиксируются во временных показателях (продолжительность действия, объем действия), косвенные – в параметрах субъектов, на регламентацию которых направлен социальный институт. Косвенные ограничители указывают, как правило, на уровень образования, умений и навыков. Таким образом, граница института – сложное понятие, которое складывается из условий и содержания социального института.

Мера свободы – это вид управления, который установлен в отношении данного института для данного субъекта. Мера свободы может быть либо нулевой, когда субъект должен следовать жестко заданному алгоритму действий, либо реальной величиной. В первом случае мы имеем с обязанностями, во втором случае субъект обладает определенной свободой, то есть возможностью выбора каких-то действий.

Важной составляющей института является мотивация на реализацию модели поведения, содержащейся в институте. Этот аспект социального института не получил отражения в их современных трактовках, он подменен понятием санкции. Как отмечалось выше, санкции – это элемент внешнего управления, выражающийся в воздействии субъекта, устанавливающего институты, на субъекта, который их нарушает. Однако вопрос заключается в том, что необходимо выявить мотивы субъекта,

к которому обращены институты, понять, побуждает его следовать институтам. Санкция сама по себе мотивом быть не может, тем более что, как показывает практика, далеко не все субъекты реагируют на санкции.

Если институт представляет собой регулятивную модель, то должна быть и мотивация, побуждающая к реализации этой модели. Однако ответ на этот вопрос неочевиден. В случае, если субъект ставит цели, то побудительные силы к реализации цели – это желания самого субъекта достичь результата, зафиксированного в целевом образе. Но что же заставляет следовать модели поведения, зафиксированной в социальном институте?

При рассмотрении институты как норм мотивом служит оценочное решение субъекта-исполнителя следовать этой норме. То есть, имеет место определенная рациональная оценка санкций, а именно: «нужно», «должно», которые меняются субъектом самому себе. Рациональные оценки отличаются от сенсуалистических мотивов, от желаний, они связаны с феноменом воли.

В том случае, когда субъект не принимает таких решений, он игнорирует институты, в результате чего имеет место аномия, а не институциональное поведение. Таким образом, рациональная мотивация исполнителя превращает абстрактный регулятивный образ-норму в институт.

Однако, помимо институтов-обязанностей существуют и институты – права. В отношении отмеченных институтов также существует определенная мотивация, но она достаточно специфична. В чем же ее специфика?

Дело в том, что в случае, когда речь идет о правах, субъект может выбирать действия, то есть руководствоваться своими желаниями,

а не долгом. Но при этом возникает вопрос: почему тогда право понимается как институт, а не как цель?

Ответ на этот вопрос можно дать, если учитывать существование границы правового института. Внешним субъектом предписывается именно граница свободы, а потому и санкции налагаются за нарушение границы, установленной меры свободы. Причем санкции направлены как против субъектов, которые нарушают меру свободы «изнутри», так и против субъектов, нарушающих ее «извне». В силу этого и мотивация субъекта, обладающего той или иной свободой, имеет двойственный характер. В рамках установленной свободы он руководствуется своими желаниями, однако должен их ограничивать, если они выходят за установленную границу. Отмеченное долженствование - это элемент нормативной регуляции, форма самоограничения субъекта.

Неопределенность понятия «правило», используемого для выявления содержания норм, не позволяла сформулировать собственные признаки, на основе которых следует выделять социальные институты. Существующие классификации институтов основываются на внешних основаниях: на различии субъектов, создающих институты, различиях санкций, сферах социальной жизни и т.д. Безусловно, эти основания существенны, не лишены значимости, проблема заключается в другом: данные основания не позволяют различать виды институтов по такому их важнейшему признаку, как диспозиция.

Термин «правило поведения» явно или неявно предполагает, что нормы и институты связаны с практическими действиями, поскольку поведение трактуется как внешний аспект деятельности. Но это означает, что другие виды социальной деятельности, в частно-

сти, духовные, никак не связаны с институтами. Однако такое предположение вряд ли правомерно при социологическом анализе социальных институтов. Ограничение сферы институтов практической деятельностью может быть оправдано в праве, которое связано с регламентацией именно внешнего поведения. Следует отметить, что некоторые социологи фиксируют, что нормы не ограничиваются сферой практической деятельности. Так, А.И. Кравченко считает, что: «Нормы суть некие идеальные образцы (шаблоны), предписывающие то, что люди должны говорить, думать, чувствовать и делать в конкретных ситуациях»¹³. Этот верный тезис требует дальнейшего развития и конкретизации.

На наш взгляд, для конструктивного изучения вопроса о сфере применения социальных институтов и их видах необходимо рассмотреть виды социальной деятельности, отличающиеся своими результатами. С этой точки зрения можно выделить три вида деятельности: практическую, оценочную и познавательную.

Практическая деятельность может детерминироваться либо целями, представляющими собой вид предписывающего знания, и положительной мотивацией, о чем уже говорилось выше, либо моделями поведения в виде прав и обязанностей. Обязанности представляют собой прескриптивные институты, поскольку они предписывают некое поведение. Что же касается прав, то здесь существует значительная специфика, права не следует отождествлять с обязанностями как моделями поведения.

Таким образом, выявление действительных черт права как социального института позволяет преодолеть его нормативную трактовку, предложить более широкую теорию социальных институтов,

которую в предварительном варианте можно назвать информационно-управленческой. Информационно-управленческая концепция социальных институтов основывается на теории современного социального управления, основными положениями которой являются следующие.

Социальное управление представляет собой:

1) способность информации дегтерминировать действия. Эта способность присуща всем видам управления, у человека это способность действовать на основе информации;

2) деятельность, направленную на выработку программ, их реализацию – это свойственно только человеку;

3) отношение, связанное с разработкой и реализацией управленческих решений.

Отношение между этими аспектами управления следующее: управление как способность является условием управленческой деятельности, без первого нет второй. Действительно, если бы цели не оказывали влияния на поведение людей, тогда бы и не было смысла их разрабатывать и доводить до исполнителей. Важность такого аспекта управления, как способность действовать на основе информации, вовсе не очевидна, однако она наглядно проявляется в тех случаях, когда человек утрачивает эту способность. Например, в случаях целого ряда психических заболеваний человек утрачивает способность руководствоваться информацией, решениями, какими бы хорошими и разумными они ни являлись.

С другой стороны, цели сами по себе не изменяются, поэтому необходима деятельность по их созданию, что и представляет собой функцию управления. Управление как способность может существовать без управления как

деятельности, например, на уровне клетки, где генетическая программа не создается клеткой и не контролируется ею.

Виды человеческой деятельности с точки зрения их ролевой составляющей можно разделить на два вида:

- управленческие;
- исполнительские (энергетически-распределительные).

Управленческие действия связаны с выработкой решений и контролем над их реализацией. Конкретным результатом действий по выработке решений является выработка целевых образов и представлений о путях их достижения. Контроль над реализацией означает способность руководствоваться этими планами, корректировать их в случае необходимости.

Управление как способность – это еще неразвитое, неполное управление. Полное управление представляет собой наличие такой способности, плюс к ней – двойного вида деятельности: по выработке решений и их исполнению.

На уровне человека проявляется способность создавать программы, посредством которых он регулирует деятельность – как свою, так и других людей. Человек является свободным существом, поскольку определяет свои действия.

При этом нужно иметь в виду, что деятельность по созданию программ и их исполнению может быть по-разному распределена между субъектами. Причем возможны два варианта такого распределения. 1. Создание программ и их исполнение соединено в одном лице (или лицах), в таком случае имеет место самоуправление. 2. Создание программ осуществляется одними людьми, а их реализация – другими, в таком случае имеет место профессионализация управления и исполнения.

В этих случаях мы также имеем дело с управленческими отношениями. Управленческие отношения – это равенство или неравенство людей относительно управленческих решений. Неравенство как тип отношений проявляется в том, что одни субъекты принимают решения, а другие их исполняют. Равенство как тип отношений заключается в том, что субъекты участвуют в разработке решений и их реализации.

Управленческие отношения выступают в двух видах: институционализированном и неинституционализированном. Институционализация управленческих отношений заключается в том, что равенство или неравенство субъектов отношений устанавливается и охраняется правом. Одни субъекты наделяются правом на принятие решений, другие обязаны эти решения выполнять. Так, собственник имеет право на принятие решений, работник, чаще всего, нет. Неинституционализированный вид управленческих отношений проявляется неформальным образом, через механизм лидерства. Лидер – это лицо, которое принимает решения, а последователь их реализует.

Управляющие программы могут выступать в различной форме: системе целей (планов), системе институтов или их сочетаниях¹⁴.

Информационно-организующая концепция социальных институтов позволяет не просто по-другому объяснить известные институты, но и выявить ряд новых, которые не принимались во внимание ранее. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на такие два вида институтов как практические и метапрактические.

Практические институты, будучи разнообразными по содержанию, тем не менее обладают общим признаком, они регулируют

практическую деятельность людей. Содержание метапрактических институтов представлено в виде требований, которым должны отвечать практические институты (действующие нормы, регулирующие деятельность людей). Форма требования означает, что эти институты ориентируют на поиски нужных институтов, но сами по себе они в качестве практических институтов выступать не могут.

Что же представляют собой метапрактические институты? Наиболее существенные их особенности выражены тремя аспектами: 1) содержанием институтов, 2) происхождением институтов, 3) формой их существования.

Происхождение метапрактических институтов не тождественно генезису конкретных практических институтов. Практические институты формулируются конкретными общностями, носителями властных полномочий. Метапрактические институты формулируются, как правило, отдельными личностями, способными к абстрактному мышлению, однако, возникнув, они усваиваются этносами, большими группами людей, передаются из поколения в поколение, существуют как культурный феномен. С точки зрения способа своего существования они аналогичны обычаям и традициям, хотя по своему содержанию отличаются от них, поскольку выполняют иную роль. Отдельный индивид осваивает эти элементы культуры через воспитание и образование. Все сказанное относится и к представителям различных органов власти. Поэтому те или иные члены общества, находящиеся на службе государства, также находятся под властью этих метапрактических институтов. Следование данным институтам в процессе осуществления действий может проявляться как бессозна-

тельно, так и в виде убеждений, сознательного воплощения тем или иным индивидом этих требований.

Функции метапрактических институтов различаются применительно к действиям населения и представителей публичной власти. Если для населения они в основном составляют базу для оценки практических норм или возникновения новых форм поведения, то для представителей публичной власти они могут служить инструментом выработки практических публичных институтов, поскольку только субъекты, обладающие властью, имеют право на принятие публичных решений.

Еще одна особенность метапрактических институтов заключается в том, что они выступают, не обладая статусом управленческих решений или законов, как это имеет место в отношении практических институтов, мотиваторами различных действий.

Сила этих институтов заключается не в том, что они освящаются волей государства, а в той степени убежденности, с которой их исповедуют представители той или иной социальной общности. В обществе всегда присутствуют носители различных типов метапрактических институтов, стремящихся воплотить их в жизнь, хотя не все они равнозначны. Таким образом, метапрактические институты выполняют мотивационную функцию, побуждают людей к совершенствованию практических институтов.

Мотивирующая функция метапрактических институтов может проявляться по-разному: либо в признании содержания данного института как справедливого, либо в непосредственном побуждении к действиям в следующих случаях:

- конкретные институты отсутствуют;
- конкретные институты противоречат друг другу;

– конкретные институты оцениваются как неприемлемые.

Метанормы не являются однородными, можно выделить два их альтернативных вида: эгалитаристские и анти-эгалитаристские. Смысл эгалитаризма заключается в признании равенства всех членов общества перед законом, равной ответственности, равных прав. Анти-эгалитаризм – это противоположная позиция, которая заключается в ориентации на юридическое неравенство членов общества: неравные права для разных слоев, вплоть до лишения прав, неравная ответственность. Такого рода принципы доминировали в истории вплоть до Нового времени.

Среди практических институтов существует такой их вид, который по своей роли призван обеспечивать качество норм-обязанностей. Этот вид институтов представлен различными стандартами деятельности.

Стандарты многообразны, можно выделить технические, человеческие, организационные их виды. Специфика стандартов заключается в том, что их содержание не становится обязанностью, как это имеет место с действиями. Однако можно вменить в обязанность пользоваться каким-либо стандартом, использовать его как инструмент деятельности.

Так, в сфере профессиональной деятельности существуют стандарты, которым должны отвечать претенденты на различные должности. Например, претендент должен иметь определенный уровень профессионального образования, стаж, возраст. Отмеченный набор признаков выступает основой для отбора персонала, выполняет оценочные функции, поскольку на его основе выявляется, соответствует кандидат должности или нет. Содержание стандарта – это не действие, это на-

бор свойств, которые должны учитываться. Однако стандарт – это институт, поскольку в случае игнорирования его при отборе персонала лица, ответственные за эту функцию, подвергаются санкциям. То есть стандарт защищается в качестве инструмента деятельности, причем он может отсутствовать при осуществлении этой деятельности. Стандарты, предъявляемые к человеку, можно назвать субъектными институтами.

Субъектные институты имеют форму: если Д, то С_{а.б.д.}, которая читается следующим образом – если необходимо осуществить деятельность (Д), то осуществляющий ее субъект должен обладать свойствами а.б.д. Например, претендент на должность президента должен быть гражданином страны, иметь высшее образование и опыт работы в органах власти.

Еще один пример стандарта – это требования к качеству товара или услуги, которые в менеджменте получили название стандартов качества. Законодательством устанавливается, чтобы товары и услуги, производимые организацией, соответствовали установленным стандартам. Сам стандарт содержит перечень свойств, которыми должны обладать товары и услуги. В случае отклонения от стандартов также применяются санкции, не только административные, но и финансовые.

Стандарты, на основе которых к товарам предъявляются требования, можно назвать объективными. Объективные атрибутивные институты имеют вид: если Д, то Р а.б.с., иначе Д с., что читается так: если совершается определенная деятельность, то ее результаты должны обладать свойствами а, б, с. Если результат не обладает заданными свойствами, то возникают санкции.

Набор свойств, описываемых в стандарте, имеет два аспекта. Если

рассматривать этот набор свойств с точки зрения потребителей товара и услуги, то он представляет собой описание их потребности, то, что они хотели бы иметь. Если же рассматривать этот набор свойств с точки зрения производителей товаров и услуг, то он выступает институтом, который через механизм обязанностей регламентирует результаты их деятельности.

Результативность данного института не всегда однозначна. Возможны ситуации, когда есть шанс получить большие доходы, игнорируя требования стандарта. Такая ситуация провоцирует аномию, то есть не исключено, что субъекты, которым вменяется в обязанность следовать стандарту, нарушают его. Тем самым аномия, дисфункции характерны и для дескриптивных институтов.

Использование стандартов имеет долгую историю, однако они не выделяются в правовой науке как особый вид социальных институтов, тем самым осуществляется игнорирование многообразия последних. В экономической литературе проблема стандартов и нормативов также не получила окончательного решения¹⁵.

С нашей точки зрения стандарты, нормативы – это особый вид институтов. Их специфика связана с двумя признаками: 1) их содержание связано с желательными для потребителей свойствами людей, товаров, услуг, 2) они выступают в качестве критериев оценки качества действий исполнителей. Отметим, что в традиционной нормативной теории не используется понятие «качество», фактическое действие оценивается только с точки зрения его соответствия предписанному действию, такая оценка является чисто формальной.

Однако отмеченные виды социальных институтов не исчерпыва-

ют всех их видов. По-видимому, существуют основания и для выделения третьего вида институтов, которые можно было бы назвать оценочными. Оценочные институты – это оценки различных аспектов жизни, которые формулируются, охраняются, защищаются государством или сообществом людей как правильные и значимые. Объекты оценки разнообразны: знания, действия, субъекты деятельности, а также прескриптивные или дескриптивные институты.

В том случае, если объектом оценки выступают определенные знания, или представления, мы имеем дело с охраняемой государственной идеологией, за непризнание которой могут налагаться различные санкции. В теократических государствах несогласие с официальным вероучением трактовалось и трактуется как ересь и преследуется со стороны репрессивных церковных и государственных органов. В идеологических государствах санкции могут быть менее жесткими, но они неизбежно присутствуют и могут заключаться в отстранении от политической жизни тех, кто не признает официальной идеологии.

В условиях демократического государства оценочные институты вовсе не исчезают, но приобретают другой вид. Они, прежде всего, перестают быть элементом права, и выступают в виде корпоративных институтов. Оценочные корпоративные институты представляют собой положительные или негативные оценки целей, программ, событий, лиц, охраняемые посредством двояко рода средств:

– убеждений или внушений, которые применяет общность к ее членам;

– групповых социальных санкций.

Групповые социальные санкции включают в себя как минимум два

вида: коммуникативные и организационные. Смысл коммуникативных санкций заключается в прекращении общения с лицом, игнорирующим групповые оценки, а организационных – в лишении субъекта статуса члена той или иной общности. Причем степень действительности отмеченных санкций зависит от ряда факторов: статуса самой общности, к которой принадлежит инакомыслящий, степени его привязанности к группе, места, занимаемого в группе и т.д.

Особую роль оценочные институты приобретают в том случае, если их объектом выступают дескриптивные или прескриптивные социальные институты. Можно предположить, что такие институты выступают в качестве особых мотивирующих образований, то есть в качестве особых мотивов для лиц, принимающих эти оценки. В частности, принятие таких оценок ведет к тому, что отрицательная сенсуалистическая мотивация (страх наказания) замещается положительной рациональной. Субъект исполняет нормы не из-за страха, а в силу признания их для себя необходимыми.

В то же время, если у субъекта формируется отрицательная рациональная мотивация, то есть убеждение в ненужности, бесполезности, бессмысленности норм, то она ведет непосредственно к анонии, либо осторожной, либо радикальной.

Таким образом, выявление видов социальных институтов приводит к пониманию того, что прежняя общая нормативная теория институтов оказалась слишком узкой, что и обуславливает необходимость выведения такого общего определения социального института, которое бы охватывало все известные их виды. Учитывая существование выделенных и охарактеризованных выше социальных

институтов, к числу общих черт социального института следует отнести следующие:

– наличие образа, который либо описывает социальную реальность, либо предписывает какие-то действия или результаты, либо оценивает социальную реальность, либо устанавливает эталоны, которым должна соответствовать деятельность людей;

– признанность этого образа как правильного, полезного со стороны сообщества людей или государства;

– санкции, применяемые к лицам, которые нарушают порядок, описываемый институциональными образами.

Выделенные черты являются общими, характеризующими любой институт, а их состав свидетельствует, что ограниченность прежней теории социального института связана с его «образной» составляющей, которая сводилась к правилам поведения. Действительной общей чертой, которая учитывалась нормативистской теорией институтов, является наличие санкций. Что касается признанности образа, то она имела место в нормативистской теории, но в скрытом виде.

Таким образом, теоретический социологический анализ социальных институтов предполагает критическое отношение к правовым концепциям, в рамках которых происходило осмысление неправовых институтов. Поскольку социология имеет дело со всем множеством социальных институтов, то это позволяет уточнить общее и особенное в их содержании, выявить их новые виды, снять целый класс проблем, обусловленных узостью трактовки в рамках традиционного нормативистского подхода.

Мы рассмотрели виды институтов, порожденных многообразием способов регламентации действий,

однако вариативность институтов связана и с другими его элементами, в частности, с субъектами, создающими правовые институты. Эта проблема касается, прежде всего, исторического генезиса правовых норм. Информационная теория социальных институтов позволяет по-новому взглянуть на этот процесс.

С позиций существующей юридической теории государство является единственным субъектом правовых норм. Но если учесть, что правовые нормы являются нормами-обязанностями, без которых невозможно существование любого общества, то возникает проблема того, как можно совместить утверждение о существовании правовых норм с отсутствием государства?

Не претендуя на исчерпывающее решение проблемы, изложим свое видение. Прескриптивные институты являются единственным видом институтов, которые предписывают реальные действия в виде обязанностей, гарантируя обязательность санкциями. Если в первобытном обществе не существовало бы прескриптивных институтов, то не было бы и нормативной регуляции. Однако это последнее допущение не подтверждается фактами.

Что касается того, какой субъект формулирует эти прескриптивные институты и обеспечивает их санкциями, то здесь возможны варианты. Такими субъектами могут выступать как носители государственной власти, так и общности людей, не имеющие государственности.

В связи со сказанным следует различать специализированные и неспециализированные институты. Первые представляют собой нормы в условиях государства, которые вырабатываются и охраняются особой группой людей, о кото-

рой уже шла речь выше. Неспециализированное право – это оценки и вмененные цели, которые вырабатываются и охраняются неспециализированными социальными общностями – либо родовыми группами, либо территориальными сообществами.

Наиболее общими чертами неспециализированного права являются:

- стихийный метод его создания, то есть метод проб и ошибок;
- отсутствие системности;
- существование на основе устного языка и тем самым отсутствие документной формы;
- осуществление санкций силами членов данного сообщества, либо живущими в этом мире, либо в потустороннем.

Можно предположить, что по своей структуре неспециализированное право имеет две части: внешнюю, связанную с регулированием отношений между членами общности, которую можно назвать социальным правом, и властное право – совокупность норм, регламентирующих отношения между членами сообщества и их лидерами.

Какова же форма неспециализированных прескриптивных институтов? В литературе этот вопрос уже затрагивался. В частности, представители исторической школы права такой формой считали обычай. По мнению Г.Ф. Пухты, обычай характеризуется следующими чертами: он предшествует закону, является самостоятельной формой позитивного права, представляет собой проявление народного творчества, доступен народному пониманию, не нуждается ни в явном, ни в молчаливом признании законодателя, является средством решения конкретных проблем. Выделение многих из приведенных черт следует признать справедливым.

Если отбросить правовой априоризм, присущий исторической

школе, то обычай предстанет не как проявление врожденных идей, а как выявление вмененных целей, которые зависят от ситуации и культуры общности, в рамках которой он возникает.

В условиях государственного общества обычай все-таки нуждается в признании законодателя, поскольку он, будучи признанным, дополняется санкциями со стороны государства, что позволяет ему успешно осуществляться, если же он не признан, то власть препятствует его реализации.

В догосударственном обществе обычай должен был признаваться общностью людей и поддерживаться санкциями со стороны членов этой общности. Но в этом последнем случае он уже не просто обычай в современном понимании, а особый вид прескриптивных норм. По-видимому, главным признаком этих норм, в отличие от современных рациональных норм, является их персонифицированный характер. Персонифицированность заключается в том, что норма выступает в виде исторического примера, иными словами, действие, совершенное в прошлом каким-либо лицом, становится эталоном для других. Причем характеристика субъекта этого эталонного поведения со временем обобщается, из конкретного субъекта он превращается в групповой, становится символом определенной группы людей. Это своего рода прецедентные обычаи. Нормы такого вида и доминировали в родовом обществе, но они не исчезают и впоследствии. Как отмечают современные исследователи, широкое распространение рациональных норм не приводит к окончательному вытеснению персонифицированных. В научной литературе отмечается: «Традиции выступают сложным и неотъемлемым элементом самоорганизующегося социума, способом накопления жизненно

важных для конкретного общества властно-правовых моделей поведения и взаимоотношений. В традиции, прежде всего, обнаруживаются, с одной стороны, такие элементы, которые являются типифицирующими факторами конкретных социальных явлений (государства, права, власти, справедливости и т.д.), а с другой – в ней присутствуют механизмы контроля и трансляции уникального социально-правового и этнополитического опыта, обуславливающего специфический культурцивилизационный тип конкретного государственно – правового пространства»¹⁶. Прескриптивные социальные институты родового общества были связаны со специфической формой публичной власти. В настоящее время публичная власть рассматривается как власть, отделенная от народа, власть профессиональная. Такой подход, безусловно, правомерен, он отражает реалии современного общества, однако он недостаточен для описания родового общества, в котором отсутствовала профессиональная власть. Для более глубокого понимания эволюции власти необходимо выделить ее исторические виды.

Анализ мифологического сознания, присущего родовому обществу, позволяет выделить еще одну форму публичной власти – власть предков. Предки – это люди, жившие ранее, они не входят в круг живых. Живые люди не могут влиять на предков, но предки влияют на живых, поскольку передают им свою культуру, включая нормы и образцы поведения, оценки. Этот факт вряд ли возможно оспорить. В родовом обществе он не просто осознавался, но и абсолютизировался, что выражалось в признании за душами предков контроля над живущими, их непосредственного воздействия на живущих.

Душам и духам приписывались огромные возможности: они управляли природными объектами и влияли на жизнь людей самым различным образом: и наказывали людей, и помогали им. Система наказаний представлялась весьма разнообразно, от болезни человека до лишения его жизни. По существу, души и духи являлись главными субъектами, осуществляющими наказания людей за совершенные нарушения норм (табу).

На этот факт уже обращали внимание многие исследователи. «В родовых кланах, племенах, процесс разработки норм приобретал мистический характер; он производился как бы от имени и за счет сверхъестественных сил. В феодальном обществе эта разработка стала предметом подлинного частного присвоения. Только с возникновением системы «этатизма» и внутри нее разработка права становится публичной функцией. Она стала осуществляться от имени и за счет организованного общества, т.е. государства. Однако критерий нормы права не сводится только к способам ее разработки, где исключительное место заняла организованная публичная власть. Это не более чем одно из «исторических» наслоений на норму права. Этот способ нормотворчества не всегда существовал и не всегда доминирует в наше время (например, иначе создается международное публичное право). Он может также измениться»¹⁷.

Однако, несмотря на мистификацию роли предков, в мифологическом сознании имеется и рациональный момент, фиксирующий то, что фундаментальные прескриптивные институты созданы предшествующими поколениями, те, кто их наследует, не может их изменять, поскольку это грозит негативными последствиями. Эти негативные последствия избоб-

ражались как деяния духов, как наказания за отступление от норм.

В заключении еще отметим главные особенности информационно-управленческой концепции социальных институтов. Социальный институт – это идеальная модель управления деятельностью человека в конкретных условиях, которая признается государством или обществом и охраняется ими. Существует несколько видов управления, а стало быть, и социальных институтов. Управление деятельностью, направленной на разработку практических институтов, связано с метаинститутами и осуществляется с помощью общих принципов: справедливости, равенства и др. Управление практической деятельностью людей происходит посредством либо прав, либо обязанностей. Управление посредством обязанностей может быть как формальным, так и учитывающим качество результатов действий, что обеспечивается посредством институционализации стандартов. Социальный институт предполагает взаимодействие людей – создающих институты и осуществляющих их. В качестве субъекта прескриптивных практических институтов в догосударственный период выступает само общество. В условиях государственного институционального творчества влияние общества на этот процесс проявляется прежде всего через формирование и поддержку определенных метаинститутов, детерминирующих действия законодателей.

Литература

1. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Социология. Социальные институты и процессы. Т. 3. – М., ИНФРА-М, 2000. Гл. 4.

2. Костина Н.Б. Религиозная общность: проблемы социологического исследования. С. 150.

3. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Изд. Группа НОРМА-ИНФРА. 1998. С. 157.

4. См. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. – М.: Логос, 2005. С. 467.

5. Д.П. Гавр «Социальный институт» (E:\Социальные институты.mht).

6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. – М.: Логос, 2005. С. 279.

7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. – М.: Логос, 2005. С. 281

8. См. E:\Экон. институционализм.htm)

9. Права человека // Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 461.

10. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 293–294.

11. Норма права. Большой юридический энциклопедический словарь. – М., 2002. С.368.

12. См.: Бабаев В.К. Лекция 12. Нормы права // megamozg@kursach.com.

13. Кравченко А.И. Социология: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2006. С. 181.

14. См. Костин В.А., Костина Т.В. Менеджмент. М.: Гардарики, 2008.

15. См. Евсенко Е. А. Жизненные стандарты в системе управления социальным развитием северного региона // Автореф. ... дисс. канд. соц. наук. С. 9.

16. Березин А.И. Институты публичной власти в национальной государственно-правовой традиции. Автореф. дис... к.ю.н. <http://www.sawibary.ru/izdanie56554.html>

17. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 53–54.

Индивидуальная и коллективная формы ответственности

Синяков А.В.

В статье рассматриваются внешние и внутренние формы контроля над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых социальных норм и личностной саморегуляции. Особое внимание уделяется индивидуальной социальной ответственности, а также связи социальной ответственности с социальными ролями и нормами.

Ключевые слова: Социальная ответственность, индивидуальная социальная ответственность, социальные роли, социальные нормы, формы ответственности.

Sinyakov A.V.

Individual and collective forms of social responsibility

This article is dedicated to external and internal forms of control over actor's internalization of social norms and self-direction. Author discusses different forms of responsibility (including social responsibility), determines them as factors of control over actor's social behavior. Particular attention is paid to individual social responsibility and its interconnection with social norms and social roles.

Keywords: social responsibility, individual social responsibility, social norms, roles, forms of social responsibility.

Человек действует и берет на себя ответственность в рамках системы социальных связей, социальных отношений. Важно выявить, каким образом проявляется эта ответственность в процессе жизнедеятельности человека? Представляют интерес внешние и внутренние формы контроля над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых социальных норм и личностной саморегуляции. Анализ внутренней формы контроля уже был предпринят автором¹. Целью данной публикации является продолжение рассмотрения форм ответственности как факторов контроля социального поведения человека.

Понятие *ответственности* означает осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и правил. *Социальная ответственность* характеризуется сознательным соблюдением существующих в социуме на данном историческом этапе моральных принципов и правовых норм.

Понимание межличностного аспекта проблемы ответственности в концепции, предложенной известным отечественным специалистом в области психологии личности Д.А.Леонтьевым², связано, преж-

де всего, с расширением рамок ответственности индивидуума, выполняющего социальную роль, за пределы себя самого, т.е. с признанием себя причиной не только своих действий.

В ситуации взаимодействия та степень ответственности, которую берет на себя один человек, никак не влияет на степень ответственности, которая остается у другого. *Ситуация взаимодействия не влияет на изменение объема ответственности ее участников. Согласно концепции Д.А.Леонтьева в основе такого понимания лежит экзистенциальный принцип неделимости ответственности*³.

На основе такого понимания сформулируем следующее рабочее определение индивидуальной формы социальной ответственности для его использования в исследовании социальной ответственности молодежи как проявлении ее ценностно-смысловой регуляции. *Индивидуальная социальная ответственность* – это ответственность человека за то, чтобы признавать себя причиной не только своих действий, но и действий других участников ролевого взаимодействия.

Уточним, что под *ролью* понимается социальная функция личности и соответствующий принятым нормам способ поведения в системе межличностных отношений людей в зависимости от их статуса. Социальных функций у человека может быть больше, чем социальных ролей. Социальные роли – фактически реализуемая часть возможных социальных функций. Например, мужчина как отец может иметь много функций, но из них осознанно им принятыми и фактически реализуемыми является только часть. Эта часть и будет содержательным наполнением, выполняемой в данном случае социальной роли отца.

Диапазон и количество ролей определяются многообразием социальных групп, видов деятельности и отношений, в которые включена личность, ее жизненным миром. Среди ролей могут быть: социальные, обусловленные местом индивида в системе объективных социальных отношений (*профессиональные роли, социально-демографические*); *межличностные* роли, определяемые местом индивида в системе межличностных отношений (лидер, отверженный); *активные* роли, исполняемые в данный момент; *латентные*, не проявляющиеся в данной ситуации; *институционализованные роли* (официальные, конвенциональные), связанные с официальными требованиями организации, в которую входит субъект; *стихийные*, связанные со стихийно возникающими отношениями и видами деятельности. Все это характеризует многообразие социальных ролей.

Наряду с индивидуальной формой социальной ответственности можно выделить коллективную форму социальной ответственности, связанную с выходом за рамки системы межличностных отношений. Коллективная форма связана с системой институциональных отношений, с функционированием социальных норм, являясь их атрибутом.

Поскольку ответственность реализуется в определенных рамках, задаваемых социальными нормами, то представляется важным проследить, как нормы выступают в роли внешней формы контроля, и какую функцию они выполняют в связи с социальной ответственностью.

Живя и действуя в социальной среде, человек неизбежно с ней взаимодействует: сам влияет на нее и одновременно подвергается воздействию с ее стороны. Характер

влияния социальной среды описывается социальными нормами. Они регулируют процесс установления тех или иных отношений. Однако принятие ответственности определяется, прежде всего, самой личностью на основе ее саморегуляции (внутреннего контроля), а также в результате социального взаимодействия с другими личностями в рамках тех или иных норм (внешнего контроля). Социальные нормы выступают в данном случае в виде внешнего контроля, взаимодействующего с внутренним личностным самоконтролем. Анализ конкретного механизма взаимовлияния этих форм внешнего и внутреннего контроля не входит в цель данной работы, но может быть предметом специального исследования.

Пространство социального (социально значимого) поведения человека – это пространство, границы которого определяются необходимостью выполнения тех или иных социальных норм. Жизнь и деятельность человека как члена общества постоянно ориентирована на те или иные социальные нормы. Он полностью или частично воспроизводит либо нарушает их. Нормы регулируют поведение человека, поскольку являются правилами поведения, официально или неофициально принятыми в социальной группе, выполнение которых контролируется санкциями.

В обществе нормы выполняют следующие важнейшие функции: во-первых, регулирование взаимодействия членов общества в процессах создания и потребления товаров и услуг в конкретных условиях ограниченных ресурсных возможностей с выявлением организационного механизма социальной ответственности за получаемые результаты в этих процессах; во-вторых, организационное регулирование распределения материальных благ и ресурсов через соот-

ветствующую систему функциональных обязанностей исполнителей: разработка системы функций и их распределение определенным исполнителям; в-третьих, регулирование процессов установления, воспроизводства и изменения социальных отношений. В целом в жизни общества социальные нормы лежат в основании создания и регулирования, распределения и потребления ресурсных потоков.

Нормы реализуются в форме различных запретов и разрешений, приказов и призывов, просьб и рекомендаций. Существуют различные нормы. Например, в юриспруденции для выделения наиболее существенных видов норм, выделяют: *обязательное выполнение; категорическое запрещение; дозволение ограниченного вида (класса)*. Действительно, реализация этих важнейших видов норм отношений происходит прямо или косвенно в процессах регулирования и воспроизводства социальных отношений в различных областях. Разными способами в них поддерживаются и сами нормы.

Так, выполнение норм моральных отношений (*моральная ответственность*) поддерживается общественным мнением и оценкой в таких категориях как добро и зло, честь и бесчестность, совесть и бессовестность, долг и безответственность и т.д.

Выполнение норм правовых отношений (*правовая ответственность*) поддерживается не только убеждением граждан в необходимости следования правовым нормам в социальных отношениях, но и требованием в виде государственного закона, исполнение которого является обязательным. Специфика поддержания *норм правовых отношений* в том, что в целом ответственность за их выполнение лежит на специальном социальном установлении – государстве, и ре-

ализуется в работе трех организационных механизмов государственного аппарата: законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Правовые (юридические) нормы разрабатываются, реализуются и контролируются специальными организациями.

Существенное различие в моральной и правовой ответственности заключается, прежде всего, в механизмах их поддержания. Социальные нормы, включенные в одно общество в ряд правовых норм, в другом обществе могут быть в ряду моральных.

Для поддержания политических норм (*политической ответственности*) в системе политических отношений существуют политические организации: партийные организации, общественные движения и сама государственная система. Политические организации являются механизмом воспроизводства и регулирования политических норм.

Важнейшим видом отношений в объединении, наряду с политическими, являются предэкономические отношения (отношения «человек – природа»: а) «человек – часть природы»; б) «человек противостоит свойствам внешней по отношению к нему природы и, используя ее силы, создает свой собственный человеческий мир»). Когда субъекты объединения присваивают некоторые объекты или отчуждают их, то между субъектами возникают *отношения собственности* по поводу данных объектов. Эти объекты могут быть в виде явлений природы и их свойств и в виде артефактов – предметов материальной и духовной культуры, включая формы социальных отношений. Из отношений присвоения и отчуждения следует свой вид ответственности. По результатам конвенциональных отношений субъекты несут соответ-

ствующую ответственность друг перед другом. Механизмом воспроизводства и регулирования норм (*предэкономической ответственности*) предэкономических отношений выступают политические организации, включая государственную систему, и властные органы.

Поскольку объединение порождает власть и властные отношения, то с формированием субъекта и объекта социальных отношений в объединении связан такой вид ответственности, как *ответственность властных отношений*. Участников объединения связывают целостные интересы по поводу того главного, что их объединяет: семья, студенческая группа, фирма, город, этнос. Возникновению отношения объединения противостоит отношение обособления. Для сохранения и поддержания объединения вокруг целого существуют властные отношения. Власть – отношения господства и подчинения по поводу того целого, которое определяет общность, объединение. Но власть – это и ответственное отношение *по поводу некоторого целостного объединения, которое с ее помощью формируется и поддерживается*. Поскольку целое господствует над членами объединения, то властное отношение обеспечивает подчинение целому. Властную ответственность несут те, кто выражает интересы целого (объединения). Механизмом воспроизводства и регулирования норм (*ответственности властных отношений*) властных отношений являются властные органы и персоны их представляющие.

В основе рыночного механизма поддержания экономических норм (*экономической ответственности*) в системе экономических отношений лежат договорные отношения между экономическими субъектами, в которые они всту-

пают на основе принимаемых ими решений о возможном выигрыше от сделки и с учетом риска вероятного проигрыша. Стимулом участия в договорных отношениях служит возможность получения прибыли за счет различия стоимостных рыночных оценок товара или услуг. В экономической сфере существуют специальные объединения в виде организаций, которые являются механизмом воспроизводства и регулирования норм экономических отношений.

Таким образом, поскольку основой человеческого существования является объединенная форма жизни, имеющая различные виды совместности, то коллективную форму социальной ответственности в этом контексте необходимо рассматривать как отношение взаимозависимости между отдельным членом объединения и объединением людей как целостностью. Это отношение взаимозависимости проявляет себя в феномене контролируемого обязательства в достижении результата, отвечающего требованию действующей социальной нормы при выполнении членом объединения соответствующей социальной роли как закрепленного в данной норме способа взаимодействия.

Единицей анализа в таком рассмотрении выступают отношения. Совокупность отношений и их конфигураций образуют формы объединения. Роль социальных форм настолько существенна, что они детерминируют, регулируют и направляют вектор жизни, деятельности и поведения человека.

Социальная форма жизни человека порождает такое явление, когда он, находясь в социальных отношениях, вынужден, желая того или нет, брать на себя определенные обязательства по отношению и к другим и к себе. Это является атрибутивной характеристикой и важнейшим свойством социальных отношений.

Феноменология социальной ответственности как явления связана с деятельностью и поведением человека. Появившись как форма отношений, она детерминирует, направляет развитие видов совместной деятельности людей. Разнообразие феноменологии социальной ответственности отражает разнообразие видов ответственности – того, как человек чувствует и осознаёт эти отношения.

Исторически отношения ответственности закреплялись в рамках социальных норм в виде обычаев, традиций, верований, морали и законов. В дальнейшем отношения ответственности становятся сами социальными нормами в ситуациях, когда для субъектов отношения социальной ответственности имеется возможность свободы выбора в условиях предписанных объектов отношения социальной ответственности, определенных материальных и временных ресурсов.

В формах объединения людей содержатся и формы ответственности. В различных социальных формах объединения имеются свои особенности социальной ответственности. Под формой, в данном случае, понимается конфигурация отношений. Можно выделить несколько типов конфигурации: устойчивые, случайные и промежуточные.

Устойчивые формы – это такие конфигурации отношений, которые воспроизводят жизнь, деятельность и поведение социальных субъектов – социальные объединения. Например, устойчивые формы и конфигурации образуют семью, трудовой или учебный коллектив, город, деревню, территориальные объединения, этнос, народ, большое сообщество (европейское, североамериканское), человеческое сообщество в целом.

Неустойчивые (случайные) формы образуют такие объедине-

ния как толпа, очередь в магазине, митинг, дружеская встреча и т.д. И в них тоже есть свои формы ответственности.

Промежуточные формы образуют такие объединения как различные аудитории: аудитории средств массовой информации, спортивные, по интересам, вкусам и т.п. Они носят промежуточный характер между устойчивыми и неустойчивыми формами.

Образование видов коллективной формы социальной ответственности связано с логикой развертывания процесса институционализации, на основе которого возникают организационные отношения как функции, реализующие установленные в ходе институционализации правила. Схематично и достаточно упрощенно это может быть отображено следующим образом. Совокупность социальных норм образует социальный институт – установление (учреждение) *правил*, по которым предполагается строить отношения в предметной области, функционально значимой для существования и развития объединения в целом. На основе этих правил разрабатывается номенклатура функций, которые должны реализовываться через цели деятельности вновь созданных или уже существующих организаций. Далее выдвигаются и уточняются требования к тому, какими должны быть функциональные и другие возможности организаций, чтобы реализовать намеченные функции. Затем в соответствии с этими требованиями подбираются или создаются организации как конкретные исполнители функций.

Переход от развертывания институционализации к генезису социальной организации характеризуют следующие этапы: а) становление властных отношений в ходе формирования объединения; б)

возникновение организационных структур, которые бы отвечали (несли ответственность) за воспроизводство и развитие объединения как целостности; в) персонализация властных отношений. На каждом этапе возникает свой тип ответственности. Поэтому целесообразно различать ответственность *институциональную, организационную, общностную* (перед сообществом). Разные виды ответственности являются следствием различных уровней организации объединения (социума) и разных сторон социальных отношений в нем.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что коллективная форма социальной ответственности играет значимую роль в организации жизни общества, как на микро-, так и на макроуровне. Компоненты и грани совокупной системы социальных отношений, включая социальные нормы, выступая в качестве внешних факторов, образуют особенные виды и типы коллективной формы социальной ответственности, каждый из которых имеет свой, присущий ему социальный механизм реализации.

Ссылки:

1 Сняжков А.В. Феномен социальной ответственности как проявление ценностно-смысловой регуляции поведения человека // Вестн. Моск. ун-та им. М.В. Ломоносова, серия 18: Социология и политология, 2007, № 1, с. 158

2 См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

3 Леонтьев Д.А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. Т. 2. Бирштонас; Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. – С. 7-22.

Гармония общества и социальные противоречия в Китае

Сюй Яньли, Романенко М.В.

В статье раскрываются основные черты гармонического социалистического общества, которое реализуется в процессе строительства среднезажиточного общества (сяокан). Создание социализма с китайской спецификой реализуется через перманентное разрешение противоречий и конфликтов во всех сферах общественной жизни. Дается классификация противоречий, показываются основные пути и методы их разрешения.

Ключевые слова: среднезажиточное общество (сяокан), противоречия антагонистические и неантагонистические, социальный конфликт, система социального обеспечения.

Xu Yan Li, Romanenko M.V.
Harmony of society and social contradictions in China

In the article are described the main treats of a harmonious socialist society, that is implemented in the process of a comprehensive building of society of modest means (xiaokang). Creation of a specific socialism in China and strengthening of social evolution harmonization is implemented through permanent solution of contradictions in all spheres of public life. Classification of social contradictions and main ways and methods of their solutions are presented in the article.

Keywords: society of modest means (Xiaokang), antagonistic and non-antagonistic contradictions, social conflict, social maintenance system.

Раньше политики Китая исходили из предпосылки, что корень социально-экономических проблем лежит в бедности, и по мере накопления общественных богатств и роста достатка населения, проблемы будут решаться «естественным» путем. Однако дальнейшие исследования показали, что спонтанным путем вопросы не решаются. Это потребовало изыскания новой научной концепции. Концепция рыночного социализма с китайской спецификой была теоретически обоснована и создана Дэн Сяопином. Суть ее заключается в необходимости построения «среднезажиточного общества» (сяокан) при сохранении в обществе социальной гармонии. Процесс рассчитан на длительную историческую перспективу – «несколько десятков поколений людей»¹.

Какие показатели включает в себя «гармоничное социалистическое общество»?

Во-первых, гармоничные отношения между городом и деревней. Самое главное достижение политики модернизации – избавление китайского народа от бедности. Бедное общество не может быть гармоничным. В 1952 г. средняя заработная плата рабочих и служащих Китая в год составляла лишь 445

юаней, а крестьян значительно меньше. В настоящее время доходы рабочих, служащих и крестьян выросли многократно. Согласно Отчету правительства об исполнении денежной политики среднедушевые доходы городского населения, находящиеся в его непосредственном распоряжении в 2008 году, составили 15781 юаней, а чистые среднедушевые доходы сельских жителей - 4761 юаней. После реформы заработной платы разрыв в соотношении высоких и низких заработков в городах сократился. Премии и надбавки еще более нивелируют разницу в зарплате.

Однако сегодня налицо новая проблема - резкая разница в доходах городского и сельского населения. Она влияет на развитие отечественного потребительского рынка. В то же время в Китае до сих пор имеется большое число малообеспеченных и бедных (по международным стандартам) людей. Хотя число очень бедных людей в деревне, по официальным данным, сократилось со 150 млн. до 20 млн. человек (по другим данным более 40 млн. сельских жителей находится за чертой бедности)², Китаю предстоит активизировать борьбу с бедностью и заложить основу для системы достойного социального обеспечения. С этой целью формируется долгосрочный механизм стимулирования сельского хозяйства силами промышленности, подъема деревни при поддержке городов. На селе усиливается инфраструктурное строительство и система сельскохозяйственного обслуживания, обеспечивается развитие поселково-волостных предприятий, кооперативов, использующих новейшие индустриальные технологии, т. е. создается новая схема интеграции социально-экономического развития города и села на базе единого планирования. Идет подготовка крес-

тьян нового типа - «образованных, технически подкованных и умеющих вести хозяйство».

Во-вторых, гармоничные межрегиональные, межрайонные отношения. Разница в темпах развития различных регионов и районов, в уровне доходов населения не уменьшается, а напротив, увеличивается. В стране возникло положение, которое можно охарактеризовать словами: «одна страна - четыре мира». Пекин, Шанхай, Шэньчжень (2,2% населения страны) уже достигли уровня стран с высоким доходом. Второй мир - это районы с доходом выше среднего уровня (Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Ляонин - 22% населения); третий мир - доход ниже среднего (Хэбэй, Северо-Восточный и Северный Китай, центральные районы - 26% населения). Четвертый мир - это районы с низким уровнем доходов (западные районы - 50% населения)³.

В ходе реализации стратегии регионального развития, активно поддерживая опережающее развитие восточных регионов, важно продвигать вглубь масштабное освоение западной части страны (в 2000 г. стартовала программа освоения западных районов); создавать условия для полного возрождения северо-восточной старой промышленной базы и всемерно стимулировать подъем центральных районов; оказывать помощь районам с иссякшими ресурсами; использовать позитивную роль особых экономических зон в поддержке отсталых регионов. Используя законы рыночной экономики, необходимо взламывать границы административно-территориального деления, создавать тесно связанные между собой социально-экономические зоны и пояса, городские ансамбли огромной стимулирующей силы, создавать новые точки социально-экономического роста.

В-третьих, гармоничные внутриобщественные отношения между классами, социальными слоями (стратами) и группами населения. Рост большой разницы между богатыми и бедными (в 2009 г. количество китайских мультимиллионеров превысило 825 тысяч человек) слоями населения привел к обострению противоречий интересов различных социальных слоев. Иногда эти противоречия принимают достаточно резкие и социально опасные формы. Различия в уровнях благосостояния людей существуют и, очевидно, будут существовать всегда, но эти различия должны быть между «богатыми и менее богатыми», а не между «бедными и богатыми».

Необходимо правильно разрешать противоречия внутри народа, в новой обстановке урегулировать (на основе баланса интересов) отношения между богатыми и бедными слоями населения, между работодателями и работниками, между кадровыми служащими и простыми людьми, и настойчиво продвигаться по пути «всеобщей зажиточности». Используя финансовые, налоговые, распределительные рычаги, правительство должно укрепить средний класс (поставлена задача довести его численность с 12% в 2007 г. до 60-70% в 2020 г.), резко сократить количество бедноты и малообеспеченного населения, последовательно реализуя новую политику перехода от опережающего обогащения, когда выгоду от реформ получала часть общества, к совместному обогащению, когда выгоды получают все слои населения.

В перспективных планах на одиннадцатую пятилетку китайское руководство подчеркивает важнейшую роль макрорегулирования и макроконтроля для увеличения доходов городских и сельских жителей, особенно людей со средни-

ми и низкими доходами, необходимость регулирования чрезмерно высоких доходов, путем борьбы с нелегальными доходами, активного проведения политики трудоустройства и расширения занятости, усиления работы по защите прав и интересов трудящихся, совершенствования системы социального обеспечения и ускорения создания совершенной системы социальной помощи крайне нуждающимся в городе и на селе.

В-четвертых, гармоничные отношения в сфере трудоустройства, которое рассматривается в качестве основы народной жизни. Сегодня абсолютное большинство китайского населения составляют крестьяне. Китай должен трудоустроить излишнюю скрытую сельскую рабочую силу (более 100 млн. чел.). В 2009 г. около 140 млн. бывших крестьян, покинувших родные края в поисках работы, не могли нигде обосноваться и создать собственную семью. Требуется наладить систему равноправного трудоустройства городских безработных, которых насчитывается более 30 млн. человек, и сельских безработных (крестьян-рабочих) – через расширение масштабов и совершенствование механизма рыночного трудоустройства, особенно всемерную поддержку малого и среднего предпринимательства, самостоятельного поиска работы.

Правительство в первую очередь оказывает помощь в трудоустройстве тем слоям, которым живется тяжело, семьям с «нулевой занятостью», некоторым категориям безработных, например, выпускникам вузов, которых среди безработных сегодня насчитывается около 10 млн. человек. Целенаправленная помощь власти в трудоустройстве будет осуществляться по мере развития страны, всемерного усиления сферы профессионального образования, подготовки и пере-

подготовки кадров. Со временем будет решена задача превращения Китая из страны с большим количеством населения в страну с квалифицированными и высококвалифицированными кадрами, «в державу людских ресурсов». Это станет важным звеном и толчком для дальнейшего бурного социально - экономического развития.

В-пятых, необходимо гармонизировать возрастную и половую демографическую структуру населения. Китай достиг впечатляющих успехов в реализации политики планового деторождения в течение последних трех десятилетий, реализуя общенациональную программу «Меньше детей – быстрее богатеешь». В Китае проблема «старения населения» возникла до решения проблемы повышения материального достатка.

В связи с этим правительство должно найти новые подходы к созданию рациональной, экономной, масштабной и развивающейся системы социального обеспечения, чтобы заранее подготовиться к «нарастанию волны серебряных волос» (так называют в Китае пожилых людей). Сегодня также приходится прилагать большие усилия, чтобы гармонизировать ценностные отношения между различными поколениями, «между отцами и детьми».

В шестых, Китай - страна с более чем миллиардным населением (в конце 2008 г. насчитывалось 1,3 млрд. человек) не может не уделять внимание гармонизации отношений человека и природы, «дружелюбному отношению к окружающей среде», созданию такой модели народного хозяйства и жизни населения, при которой природные ресурсы расходуются бы рачительно, экономно. В этом отношении большое значение имеет Закон КНР о стимулировании *циклического развития экономики*,

который начал действовать с 1 января 2009 г., в центре которого находятся «снижение объемов, вторичное использование и утилизация отходов». Акцент сделан на высокоэффективном использовании и экономии ресурсов, на развитии экоохранной индустрии. Китай одним из первых принял общенациональную программу по оздоровлению климата и активно борется с загрязнениями, масштабно внедряет чистые, энергоэффективные и низкоэмиссионные новые и высокие технологии.

Необходимо иметь в виду, что Китай находится и *еще долго будет находиться* на начальной, «первичной», недостаточно развитой стадии социализма и что *противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством было и остается главным, стержневым противоречием развивающегося общества.*

Архитектоника взаимоотношений между социальными интересами новых социальных страт, рожденных в ходе становления рыночной экономики, и традиционных социальных слоев усложняется. Противоречия между ними проявляются более резко, выступают на поверхность еще более явно, и некоторые из них перерастают в острые социальные конфликты.

Опрос, проведенный учеными Высшей партийной школы при ЦК КПК в октябре 2006 г., показал, что в настоящее время в обществе существует целый ряд противоречий, которые необходимо разрешать путем нахождения оптимальных и эффективных форм и методов их разрешения. Оказалось, что 51% респондентов считают самым важным противоречие материальных интересов между людьми, 45,5% - противоречие между городом и деревней, 27,6% - противоречие меж-

ду разными общественными слоями, 20,3% - противоречие между властью и народом, 17,1% - противоречие между разными районами, 16,4% - противоречие между макроконтролем правительства и рыночной экономикой⁴.

В 1998 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь констатировал: «В ходе реформы и открытости и развития социалистической рыночной экономики внутри народа появляется все больше противоречий, некоторые из них прорываются каждый день, поэтому необходимо добросовестно изучать и правильно решать политические вопросы»⁵. Несвоевременное решение, (запаздывание), ошибки и неадекватные методы разрешения, стихийное «саморазрешение» некоторых жизненно важных внутренних противоречий и назревших проблем приводит к тому, что они перерастают в острые социальные конфликты, во внезапно возникающие инциденты и кризисы, «прорываются» в виде массовых выступлений трудящихся в защиту своих личных и групповых (корпоративных) интересов, в открытых формах противодействия ошибочным экспериментам, шагам в процессе реформ.

В ходе модернизации, к сожалению, увеличивается и число социальных слоев, недовольных реформами. Если на предшествующем этапе к ним относились вытесненные с земли крестьяне, пенсионеры и городские безработные, в том числе и безработная молодежь, то на современном этапе добавляются *безработные* рабочие-крестьяне, служащие, интеллигенция, военнослужащие и молодежь, закончившая учебу и не нашедшая работу.

В Китае насчитывается девять форм массовых протестных выступлений граждан: моральное или

физическое воздействие на руководителей; подача жалоб; несанкционированное проведение собраний и митингов; нападение на учреждения; блокада транспортных магистралей; непосещение занятий; забастовки торговцев; грабежи и поджоги; столкновения с применением оружия. В 2005 г., например, в Китае случилось 74000 проявлений протеста, в них участвовали 3,7 млн. человек, нередко стычки сопровождались насилием и смертями.⁶

Цзян Цзэминь, анализируя внутривнутриполитическую ситуацию в конце 90-х годов XX века, выделял 20 различных видов противоречий, многие из которых существуют и сегодня. В проведенных Орготделом ЦК КПК широких обследованиях (2001г.), которые были обобщены в аналитическом докладе «Правильно понимать и регулировать противоречия внутри народа в новой обстановке», выделены следующие группы «внутренних» противоречий:

- в экономической сфере: между различными формами укладов и внутри укладов; между безработными и занятыми на предприятиях различных форм собственности;

- в политической сфере: между КПК и правительством, внутри КПК; между политической и административной властью; между местным чиновничеством (ганьбу) и массами;

- в идеологической и культурной сфере: между ростом экономического сознания и погоней за личной выгодой; между передовой идеологией и видами капиталистического сознания или, как говорил Дэн Сяопин, «равнение во всем на звонкую монету»; между передовой наукой и мистикой⁷. Отметим, что многообразие форм сознания в идеологии («левое», консервативное и либеральное и

др.) в этих исследованиях отнесено к «побочному виду сознания», которое противоречит определяющему марксистскому сознанию.

В современном китайском обществе различаются два типа неодинаковых по своему характеру и природе противоречий – неантагонистические противоречия внутри народа и антагонистические противоречия между обществом и его врагами. Методы разрешения этих противоречий должны быть совершенно различны. «Недопустимо применение принудительных мер и других неправильных методов при разрешении противоречий внутри народа; тем более, нужно предотвращать использование методов разрешения противоречий между нами и нашими врагами при урегулировании противоречий внутри народа, предотвращать нарушения законных прав и интересов широких масс»⁸.

Надо иметь в виду, что содержание и формы проявления противоречий могут усложняться и обостряться в уже совершающемся процессе и перерасти в острые социальные конфликты. Поэтому при разрешении возникающих противоречий фактор времени играет немаловажную роль. «Не надо ждать, пока противоречия и проблемы накопятся и даже обострятся и только затем заниматься их разрешением, т. е. занимать такую пассивную позицию»⁹.

При разрешении неантагонистических противоречий нужно иметь в виду, что основу таких противоречий составляет единство коренных интересов народа. Поэтому уже появившиеся и могущие появиться новые противоречия требуют глубокого изучения, целенаправленного совершенствования идейно-политической работы.

Для разрешения антагонистических противоречий необходимо

нанесение превентивных, решительных, «суровых» ударов, при опоре на правовые нормы, по всем видам преступной деятельности внутри страны (терроризм, религиозный экстремизм, национал-сепаратизм, все виды уголовной преступной деятельности) и подрывной деятельности международных враждебных сил.

Основой для разрешения существующих и вновь возникающих противоречий являются меры не административного, принудительного характера, а меры экономического, морального, воспитательного характера.

Исследование 2006 г. показало, что больше всего китайцев беспокоят три социальные проблемы: общественные нравы, медицинское обслуживание и общественный порядок¹⁰. Как обнаружило исследование, проведенные в 2008-2009 гг., они волнуют население страны и сегодня.

Для успешного решения проблем необходимо осуществлять политику рационального, правильного регулирования взаимосвязи реальных интересов между классами, слоями, группами и отдельными индивидами, между регионами, городом и деревней, между богатыми и бедными, между национальностями. Требуется создать и постоянно совершенствовать общенациональную систему социального обеспечения. И еще немаловажное значение имеет осуществление институциональных реформ. В этом плане проводится планомерное сокращение непомерно разросшихся административно-управленческих структур, особенно в деревне, урегулирование отношений между центром и периферией. Осуществляется все более широкое участие народа в собраниях представителей рабочих и служащих на предприятиях.

Премьер Госсовета Китая Вэнь Цзябао отмечал, что для успешного разрешения и своевременного разрешения в условиях мирового финансового кризиса возникающих противоречий, правительству полагается строго держаться следующих принципов: *во-первых*, ширить внутренний спрос, гарантируя рост экономики. Необходимо повернуть тенденцию к замедлению экономического роста в обратную сторону, а расширение внутреннего спроса считать долгосрочным стратегическим курсом. *Во-вторых*, осуществлять реструктуризацию, поднимаясь на новый уровень. *В-третьих*, посредством реформы наращивать жизненные силы. *В-четвертых*, уделять серьезное внимание улучшению жизни народа, стимулировать социальную гармонию. Другими словами, чем экономически труднее, тем больше нужно заботиться о качестве жизни народа. *Неизменно рассматривая обеспечение и улучшение народной жизни исходным и конечным пунктом работы, правительство стремится создать все условия для того, чтобы «весь народ мог вкушать плоды реформы и развития».*

Суммируем основные противоречия и проблемы, которые назрели в развитии китайского общества в начале XXI века и в ближайшей перспективе. Их эффективное и своевременное решение (на современном этапе это так называемые пять разрывов)¹¹ будет создавать всё больше условий для наращивания элементов социальной гармонии и социальной справедливости:

- противоречие между экономическим ростом и социальным развитием, выражающимся в отставании социальной сферы в удовлетворении потребностей народа в образовании, здравоохранении, в жилье и т. д. Одной из причин такого положения является все еще сохраняющийся относительно низ-

кий уровень затрат государства на социальные нужды населения;

- противоречия между богатыми и бедными слоями населения, социальная и имущественная поляризация общества усиливается и ее пока не удается остановить;

- противоречия, связанные с уровнем социального и экономического развития регионов (более развитыми регионами Юга и Востока и бедным, отсталым Западом и отчасти Центром). И эти противоречия, несмотря на принимаемые меры, углубляются и обостряются;

- противоречия между городом и деревней, выражающиеся в отставании деревни от города в экономическом, культурном и инфраструктурном отношении;

- противоречия, связанные с избыточностью трудовых ресурсов и неспособностью народного хозяйства использовать их в полной мере в процессе перехода от трудоемких технологий к наукоемким, новым и высоким технологиям. Сохраняется возможность резкого обострения и снижения уровня социальной стабильности в случае снижения *темпов* социально – экономического развития;

- противоречия между быстрым и бурным социально – экономическим ростом и ограниченной природно – ресурсной базой, увеличивающемся дефиците энергоносителей и некоторых видов минеральных ресурсов, усиливающейся зависимостью от их импорта (по нефти, например, до 50%);

- противоречия, связанные с переходом от экстенсивного к интенсивному пути развития. Нынешние высокие темпы развития достигаются главным образом на экстенсивной, ресурсозатратной основе, пока еще низкой производительности труда, а на селе при преобладании ручного труда;

- противоречия, связанные с недостаточной конкурентоспособ-

ностью экспортной продукции, неполным соответствием отдельных видов товаров мировым стандартам, обусловленные отсталым технико-технологическим уровнем производства. К этому надо добавить достаточно высокую зависимость экономики от импорта технологий и высокотехнологичного оборудования, недостаточное развитие собственных (первичных и интегральных) технологических инноваций, а также вторичных инноваций, основанных на заимствовании, освоении и применении;

- огромное количество противоречий связано с институциональными и структурными преобразованиями: реформа банковской системы, реформа законодательной системы, незавершенность формирования институтов рыночного хозяйства и т. д.

- противоречия в отношениях природы и человека (экология), обусловленные, прежде всего, ресурсозатратной моделью ускоренной индустриализации деревни и промышленного производства («чрезмерно большая расплата ресурсами и экологией») – засоление почв, загрязнение атмосферы, опустынивание, которое занимает 27% территории страны, нехватка водных ресурсов.

- противоречия в сфере общественного сознания и культуры, между определяющим марксистским и «побочным» сознанием, вызванным погоней за прибылью, выгодой, а также наличием пережитков феодализма в сознании и поведении людей, взглядов («левых», центристских и «правых» групп) на перспективы развития страны;

- особую группу противоречий представляют собой противоречия, несущие черты антагонистичности, связанные с «социальными патологиями»: коррупция, преступность, особенно экономическая, терроризм, наркомания, алкоголизм,

проституция и др. Эти формы девиантного поведения наносят вред безопасности и интересам страны, стабильности и усилению гармонии общества, развитию экономики. В эту же группу противоречий необходимо также отнести и противоречия, связанные с должностными преступлениями и правонарушениями, «нездоровое поветрие ущемления народных интересов» некоторыми работниками правительственных органов, которые, «занимаются очковитирательством, роскошествуют и погрязают в коррупции»¹²;

- противоречия, связанные с политикой открытости «по всему пеленгу» внешнему миру, требуют особого внимания. Долгое время в Китае при подходе к капитализму обращалось внимание, главным образом, на одну сторону, касающуюся его противостояния и борьбы с социализмом, но мало внимания уделялось другой стороне: социализм еще и учится у капитализма, сотрудничает с ним и использует его, заимствует у него достижения передовой науки и культуры, техники и технологий, передовые методы управления и организации производства. Пока два противоположных социально-политических строя существуют, противостояние и борьба между ними не может исчезнуть и поэтому надо сохранять необходимую бдительность. Все прогрессивное и выдающееся в других странах, особенно развитых, необходимо изучать и использовать на социалистической китайской основе, применять, совершенствовать («окитаизировать»), повышать качество с тем, чтобы создавать новые вещи с китайской спецификой, а «что же касается всякой «грязи», то от нее надо избавляться»¹³.

На антикризисные меры до конца 2010 г. выделено 4 млрд. юаней. Мы укажем лишь те конкретные

меры правительства, которые будут иметь позитивный социально – экономический эффект на пути преодоления деструктивного влияния мирового кризиса и укрепления гармоничности и стабильности развития общества:

- с 16 мая 2008 г. Центральный банк постепенно снижал базовые проценты годового кредита и сейчас они составляют всего 0,27%;

- с 9 октября отменено взимание индивидуального подоходного налога с процентов по сберегательным вкладам;

- с 21 октября 2008 г. Комитет развития и реформ значительно повысил минимальные закупочные цены на произведенное в 2009 году зерно;

- Центробанк увеличил помощь средним и мелким предприятиям;

- отменены и приостановлены 100 видов административных сборов (платежей) с 1 января 2009 г., в том числе накладные расходы на этапе обязательного образования, расходы на сельскохозяйственную технику и другие важные меры¹⁴.

За последние 30 лет Китай увеличил производство ВВП почти в 20 раз, реальные доходы населения - в 6,5 раз .

Сегодня в Китае руководители партии и государства, ученые и широкие слои народных масс все глубже осознают, что только в строительстве социализма и коммунизма, т. е. общества реального гуманизма и гармонии, заключено великое будущее Китая.

Ссылки:

¹ Документы XVII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2007, с. 86.

² Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. (К 60-летию КНР). М.: ИД «ФОРУМ» 2009, с.12.

³ См.: Ху Аньган Разработка конечной цели основной стратегии Китая: «богатый народ – сильное государство» // Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию академика М.Л. Титаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2004, с. 73.

⁴ Пекин жибао. 18.12.2006 (на кит. языке).

⁵ Цзян Цзэминь О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. 2002, с. 354.

⁶ Тоффлер Элвин и Тоффлер-Хейли. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: Профиздат, 2008, с.466.

⁷ См.: Социально – политические и идеологические процессы в КНР накануне XVI-ого съезда КПК. (Экспресс-информация № 3). М.: ИДВ РАН, 2002, с.9.

⁸ Цзян Цзэминь О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. 2002, с. 350.

⁹ Цзян Цзэминь О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. 2002, с. 357.

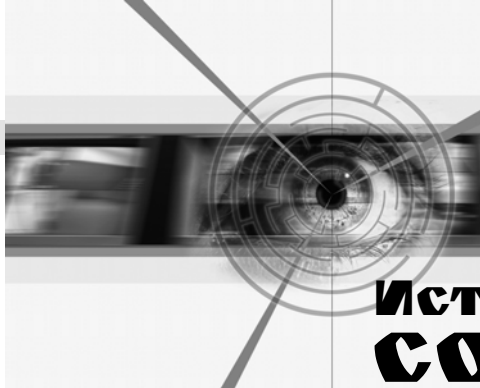
¹⁰ См.: Жэньминь жибао. 24.01.2007.

¹¹ Титаренко М. Л. Китай на марше (к 60-летию образования КНР) // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. (К 60-летию КНР). М.: ИД ФОРУМ, 2009, с. 10.

¹² КНР: итоги социально – экономического развития в 2005 году и параметры 11 пятилетки. Материалы 4-й сессии ВСНП 10-го созыва. (Экспресс – информация № 6). М.: ИДВ РАН, 2006, с.14.

¹³ Цзян Цзэминь О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. 2002, с. 331.

¹⁴ См.: Китай. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2009, с.145-146.

История СОЦИОЛОГИИ

Социальные отклонения: взгляд Питирима Сорокина

Журавлева Л.А.

Опираясь на методологический арсенал идей Р.А. Сорокина, автор анализирует сущность и причины социальных отклонений в современном российском обществе. Главной причиной кризиса является дезинтеграция основополагающих форм культуры и общества, сопровождающаяся моральной поляризацией общества и ростом социальных отклонений.

Ключевые слова: социальные отклонения, кризис, социокультурная динамика, ценности, закон позитивной и негативной поляризации, неэгоистическая любовь, социальный контроль.

Zhuravliova L.A.

Social deviations: Pitirim Sorokin's sight

The author, leaning against a methodological arsenal of ideas of R.A. Sorokin, analyzes essence and the reasons of social deviations in a modern Russian society. The main reason of crisis is decomposition of basic forms of culture and a society, accompanied by moral polarization of a society and growth of social deviations.

Keywords: social deviations, crisis, social cultural dynamics, values, «the law of positive and negative polarization», altruistic love, the social control.

Сущность социальных отклонений можно понять лишь в сопоставлении с понятием «норма». Нормы имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений, выступая ориентиром поведения личности или социальной группы, и средством контроля над девиантностью. Структура нормы включает общественный идеал, на который накладываются потребности реального бытия, детерминированные социально-экономическими отношениями.

Социальная норма и социальное отклонение – это парные категории, являющиеся социально-культурными конструктами, отражающими одобряемые и осуждаемые конкретным обществом (общностями, группами) ценности, жизненные идеалы и поведенческие образцы.

Социальные отклонения связаны с нарушением нормы, а сами нормы изменяются вслед за развитием общества и моделей социального контроля.

Социальными отклонениями мы считаем массовые формы поведения, которые признаются в конкретном обществе (или социальной общности) как несоответствующие ожиданиям других людей, выходящими за границы меры дозволенного и предполагающие санкции к нормонарушителям.

120-летний юбилей Питирима Александровича Сорокина возродил интерес научной общественности к творчеству мыслителя, эвристическому потенциалу его концептуальных подходов и прогнозов, предвосхитивших многие тенденции развития современного мира. Экстраполяция его идей на нашу современную российскую действительность представляется весьма продуктивной, особенно при анализе феномена социальных отклонений.

Обращение нашего великого соотечественника к парадоксам кризисных времен, когда «историческая обстановка повелительно возбуждает самостоятельность населения, его инициативу, активность, сознание» [1, с. 483], присутствует на протяжении всего его творчества, но ярче всего проявился в следующих его трудах: «Преступление и кара, подвиг и награда», «Социология революции», «Современное состояние России», «Кризис нашего времени», «Главные тенденции нашего времени», «Социокультурная динамика», «Человек и общество в условиях бедствия», «Интегрализм – моя философия» и многих других.

П.А. Сорокин рассматривает социальные отклонения с позиций объективности социокультурных систем, находящихся в перманентном движении по горизонтали, вертикали и в виде флуктуации (колебания от оптимальной величины), так и с учетом субъективного фактора – сложной, интегральной сущности самого человека, его ценностного мира.

По мнению П.А. Сорокина, социальные отклонения («преступления») проистекают из «вечной цикличности» социального развития, динамизма социальной среды и социального взаимодействия, вызывающего необходимость изменения шаблонов группового поведения [2, с. 261]. «Благодаря нео-

динаковой эластичности старых шаблонов у различных индивидов группы и благодаря тому, что не все индивиды стоят в одинаковом отношении к новым условиям, приспособление к новым условиям шло и идет не одновременно ... у различных членов, а разновременно, одни опаздывают, другие опережают...» [2, с. 261]. Отсюда проистекает конфликт шаблонов, принимающий сознательно-мотивированную форму: нарушение шаблона превращается в «преступление», реакция – в «наказание», «сверхнормальный» акт в подвиг, реакция – в награду [2, с. 262].

По мнению ученого, в переходные периоды общество становится беспорядочным, поскольку система культуры и социальных отношений дезинтегрируются, порождая беспорядки и отклонения в поведении людей (самоубийства, душевные болезни, преступность, рост жестокости наказаний, экономическая нищета) [3, с. 364].

Описывая последствия кризисных периодов, он отмечает: «Когда система норм и стандартов претерпевает шок и становится дезинтегрированной, кривая аномических самоубийств неизменно идет вверх» [3, с. 358].

В книге «Кризис нашего времени» причины роста социальных отклонений П.А. Сорокин связывает с переходом от одной фундаментальной формы культуры к другой, «когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью «атомизированными», и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым, неизбежно порождает борьбу особой интенсивности, отмеченную широчайшей вариативностью форм» [3, с. 356-357].

В условиях социального кризиса, экономической нестабильности, когда сама социальная действительность становится девиантной (отклоняющейся от нормы), поведение людей становится все менее предсказуемым, резко увеличиваются масштабы социальных отклонений, нарастает социальная дезорганизация, серьезно угрожая социальному порядку. Социальный хаос начинается с ценностного релятивизма, преобразуя механизмы нормативности и детерминируя обновление системы значений и смыслов, посредством которых люди осуществляют социокультурное коммуникативное взаимодействие. Кризис, создавая экономическую и социальную напряженность в обществе, способствует искажению аксиологического поля, превращая ценности в простые релятивные конвенции, приводя к деградации личности и увеличивая коммуникативные сбои в обществе.

На уровне индивида ценностный кризис проявляется в отсутствии твердых убеждений «по поводу того, что правильно, а что нет», приводит к смене жизненных ориентиров: приоритетным становится поиск удовольствий и чувственных ценностей [3, с. 356].

«В таких условиях человек теряет всякий моральный или рациональный контроль и даже просто здравый смысл» [3, с. 358]. В обществе, состоящем из таких индивидов, неизбежным следствием будут, по мнению социолога, «умножение конфликтов, жестокая борьба, в которую оказываются вовлечены как локальные группы и классы, так и нации» [3, с. 358].

П.А. Сорокин поставил вопрос о парадоксах и иллюзорности ценностей и идеалов, воспроизведенных в кризисные времена. Анализ исторических фактов позволил социологу сформулировать «особый закон», названный им «законом социального иллюзионизма»

[1, с. 430], проявляющийся в революционные и переходные периоды. В обесценивании идеалов и обмане населения властями («верующими иллюзионистами») заключается трагичность кризисных времен: «слепые вели слепых и все упали в яму» [1, с. 430].

Проведя доскональный анализ изменения смысла ряда революционных лозунгов, которые принесли победу большевикам, П.А. Сорокин пришел к выводу, что расхождения между декларациями и реальными делами не являлись злым умыслом. Закономерность обесценивания идеалов революции была результатом насильственного насаждения ценностей и норм в ситуации подавления инакомыслия и принуждения, а также была вызвана отсутствием интеграционного единства в целях и задачах революционеров. Таким образом, ученый доказал недостижимость правового идеала в условиях жестокого произвола и насилия. Революции, по его мнению, стремясь установить новые идеалы и нормы насильственными методами, становятся реакцией, в этом заключается сущность «социального иллюзионизма».

В XX веке, по мнению П.А. Сорокина, под воздействием флуктуации начался процесс смены трёхвекового господства «чувственной» суперсистемы, охвативший в той или иной степени большинство стран мира и вызвавший цивилизационный кризис. Распад стадии чувственной культуры, согласно П.А. Сорокину, сопровождается выходом негативной человеческой энергии — кровопролитными войнами, восстаниями, проявлениями жестокости, вандализма, культом силы, погоней за призрачными ценностями, массовыми девиациями [3, с. 368-371].

Анализируя процесс дезинтеграции господствующей суперсистемы,

П.А. Сорокин вывел «закон позитивной и негативной поляризации», который позволяет понять причину роста социальных отклонений в поведении людей в кризисные времена [4, с. 214-215]. В бескризисные времена в обществе преобладает ценностное и моральное единство, большинство людей располагается в центре межполюсного пространства. Однако во времена великих кризисов общество имеет тенденцию к поляризации на противоположные моральные полюсы.

Поляризация объясняется П.А. Сорокиным тем, что поведение индивидов и социальных групп в периоды деморализации общества и кризисов проявляется в неоднозначных реакциях: одна часть общества склоняется к негативной девиантности (нравственному разложению, эгоизму, бездуховности, цинизму, преступности, умственным и психическим расстройствам), другая – укрепляет потенциал институциональных обновлений посредством морального возрождения, творчества, мобилизации воли, подвижничества и альтруистического перевоплощения (позитивная девиантность).

Причем обычно негативная поляризация превалирует над позитивной в начальный период кризисных времен, в то время как позитивная поляризация становится доминирующей на последнем этапе критического периода и после его завершения, при условии, что общество, о котором идет речь, не погибает в катастрофе [4, с. 241-242].

Выход из этого кризиса П.А. Сорокин связывал с переходом к идеалистической (интеграционной) суперсистеме, когда материальные ценности окажутся потесненными признанием сверхчувственных начал реальности, усилятся процессы интеграции всего человечества в общее социокультурное пространство.

Таким образом, циклическую смену социокультурных типов можно схематично представить следующим образом: внутри культурной суперсистемы нарастают неразрешимые противоречия, приводя к моральной дифференциации общества и к росту социальных аномалий (преступности, агрессии, психических расстройств, самоубийств и др.), причем негативная поляризация намного превосходит позитивную и имеет большой разрушительный потенциал; далее наступает пик роста социальных отклонений, который тем острее, чем сильнее поляризация и дезинтеграция в обществе; постепенно нарастает позитивная поляризация, создавая основу появления следующей культурной суперсистемы, общество преодолевает кризис посредством смены ментальности.

Не теряет актуальности постановка П.А. Сорокиным проблемы регулирования негативных социальных отклонений и адекватности социального контроля. Проблема самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка обсуждалась многими социальными мыслителями (О. Конт, Ч. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.). Опираясь на идеи классиков социологии, П.А. Сорокин в своих трудах исследовал эволюцию моделей и механизмов социального контроля.

Сущность регулирования социального поведения сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию и социализацию (усвоение норм индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, их реформирование; прорицает или наказывает за нарушение норм.

П.А. Сорокин выделил три основные формы актов поведения людей: дозволенные, должные, рекомендуемые. Регуляция происходит при помощи взаимодополнения оппозиционных норм и санкций: рекомендуемым актам (подвиг и услуга) предписываются награды, запрещенным (преступления) – кара, дозволенным – «должная реакция».

Мотивационное действие наград и наказаний превращает их в механизмы социальной регуляции, ведущие в конечном итоге к прогрессу человеческого поведения, заканчивающемуся появлением «сверхчеловека» с внутренним самоконтролем, основанным на «полной действенной любви к сочеловекам» [2, с. 357].

П.А. Сорокин видел неэффективность традиционных мер социального контроля, доказывал невозможность даже самыми жестокими мерами искоренить отклонения в поведении людей, искал гуманные способы предупреждения негативной девиантности. Мыслитель много размышлял над проблемой эффективности карательной деятельности государства. Анализируя различные модели социального контроля – репрессивные и реститутивные, он показал на многочисленных исторических примерах тенденцию к снижению жестокости и принуждения в карательной практике цивилизованного общества. «От безгранично жестоких и зверских убийств, от мучительно-увечажих кар – к бесстрадательному изолированию от общества и лишению делать преступления – такова формула этой эволюции» [2, с. 303].

Динамика кар и наград подчинена развитию общества от примитивных форм к современным демократическим структурам. В перспективе, по мнению П.А. Сорокина, все акты социального поведения будут регулироваться не

внешним контролем и принуждением, а внутриличностными побуждениями (внутренним ментальным контролем), из которых основными являются любовь к ближнему и этика солидарности.

В статье «Проблема новой социальной педагогики [Нечто утопическое, но могущее быть реальным, быть может, бесполезное, но наводящее на размышления]» П.А. Сорокин доказывал значимость морального воспитания личности и эффективности реститутивных моделей социального контроля современного общества. Задача эта, по его мнению, сводится к двум приемам: «во-первых, к тому, чтобы запечатлеть в уме человека идею добра или надлежащую форму поведения, во-вторых, к тому, чтобы сделать эту идею действительной...» [5, с. 255]. Тогда, по мнению мыслителя, «не нужны будут ни тюрьмы, ни виселицы, ни эшафоты, ни розги, ни удары, ни весь вообще богатый арсенал карательных и наградных давлений» [5, с. 255].

Высказанные П.А. Сорокиным идеи являются как никогда актуальными и продуктивными для понимания происходящих в России процессов, позволяют увидеть логику и тенденции развития кризисного социума.

Применив методологию и концептуальные подходы мыслителя к анализу отклоняющегося поведения, можно увидеть данный феномен в контексте закономерностей и механизмов социального бытия, как естественный и необходимый результат динамики социокультурных систем. Социальные отклонения представляются в этом случае как один из вариантов и путей адаптации культуры к перманентным социальным изменениям. Отсюда следует вывод, о «нормальности» и естественности социальных отклонений в поведении людей. В силу этого негативное девиантное поведение принципиально невоз-

можно полностью «искоренить», «ликвидировать».

В кризисном социуме нормы становятся подвижными и противоречивыми, благодаря интерференции старых и новых правовых и моральных отношений, провоцируя моральную поляризацию общества. Негативная поляризация становится доминирующей, приводя к нравственной деградации различных слоев населения, порождая массовые отклонения (насилие, агрессия, преступность, сексуальную распущенность, наркотизацию и алкоголизацию).

Кризисное состояние общества затрудняет процесс формирования официальных каналов вертикальной восходящей мобильности (социального продвижения), высшее образование (даже престижное) не выступает гарантом социальной карьеры и материального благополучия выпускников. В современном российском обществе продолжает сохраняться ситуация невостребованности высококвалифицированного интеллектуального труда и низкой его материальной оценки со стороны государства. В то же время «авантюрная» карьера, работа в предпринимательских кругах с темным (криминальным) прошлым представляется многим представителям молодежи быстрым «социальным лифтом», каналом, ведущим наверх, к вершине социальной стратификации современного российского общества. В результате этого в обществе происходит расхождение между декларируемыми ценностями и реальными возможностями и мотивами людей, нарушается равновесие между жизненными целями (например, стать богатым) и приемлемыми средствами их достижения.

Особую актуальность в современных условиях вызывает анализ культурных ценностей чувственной суперсистемы, доминирующей в

современном российском обществе. Можно констатировать, что в нашем обществе сложился тип потребительского поведения, ориентированный на гедонизм (желание испытать все возможные виды удовольствий), престижно-статусное потребление товаров и услуг. Под влиянием СМИ, рекламы, глянцевого журналов и прочих инструментов информационно-пропагандистского манипулирования сознанием, формируются рецептивные (достижительные) стратегии социального поведения, приводя к замещению ценностей труда, семьи, культуры и нарастанию ценностного конфликта в обществе.

Итак, рост социальных отклонений в современном российском обществе связывается нами, прежде всего, с кризисом чувственной суперсистемы, сопровождающейся социально-экономической нестабильностью, неадекватным социальным контролем, ценностным и моральным релятивизмом, нарастанием моральной дифференциации в обществе.

Литература

1. Сорокин П. А. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
2. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
3. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996.
4. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука. 1997.
5. Сорокин П. А. Проблема новой социальной педагогики // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.

Маргинальный человек Р.Э. Парка

Новикова Л. В.

Маргинальный человек Р. Парка является «естественным» продуктом таких проявлений современного общества, как мобильность, рациональность и высокая степень свободы. Феномен культурной маргинальности связывается им с расовыми и этническими отношениями. Автор статьи приходит к выводу, что, согласно Парку, маргинальный человек может стимулировать инновационные процессы в обществе.

Ключевые слова: современное общество, социальная мобильность, маргинальность, маргинальный человек, рациональность, коммуникация, социальная дистанция, расовый предрассудок, социальная ниша.

Novikova L. V.

The Park's marginal man

The article reveals that Park's marginal man is a «natural» product of such characteristics of the modern society as mobility, rationality and the high level of freedom. The article shows that the phenomenon of the cultural marginality is connected by Park with the racial and ethnical interactions. As the author of the article deduces, according Park the marginal may play the role of a social innovator.

Keywords: modern society, social mobility, marginality, marginal man, rationality, communication, social distance, racial prejudice, social niche.

Имя Р. Э. Парка (1864-1944) символизирует институционализацию социологии в США и формирование Чикагской социологической школы – одной из *ведущих* научных школ в социологии XX века. Так, Э. Тириакийн называет Чикагскую школу одной из трех «преуспевающих школ в развитии социологии». Датируя возникновение «новой социологии» 1890-м годом (дата академической институционализации социологии) Э. Тириакийн говорит о школе Дюркгейма, Чикагской школе и школе Парсонса как доминирующих. Роль Парка в развитии идей Чикагской школы социологии трудно переоценить. Используя терминологию Дюркгейма, Тириакийн характеризует Чикагский факультет социологии как «общность», отличающуюся «органической солидарностью» под руководством Парка². Парк стимулировал множество областей социального исследования, а любого ученика умел поднять на недостижимую, как казалось самому студенту, высоту.

Несмотря на общепринятое отождествление методологической направленности Чикагской социологической школы с эмпирической ориентацией, ряд исследователей отмечает, что Парк видел свой вклад в социальную науку в разработке системы понятий, помогающих классифицировать и анализировать полученные данные³. Ученый заявлял: «Проблема, которой я интересовался, была всегда скорее теоретическая, чем практическая»⁴. По мысли Э. Хьюза, «Парк не хотел формировать

систему, однако он был изначально системным социологом»⁵. Что касается эмпирической направленности исследований чикагских ученых, то она проявилась в первую очередь в отказе от абстрактных эволюционистских и индивидуально-психологических схем в объяснении жизнедеятельности общества и человека. Как отмечает Р. Тернер, данное направление акцентировало внимание на тех явлениях, которые были достаточно конкретны и требовали надежных методов изучения⁶. Работа с фактами, а не предположениями – один из принципов научного творчества Парка и его последователей. Два ведущих социолога Чикагского университета – У. Томас и Р. Парк – ставили задачу создать теорию с таким концептуальным аппаратом, который можно непосредственно использовать в эмпирических исследованиях (идея «теории среднего уровня» в лице Р. Мертона появится в американской социологии только в сороковые годы прошлого века).

Другой отличительной чертой деятельности чикагских социологов стало доминирование в их исследованиях ориентации на изучение *социальных процессов, а не социальных структур*. Такая направленность была присуща именно американской, а не европейской традиции. Социальное изменение получило в работах чикагских ученых не только институциональное, но и личностное измерение: ими проанализированы тысячи биографий, дневников, писем с целью изучения модификации установок и поведения человека в изменяющемся мире. Э. Д. Ракер в своей работе «Американские прагматисты» отмечал, что чикагские ученые сосредоточили внимание на социальном действии и человеческой активности. Он писал: «Чикагский универси-

тет обеспечил атмосферу энергии и разрыва с прошлым, что соответствовало американским традициям мышления, отличным от европейского наследия»⁷.

Живой отклик на динамику современного американского общества, внимание к проблемам урбанизации, адаптации многочисленных иммигрантов, социального контроля в бурно меняющихся социальных условиях вылились в подвижническую социальную работу и беспрецедентное социальное реформаторство. Чикаго стал наиболее социологически изученным городом, застройка и организация жизнеобеспечения которого осуществлялись с учетом исследований ученых Чикагского университета.

Изучение Парком социальной мобильности и феномена маргинальности выполнено в духе вышеозначенных ориентаций: концептуальности, отклика на процессы социального изменения, внимания к конкретным фактам и животрепещущим проблемам своей страны.

Мобильность, по мысли Парка, – одна из главных характеристик современной цивилизации, основные проявления которой он описывает в своей статье «Современное общество». Парк дает яркую картину современной социальной жизни: территориальное расширение мировой экономики, всемирное разделение труда, разнообразие и, одновременно, взаимозависимость хозяйственной деятельности разных стран. Это расширяющееся общество обладает огромной сложностью и все большей взаимозависимостью народов.

Предвосхищая идею формирования глобального общества, Парк отмечал, что социальная наука его времени использует понятие общества для «описания той всемирной сети социальных отношений, в пределах которой в нашем современном мире все народы и все институты

очевидным образом связаны друг с другом и продолжают связываться все теснее»⁸. Ссылаясь на Грэма Уоллеса, Парк употребляет применительно к современной социальной системе введенный данным автором термин «Великое Общество», показывая ее коренное отличие от социальных систем прошлого.

Великому Обществу присущ ряд отличительных характеристик. Оно обладает *размером*, который в силу развития торговли и промышленности постоянно расширяется. Возникает цивилизация, «обнимающая собою весь мир». Получив в наследие культурные традиции древних цивилизаций, она, включая множество расовых меньшинств и локальных культур, формирует культурные ресурсы этого нового, по сути космополитического, общества.

Новая растущая цивилизация достигла совпадения ее границ с географическими границами человеческой среды обитания. По мысли Парка, «дальнейшая экспансия Великого Общества... будет происходить в направлении большей сложности, а не территориального расширения»⁹.

Сложность - вторая характерная черта новой цивилизации. Парк связывает ее с «необычным разнообразием и взаимозависимостью в современной промышленности». Говоря о взаимосвязанности всех частей мирового сообщества, Парк пишет о таком состоянии, когда «цена сырого каучука на лондонском рынке стала оказывать глубокое влияние на жизнь туземцев в Центральной Африке и в верховьях Амазонки»¹⁰.

Следующей яркой чертой современного общества является *скорость* развития. Хотя цивилизация, по мысли ученого, скорее всего, появилась с развития оседлых народов, Парк со ссылкой на Карла Бюхера отмечает, что каждый но-

вый прогресс в культуре, как правило, начинается с нового периода миграции. Мобильность, которая часто связывалась именно с миграцией, всегда считалась показателем (или даже причиной) социального изменения. Миграция не тождественна мобильности. В современном мире миграция, по Парку, почти прекратилась (за исключением миграции беженцев), тем не менее мобильность мирового населения достигла невероятных размеров.

Мобильность многомерна: в разное время она отождествлялась как с миграцией и переменой места жительства (Парк данные понятия разделяет), так и со сменой профессии и статуса в социальной иерархии. Как видно из приведенного материала, направление мысли Парка в изучении социальной мобильности аналогично рассуждению П. Сорокина о том же предмете.

Любое усовершенствование в сфере коммуникации (в первую очередь - развитие транспорта) способствовало повышению мобильности в мире, так как обеспечивало пересечение огромных пространств за небольшие промежутки времени. Парк дает яркую картину современного ему общества посредством меткого образного языка. Ученый пишет, что «...аэроплан почти уничтожил расстояния, некогда разделявшие нации и народы, а радио превратило мир в одну огромную перешептывающуюся галерку»¹¹. Если к этим примерам добавить современный Интернет, картина станет еще более впечатляющей. Любые достижения в сфере коммуникации повышают скорость социального изменения. Мобильность в современном мире развивается гораздо более быстрыми темпами, чем в другие периоды истории.

Высокая скорость преобразования современного общества связана, помимо развития коммуникаций

(в широком смысле этого слова), с появлением денежной экономики. Как пишет американский ученый, «ничто так не способствовало мобилизации и секуляризации современного общества, как все большее использование денег в качестве меры ценности и средства обмена»¹². Данный ракурс описания современного общества явился следствием знакомства Парка с творчеством Георга Зиммеля, чьи незаурядные лекции стали единственным прослушанным Парком систематическим курсом по социологии. В своей широко известной работе «Философия денег»¹³ немецкий мыслитель пишет о том, что появление денег способствовало развитию прагматизма и рациональности в социальном мире. Последнее привело к обезличенности человеческих контактов и появлению в отношениях людей цинизма (все продается), способствовало релятивизации всего человеческого существования. Именно Зиммель одним из первых показал, что денежное хозяйство способствует превалированию интеллектуализма над чувствами и определяет «расчетливую сущность нового времени». Следуя взглядам своего учителя, Парк отмечает, что в Великом Обществе повсеместно произошла замена личной и моральной связи безличной и рациональной связью между его членами. Данные размышления американского ученого сопоставимы с учением о рациональности М. Вебера, для которого социальный прогресс воплощался в первую очередь в растущей рационализации социальной жизни.

Четвертой характеристикой современного общества, по Парку, является *механизация* как результат развития человеческого разума. Машина – одно из проявлений рациональности. К этому добавилось развитие технологии, достигшее наибольшего расцвета в городах, «где она полностью трансфор-

мировала человеческую среду обитания»¹⁴. На наших глазах мысль американского ученого наполняется новыми реалиями. В приведенных размышлениях Парка снова чувствуется влияние Зиммеля, хотя взгляды американского социолога отличаются большей нейтральностью в интерпретации современных интеллектуальных и технических достижений человечества. Зиммель акцентирует внимание на потерях в сфере индивидуального мастерства и творческих потенциалов, которые неизбежны в условиях машинного производства и лишения духовности технологий.

Рациональная наука и технология проникли во все сферы общества. «Они, – как пишет Парк, – привели к замене в политике, образовании и бизнесе методов *понимания* методами *манипулирования*» (выделено нами – Л. Н.)¹⁵. Данная мысль Парка очень интересна и требует дальнейшей разработки. Каждый аспект жизни современного общества «механизируется и рационализируется», что с неизбежностью приводит, как уже было отмечено выше, к повсеместному вытеснению близких и личностных отношений безличными и формальными отношениями. Это, в первую очередь, происходит в городах.

И, наконец, пятой характеристикой современного общества является *свобода*. Она имеет множество измерений: свобода передвижения, приобретающая гигантские масштабы, свобода «конкурировать за род занятий в экономике общества... место и статус в социальной иерархии»¹⁶, свобода самовыражения, свобода от моральных запретов и др.

Перечисленные характеристики современного общества нашли свое личностное воплощение в *маргинальном человеке*. Понятие «маргинальность» было введено

Парком в 1928 г. и стало преломлением Зиммелевского понятия «чужой». В знаменитом учебнике социологии, написанном Парком и его ближайшим соратником Э. Берджессом, приводится текст Зиммеля с описанием социального содержания понятия «чужой». Социальный тип «чужого» отличается такими характеристиками, как мобильность, объективность, уверенность, свобода от условностей, отстраненность¹⁷.

Парк под маргинальностью понимал промежуточное положение между двумя социокультурными группами и появление культурного «гибрида», не включенного полностью ни в одну из них. Хотя в ряде статей Парка приводятся материалы из опыта социализации полукровок, ученый, следуя за рассуждениями Зиммеля, подчеркивает, что не смешение кровей, а *жизнь в двух мирах*, в каждом из которых он чужой, является отличительной характеристикой маргинального человека.

В дальнейшем понятие «маргинальность» стало трактоваться в работах ученых более широко: под данным феноменом стали понимать любое нечеткое определение социального статуса, а с позиций субъекта - одновременную самоидентификацию с различными социальными позициями.

Появление маргинального типа личности Парк связывает с широкой и длительной (четырехсотлетней) экспансией европейцев. Она привела к «столь разрушительным изменениям», какие «еще не видывала мировая история». Экспансии сопутствовали как временные, так и устойчивые перемещения, вызывающие «взаимопроникновение народов и смешение культур». «Помимо всего прочего, в определенное время и в определенных обстоятельствах она произвела особый личностный тип»¹⁸. Парк

признает, что данный тип человека «не совсем новый», но он особенно характерен для современного мира. Этот тип получил название «маргинальный человек»¹⁹.

Парк исследует в своих работах социальный тип *культурного маргинала*, представленного в условиях Америки многочисленными расовыми и этническими группами, не относящимися к коренному населению. С течением времени от смешанных браков появляется «человек смешанных кровей» - «евразиец, метис или мулат, т. е. человек, которому самым фактом его расового происхождения предначертано занимать положение где-то в промежутке между двумя культурами, представленными соответственно его родителями...»²⁰. В этом социальном типе наиболее ярко отражены черты личности маргинального человека.

По мысли Парка, маргинальный человек, будучи наиболее эмансипированным, является следствием и, одновременно, носителем секуляризации сакральных отношений. В нем находит воплощение современная цивилизация, так как в его душе «моральное смятение, обусловленное новыми культурными контактами, проявляет себя в наиболее явных формах»²¹. Парк рассматривает проблемы маргинального человека в контексте необычайно интенсивного конфликта культур. В современном обществе сложились определенные группы людей (американские мулаты, европейские евреи, азиатские полукровки, китайские торговцы самого юга Азии), которые глубоко вовлечены в два отличных друг от друга общества, ни в одно из которых они не могут быть полностью вписаны. Данные группы являются большой проблемой как для общества, так и для самих себя. Маргинальный человек обречен на жизнь в двух обществах и в двух культурах, кото-

рые являются антагонистами. Живя в двух мирах, он в каждом из них является космополитом и чужаком. Тем не менее, по отношению к своей первоначальной среде он «становится человеком с более широким кругозором, более тонким интеллектом, более отстраненной и рациональной точкой зрения. Маргинальный человек – это всегда человек сравнительно более цивилизованный», продукт «экономического, политического и культурного империализма»²².

Р. Парк неоднократно подчеркивал, что современная цивилизация представлена в первую очередь городским светским обществом. Большие города приманивают огромное количество представителей разных рас и культур. В них разрушаются прежние модели социальной коммуникации и социального контроля, сходит на нет система устойчивых моральных стандартов. Именно в городах формируется социальный тип *культурного маргинала*. Город для Парка и его учеников становится на долгие годы главной «социальной лабораторией».

Именно в больших городах вместо мира тесных контактов, личных привязанностей и традиций «вырос великий мир, межплеменной, межрасовый и межнациональный, мир бизнеса и политики»²³. Городской мир концентрируется вокруг рынка, где люди обучаются «тонкостям коммерции» и «холодной калькуляции, в том числе в человеческих отношениях», а также приобретают индивидуальную свободу действовать исходя из интересов, а не чувств»²⁴.

Чикагского ученого с его ярко выраженным реформаторским пафосом не могли не волновать проблемы урегулирования взаимоотношений мигрантов (культурных маргиналов) и местного населения. В своей статье «По ту сторону на-

ших масок» на примере выходцев из Китая и Японии, осевших в Америке, Парк максимально беспристрастно анализирует причины возникновения социальной дистанции между ними и местным населением. По мысли ученого, это скорее – проблема *коммуникации*, а не изначальных коренных отличий представителей разных рас и культур. По мере того как пришлые и коренные народы знакомятся друг с другом, «поведение, шокировавшее нас своей необычностью, становится знакомым и понятным». Казавшиеся непроницаемыми лица «становятся выразительными и человечными». Личные отношения и дружеские привязанности являются «великими моральными растворителями»²⁵. Приведенные высказывания нашли свое концептуальное выражение в учении Парка о социальной дистанции и расовом сознании, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Формирующийся в современной городской среде маргинальный тип личности постепенно становится *доминирующим*. Именно его установки лежат в основе современной рациональной цивилизации.

Обладая более широким горизонтом, более тонким интеллектом, большей независимостью, рациональностью, цивилизованностью, маргинальный человек одновременно воплощает в себе ряд непривлекательных черт: возможность превращения рациональности в цинизм, свободы от предрассудков и стереотипов – в полную утрату нравственных ориентиров. Так, ученый отмечает, что контраст между китайцами, родившимися в Америке, и их родителями весьма резок. «Рожденные здесь сыновья чаще всего бесцеремонны и фамильярны»²⁶. Парк также подчеркивал, что внутренняя свобода маргинального человека нередко оборачивается одиночеством. Нако-

нец, маргинальный человек требует установления над его поведением новых, не известных в прошлые эпохи форм социального контроля, эффективность которых трудно гарантировать.

Парк отмечал, что «великие города, в которых людей объединяли скорее симбиотические, нежели социальные связи... пока не развили традиции... или моральной солидарности, достаточных для того, чтобы гарантировалось воспроизводство существующих социальных институтов...»²⁷. Однако в размышлении об отсутствии новых, адекватных времени, форм социального контроля, ученый находит в современном обществе приметы развития «дружественности и интереса друг к другу разных народов». «Непредвзятое исследование фактов, - писал ученый, - ... должно .... по крайней мере уgomонить страсти и очистить ситуацию от какой-то части заключенной в ней горечи»²⁸.

Проблемы маргинальности рассматривались Парком в их тесной связи с размышлениями ученого о *социальной дистанции* между различными социальными группами.

Понятие социальной дистанции позаимствовано Парком у Зиммеля. Как пишет Л. Козер, оно имело огромное значение для понимания современных расовых отношений²⁹. Будучи беспристрастным ученым, Парк считал, что настоящий исследователь не должен «проклинать одних и молиться за других». Он изучал социальную дистанцию между представителями разных социальных групп как «естественный» феномен жизни общества. Парк полагал, что данное явление не должно изучаться с позиций морализаторства и оценочных суждений. По воспоминаниям Э. Берджесса, Парк призывал студентов стать учеными, которые исследуют расовые отношения с такой же

объективностью, с какой зоолог расчленяет картофельного жука.

Парк определял социальную дистанцию как степень близости между группами и индивидами. «Степень... близости измеряет влияние, которое каждый оказывает на другого»³⁰. К социальной дистанции имеют прямое отношение такие понятия, как расовое сознание и классовое сознание. Они описывают мироощущение, «в котором мы сознаем дистанции, отделяющие... нас от классов и рас, не достаточно понимаемых нами»³¹. По мысли Парка, противостояния между представителями разных социальных групп можно смягчить осознанием каждой группой и каждым индивидом своего места в социальной структуре и своей собственной дистанции. Ученый пишет: «По-видимому, каждый способен поладить с любым другим, если оба будут сохранять надлежащую дистанцию»³². Одновременно Парк анализирует присутствие в расовом и классовом сознании предубеждений и предрассудков. Он считал, что предрассудок - «более или менее инстинктивная и спонтанная диспозиция к сохранению дистанции»³³. Это не патология, а *универсальный человеческий феномен*. Американскому социологу принадлежит весьма смелое высказывание: предрассудки отсутствуют только у человека без убеждений и вовсе без характера. Дружественность и враждебность - соотносимые понятия. Более того, предрассудок и социальная дистанция - неискоренимые аспекты человеческой ассоциации³⁴.

Расовый предрассудок можно рассматривать как «феномен статуса». Парк пишет: «Каждый индивид, с которым мы встречаемся, с неизбежностью находит место в нашем сознании в некоторой уже определенной категории»³⁵. Каждая личность определяется и

оценивается согласно приписываемому ей статусу в установленном порядке вещей.

Учение Парка о социальной дистанции было подхвачено Э. Богардусом, который создал широко известную «шкалу социальной дистанции». Хотя результаты измерения не отражали объективного социального статуса этнических групп, они помогли в изучении национальных стереотипов и разделяющих людей предрассудков. Пункты шкалы содержали вопросы по поводу установления родства посредством брака, членства в одном клубе, общей занятости в «моей» профессии, общего гражданства в «моей» стране и проч. Аналогичные исследования были бы полезны для изучения стереотипов и предрассудков современных россиян в сфере межэтнических отношений.

Расовые конфликты показывают, что, когда традиционный порядок ослабляется, привычная аккомодация более не эффективна и социальная дистанция не может быть сохранена. Расовые конфликты – предвестники изменения в расовом статусном порядке. Они готовят основание для новой аккомодации.

В 1928 г. Парк писал: «В Америке, возможно, менее всего расового предрассудка, чем где-либо еще, но существует большой расовый конфликт и больше антагонизма»³⁶. Такое положение связано с наличием в американском обществе большего изменения и большего прогресса. Таким образом, со свойственной ему широтой и объективностью Парк считает наличие расовых конфликтов и расовых предрассудков следствием бурных изменений, требующих всестороннего изучения и выработки новых форм социального контроля с целью установления стабильного социального порядка.

С точки зрения Парка, цикл расовых отношений от аккомодации к конфликту и новой аккомодации и, возможно, ассимиляции, – частный случай общего процесса социального изменения.

В своих ранних работах Парк связывал расовые и этнические предрассудки с боязнью экономической конкуренции. Страх потерять экономический статус оборачивается ненавистью к представителям других (более активных или трудолюбивых) расовых и этнических групп. Данный предрассудок, по Парку, не рассеивается благодаря пониманию ситуации и знакомству. В более поздних исследованиях, в свете изложенной выше идеи социальной дистанции (интерпретация которой исключала болезненное чувство, антагонизм, а означала просто степень близости), Парк назвал основной причиной предрассудка *ненадежность* (непредсказуемость) отношений с *чужим*. Предсказуемость была признана им существенным условием человеческого взаимодействия. Постепенно Парк стал трактовать предрассудок как фазу межгруппового процесса, а социальную дистанцию – как проблему коммуникации. Таким образом, мысль американского ученого прогрессировала от отождествления предрассудка с прямым откликом на экономическую конкуренцию до описания более сложной установки, которая может сохраняться посредством идеологии и консервироваться при помощи социальной структуры³⁷. «Предрассудок в целом – не агрессивная, а консервативная сила; это своего рода спонтанная консервация, нацеленная на сохранение социального порядка и тех социальных дистанций, на которых этот порядок держится»³⁸.

Как отмечает американский ученый, расовое и классовое сознание «часто затрудняет... и ослабляет

личные отношения... которые при других обстоятельствах... могли бы стать самыми близкими и заключать в себе полное взаимопонимание»³⁹. Когда отношения людей строятся скорее на личностной, чем на групповой основе, предрассудки подрываются⁴⁰. Таким образом, радикальная трансформация личности в сторону преодоления предрассудков и предубеждений в отношении человека из другой социальной группы, возможна только под влиянием близких и конкретных контактов.

Социальная дистанция является барьером в коммуникации (наряду с различиями в языке и традициях). Проблема расовых предрассудков всегда очень остро стояла перед американским обществом. Она еще более обострилась в связи с «пришельцами» из Китая и Японии. Парк приводит примеры несходства этикета и мироощущения людей восточной и западной культур и подчеркивает, что чем «более разительны расовые отличия, тем интенсивнее расовое самосознание и тем больше та *социальная дистанция*, которая отделяет пришлые народы от коренных»⁴¹. Однако при вдумчивом изучении особенностей каждого народа и проникновении «в мотивы, стоящие за обычаями и поведением, которые казались нам поначалу странными, инородными и отталкивающими», мы с неизбежностью обнаруживаем, что сходные мотивы могли бы двигать и нами при схожих обстоятельствах⁴².

Живым воплощением «плавильного котла» является маргинальная личность. Именно она может стать связующим звеном между различными расовыми и этническими группами и способствовать взаимопониманию между ними. Будучи двуязычной, маргинальная личность способна к усвоению ценностей двух разных культур и пере-

носу культурных паттернов от одной группы к другой, а потому может сыграть позитивную роль в уменьшении социальной дистанции между представителями коренного населения и иммигрантами. Ее личность необратимо трансформируется под воздействием различных культурных паттернов, а потому она способна играть лидирующую роль в процессах ассимиляции. Маргинальная личность с ее внутренней свободой и широтой мировоззрения может стать живым участником позитивных преобразований в обществе и культуре.

В современной отечественной социологии явление маргинальности нередко трактуется «с оттенком некоторой ущербности, неполноты возможностей»⁴³. Скорее всего это связано с типичной российской ситуацией девяностых годов прошлого века, когда люди интеллектуальных профессий порой выполняли не свойственную их квалификации работу: торговали на рынке, работали в охране, убирали офисы и т. п.

В современной западной социологии, как пишет В. А. Ядов, по аналогии с понятием «маргинальность» появилось понятие «социальной ниши». Ссылаясь на Оксфордский толковый словарь, В. А. Ядов определяет социальную нишу как «удобное положение (место), где человек имеет право делать то, что хочет, с комфортом и удовольствием»⁴⁴. Западные социологи изучают жизненные шансы представителей социальных ниш, связи внутри данных социальных групп и их отношения с представителями доминантных социальных образований. Ниши представляют собой целостные социальные группы, чьи практики не укладываются в общепринятые социальные нормы. Тем не менее представитель социальной ниши чувствует себя в моральном плане вполне благополуч-

но. Сравним внутреннее состояние представителя социальной ниши с Я-концепцией маргинальной личности Парка: маргинальный человек не в состоянии осознать свою идентичность и не может уверенно определить свой статус в социальном пространстве, он чувствует себя чужаком, его чувство отстраненности, помогая в определенных обстоятельствах, порождает одновременно чувства смятения, тревоги, изолированности. Парк приписывает маргинальной личности постоянное состояние фрустрированности, «духовную нестабильность, обостренное самосознание»⁴⁵. Современная концепция социальной ниши «опирается на активистскую теорию, каковая подчеркивает инновационные потенции акторов, их способность находить свой способ действий в заданной институциональной среде»⁴⁶.

Однако при внимательном прочтении работ Парка можно обнаружить материал, который описывает такой способ адаптации пришлых народов к новым социальным условиям, который напоминает положение в обществе индивидов из социальных ниш. Так, Парк отмечает, что при определенных условиях «люди разных расовых пород могут жить бок о бок в отношениях симбиоза, играя каждый свою роль в общей экономике, но не перекрещиваясь в сколь-нибудь значительной степени; при этом каждая группа... более или менее полностью сохраняет... свое собственное общество»⁴⁷.

Примечания:

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 297.

2. Tiryakian E. A. The significance of schools in the development of sociology. – Contemporary issues in theory and Research. A metasociological Perspective. Ed. by W. E. Snizek, E. R. Fuhrman, M. K.

Miller. London, Greenwood Press, 1979. P. 224 – 226.

3. Coser L. A. Masters of Sociological Thought. Ideas in historical and social context. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. P. 57.

4. Odum H. W. American Sociology: The Story of Sociology in the United States through 1950. New York: Longman's Green, 1950. P. 133.

5. Coser L. A. Masters of sociological thought. Ideas in historical and social context. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. P. 357.

6. Turner R. N. Introduction. In: Park R. E. On Social Control and collective behavior. Selected papers. Ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. XVII.

7. Rucker E. D. The Chicago Pragmatists. Minneapolis: University of Minnesota press, 1969. P. 36.

8. Парк Р. Э. Современное общество // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4 (10). С. 145.

9. Там же. С. 148 – 149.

10. Там же. С. 151.

11. Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. N 2. С. 173.

12. Парк Р. Э. Современное общество // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4 (10). С. 155.

13. Зиммель Г. Философия денег (Фрагмент) // Теории общества. Сборник. М., 1999. С. 309–383.

14. Парк Р. Э. Современное общество // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4 (10). С. 157.

15. Там же. С. 159.

16. Там же. С. 161.

17. Park R. E. and Burgess E. W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago and London: The University of Chicago Press. Third edition, 1969. P. 323–325.

18. Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. N 2. С. 174.

19. Там же.
20. Парк Р. Э. Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. N 2. С. 189.
21. Парк Р. Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. N 3. 4 С. 176.
22. Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. N 2. С. 175.
23. Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. N 2. С. 173.
24. Там же.
25. Парк Р. Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 1(7). С. 111.
26. Там же. С. 108.
27. Парк Р. Э. Современное общество // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4 (10). С. 164.
28. Парк Р. Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 1(7). С. 112 - 113.
29. Coser L. A. Masters of sociological thought. Ideas in historical and social context. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. P. 360.
30. Park R. E. Race and Culture. Glencoe, Illinois: Free Press, 1950. P. 257.
31. Op. cit.
32. Парк Р. Э. Понятие социальной дистанции (В применении к исследованию расовых установок и расовых отношений) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. N 2. С. 194.
33. Park R. E. Race and Culture. Glencoe, Illinois: Free Press, 1950. P. 259.
34. Op. cit. P. 230.
35. Op. cit. P. P.232.
36. Op. cit. P. P.233.
37. Turner R. H. Introduction. In: Park R. E. On Social Control and collective behavior. Selected papers. Ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. XXVII.
38. Парк Р. Э. Понятие социальной дистанции (В применении к исследованию расовых установок и расовых отношений) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. N 2. С. 196.
39. Там же. С. 193.
40. Turner R. H. Introduction. In: Park R. E. On Social Control and collective behavior. Selected papers. Ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. XXXVI.
41. Парк Р. Э. Понятие социальной дистанции (В применении к исследованию расовых установок и расовых отношений) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. N 2. С. 111.
42. Там же.
43. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 55.
44. Там же.
45. Парк Р. Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. N 3. С. 176.
46. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 55.
47. Парк Р. Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 3-4. С. 173.

И ТЕХНИКА

Контент-анализ в исследовании имиджа

Брянцева Е.А.

В статье описываются методология и методика социологического исследования имиджа с применением метода контент-анализа.

Ключевые слова: Социология имиджа, контент-анализ, имидж, социологическое исследование имиджа.

Bryantseva E.A

Content-analysis in a study the image

The article describes methodology and methodic of sociological research of image with the help of content-analysis.

Keywords: Sociology of image, content-analysis, image, sociological research of image.

В научной литературе можно встретить, как минимум, две классификации метода анализа документов. В рамках первой он включает две разновидности: традиционный (классический) анализ и формализованный (количественный, контент-анализ) анализ. Вторая классификация возникла в социологии относительно недавно и включает три разновидности метода анализа документов: традиционный анализ, формализованный анализ и дискурс-анализ¹. Некоторые исследователи добавляют ещё один вариант с учётом биографического метода как способа изучения личных документов (письма, дневники, воспоминания, автобиографии)².

Обобщив различные классификации, получим сводную таблицу видов анализа текстов по трём основаниям.

Под содержанием текста в контент-анализе понимается совокупность имеющихся в тексте сведений, оценок и идей, сформулированных соответственно с концепцией или замыслом автора. Текст состоит из простых и сложных высказываний, в которых заключен смысл темы.

Таблица 1
Классификация видов анализа текстов

Основание классификации	Виды анализа текстов
1) По степени формализации	1) Классический (традиционный) анализ 2) Количественный (формализованный, контент-анализ)
2) По способу изучения документов	1) Классический анализ 2) Биографический анализ 3) Контент-анализ
3) По способу организации текста	1) Классический анализ 2) Дискурс-анализ 3) Контент-анализ

Следует уточнить, что любой метод социологического исследования содержит общую внутреннюю структуру: нормативную, инструментальную и процедурную группу элементов³. Каждая группа содержит ряд требований. В частности, в нормативном содержании контент-анализа присутствует три группы требований.

Первая группа раскрывает возможные *области* и *условия* применения контент-анализа. Область применения: анализ содержания текстов различного характера – материалов средств массовой информации (газет, радио, телевидения), средств массовой устной пропаганды (лекций и др.), писем граждан в органы управления, протоколов собраний общественных организаций, решений органов управления, различного рода служебных документов (характеристик и др.), текстов неформализованного интервью и т.п. Важным условием корректного применения контент-анализа является разработка инструкции кодировщику, поскольку данный метод применяют только в информационных массивах, состоящих из большого количества текстов.

Вторая группа требований содержит *правила действий* и выделяет в них *операционное содержание*, которое в дальнейшем мо-

жет быть развернуто в программу действий. В данном случае центральным элементом контент-анализа выступает логическая модель предмета анализа, где выделяют три элемента: категориальная модель предмета анализа; система единиц анализа; меры (единицы) измерения.

Третья группа задает необходимые свойства используемых средств как *инструментов*. Инструментами контент-анализа выступают методические, организационные и технические средства, свойства которых задаются исследователем в зависимости от цели и задач конкретного исследования.

Инструментальная часть контент-анализа располагает тремя видами инструментария, необходимыми для достижения поставленных целей: методическим, организационным и техническим инструментарием. Инструментарий, как набор специально разработанных исследователем средств, специально конструируется для выполнения определённых задач при достижении необходимых результатов и вводится в технологию социологического исследования.

Организационный инструментарий включает план научно-исследовательских работ, график проведения исследования, список

организационной структуры исследовательской команды и средства структурирования (инструкцию регистратору, кодировщику, памятку).

Технический инструментарий контент-анализа включает технические средства анализа, регистрации и обработки данных.

Методический инструментарий исследования включает классификатор (кодификатор, рубрикатор) контент-анализа, бланк (протокол) анализа документов, регистрационную карточку и кодировочный инструмент (кодировочную инструкцию и кодировочную карту).

Классификатор представляет собой методический документ для выделения и регистрации признаков текстовой информации. В классификаторе в общую таблицу вводятся все категории (подкатегории) анализа и единицы текста. Классификатор контент-анализа выглядит в виде общей таблицы, куда сведены все категории (и подкатегории) анализа и единицы анализа, предназначение которой – стремление предельно четко зафиксировать то, в каких единицах выражается каждая категория, используемая в исследовании⁴.

В научных работах нет однозначно прописанной процедуры составления классификатора. Предложим оригинальный подход к разработке данного методического документа, апробированный со студентами социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова на практических занятиях по спецсеминару «Контент-анализ в социологических исследованиях», проводимого автором на протяжении трёх лет в рамках специализации на кафедре методологии социологических исследований.

Этапы проектирования классификатора контент-анализа:

1. Сбор исследовательской команды, ознакомление кодировщика (сотрудника, работающего с текстом, фиксирующего частоту употребления единиц счёта) с результатами, гипотезами и выводами предыдущих исследований.

2. Формулирование заданий к проектированию классификатора по теме, которая соответствует программе исследования.

3. Выделение основных концептуальных понятий (или блоков понятий) исследования (они могут быть взяты из темы, проблемной ситуации, используемых теорий, совокупности анализируемых текстовых массивов).

4. Построение категориальной модели исследования в виде блок-схемы, чётко отражающей взаимосвязи между выделенными понятиями (или блоками понятий).

5. Построение категорий анализа.

6. Терминологическое уточнение фиксируемых признаков категории анализа в языке текста документа.

7. Определение случаев не терминологической фиксации признаков категорий анализа, а по смыслу единиц текстовой информации.

8. Выделение единиц анализа, разложив категории анализа на более конкретные составляющие. (Единицами анализа могут быть конкретные слова и словосочетания, наиболее часто встречающиеся в анализируемых текстовых массивах и относящиеся к теме исследования).

9. Установление единиц счёта, с помощью которых будут подсчитываться в тексте единицы анализа. Единицами счёта могут быть количество слов, количество строк, количество абзацев, посвящённых теме исследования или площадь текста в см³.

10. Построение общей схемы категорий анализа, единиц анализа и единиц счёта в их логической зависимости с целью уточнения.

11. Построение общей схемы классификатора в оптимальной последовательности для регистрации признаков и их последующая обработка.

12. Построение классификатор контент-анализа в виде единой сводной таблицы, где:

1-ая колонка - категории анализа;

2-ая колонка - единицы анализа;

3-я колонка - единицы счёта.

13. Проектирование на основе классификатора бланков анализа. (Разработка бланка контент-анализа происходит на основе анализа выборочной совокупности и классификатора контент-анализа: необходимо внести в бланк наиболее значимые для исследования характеристики анализируемых текстовых массивов, а также категории анализа, присутствующие в каждом массиве).

14. Апробация проектов бланков и их уточнение.

15. Разработка программы обработки бланков анализа.

16. Конструирование инструмента для измерения и регистрации единиц анализа (регистрационных карточек и проч.)⁵.

17. Составление заданий и инструкций регистраторам, кодировщикам по работе с текстами, с инструментарием анализа.

18. Апробация, пилотаж проектов классификатора, бланка, регистрационных карточек.

19. Окончательное утверждение проектов, их размножение.

Процесс проектирования классификатора контент-анализа включают в себя этапы проектирования бланка контент-анализа и этапы проектирования регистрационной

карточки контент-анализа. С методологической точки зрения важно подробно остановиться на каждом этапе проектирования. Рассмотрим сначала процедуру проектирования бланка контент-анализа.

Бланк (протокол) контент-анализа - методический документ, фиксирующий результаты сбора документальной информации в содержательной или закодированной форме.

В бланке могут быть выделены разделы не только для непосредственно регистрируемых признаков (категорий анализа), но и для сведений о документе, о ходе процедур анализа. В бланке может быть представлен как весь используемый классификатор, так и его отдельные части. Бланк контент-анализа должен включать: 1) сведения о документе (его авторе, времени издания, объеме и т.п.); 2) итоги его анализа (количество случаев употребления в нем определенных единиц анализа и следующие отсюда выводы относительно категорий анализа. К бланку анализа прилагается инструкция кодировщику (регистратору).

Этапы проектирования бланка контент-анализа:

1. Построение единиц анализа.

2. Кодирование массива текстовой информации.

3. Выделение значимых дополнительных параметров массива текстовой информации, исходя из темы, цели, задач исследования.

4. Построение общей схемы единиц анализа и индикаторов в их логической зависимости с целью уточнения.

5. Проектирование на основе бланка анализа регистрационной карточки.

В бланке необходимо указать значимые признаки массива текстов, которые используются в исследовании, а также занести дан-

Таблица 2
Пример бланка контент-анализа

№	Источник	Название публикации	Жанр публикации	Дата написания публикации	Пол автора	Наличие категорий анализа	Количество единиц анализа

Таблица 3
Пример регистрационной карточки

№	Название публикации	Категория анализа	Единица анализа	Единица счета

ные о количестве единиц анализа, найденных в данном тексте. Исходя из целей исследования можно добавить такие ячейки, как «пол автора», «жанр текста», «профессия автора», «печатное издание», «дата написания текста». Приведем пример бланка контент-анализа (табл.2).

После того как составлен бланк контент-анализа, социолог переходит к проектированию регистрационной карточки.

Регистрационная карточка – методический документ, используемый для регистрации отдельных единиц и категорий анализа. Она представляет собой кодировальную матрицу, где отмечается количество единиц счета, характеризующих единицы анализа. На этом этапе необходимо проследить, сколько в каждом документе имеется единиц счета и соответствующих им единиц анализа. После заполнения регистрационной карточки можно заполнять бланк контент-анализа.

Этапы проектирования регистрационной карточки:

1. Построение единиц счета и индикаторов анализа.
2. Кодирование массива текстовой информации.
3. Построение общей схемы единиц счета и индикаторов в их ло-

гической зависимости с целью уточнения.

4. Составление таблицы, которая отражала бы названия текстов (или их коды) по горизонтали и единицы анализа, разложенные на единицы счета по вертикали, или наоборот. Если в исследовании единицами анализа служат определенные слова и их количество достаточно велико, то необходимо вместо единиц счета создать ячейки «количество единиц счета». Если же единицами счета выступают темы, то необходимо каждую единицу анализа расписать по единицам счета.

5. Анализ текстов, необходимых для исследования и занесение результатов в регистрационную карточку.

Приведем пример регистрационной карточки (табл.3).

После составления бланка и регистрационной карточки социолог составляет инструкцию кодировщику⁶. Приведем пример такого документа.

Инструкция кодировщику:

1. Ознакомиться со всем массивом статей.
2. Посчитать ручным способом частоту встречаемости каждой единицы анализа во всех статьях.
3. Соотнести каждую единицу анализа с соответствующей ей категорией анализа.

4. Заполнить регистрационную карточку и бланк контент-анализа.

Составлением инструкции кодировщику обычно завершается подготовка исследовательской команды к проведению исследования. Процедурная группа элементов контент-анализа включает три этапа, составляющих стадии реализации цели и задач исследования.

Первый этап включает подготовительные работы. На основе плана разрабатывается программа применения метода; создаются и подготавливаются необходимый инструментарий. Основной задачей при составлении программы контент-анализа является построение системы опорных понятий и их интерпретация для перевода естественного языка документа на язык концепции исследования. К опорным понятиям относятся категории анализа, единицы анализа и единицы счета.

На данном этапе происходит подготовка основных ресурсов (кадровых, финансовых и временных) для проведения контент-аналитического исследования и осуществляется выбор необходимых источников.

Второй этап – оперативно-процедурный: в форме определенных процедур с применением подготовленных инструментов происходит непосредственное воздействие на объект, подсчет частотных распределений, применение математического аппарата для выявления взаимосвязей единиц анализа на основе единиц счёта.

Третий этап – результирующий. Его составляют: обработка, интерпретация, анализ и обобщение полученных данных и результатов исследования, разработка рекомендаций, оценка эффективности использования метода.

Обобщая, можно утверждать, что контент-анализ является методом социологического исследования, поскольку в его структуре выделены три группы элементов: нормативная, инструментальная и процедурная. Напомним также, что под методом в социологии понимается: во-первых, способ построения и обоснования социологического знания; во-вторых, совокупность приемов, процедур и операций эмпирического и теоретического познания социальной реальности.

По мнению автора, контент-анализ представляет собой самостоятельный метод количественного анализа текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

В рамках одной статьи сложно рассмотреть весь спектр специфики применения метода контент-анализа в исследованиях имиджа разного рода. Рассмотрим обоснованность применения контент-анализа для изучения факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР⁷. Идея исследовательской команды заключалась в том, чтобы в результате проведения контент-аналитического исследования выяснить в рамках деятельностного подхода, что в большей степени определяет имидж политической партии ЛДПР – имидж личности политического лидера или деятельность самой партии?

В результате анализа научной литературы по проблеме исследования выяснилось, что имидж политических партий является «многослойной» структурой. Он возникает как равнодействующая взаимодействия трех имиджей: а) имиджа, существующего в партийных документах и в выступ-

Таблица 4

Классификатор контент-анализа факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР

Категории анализа	Подкатегории анализа	Единицы анализа	Единицы счета	Индикаторы
Факторы формирования имиджа политической партии	1) Деятельность партии 2) Имидж лидера	Жириновский В.В., партия, участие в митингах, выборах, кризис.	Митинги, выборы, кризис, нецензурная брань, драки, скандал. Честный, несправедливый, наглый, национализм, шут, неопределенный. Жириновский, ЛДПР	Частота встречаемости

Таблица 5

Бланк контент-анализа факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР

Название газеты	Российская газета		Россия		Коммерсантъ		Известия		Газета.ru		Всего
	28.10.2009	29.05.2009	29.10.2009	10.06.2009	23.10.2009	20.02.2009	14.07.2009	02.04.2009	19.09.2008	28.03.2009	
Единицы анализа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
партия											
Жириновский В.В.											
участие в митингах											
участие в выборах											
кризис											

лениях партийных лидеров; б) имиджа, который стремятся сформировать средства массовой информации; в) имиджа партии, возникшего под воздействием стереотипов восприятия, укорененных в структурах массового сознания.

Для получения информации на подготовительном этапе были разработаны программа и план как основные документы исследования, сконструирована выборочная совокупность текстов. К выборке были представлены статьи «Российской газеты», газет «Россия», «Коммерсантъ», «Известия», Газета.ru, с 1 ноября 2008 г. по 1 ноября 2009 г., где содержались выделенные исследователями категории и единицы анализа. Статьи отбирались с интернет-сайтов российских газет. Объем статейного материала различался по газетам в связи с различным объе-

мом газет, различной частотой выхода газет и различным вниманием к событиям. В результате было отобрано 10 статей, по две из каждой газеты.

В рамках программы исследования были разработаны классификатор, бланк и регистрационная карточка контент-анализа. Приведём их в качестве примера, принятого студентами социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л. Аленгоз и М. Чугреевой для обоснования эффективности применения метода контент-анализа при изучении факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР. В общую таблицу были введены все категории анализа и единицы текста (табл.4).

Также был разработан бланк анализа. Приведём его в качестве примера (табл. 5).

Таблица 6

Регистрационная карточка контент-анализа факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР

Единицы счета	Индикаторы										всего	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
драки												
скандал												
честный												
несправедливый												
наглый												
национализм												
шут												
неопределенный												
митинги												
выборы												
кризис												
цензурная брань												
Жириновский												
ЛДПР												

Также была разработана регистрационная карточка. Приведём её в качестве примера (табл. 6).

После проектирования регистрационной карточки наступает кодирование статей. Ниже проведен такой пример. В качестве дополнительных параметров выступали название газеты и дата её выпуска.

Пример кодирования статей:

1. «Российская газета» — Центральный выпуск, интервью заместителя мэра Москвы Валерия Виноградова, полномочный представитель мэра в Московской городской Думе, 28.10.09

2. «Российская газета» — Федеральный выпуск, статья «ЛДПР позвали к президенту» 29.05.09

3. Газета «Россия», статья «Поминки по оппозиции», 29.10.09

4. Газета «Россия», статья «Геополитика превыше всего», 10.06.09

5. Газета «Коммерсант», статья «КПРФ и ЛДПР потребовали отставки главы Центризбиркома», 23.10.09

6. Газета «Коммерсантъ (Казань)», статья «Глава ЛДПР Владимир Жириновский больше не

призывает голосовать за членов своей партии», 20.02.09

7. Газета «Известия», статья «Жириновский пиарился на клубничке», 14.07.09

8. Газета «Известия», статья «Чиновники не торопятся обнародовать доходы», 02.04.09

9. Газета.ru, статья «Какая-то дикость на фоне кризиса», 19.09.08

10. Газета.ru, статья «Кремль оставляет долги», 28.03.09

После кодирования исследовательской командой была составлена инструкция кодировщику — системы правил и пояснений для тех, кто будет собирать эмпирическую информацию, кодируя (регистрация) заданные единицы анализа. Обычно в инструкции точно и однозначно излагается алгоритм действий кодировщика, даются операциональное определение категорий и единиц анализа, правила их кодирования, приводятся конкретные примеры из текстов, являющихся объектом исследования, оговаривается, как следует поступать в спорных случаях, и т.д. Приведём пример конкретной инструкции кодировщику по ана-

Таблица 6

Заполненная регистрационная карточка контент-анализа факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР

Единицы счета	Индикаторы										всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
драки	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
скандал	4	0	0	0	0	0	1	0	0	0	5
честный	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
несправедливый	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
наглый	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
национализм	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	2
шут	0	0	2	0	0	0	0	0	0	1	3
несопрделенный	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
митинги	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
выборы	3	2	2	0	1	1	0	0	0	1	10
кризис	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
нецензурная брань	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Жириновский	1	13	0	5	5	7	9	1	5	0	46
ЛДПР	1	11	2	1	5	13	2	1	2	1	40

лизу факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР.

Инструкция кодировщику

1. Ознакомьтесь с полученным массивом текстовой информации – прочитайте статьи из газет: «Российской газеты», газеты «Россия», «КоммерсантЪ», «Известия», Газета.ru, с 1 ноября 2008 г. по 1 ноября 2009 г. Каждая статья имеет кодировку от 1 до 10.

2. Посчитайте частоту встречаемости каждого слова (единицы счета) в каждой статье и запишите полученные числовые данные в регистрационную карточку.

3. Посчитайте частоту встречаемости каждого слова (единицы счета) в совокупности статей и запишите полученные числовые данные в регистрационную карточку.

4. Соотнесите полученные единицы счета (частоту встречаемости) с соответствующими единицами анализа в отдельной статье.

5. Соотнесите полученные единицы счета (частоту встречаемости) с соответствующими единица-

ми анализа в совокупности статей.

6. Заполните регистрационную карточку.

7. Внесите полученные количественные данные в ячейки по каждой статье и единицы анализа.

8. Просуммируйте данные по каждой единице анализа.

9. Заполните бланк (протокол) анализа документов.

10. Внесите полученные количественные данные в ячейки по каждой статье и единицы анализа в соответствии с датой выпуска и названием газеты.

11. Просуммируйте данные по каждой единице анализа.

12. Заполните классификатор контент-анализа.

13. Просуммируйте данные по каждой категории анализа в каждой статье.

14. Просуммируйте данные по каждой категории анализа в совокупности статей.

15. Составьте сводную таблицу.

После составления соответствующих методических и организационных документов и их апроба-

Таблица 7

Заполненный бланк контент-анализа факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР

Название газеты	Российская газета		Россия		Коммерсантъ		Известия		Газета.ru		
	28.10.2009	29.05.2009	29.10.2009	10.06.2009	23.10.2009	20.02.2009	14.07.2009	02.04.2009	19.09.2008	28.03.2009	
Единицы анализа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	всего
партия	1	11	2	1	5	13	2	1	2	1	39
Жириновский В.В.	5	13	5	5	5	8	9	1	5	1	57
участие в митингах	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
участие в выборах	3	2	2	0	1	1	0	0	0	1	10
кризис	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	9	26	9	6	11	22	11	2	7	3	106
Итого	35		15		33		13		10		106

ции был проведён контент-анализ и получены конкретные содержательные результаты. Приведём результаты исследования факторов влияния на имидж политической партии ЛДПР, зафиксированные в регистрационной карточке (табл.6).

Приведём в качестве примера заполненный бланк контент-анализа (табл.7).

Исходя из полученных данных, были сделаны краткие выводы, поскольку исследование носило пилотажный характер:

1. «Российская газета» и газета «Коммерсантъ» чаще других отобранных газет уделяют внимание деятельности политической партии ЛДПР.

2. Главным образом печатные СМИ фокусируют свое внимание на лидере партии ЛДПР — Жириновском В. В., а затем — на самой партии ЛДПР и, в конце концов, на их участии в выборах.

3. Такие единицы анализа, как участие в митингах и кризис не освещены в отобранных статьях.

В данном проекте с помощью метода контент-анализа изучены

содержание газетных сообщений, посвященных партии ЛДПР. Это позволило узнать, что основным фактором влияния на формирование имиджа политической партии является имидж личности лидера партии ЛДПР — В.В. Жириновского, а не её деятельность. Таким образом, поскольку лидер партий, как правило, выступает лицом политической партии, особенно в общении с прессой и избирателями, его имидж во многом проецируется на имидж всей политической партии, а в некоторых случаях и полностью ассоциируется с ним.

Приведём пример обоснованного использования метода контент-анализа в исследовании имиджа, предпринятого Ю. Черняевой для изучения профессионального имиджа личности⁸. Идея заключалась в том, чтобы узнать, какой вид профессионального имиджа личности в большей степени отражен в трёх изучаемых текстах: габитарный имидж, средовой имидж, овеществленный имидж, вербальный имидж или кинетический имидж?

Таблица 8

Категориальная модель контент-анализа профессионального имиджа личности

Категория анализа	Подкатегории анализа	Единица анализа	Единица счёта
Профессиональный имидж личности	1) Имидж руководителя 2) Имидж подчиненного	Габитарный имидж Средовой имидж Овеществленный имидж Вербальный имидж Кинстический имидж	Осанка Голос Часы Прическа Макияж Одежда Ум Знание Запах Прикосновение Размер Обстановка Вес Взгляд

Таблица 9

Бланк контент-анализа профессионального имиджа личности

Автор	Объем страниц	Жанр книги	Год издания
Лиллиан Браун	200	Учебная литература	2001
Вероник Хендерсон	158	Учебная литература	2006
О. Шанс	1510	Специализированная литература	2005

Таблица 10

Регистрационная карточка контент-анализа профессионального имиджа личности

Текст/Единица счёта	Текст 1	Текст 2	Текст 3
Прическа	30	5	1
Макияж	15	1	2
Одежда	10	10	6
Осанка	10	2	2
Голос	35	1	1
Часы	10	2	0
Ум	5	1	0
Знание	1	1	0
Прикосновение	2	0	0
Размер	10	1	0
Обстановка	2	0	0
Вес	0	0	1
Взгляд	10	2	2
Запах	15	5	3

В рамках теории А.Ю. Панасюка была построена категориальная модель, приведённая ниже (табл.8).

Анализу были подвергнуты три книги: Л. Браун «Имидж путь к

успеху», В. Хендерсон «Имидж и стиль жизни для мужчин», О. Шанс «Основы имиджа». Образец бланка сведений о документе представлен ниже (табл. 9).

Регистрационная карточка исследовательской работы выглядела следующим образом (табл.10).

Была составлена инструкция кодировщику в соответствии с точкой зрения К. Криппендорфа, предложившего четыре основных условия для составления инструкции:

- 1) кодировщиков должно быть не менее двух;
- 2) люди примерно с одинаковым опытом и навыками кодировки;
- 3) кодировщики должны быть независимы друг от друга и от исследователя, подготавливающего кодовый план;
- 4) сам исследователь не должен заниматься кодированием информации.

Приведём основные условия для создания инструкции кодировщику:

1. Документы для анализа должен отбирать только исследователь, кодировщик не имеет право изменять этот список.

2. Кодировщик не может советовать или высказывать своё мнение по поводу подбора документов для исследования.

3. Кодировщик должен бережно обращаться с документами.

4. Кодировщик должен анализировать тексты именно в той последовательности, в какой указывает ему исследователь.

5. Кодировщик не должен исключать из анализа неподходящие по смыслу единицы счёта.

6. Кодировщик не должен включать в анализ синонимы смысловых единиц.

7. Кодировщик должен анализировать тексты с помощью соответствующих компьютерных программ («ContentPro» и «TextAnalys»).

8. Главная задача кодировщика: идентификация содержания текста с соответствующими смыс-

ловыми единицами классификатора.

9. Кодировщик не может допускать такие ошибки как: неверное соотношение единиц анализа с категориями, пропуск тех или иных единиц анализа, фиксация того, чего нет на самом деле.

Социолог должен обеспечить кодировщика терминологическим словарём единиц счёта с точным описанием понимания данной единицы анализа самим исследователем. В нашем примере терминологический словарь выглядит следующим образом.

Прическа – форма расположения волос на голове, получаемая путем причесывания, стрижки, завивания; расположенные в таком порядке волосы.

Макияж – смесь косметических средств (губная помада, тени, тушь, тональный крем и т.д.) на лице человека.

Одежда – предметы, предназначенные для покрытия тела человека; возникла как средство защиты от воздействия внешней среды, зависит от географических и климатических условий

Осанка – это привычная поза (вертикальная поза, вертикальное положение тела человека) в покое и при движении.

Голос – звук, издаваемый человеком при разговоре, пении, крике, смехе, плаче.

Часы – прибор для отсчета времени.

Ум – познавательные и аналитические способности человека; в более тесном словоупотреблении отождествляется с разумом, интеллектом или рассудком.

Знание – проверенный практикой результат познания действительности, верное отражение в сознании человека.

Прикосновение – прикоснуться к чему-либо, касаться, дотра-

гиваться, трогать, задеть вскользь, едва притронуться. Прямая черта, проходящая вскользь по дуге, прикасается ее в одной точке и называется касательной.

Размер – габариты человека.

Обстановка – внутренний образ комнаты (или кабинета).

Вес – сила воздействия тела на опору (или другой вид крепления в случае подвешенных тел), возникающая из-за гравитационного притяжения.

Взгляд – направленность, устремление глаз, взора; смотрящие глаза.

Запах – ощущение, возникающее при воздействии пахучих веществ на рецепторы слизистой оболочки носа.

Пилотажное социологическое исследование проводилось с помощью компьютерной программы «TextAnalyst». По результатам получены следующие выводы:

1. Такие единицы счёта как причёска, макияж и голос встречались чаще всего в наших текстах. Можно сделать вывод о том, что именно на это чаще всего обращают внимание люди и это следует учитывать в первую очередь при формировании профессионального имиджа личности как подчинённого, так и имиджа личности руководителя.

2. Такие единицы счёта как вес, обстановка и ум почти не встречались в текстах. В связи с этим в последующих исследованиях необходимо расширить количество единиц исследования, характеризующих внешний вид человека, используя более узкую литературу на заданную тему.

Оценивая обоснованность применения контент-анализа, можно выделить, по крайней мере, три его положительных черты: оперативность метода, возможность анализа большого количества текстов и текстовых массивов, возможность самому исследователю уменьшать погрешность получаемых данных.

Ссылки:

1 Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. М., 2008; Маркова Ю.В. Социальная реальность социологического дискурса // Социологические исследования. №1. 2007. С. 42-47.

2 Сметнова Г.П. Основы прикладной социологии: Учеб. пособие. М., 2008. С. 124.

3 Практикум по социологии / Под ред. И.М. Слепенкова и др. М., 1992.

4 Добренъков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования: Учебник. М., 2004. С. 568-582.

5 Разработка регистрационной карточки контент-анализа необходима для фиксирования частоты встречаемости в анализируемом текстовом массиве выделенных ранее единиц анализа.

6 Использованы материалы практических работ А. Григорьевой и Н. Лататъе, А. Рыжовой и Н. Широковой, 2009 г.

7 Использованы материалы практической работы Л. Аленгос, М. Чугреевой, 2009 г.

8 Использованы материалы практической работы Ю. Черняевой, 2009 г.

Особенности отбора экспертов

Масленников Е.В.

В статье рассматривается методический аспект выбора способов получения и обработки экспертного знания. Критерием отбора служит соответствие между поставленной задачей и познавательными возможностями метода. В основе лежит представление об обоснованном, корректном применении метода к определенному классу задач.

Ключевые слова: эксперт, экспертное знание, метод экспертного опроса, методика.

Maslennikov E.V.

Features of selection of experts

In article the methodical aspect of a choice of ways of reception and processing of expert knowledge. As criterion of such selection conformity between a task in view and cognitive opportunities of a chosen method of gathering of the sociological information serves. In a basis lays about proved correct application of a method to the certain class of tasks.

Keywords: the expert, expert knowledge, a method of expert interrogation, a technique.

Прежде чем принимать решение о способах отбора экспертов для оценки влияния качества жизни на формирование социальной стабильности в российском обществе и соответственно о выборе методики получения и обработки экспертного знания, необходимо выявить соответствие выбираемого метода сбора социологической информации и поставленной задачи. Учитывая, что не существует методов плохих или хороших, нужно помнить о необходимости их адекватного применения, предполагающего соответствие метода определенному классу задач, для которого он разработан. Например, метод опроса рассчитан на исследование различных видов вербального поведения респондента. Метод наблюдения – на исследование различных видов действий социальных субъектов.

К числу основных методов сбора социологической информации, обычно относят такие, как массовый опрос, интервью, анализ документов, наблюдение и др. Особенности же применения экспертного опроса и в частности метода экспертных оценок рассматрива-

ются по большей части лишь в приложении к социальному прогнозированию [1, 2, 3]. Вместе с тем потенциал экспертного опроса позволяет рассматривать этот метод не только в ряду вспомогательных методов социологического исследования. В условиях, когда не представляется возможным получить социологическую информацию другими методами, экспертный опрос может быть достаточно эффективным и служить основой для рекомендаций и управленческих решений [4].

В 2008 году впервые после 20-летнего перерыва на заключительной сессии Общего собрания РАН рассматривались результаты выполнения задания правительства РФ по разработке экспертных оценок развития страны: «Прогноз-2030». Сессия называлась: «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России». Авторы этой разработки уверены, что в России должна быть создана единая система государственного прогнозирования, с помощью которой властные структуры могли бы на научной основе определять приоритеты стратегического развития страны. Подобные прогнозы могут дать правительству правильные ориентиры для смены облика отечественной экономики, определить пути перехода, например, от топливно-сырьевой модели к инновационной [5]. Это актуально и для других сфер жизни общества, в которых ориентиры их развития могут опираться на экспертное знание. Все это свидетельствует о том, что не теряет своей актуальности метод экспертных оценок как средство получения экспертного прогнозного знания. Дальнейшее развитие методического арсенала получения и обработки экспертного знания связано с расши-

рением класса задач и предметных областей, в которых может применяться данный метод. Использование экспертного знания для исследования качества жизни – одна из этих задач.

Представляется возможным дать следующее определение терминов. Под **экспертным знанием** будем понимать такой вид информации, который получен от экспертов – выделяющихся своим опытом профессионалов любой области человеческой деятельности – на основе организованного достижения их консенсуального решения о ценности, правильности, обоснованности, перспективности результатов и направлений деятельности в конкретной области.

Особенность экспертного знания в том, что оно представляет собой промежуточный, переходный вид знания от неявного знания к научному, частично сочетающий последние в себе. К **неявному** (tacit knowledge) знанию относится такое знание, которое получено через личный опыт, полностью или частично не эксплицировано (не формализовано), не может легко передаваться другим. К **научному** знанию – кодифицированной и идентифицируемой информации – относится, прежде всего, эмпирическое и теоретическое знание [6, с. 366]. Эмпирическое знание – знание о взаимосвязях между отдельными событиями и фактами в предметной области, констатирующее качественные и количественные характеристики объектов и явлений. Теоретическое знание – знание, устанавливающее законы ограничений разнообразия, которые дают возможность объяснения и обобщенного описания эмпирических ситуаций на основе применения идеализированных объектов –

конструктов и их установленных свойств – в качестве познавательных инструментов средств.

Пути применения экспертного знания в исследовательской работе отчасти уже найдены в прогнозировании, в сценарном подходе к выработке решений, когда выбор решения осуществляется с учетом доминирующих сюжетных линий (сценариев) развития проблемной ситуации, определяемых экспертами. К источникам экспертного знания можно отнести: во-первых, экспертов, предоставляющих уникальные данные; во-вторых, – экспертов, участвующих в подготовке принимаемых решений, в зависимости, от особенностей которых выделяются разновидности привлекаемых экспертов, связанные с их специализированной ролью в этом процессе; в-третьих, – экспертов, участвующих в разработке проектов, в зависимости, от особенностей типов которых также могут быть определены разновидности привлекаемых экспертов.

Выделяют несколько подходов к информации, получаемой от группы экспертов. В первом случае эта информация формируется на основе анализа данных о предполагаемых потенциальных возможностях и с учетом воздействия внешних факторов. Такой подход к анализу будущего помогает установить, что можно или нельзя сделать, и носит название *исследовательского*.

Другой подход – *нормативный*. В этом случае анализ проводится для установления желательных целей и потребностей, а оценка направлена на то, чтобы установить, *какие возможности существуют для достижения поставленных целей на данный момент и какие действия в связи с этим необходимо предпринять.*

При исследовании тенденций изменения в перспективе состояния тех или иных объектов проявляется ограниченность возможности получения связанной с этим полной статистической информации. Исследователи вынуждены пользоваться не только этой ограниченной информацией, но и пополнять ее *субъективными оценками вероятности или порядка различных величин*. Несмотря на эти трудности, зачастую приходится подготавливать и принимать решения, не дожидаясь, пока наступит полная ясность, поскольку не исключено, что окончательная ясность может совсем не наступить или наступит слишком поздно.

Задача повышения точности и надежности оценок, необходимых для принятия решений, заключается не в получении каждой из них с помощью аналитических расчетов, а *в сокращении числа факторов, не поддающихся измерению* (возможности приписать числовую форму объектам и событиям в соответствии с определенными правилами). Это не может не влиять на особенности поиска и отбора экспертов, способных дать надежные оценки влияния качества жизни на формирование социальной стабильности российского общества.

Под *степенью точности* эксперта при вынесении им суждения о значении вероятности для некоторого события понимается степень соответствия его «персональной» оценки корректности того класса гипотез, которым он приписал эту вероятностную оценку. По оценке О. Хелмера, понятия надежности и точности базируются на предположении, что существует класс задач, для которых эксперт подходит либо не подходит.

При группировке оценок, полученных от экспертов, в какой-либо ряд распределения и при использовании в качестве обобщающей характеристики параметров этого распределения, возникает возможность оценить групповое мнение, за что приходится расплачиваться потерей некоторой доли информации. Поэтому, прибегая к тем или иным статистическим приемам математической обработки информации, полученной от экспертов, необходимо учитывать, что в зависимости от существа и характера исследуемой проблемы, уровня ее неопределенности, возможности предсказания новых состояний исследуемых явлений, меняется форма, в которой эксперт может представить свое суждение. Оценки той или иной характеристики, полученные от эксперта (группы экспертов), могут быть представлены, например, в виде ряда распределения их как интервал, внутри которого, по предположению, находится исследуемая характеристика, или же в виде точечной оценки. При этом вне зависимости от формы, оценки должны обладать свойством непротиворечивости.

В источнике [7] указывается, что метод экспертных оценок базируется на основе использования двух разновидностей функций экспертов: функция источника уникальной информации или информации, дополняющей существующие данные, полученные из других источников; оценочная функция характеристик объектов, событий, решений. Но существует и используется в «теории и практике принятия решений» еще и третья разновидность функций экспертов. Это – функция генератора идей и предложений по преобразованию, совершенствованию социально-экономических объек-

тов, постановке проблем их развития и выдвижению способов решения проблемы. Если первые две разновидности функций экспертов преимущественно используются в методических разновидностях количественного подхода к получению и обработке экспертного знания, то использование третьей функции – генератора идей – характерно для методических разновидностей качественного подхода [8, с. 236-242; 9].

Подбор количественного и качественного состава экспертов производится в зависимости: от направленности и выявленного масштаба решаемой проблемы, затрат ресурсов, характеристик экспертов, достоверности возможных оценок. Характеристики формируемой группы экспертов определяются на основе следующих индивидуальных характеристик экспертов: компетентность, креативность, конформизм, отношение к экспертизе, конструктивность мышления, теоретическая подготовка, эрудиция и др.

В соответствии с типом поставленной практической задачи, на поиск решения которой направлено исследование с использованием экспертного знания, определяются виды методов и способов обработки данных, получаемых от экспертов.

Методы подбора экспертов. *Документальный* – подбор экспертов проводится на основе социально-демографических данных. В качестве критерия подбора могут быть использованы: учёная степень и звание; должность; стаж работы по специальности в области, связанной с предметом исследования; публикации и ссылки в публикациях на труды кандидата в эксперты; участие в специализированных советах, комиссиях; участие в конференциях, симпо-

зиумах, также могут учитываться и социально-демографические показатели.

Экспериментальный – подбор экспертов на основе испытания, тестирования, а также по результатам прежней экспертной деятельности. Проверка возможностей участия эксперта в экспертизе может быть проведена в пробном групповом очном или заочном экспертном опросе. Используется также расчёт оценок участия эксперта в прежних экспертизах. В методиках экспертного опроса в несколько туров (например, метод Дельфи) первый тур может быть использован и для проверки возможностей экспертов.

Аттестация – подбор экспертов с помощью голосования в специально созданной комиссии. В других случаях используются методики, в которых кандидатуры в эксперты указывают уже отобранные эксперты (использование метода «снежного кома»). Отбор проходит в несколько туров, пока состав кандидатов в эксперты не стабилизируется. Затем проводится расчёт коэффициентов их компетентности в зависимости от числа включений в предлагаемый список экспертов.

Самооценка – способ подбора экспертов, в ходе которого, отвечая на вопросы специальной анкеты, кандидаты в эксперты демонстрируют свои знания и умения. Затем каждый из них даёт оценку по определённой шкале тем ответам, которые были им даны в анкете. В итоге производится расчёт средних значений и индексов каждого кандидата.

Основные разновидности метода экспертных оценок. В социологии под методом экспертных оценок понимается “метод получения социологической информации путем проведения экспертно-

го опроса” [10, с. 84.]. Последний представляет собой “заслушивание и фиксацию в содержательной и количественной форме суждений экспертов по решаемой проблеме” [7, с. 137].

Методы изучения предпочтений как разновидности метода экспертных оценок. В зависимости от применяемой статистической методики обработки информации (об упорядочении группой экспертов некоторого набора объектов – суждений – по заданному критерию) различаются *методы изучения предпочтений*. Общим в них является то, что эксперт выбирает, т.е. предпочитает один объект другому, если (он) оценивает его выше по данному критерию. Например, из множества предложенных объектов эксперт выбирает несколько наиболее предпочтительных и несколько наименее предпочтительных, затем объекты упорядочиваются по числу экспертов, поместивших данный объект среди наиболее или наименее предпочтительных; или эксперт сначала разбивает объекты на группы (скажем, в соответствии с его положительным, нейтральным и отрицательным к ним отношением), и затем ранжирует их внутри каждой группы по степени предпочтительности. Так может осуществляться упорядочение набора профессий по престижу, ранжирование ряда ценностей предъявляемых эксперту и т. п.

Выделяют следующие группы методов изучения предпочтений:

Балльные оценки. Эксперт оценивает каждый из объектов (суждений) определенным баллом или распределяет объекты на несколько групп по заданному критерию, а баллы присваиваются (исследователем-организатором экспертизы) позже при первичной обработке данных. Вычисляется

средний балл, полученный каждым фактором, и факторы упорядочиваются в соответствии с этими баллами.

Достоинство метода – простота процедуры, незначительная продолжительность опроса и возможность получить оценку сравнительно большого числа объектов. Недостаток метода – невысокая надежность, связанная с произвольностью выставления баллов, возможным влиянием оценки первого объекта и т.д. Эффективен данный метод при большом числе объектов и больших массивах опрошенных.

Ранжирование. Эксперт упорядочивает объекты (суждения) из предложенного набора, присваивая каждому соответствующий ранг непосредственно в процессе опроса. Надёжность ранжирования при небольшом числе объектов (до 20-30) выше надежности балльных оценок. Достоинством метода является то, что все объекты упорядочиваются по одному критерию. Недостатком метода является небольшое число объектов, которые возможно упорядочить, и низкая надежность при небольших различиях между объектами.

Парные сравнения. Экспертам предлагаются все возможные парные сочетания объектов (суждений) и предлагается в каждой паре указать, предпочтительный объект (суждение) в соответствии с заданным критерием. Затем исследователь-организатор экспертизы упорядочивает объекты, исходя из полученных данных. Результатом опроса экспертов является матрица парных сравнений $|a_{ij}|$, где $a_{ij} = 1$, если эксперт предпочел i -й объект j -му; $a_{ij} = -1$, если эксперт предпочел j -й объект i -му, и $a_{ij} = 0$, если эксперт оценивает объекты как неразличающиеся по данному критерию, $i, j =$

1, 2, ..., n . Результат ранжировки экспертом всех объектов представит в виде суммы элементов строк матрицы. Достоинство метода – при небольшом числе объектов – это наиболее точный и надежный метод выявления предпочтений. Данный метод оценки не навязывает эксперту априорных условий. Он позволяет определить значимость различий положения тех или иных объектов в иерархии. Недостатком метода является рост трудоемкости процедуры при увеличении числа объектов. Например, уже при 12-15 объектах, требующих 66-105 сравнений, процедура становится трудоёмкой. Поэтому чаще метод используется при экспертных оценках.

Последовательные сравнения (или метод множественного сравнения). Данный метод является обобщением метода парных сравнений и ранжирования, составной частью дисперсионного анализа, предназначенной для установления значимости различий между уровнями объясняющего признака (фактора). Экспертам предлагается определить важность – вес каждого объекта в сравнении с группой других объектов. На основании применения данного метода могут быть построены доверительные интервалы для оценок сравнения. Достоинством метода является высокая надёжность при возможности упорядочивать достаточно большое число объектов (до 80-100). Недостаток – усложнение процедуры опроса.

Возможна комбинация методов описанных выше. Из множества предложенных объектов эксперт выбирает несколько наиболее предпочтительных и несколько наименее предпочтительных, затем объекты упорядочиваются по числу экспертов, поместивших данный объект среди наиболее или

наименее предпочтительных. Сначала эксперт разбивает объекты на группы (например, положительное, нейтральное и отрицательное отношение), как в методе балльных оценок, а затем ранжирует их внутри каждой группы по степени предпочтительности.

Методы групповой экспертизы. В зависимости от применяемой техники организации коллективной работы экспертов, выбор которой связан с целями экспертизы, содержанием решаемой проблемы, полнотой и достоверностью исходной информации, располагаемыми ресурсами на проведение опроса и т.п., выбирают необходимые виды организации групповой работы экспертов. Под экспертизой понимается процедура получения информации от экспертов, а так же ее результат – решение экспертами поставленных перед ними задач в ходе исследования.

Мозговой штурм. Это очная коллективная работа экспертов, в которой они совместно решают поставленные вопросы в соответствии с подготовленным сценарием действия.

Сущность метода мозгового штурма заключается в исключении в процессе обсуждения какой-либо критики выдвигаемых идей. Исходным пунктом проведения мозгового штурма является предположение, что чем больше идей и чем они разнообразнее по качеству, тем больше шансов, что среди них окажутся необходимые, «хорошие» идеи. Мысли должны развиваться и подхватываться всеми участниками заседания; созданные обстановки коллективного творчества и соревнования – важнейшая проблема организаторов мозгового штурма. Основные правила проведения заседания экспертов по этому методу:

1) При формулировании проблемы необходимо выделять единственный центральный пункт.

2) Все выдвинутые идеи должны быть внимательно рассмотрены без предварительного объявления возможной их ложности.

3) Необходимо подхватывать и развивать идеи любого рода, даже если их уместность кажется в данное время сомнительной.

4) Важно оказывать поддержку и поощрение участников, необходимую для того, чтобы освободить их от скованности.

Наиболее трудная задача для организаторов мозгового штурма – комплектация группы генераторов идей, которая должна включать в себя как специалистов в области исследуемой проблемы, так и людей с развитым творческим воображением. В группе не должно быть людей, подавляющих остальных своим статусом или авторитетом. Члены группы должны быть в состоянии оценить общий уровень разработанности изучаемой проблемы, наметить направления ее решения путем генерирования идей, их оценки, развития и переосмысления, не отвлекаясь при этом на обсуждение явно нелепых идей.

Относительно количества экспертов в группе генераторов идей среди исследователей нет полного единодушия. Большинство считает, что если число экспертов превышает 12-14 человек, они имеют тенденцию распадаться на определенные подгруппы.

Отобранных участников мозгового штурма знакомят с формулировкой проблем и правилами проведения мозгового штурма. Существенную роль в проведении штурма играет ведущий, выполняющий двойную функцию обеспечения творческой атмосферы заседания и недопущения крити-

ки в той или иной форме. Заседание состоит из нескольких сеансов (продолжительностью до 45 мин), на каждом сеансе выступает несколько человек (по одной – две минуте). Все выступления стенографируются или записываются с помощью технических средств.

На втором этапе штурма группа аналитиков подвергает тщательному критическому анализу все идеи, мнения и предложения, высказанные на первом этапе.

Метод мозгового штурма является вспомогательным приемом в процессе подготовки решений. Метод мозгового штурма и его модификации остаются важной формой экспертного опроса, повышающей творческую активность специалистов, обеспечивающей разработку нестандартных решений и приток свежих идей.

Дискуссия. Метод дискуссии – коллективное обсуждение предложений по решению заранее поставленной проблемы, выявление позиций и интересов участников.

Дискуссия как метод экспертного опроса находит широкое применение в тех случаях, когда на протяжении небольшого промежутка времени нужно выработать коллективное мнение экспертов по одной или нескольким конкретным проблемам. В дискуссии осуществляется непосредственная обратная связь между экспертами. Творческий и благожелательный характер обсуждения в ходе дискуссии дает возможность быстрого согласования мнений при помощи углубленной аргументации тех положений, по которым наблюдается расхождение мнений. С учетом дополнительной информации, выявившейся в процессе обсуждения, каждый эксперт имеет возможность откорректировать свою позицию. Такая форма организации группо-

вой работы экспертов при условии, что проведен тщательный подбор экспертов, правильно сформулирована обсуждаемая проблема, имеется в наличии необходимая информация, создана атмосфера соревнования между участниками дискуссии, способна обеспечить как выработку новых идей и подходов, так и согласование мнений экспертов, фиксируемое как результат экспертизы.

Дискуссия также выступает важным средством выяснения возможных путей решения проблемы. Важной разновидностью дискуссии является групповая дискуссия. *Групповая дискуссия* сочетает в себе отдельные признаки углубленного интервью и наблюдения. Она представляет собой целенаправленную беседу с небольшой группой участников (экспертов) на заранее обозначенную тему. Целью дискуссии обычно является выработка группового мнения. Предпосылкой успешной групповой дискуссии является достаточно хорошая информированность организаторов дискуссии обо всех участниках дискуссии, групповой структуре и четкая формулировка предмета дискуссии.

Исходным пунктом дискуссии являются: выявление проблемной ситуации, постановка проблемы, разработка путей ее решения. Руководитель дискуссии должен стремиться получить необходимую информацию от экспертов путем постановки целенаправленных вопросов. Важно обеспечить всем участникам дискуссии возможность свободного высказывания мнений в рамках поставленной проблемы, их уточнения или изменения в ходе дискуссии. Вся полученная информация записывается с помощью технических средств. В процессе дискуссии руководитель наблюдает за участниками, фиксируя ре-

акцию на высказывание того или иного конкретного мнения, обеспечивая в случае необходимости разъяснение или более подробное обоснование выдвинутых положений. Руководитель дискуссии должен следить за тем, чтобы все участники дискуссии высказали свое мнение, а содержание выступлений не выходило за рамки намеченной проблемы.

Групповая дискуссия плодотворна, прежде всего, в пилотажном исследовании для постановки и разработки проблемы. Число участников дискуссии обычно не должно превышать двадцати, так как при большем количестве участников трудно обеспечить активность и напряженность работы каждого участника дискуссии.

Метод Дельфи. Это коллективный, заочный опрос экспертов в несколько туров с сообщением после каждого тура результатов опроса и указанием каждому эксперту расположение его оценок, суждений от средних значений. Если оценка эксперта сильно отклоняется, то он должен аргументировать или изменить свои суждения, мнение, оценку. Метод, разработанный в пятидесятые годы сотрудниками корпорации РЭНД (США) Н. Дэлки и О.Хелмером, предусматривает многократный анкетный опрос одной и той же группы экспертов с применением шкалированных оценок. Метод Дельфи – один из методов формирования групповой оценки экспертов. Он получил название от греческого города Дельфы и мудрецов, славившихся в древности предсказаниями будущего. Метод представляет собой ряд последовательно осуществляемых процедур, направленных на формирование группового мнения по тем проблемам, по которым ощущается недостаток информации.

Суть рассматриваемой метода состоит в итеративных циклах, обеспечивающих обратную связь: после первого опроса и обработки результатов его итоги сообщаются участникам экспертной группы. Они должны либо подтвердить точку зрения, высказанную на предыдущем этапе, и, если она значительно отличается от мнения большинства, развернуто ее мотивировать, либо изменить оценку в соответствии с мнением большинства участников. Затем снова производится обработка информации, результаты вновь рассылаются экспертам и т. д. до тех пор, пока новые туры опроса не перестанут давать статистически значимое увеличение показателя согласованности оценок экспертов.

Процедуры, используемые в методе Дельфи, характеризуются тремя основными чертами: *анонимностью, регулируемой обратной связью и групповым ответом.* Анонимность достигается применением специальных вопросников или другими способами индивидуального опроса, например использованием экспертами персональных компьютеров. Регулируемая обратная связь осуществляется за счет проведения нескольких туров опроса, причем, результаты каждого тура обрабатываются и сообщаются экспертам. Введение обратной связи вносит элемент объективности и делает оценки более надежными.

Проведение опроса в несколько туров, позволяет уменьшить колебания в индивидуальных ответах, ограничивает внутригрупповые колебания.

В основу метода Дельфи положены следующие предпосылки:

- 1) поставленные вопросы должны допускать возможность выражения ответа в виде числа;
- 2) эксперты должны располагать достаточной информацией для того, чтобы дать оценку;

3) ответ на каждый из вопросов должен быть обоснован экспертом.

Выявление преобладающих суждений с помощью метода Дельфи позволяет сблизить точки зрения экспертов. Вместе с тем учитывается, что, несмотря на сближение оценок, различие будет существовать и в конце опроса.

При подготовке сложных прогнозов и решений метод Дельфи проводится в нескольких турах.

Метод Дельфи используется как при долгосрочном прогнозировании, так и для изучения экономических и социальных проблем. Наиболее эффективен метод Дельфи при получении групповой экспертной оценки и углубленного анализа событий в ситуациях неопределенности, особенно в сочетании с другими аналитическими методами.

Метод интеграции концепций экспертов. Авторы С.Д. Бешелев и Ф.Г. Гурвич отмечают, что конкретные экспертные методики, образующие метод экспертных оценок, разработаны “как инструмент подготовки, а не как механизм принятия решений” [11, с. 243]. Этот пункт указывает на основное различие между методом экспертных оценок и методом интеграции концепций экспертов. Последний, являясь разновидностью экспертного опроса и, дополняя функции метода экспертных оценок, предназначен в качестве конструктивного средства для ведения экспертизы в целях преобразования социальных и социально-экономических объектов [9]. Метод интеграции концепций экспертов основывается на множественной интерпретации изучаемого явления, позволяющей не только выявить социальную проблему, но и выдвинуть способы ее решения, возможные при определенных условиях.

Метод интеграции концепций экспертов как интеллектуальная поддержка выработки управленческих решений по проблемам развития. Ключевая методологическая идея, лежащая в основании метода интеграции авторских эмпирических концепций экспертов-практиков заключается в следующем. Сложность социальных систем в значительной мере характеризуется наличием в них множества системных элементов и разнообразием характера их взаимодействий. Неэффективность в преобразованиях социальных систем является следствием односторонних подходов. Неполнота разработанности замысла преобразования объекта (системы) или неудовлетворительный уровень его технической реализации могут свести на нет результативность принимаемых усилий. Но даже самый лучший замысел и самое лучшее исполнение не способны компенсировать неполноту учета имеющихся аспектов. Поэтому необходимое условие эффективности принимаемых решений по развитию социального объекта – это, прежде всего выделение состава его аспектов, формирование нормативного подхода к преобразованию объекта по каждому из аспектов, соотнесенность этих частных подходов между собой.

Интеграция авторских концепций экспертов предопределяет адекватный уровень информационного обеспечения управления развитием сложных полиструктурных социально-экономических объектов, имеющих не сводимые друг к другу аспекты и не допускающих априорного установления нормативных целей развития. Назначение метода интеграции концепций экспертов в широком смысле – способствовать целенаправленному протеканию эволюционных

процессов (как говорят специалисты по системному анализу, процессов складывания) в данных объектах, выявлению и, если необходимо, поддержке имеющихся в этих процессах позитивных тенденций, воссозданию и определению целостной картины происходящих изменений. В узком смысле – обеспечить согласование точек зрения специалистов, получивших статус экспертов, для создания совокупной номенклатуры предлагаемых ими идей, конкретизирующих и уточняющих содержание поставленной общей проблемы и способов ее решения. Это механизм и инструмент коллегиальной выработки обоснованных решений по развитию социальных, социально-экономических объектов путем интеграции опыта и знаний экспертов – носителей идей.

Назначение метода интеграции концепций – через систему консультирования проведения социальных изменений в организациях и фирмах – помочь идеологам-носителям идей, увидеть место каждой из них среди других, преодолеть их абсолютизацию, оценить соответствие идеи условиям необходимости и возможности ее реализации и, как следствие, создать общую картину движения идей и решений, связанных с поиском решения данной проблемы. На этой основе метод позволяет вести разработку программ совершенствования социальных объектов (систем), для которых пока не созданы теоретико-концептуальные модели, адекватные по сложности этим объектам. Метод может также использоваться для выявления проблемных ситуаций, их относительной значимости, определения основных направлений и этапов преобразования социальных объектов.

Метод интеграции эмпирических концепций экспертов позволя-

ет вести разработку комплексных концепций и программ развития социальных и социально-экономических объектов, для которых пока не созданы адекватные их сложности теоретико-концептуальные модели. В отличие от представленных выше традиционных разновидностей экспертного опроса, где конечный результат представляет общую деперсонализированную концепцию или решение, в методе интеграции концепций экспертов авторская уникальность частных концепций сохраняется и в общей комплексной концепции.

Соединение в единый комплекс авторских эмпирических концепций практиков в методе интеграции концепций экспертов позволяет разрабатывать программы совершенствования, обеспечивающие переход объекта совершенствования к новому качественному состоянию. В подобных случаях опыта отдельных руководителей зачастую оказывается недостаточно и для правильного решения требуется привлечение широкой информационной базы. Поскольку развитие как процесс противоречиво, то и предложенные экспертами частные концепции, отражающие разные стороны и моменты проблемной ситуации, могут противоречить друг другу. Задача заключается в выявлении причинных и функциональных связей между концепциями и создании возможности для их объединения в общую комплексную концепцию-программу.

В результате образуется система взаимосвязанных целей совершенствования объекта – стратегических и тактических. Поскольку эти цели сформулированы на основе анализа фактического состояния рассматриваемой предметной области, то тем самым обеспечивается их достижимость

при существующих и ожидаемых условиях функционирования объекта и его окружения (в системном смысле).

Вопрос о возможности использования экспертного знания в исследовании качества жизни предполагает поиск ответа, какие основные исследовательские (предметно-познавательные) задачи должны быть сопоставлены с возможностями применения экспертного знания, т.е. с особенностями привлечения экспертов в тех функциях, которые лежат в основе методов сбора и обработки экспертных данных. Это становится актуальным, с учетом того, что экспертный опрос может служить основой для рекомендаций и управленческих решений, особенно в тех случаях, когда не представляется возможным получить социологическую информацию другими методами.

Экспертные технологии при принятии решений используются как для непосредственного решения проблем организации и проведения экспертиз, так и для обеспечения процедур принятия решений: определения целей, выработки экспертного прогноза, построения сценариев ожидаемого развития ситуации, генерирования альтернативных вариантов, определения рейтингов, разработки оценочных систем, принятия коллективных решений [2, с. 35-37].

Таким образом, методическое разнообразие способов получения и обработки экспертного знания прямо связано с различными функ-

циями привлекаемых экспертов и критериями их отбора.

Литература

1. Экспертные оценки в социологических исследованиях /Отв. ред. С.Б.Крымский. Киев, 1990.;
2. *Чередниченко В.В.*, Примененные экспертных оценок в социологических исследованиях // Социологические исследования, 1981, № 3, С. 139-146.;
3. Прогнозирование в социологических исследованиях. Методологические проблемы. М., 1978.;
4. *Литвак Б.Г.*, Экспертные технологии в управлении. М., 2004.;
5. *Юрий Зайцев* Наука победит все, в том числе злополучный кризис //По материалам сайта: <http://www.rian.ru/science/20090208/161368734.html>;
6. *Лебедев С.А.* Статья «Знание» // Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории) / С.А.Лебедев. – М., 2008.;
7. *Евланов Л.Г.* Теория и практика принятия решений. М.: МГУ, 1984.;
8. *Григорьев С.И., Растов Ю.Е.* Начала современной социологии. М., 1999.;
9. *Масленников Е.В.* Экспертное знание: интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании. М.: Наука, 2001.
10. Словарь прикладной социологии /Отв. ред. Г.П. Давидюк. Минск, 1984.
11. *Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г.* Математико-статистические методы экспертных оценок. М., 1980.

СТРАТИФИКАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО

Размеры тела человека и социальный статус

Година Е.З., Задорожная Л.В.

Изучение особенностей физического развития детей и подростков свидетельствует об усилении процессов социальной стратификации в России на рубеже веков. Наблюдения выявили тенденцию к прогрессивному снижению темпов продольного роста, нарастанию астенизации телосложения, увеличению возраста менархе у девочек. Отмечены существенные различия в ростовых характеристиках в зависимости от социального статуса семьи.

Ключевые слова: социальный статус, социально-экономические условия, современное российское общество, секулярный тренд, физическое развитие, антропометрия, пропорции головы и тела

Godina E.Z., Zadorozhnaya L.V.
Dimensions of the human body and social status

The study of physical development of children and adolescents shows that the processes of social stratification in Russia are increasing at the turn of the century. There are some evidences of decrease in tempos of growth in length, increase in trend towards more narrow (leptosomic) body build, increase in menarcheal age. Significant differences in growth parameters of children from families of different social strata are revealed.

Keywords: social status, socio-economic conditions, modern Russian society, secular trends, physical development, anthropometry, body and head proportions

Антропология как интегрирующая научная дисциплина, занимающая пограничное положение между естественными науками, с одной стороны, и гуманитарными и социальными, с другой, представляет уникальные возможности для изучения самых разнообразных соматических, поведенческих и т.д. особенностей человека в единстве их биологической и социокультурной сущности.

Ссылки на то, что люди более высокого социального статуса отличаются более высоким ростом и лучшими показателями состояния здоровья можно найти уже в шумерских текстах 3500 гг. до н.э. (Bogin, 1999). Разные, изначально данные им, физические качества приписывал людям разного общественного положения Платон (Быховская, 1993). Гален, непрекаемый авторитет по всем медицинским вопросам, как в Древней Греции, так и в Древнем Риме, писал о том, что «симметрия — это залог всяческой успешной деятельности» (Voss, 2001). Сведения о соматических особенностях римских цезарей сообщает Светоний (Светоний Транквилл,

1988). Тиберий, например, был «ростом выше среднего, в плечах и в груди широк, в остальном теле статен и строен с головы до пят». Цезарь — «высокого роста, светлокожий, хорошо сложен». Связь между социальным статусом и реконструированной длиной тела можно проследить на костных материалах из средневековых погребений (см., например, Cinthio and Boldsen, 1985; Cohen, 1998; Hopra and FitzGerald, 1999).

Одновременно с традицией проведения массовых антропометрических обследований начинают накапливаться четкие данные о различиях между физическими характеристиками и принадлежностью к тому или иному социальному слою. Так, еще в XVIII в. было показано, что новобранцы из рабочих семей, которых принимали в регулярную армию, значительно (на 12 с лишним сантиметров) уступали в росте представителям аристократических семей, поступающим в привилегированные военные училища (Voss, 2001).

Регулярные измерения, проводимые в Штутгарте (Германия) в Карлсхуле — школе при дворе герцога Вюртембергского, выявили существенную разницу в росте учеников, происходивших из аристократических семей или из семей буржуа. В 10-11-летнем возрасте дети аристократов были в среднем на 2,5 см выше своих сверстников из семей среднего сословия, в 15 лет — на 7 см. Однако к окончанию периода роста эти различия практически нивелировались (Tanner, 1981).

Позже подобные факты были выявлены и в других странах, например, в Италии, США, России, где было отмечено, что дети, родители которых занимаются физическим трудом, ниже ростом, чем их сверстники из семей более

высокого социального уровня. Примерно в это же время (XIX в.) ростовые исследования приобрели отчетливую политическую окраску. Рост стал рассматриваться как «зеркало» социально-экономических условий. Так было положено начало ауксологической эпидемиологии, или эпидемиологической ауксологии. Виллерме во Франции; Чедвик, Гальтон и Робертс в Великобритании; Пальяни в Италии; Боудич в США; Эрисман и Виллямовский в России (список имен и стран можно продолжать) показали наличие четкой связи между условиями жизни детей и показателями их роста.

В России первые измерения детей и подростков были проведены в Петербурге в XIX в. Н.Н. Виллямовским. Затем последовали измерения И.А. Веревкина, П. Ильинского, П.Ф. Лесгафта, Н.В. Зака, И. Старкова, Ф.Ф. Эрисмана и многих других. Были отмечены, в частности, различия между мальчиками, учащимися средних учебных заведений Москвы, из богатых, средних и бедных семей. По длине тела и обхвату груди мальчики из более обеспеченных семей превосходили своих сверстников из семей менее обеспеченных (Зак, 1892, цит. по Башкирову, 1962).

В XX веке число исследований, посвященных влиянию социально-экономических факторов на размеры тела у подрастающего поколения, очень велико и получено во многих странах, причем наиболее важным детерминантом признано образование родителей (см. обзоры Mascie-Taylor, 1989 a, 1991). Для жителей практически всех стран мира была выявлена следующая закономерность: дети из более обеспеченных семей выше и тяжелее, чем дети из малообеспеченных семей, однако масштаб

различий сильно варьирует и зависит как от выбора критериев, положенных в основу социальной стратификации, так и от фактических условий жизни в рассматриваемых популяциях. Во многих случаях речь идет о кумулятивном действии разных факторов: больше доход, лучше питание, жилищные условия, гигиенические навыки, меньше братьев и сестер, более внимательный уход за ребенком, ниже уровень инфекционных заболеваний и т.д. Как правило, отмечена прямая зависимость между уровнем образования родителей и экономическим статусом семьи и обратная — между уровнем образования и количеством детей в семье. Этот последний показатель связан обратной зависимостью с размерами тела, т.е. длина тела тем меньше, чем больше детей в семье (см. обзор Година, Миклашевская, 1989).

О существовании значимых различий между детьми, родители которых относятся к различным социальным слоям, сообщает Дж. Таннер (Tanner, 1986). Эти различия сохраняются вплоть до взрослого состояния и составляют у 20-летних англичан 3 см для мужчин и 2 см для женщин (для анализа были взяты две категории: представители умственного и неквалифицированного физического труда). В национальном исследовании здоровья и роста детей, проведенном в Великобритании в начале 1980-х гг., выявлены существенные различия в размерах тела между детьми безработных и работающих отцов, относящихся к различным социальным классам. Эти различия выражены у детей, начиная с 5-летнего возраста, и достигают в среднем 3,3 см. Показан также устойчивый градиент в снижении длины тела от 1-го социального класса к 5-му. Разли-

чия статистически значимы и достигают 2 см у 5-летних и 3 см у 10-летних детей (Mascie-Taylor, 1989 а).

Работы ученых Великобритании цитируются подробно потому, что у них существует огромная традиция изучения биологии социального класса и социобиологических исследований. Имеется разработанная система дефиниций, что такое социальный класс и как его определять. В одном из самых популярных классификаторов, которым и по сей день пользуются социологи, экономисты и антропологи Великобритании — «Общем регистраторе» Стивенсона, (цит. по Heath, 1989), предусматривается стратификация общества на пять классов: 1) профессиональный труд (professional and similar occupations); 2) промежуточные занятия (intermediate occupations); 3) квалифицированный труд (skilled occupations); нефизический (non-manual); физический (manual); 4) полуквалифицированный труд (partly skilled occupations); 5) неквалифицированный труд (unskilled occupations). В основу деления на классы положены так называемый принцип «социальной значимости», критерием которой становились «культура или ее отсутствие», «интеллект и образование» (Stevenson, 1928, цит. по Heath, 1989). Использование этой схемы не означает превосходства одних классов над другими, но служит удобным инструментом стратификации общества для официальных или исследовательских целей. Отметим, что в целом для западных стран есть соответствие между более высоким социальным классом, иными словами более высоким уровнем образования, и уровнем дохода. Как будет показано ниже, *иные* закономерности характеризуют бурно

протекающий процесс социальной стратификации, происходящий в последние 20 лет в России, где более высокий уровень образования и культуры вовсе не обязательно связан с более высоким материальным положением.

Помимо анализа возрастной динамики размеров тела и интенсивности ростовых процессов, для подтверждения социальной обусловленности ростовых закономерностей используется уровень полового созревания, являющийся одним из самых информативных критериев биологического возраста. Влияние социально-экономических факторов на сроки и темпы полового созревания настолько велико, что часто перекрывает возможные этнотерриториальные и климатогеографические различия. Очевидно, что с понижением социального класса значительно возрастают сроки достижения соответствующих стадий зрелости, независимо от этнической принадлежности обследованных групп.

В качестве наиболее чувствительного индикатора к воздействию условий среды используется возраст менархе, т.е. возраст начала менструирования. Отчетливая зависимость более высокого возраста менархе у девочек из менее обеспеченных слоев во внутринациональном масштабе отмечается в Польше, Судане, Венгрии, Великобритании, Ирландии, Чехии, Японии, Испании, Индии, Нигерии, Бельгии и других странах (см. обзор: Година, 2001). В качестве детерминантов выделялись следующие показатели: образование и профессия родителей, доход на 1 члена семьи, число детей в семье, порядковый номер ребенка при рождении. Разница между представительницами высшей и низшей социальных категорий в возрасте менархе может составлять в раз-

вивающихся странах до 9 месяцев (Hoey, Cox, Tanner, 1986; Singh, Mathotra, 1988). В последнее время этот разрыв постепенно сокращается, что, по-видимому, является следствием выравнивания условий жизни различных слоев населения (Demoulin, 1998).

Среди других показателей, отличных у представителей высших и низших классов, — развитие жировоголожения, которое может рассматриваться в развитых индустриальных обществах как свидетельство социального неблагополучия в случае выраженного ожирения; в слаборазвитых странах признаком социальной депривации служат крайне низкие величины толщины подкожно-жирового слоя. В обоих случаях речь идет о воздействии питания — несбалансированного или недостаточного (Crooks, 1995; Johnston and Gordon-Larsen, 1999).

Помимо вышеперечисленных отличий в показателях роста и развития, социальные классы различаются по состоянию здоровья, заболеваемости, обращаемости к врачебной помощи и ряду других медико-статистических показателей (Mascie-Taylor, 1989 b; Strickland and Shetty, 1998). Наконец, у представителей высших и низших социальных классов имеются четко выраженные различия в отношении показателей интеллектуального развития (Mascie-Taylor, 1993).

В России, как уже отмечалось, взаимосвязь между социальными факторами и показателями роста и развития детей была констатирована уже в XIX веке. Однако после революции 1917 г. и особенно с конца 1930-х г. число работ, отражающих социальные подходы к проблемам биологии человека, существенно снижается и постепенно сходит на нет. В 1920-е гг.

еще публикуются соответствующие данные. Признанный классик отечественной антропологии Я.Я. Рогинский одну из своих первых работ посвятил анализу влияния различных условий жизни на прорезывание первых молочных зубов у ребенка. Было отмечено более раннее прорезывание зубов у детей квалифицированных рабочих, а также снижение веса новорожденных и более позднее прорезывание зубов у детей безработных (Рогинский, 1926).

В 1926 г. при Государственном Институте социальной гигиены Наркомздрава организовано Центральное антропометрическое бюро (ЦАБ), где при участии известных антропологов и медиков В.В. Бунака, Л.А. Сыркина, В.Г. Штефко начали накапливаться обширные ауксологические материалы. Помимо прочих задач, ЦАБ было вменено в обязанность следить за состоянием физического развития населения страны, в том числе и различных его групп. Разрабатывается унифицированная методика антропометрических исследований, обсуждаются принципы статистического анализа, обосновываются нормативы физического развития.

Значительный интерес для анализа влияния социально-экономических условий на физическое развитие детей и подростков представляют так называемые «стандарты физического развития школьников». В 1928 г. дети школьного возраста представляли наиболее обследованную в антропометрическом отношении группу населения (Сыркин, 1928). Стандарты «антропометрических измерений и физиологических величин» были разработаны для разных групп населения, как правило, однородных по профессиональному составу родителей.

Однако, начиная с 1930-х гг., работы, посвященные изучению соматических различий в зависимости от социального статуса, начинают исчезать со страниц научных журналов. В тоталитарной стране, каковой стал СССР, изучение социальных классов, в каком бы то ни было аспекте, могло быть оценено как «политически неблагонадежное».

Возрождение социального подхода в СССР в отечественной науке относится к 1970-80-м годам, когда в медико-гигиенических исследованиях в качестве показателей условий среды, наряду с биологическими, стали рассматриваться и социальные факторы (Дорожнова, 1983; Абрамов, 1984 и др.).

Попытка выявить зависимость между социальными детерминантами в виде образования и профессии родителей с показателями роста и развития с помощью корреляционного анализа на материалах московских школьников 1980-х годов практически не дала никаких результатов (Година, Задорожная, 1990). За исключением тонкого слоя недосыгаемых и «неизмеряемых» детей номенклатурной элиты, остальная масса московской детской популяции оказалась на удивление гомогенной, что можно объяснить примерно одинаковыми условиями жизни для большей части населения при социализме в Советском Союзе. К такому же выводу — об отсутствии значимых социальных различий в показателях физического развития детей и подростков в ряде советских республик — пришли и другие исследователи (Фараджева, 1970; Чеснис, 1970).

Как же обстоят дела с изучением взаимоотношений между социальным статусом и физическими характеристиками в настоящее

время? Эта проблема находится в тесной связи с таким важным биосоциальным феноменом, как процесс акселерации, или секулярный тренд.

Акселерации соматического развития посвящено огромное количество литературы: например, один из обзорных томов, анализирующий ход процесса акселерации в Европе в последние десятилетия XX века, насчитывает около 30 оригинальных статей по отдельным странам, каждая из которых включает сотни библиографических ссылок (Bodzsar, Susanne (eds.), 1998).

Реализация процесса акселерации происходит во взаимодействии экзогенных и эндогенных факторов, при этом наблюдаемые сдвиги, как в отношении размеров тела, так и темпов созревания, носят характер одного из самых значительных явлений в современной биологии человека, имеющего серьезные медицинские, педагогические и социологические последствия. Отсюда с очевидностью вытекает необходимость проведения широкомасштабного мониторинга ростовых процессов у детей разных национальностей, проживающих в разных условиях среды, с целью регулярного обновления локальных популяционных стандартов.

Рассмотрим некоторые наблюдаемые в последние годы в России тенденции на примере десятилетних обследований московских школьников. В качестве основных материалов для изучения секулярных изменений нами использованы данные обследования московских детей и подростков, полученные на трех временных срезах — 1970-х, 1980-х и 1990-х гг.

В отношении длины тела можно констатировать, что наибольшая скорость секулярных измене-

ний имела место в 1970-80-е гг., а в течение последнего десятилетия стабилизировалась, хотя некоторая тенденция к положительному продольному росту еще сохраняется.

Изменения *веса тела* также с положительным знаком и в высшей степени достоверные ($p < 0,001$) имели место у мальчиков на протяжении первых двух серий измерений. Между 1980-ми и 1990-ми гг. достоверных изменений по весу вообще не зафиксировано. У девочек изменения веса выражены - в виде тенденции - практически во всех трех сериях измерений. На протяжении последнего десятилетия XX века (а у девочек и раньше) у московских детей начинают проявляться отрицательные сдвиги в показателях веса тела. Эти результаты идут вразрез с показателями, приводимыми по другим странам, где по-прежнему, хотя и в разной степени, отмечены положительные изменения веса тела (Wang et al., 2002).

Еще более выразительны секулярные изменения обхвата груди. И у мальчиков, и у девочек отмечены отрицательные изменения в показателях *обхвата груди*, проявляющиеся с разной степенью достоверности в разные возрастные периоды.

Подобная тенденция характерна и для ряда других поперечных и обхватных размеров, а также жировых складок. На рис. 1 приведены ростовые кривые ряда измерительных признаков у московских мальчиков и девочек, обследованных в 1990-е годы. Очевидно, что если для длины тела динамика возрастных изменений носит более или менее традиционный характер с присутствием обычных двух перекрестов, то для веса тела ход ростовых кривых демонстрирует отсутствие перво-

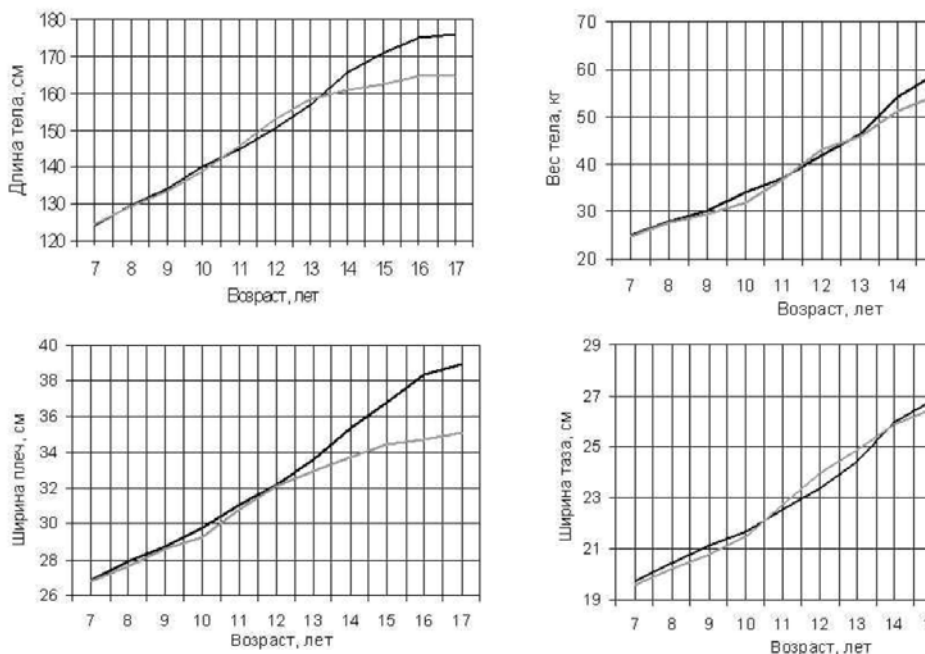

Рис. 1. Ростовые кривые размерных признаков у русских детей Москвы:
 — мальчики; — девочки

го перекреста. Иными словами, московские девочки практически не обгоняют мальчиков по этому показателю даже на протяжении пубертатного периода. Подобный ход ростовых кривых характерен и для другого показателя — ширины плеч.

Но, пожалуй, самое удивительное — это возрастная динамика такого признака, как ширина таза. В данном случае вместо традиционного опережения мальчиков девочками по этому показателю на протяжении всего ростового периода (Урысон, 1973; Toth, Eiben, 2004) имеет место отчетливое присутствие двух перекрестов, свидетельствующих о том, что девочки лишь в пубертатном периоде незначительно обгоняют мальчиков.

На рис. 2 представлена возрастная динамика некоторых обхватных размеров и жировых складок.

Здесь соотношения между мальчиками и девочками носят более традиционный характер: по обхвату талии мальчики на протяжении всего ростового периода обгоняют девочек, а по обхвату ягодиц, напротив, девочки оказываются впереди мальчиков. В последнем случае различия, однако, весьма невелики. Средние величины обхвата талии и ягодиц у 17-летних девушек составляют соответственно 66,21 и 93,81 см, что весьма близко к двум последним членам «магической» пропорции — «90-60-90». Отношение обхвата талии к обхвату бедер выражается цифрой 0,7, что, по мнению С. Ститера и Д.МакБарни (Steeter, McBurney, 2003, цит. по Бутовской, 2004), соответствует индексу наибольшей сексуальной привлекательности женской фигуры.

Из проведенного анализа следует, что на протяжении после-

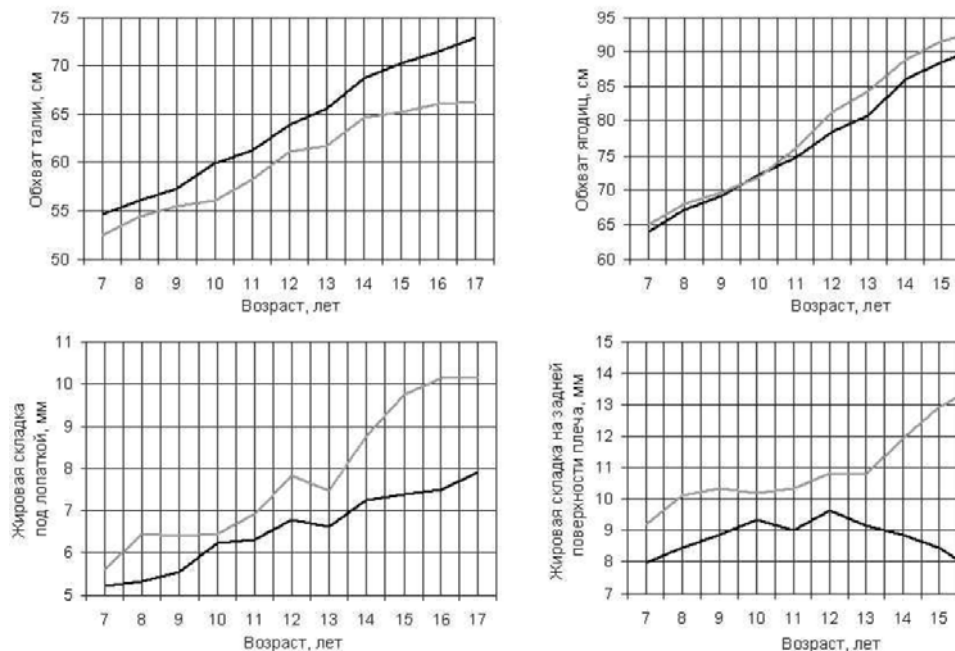

Рис. 2. Ростовые кривые размерных признаков у русских детей Москвы:
 — мальчики; — девочки

дне десятилетия XX века у московских детей и подростков произошла смена векторов секулярных изменений ряда размеров тела. Если в отношении продольного роста можно констатировать его стабилизацию на уровне средне-европейских значений соответствующих показателей (Најніц, Ретрадек, 1999), то по весу, обхватным, некоторым широтным размерам, а также по показателям, характеризующим развитие подкожного жиросотложения, выявляются отрицательно направленные сдвиги, особенно выраженные у девочек.

Известно, что акселерация соматического развития всегда сопровождается некоторой астенизацией телосложения, когда при выраженной тенденции к увеличению продольного роста показатели крепости организма, такие, как обхват груди, даже несколь-

ко уменьшаются по сравнению с предыдущими десятилетиями, когда рост тела в длину обгоняет рост поперечных размеров и увеличение массы тела (Никитюк, 1989).

На протяжении последних 15-20 лет эти тенденции значительно усилились, что подтверждает и характер распределения типов конституции (схема Штефко-Островского). В 1990-е гг. существенно возрастает процент детей торакального типа и, еще более, астеноидного типа (относительно узко сложенных, с незначительным развитием жиросотложения): процент детей с астеноидным типом конституции, по нашим данным, доходит до 5% у девочек и 8-9% у мальчиков старших возрастов. По данным других авторов, эти цифры значительно выше (Тамбовцева, 2002). Появились интересные объяснения большего

распространения астеноидного типа как наиболее социально адаптабельного (Хрисанфова, 2002, 2003), а также обладающего некоторыми преимуществами в развитии ряда психомоторных качеств (Максинева, 2004; Дерябин и др., 2003). Одно из наиболее распространенных объяснений связывает эти изменения с ухудшением социально-экономических условий в России на протяжении 1990-х гг. и соответствующим ухудшением физических кондиций современной молодежи (Суханова, 1996; Кучма, 1999; Ямпольская, 2000).

Подобного взгляда придерживаются чешские и польские аутоэкологи, выявившие сходные тенденции у подрастающего поколения этих стран (Stolarzyk, Malinowski, 1996; Vignerova et al., 2000). При несомненной обоснованности подобной точки зрения нам кажется возможным выдвинуть и другую причину, связанную с социальными воздействиями на рост. Речь идет о стремлении современных молодых людей, в особенности девушек, соответствовать неким «идеальным» представлениям о том, как они должны выглядеть. «Биологическое тело» становится все более зависимым от социальных влияний. При этом, с одной стороны, социальные факторы оказывают формирующее воздействие на биологические характеристики, а с другой — вновь обретенные параметры становятся инструментом социальной мобильности. Происходит смена стереотипов — «от матрешки к Барби». По сообщению Дж. Коули (Cawley, 2004) на II Международной конференции «Экономика и биология человека», состоявшейся в Мюнхене в июне 2004 г., в США женщины с более высоким индексом массы тела (ИМТ), в первую очередь, белые, испыты-

вают трудности при приеме на работу. Человеческое тело «вылепливается» в соответствие с заданными канонами и требованиями социума (Быховская, 1993).

Этому в большей степени подвержена городская молодежь, во-первых, в силу того, что она физически менее активна (особенно в старших возрастах) (Ямпольская, 2000), во-вторых, потому, что испытывает на себе более мощный прессинг со стороны средств массовой информации. Конечно, это лишь одна из гипотез, но она, в какой-то степени, позволяет объяснить большую выраженность подобных тенденций у девушек, а в социальном плане — у девушек из семей более высокого образовательного уровня. Следует отметить, что о стремлении подростков соответствовать такому типу телосложения, который считается модным и современным, пишут и западные исследователи (Lindgren, 1998; Bogin, 1999).

В одном оригинальном японском исследовании сообщается о том, что молодые женщины (18-21 год) склонны видеть у себя проявления излишней полноты, тогда как в действительности, судя по основанной на измерениях объективной оценке, речь могла идти скорее о дефиците веса (Takasaki et al., 2002). Подобные данные приводит и К. Видмар, обследовавшая словенских школьниц, в своем докладе на II Международной конференции «Экономика и биология человека» (Vidmar, 2004). По нашим данным, 92% опрошенных студенток начальных курсов Калмыцкого государственного университета обоснованно считают, что у них жиротложение ниже среднего и, несмотря на это, 58% опрошенных хотят похудеть, а 67% «иметь меньше жира» (Година и др., 2009).

Таким образом, стремление молодых женщин и девушек к худобе и снижению массы тела приобретает поистине глобальный характер.

В то время как во многих развитых индустриальных странах происходит выравнивание социального градиента за счет уменьшения различий в условиях жизни между отдельными слоями (Lindgren et al., 1994, Wilkinson, Pickett, 2009), в других, в особенности странах бывшего так называемого социалистического лагеря, происходит обратный процесс усиления социальных различий (Kromeyer et al., 1997; Kromeyer-Hauschild, Jaeger, 1997).

В этой связи представляется особенно интересным проследить за процессом социальной стратификации в нашей стране и попытаться определить влияние этого процесса на физические параметры подрастающего поколения.

Во время антропологического обследования нами проводилось анкетирование, учитывающее ряд биологических и социально-экономических параметров. Из них были использованы данные по профессии и уровню образования отца и матери. В качестве детерминирующего фактора выбран уровень образования отца и матери, прежде всего, потому что этот показатель хорошо коррелирует с профессией родителей и легко категоризируется (Задорожная, 1998).

Все индивидуальные данные были подвергнуты стандартной процедуре нормирования и объединены в три группы в зависимости от уровня образования матери или отца: 1 — без образования (школьное); 2 — наличие среднего специального образование; 3 — наличие высшего образования. По количеству детей в семье для московской популяции также выдели-

ли три группы: 1 — один ребенок; 2 — два ребенка; 3 — более двух детей. Нормированные отклонения усреднялись по выделенным категориям — в отдельности по образованию отца, образованию матери и количеству детей в семье. Был проведен множественный регрессионный анализ, выявивший совокупное влияние факторов, равно как и эффект каждого из факторов при удалении остальных. Достоверность различий определялась с помощью дисперсионного анализа с использованием множественных сравнений по Шеффе.

Очевидно, что реакции представителей разных полов на отдельные социально-экономические факторы явно различаются. Если у мальчиков происходит значимое увеличение всех показателей при повышении уровня образования отца, то у девочек картина прямо противоположна. Наибольшие величины большинства значимых показателей отмечены у девочек 1-й группы по образованию отца, куда, как известно, попали отцы только со школьным образованием. Однако судить о том, что именно эта группа особенно благоприятна для оптимального развития девочек было бы преждевременным, не проанализировав, какие именно признаки создают картину этого благополучия. Оказывается, сюда попадают те признаки, которые связаны с увеличением веса, обхватных размеров, развитием жировоголожения. Ни по длине тела, ни по величине костных диаметров статистически значимых различий между группами девочек, сформированными по уровню образованию отца, не выявляется. Наибольшие различия отмечены между 1-й и 2-й группой: отцы без образования или со средним образованием. Различия

между девочками из 2-й и 3-й группы (среднее или высшее образование отцов) невелики.

У мальчиков наибольшие различия наблюдаются опять-таки между 1-й и 2-й группой (категории те же), но направление и содержание их отлично от такового девочек. Отмечено статистически достоверное увеличение показателей от 1-й ко 2-й группе: сыновья отцов без образования и со средним специальным образованием. Наиболее информативными признаками оказываются костные — длина тела и диаметры (плечевой, тазовый, грудной поперечный).

Еще более характерными являются различия между мальчиками и девочками при выделении категорий по образованию матери. Если у мальчиков направление изменчивости по этой переменной в целом такое же, как и в предыдущем случае, то у девочек влияние уровня образования матери вообще не обнаруживается. У мальчиков с большой степенью достоверности выделяются сыновья матерей со средним специальным образованием. У них максимальны практически все изученные размеры, за исключением толщины жировых складок и грудного указателя (различия недостоверны). Сыновья матерей с высшим образованием уступают своим сверстникам из предыдущей группы практически по всем параметрам, хотя статистически достоверные различия отмечены только по очень небольшому количеству признаков.

Таким образом, по показателям развития мальчиков из семей родителей с разным уровнем образования можно выделить некое подобие «среднего» класса, конечно, не имеющего никакого отношения к трактовке понятия «класс» в зарубежной литературе.

Это семьи родителей со средним специальным образованием, в силу ряда причин, связанных со специфическими особенностями развития российского общества на современном этапе, оказавшиеся в более благоприятной экономической ситуации, что, вероятно, и сказалось на развитии их детей. Во всяком случае, можно сделать четкий вывод, что высшее образование родителей в современной России вовсе не является условием лучшего развития их детей.

Согласно некоторым литературным данным, различия в размерах тела девочек и мальчиков из семей родителей разного уровня образования и профессиональной принадлежности однонаправлены и выражены у мальчиков в большей степени (Billewicz, Thomson, Fellowes, 1983; Chinnock et al., 1984). В нашем случае мы сталкиваемся с несколько иной ситуацией. При этом среднестатистические социально-экономические показатели для семей мальчиков и девочек оказываются одинаковыми: у мальчиков средний балл по образованию отца — 2,12, по образованию матери — 2,05, по количеству детей — 1,84; у девочек — 1,93; 1,94 и 1,72 соответственно.

В заключение рассмотрим еще один вопрос — о различиях возраста менархе у девочек в зависимости от уровня образования родителей и количества детей в семье. С уровнем образования матери по этому показателю наблюдается выраженная отрицательная связь: у девочек из 1-й группы возраст Ме наибольший и составляет 12,71 года; у девочек из 2-й и 3-й группы он значительно ниже и составляет соответственно 12,21 и 12,29 года.

Направление изменчивости показателя в группах по образова-

нию отца в общем совпадает с таковым размерных признаков. Наименьший показатель возраста M_e — 12,55 года — выявляется у дочерей отцов со школьным образованием (1-я группа). Напомним, что у них же наибольшие показатели веса, обхвата груди и толщины жировых складок. Во 2-й группе следует существенное увеличение возраста M_e до 13,9 лет, а затем его падение в 3-й группе до 12,67 лет. В литературе также имеются сведения о более значительном воздействии образования отца на возраст менархе. Об этом сообщают, например, испанские исследователи М. де ла Пуэнте и др. (de la Puente et al., 1997). Наконец, с увеличением числа детей в семье возраст M_e закономерно возрастает — 12,29 года, 13,09 и 13,44 года соответственно.

Таким образом, можно с определенностью констатировать различия в направлении и выраженности гендерных реакций на социальную среду. Можно отметить, что для детей обоего пола высшее образование родителей не является сейчас тем фактором, который однозначно способствовал бы повышению уровня соматического развития, как это декларируется во многих зарубежных работах. Объяснение причин этих различий может быть связано с теми процессами социальной стратификации, которые происходят сейчас в нашем обществе.

Можно попытаться объяснить полученные данные с позиций эволюционной психологии — в русле представлений о дифференцированном родительском вкладе, когда в семьях с высоким статусом (и доходом) родители предпочитают больше вкладывать в сыновей, а в семьях с низким статусом предпочтение оказывается дочерям. Можно сослаться на работы

Б.Хуланицкой, которая показала более раннее созревание девочек в неблагополучных семьях (Hulanicka, 1999, Hulanicka et al, 2001). Очевидно, что та или иная интерпретация требует более подробного рассмотрения и анализа, но вполне закономерна в рамках предложенного подхода.

Аналогичные результаты получены и при анализе показателей роста детей в зависимости от типа посещаемой ими школы. Образовательное учреждение, которое посещает ребенок, может рассматриваться как косвенный показатель социально-экономического статуса семьи. В последнее десятилетие XX в., наряду с обычными, муниципальными, школами, появились новые, элитарные, школы — лицеи, гимназии, пансионы, обучение в которых требует от родителей немалых финансовых вложений. Понятно, что в данном случае речь идет о социально-экономической стратификации, когда представители более высокого социального статуса характеризуются большими размерами тела (что справедливо, в первую очередь для мальчиков) и пониженным жиротложением (признак, в большей степени свойственный девочкам). В последнем случае речь идет не только о величинах толщины подкожного жирового слоя, но и о его топографии. В частности, для представителей более низкого социального статуса характерно большее развитие жира на туловище, в противоположность жиру на конечностях.

Характеризуя тенденции социальной стратификации 1990-х гг. по сравнению с 1980-ми можно отметить, что в последней выборке все три выделенные категории (по образованию родителей и количеству детей в семье) оказались бо-

лее равномерно представленными, чем раньше. Вторым важным моментом, который необходимо отметить, — это некоторое снижение образовательного уровня родителей в семьях девочек.

Ростовые характеристики детей и подростков изменяются в ответ на изменения социальных переменных. Мальчиков характеризуют те же тенденции, что и в 1980-е гг., но степень различий существенно меняется. Если в прежнее десятилетие образовательный уровень отца или матери оказывал минимальное влияние, то в 1990-е годы этот эффект усилился. Важно подчеркнуть также, что реакция мальчиков и на образование отца и на образование матери в целом сходна: морфологические показатели повышаются от 1-й группы к 3-й. Тенденции, связанные с количеством детей в семье, за прошедшее десятилетие не изменились.

Таковы в самом общем виде некоторые тенденции, связанные с изменениями социальной стратификации общества и социальных ролей. Конечно, полученных материалов недостаточно для того, чтобы с четкостью интерпретировать выявленные тенденции. Мы не располагаем точными данными об уровне семейного дохода и т.д. Но даже по имеющимся данным можно убедиться в том, что за прошедшие годы «перестройки» в российском обществе произошли существенные изменения, которые незамедлительно отразились на характеристиках роста и полового созревания московских подростков, причем реакция полов на происходящие в обществе процессы оказалась разнонаправленной. Наблюдения за соматическим развитием выявили тенденцию к прогрессивному снижению темпов продольного роста, нарастанию

астенизации телосложения, увеличению возраста менархе у девочек. Отмечены существенные различия в ростовых характеристиках в зависимости от социального статуса семьи. Наиболее важный источник вариабельности — уровень образования отца. Высшее образование родителей не всегда может служить залогом более высокого уровня соматического развития. Более высокий рост, меньший вес, меньшие значения индекса массы тела (ИМТ), обхвата груди, толщины жировых складок и т.д. могут быть результатом действия новых стереотипов. «Биологическое тело» является результатом социальных влияний и инструментом социальной мобильности. Общее направление изменений во времени в известной мере соответствует различиям между социальными группами: межгрупповой и внутrigрупповой векторы в данном случае совпадают. Изучение особенностей физического развития детей и подростков свидетельствует об усилении процессов социальной стратификации в России на рубеже веков и требует дальнейшего наблюдения и социально-гигиенического мониторинга.

На протяжении большей части XX века направленность изменений в большинстве стран совпадала: параллельно с улучшением социально-экономических условий увеличивались физические параметры населения, в первую очередь показатели продольного роста. Однако, начиная с последних десятилетий XX — начала XXI века в развитых европейских странах, США и Японии продольный рост и процесс полового созревания замедляются или стабилизируются, а вес тела продолжает нарастать. Исключение составляет увеличение продольного роста у населения Голландии. В качестве

объяснения продолжающегося секулярного тренда выдвигаются социальные причины, а именно относительное выравнивание условий жизни социальных слоев за счет пакета социальных программ, предоставляемых государством (Wilkinson, Pickett, 2009).

По поводу причин секулярного тренда высказывалось множество гипотез, однако наиболее доказуемыми являются все же социально-экономические. Нам кажется, что это в первую очередь справедливо в отношении последних двух столетий, когда максимальные изменения размеров тела, скоростей роста, темпов полового созревания произошли параллельно с заметным улучшением условий жизни, питания, здравоохранения, изменением психологических факторов, которые как часть культуры могут быть охарактеризованы как «дух времени». (Година, 2009).

Литература

Абрамов М.С. 1984. Окружающая среда и физическое состояние населения. — Ташкент: Медицина, 1984. — 230 с.

Башкиров П.Н. Учение о физическом развитии человека. — М.: Изд-во МГУ, 1962. — 339 с.

Бунак В.В. Антропометрия. — М., 1941. — 367 с.

Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. 437 с.

Быховская И.М. Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность. Монография. М.: ГЦИФК, ОС РАН, 1993. 179 с.

Година Е.З. Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты. Дисс. .... Докт. биол. наук. М., 2001. 383 с.

Година Е.З. От матрешки – к Барби. Как меняются физические размеры наших детей. Экология и жизнь, 2009, №5 (90), 76–81.

Година Е.З., Задорожная Л.В. Влияние некоторых факторов окружающей среды на формирование особенностей соматического развития детей и подростков (по материалам обследования московских девочек школьного возраста) // Вопр. антропол. — 1990. — Вып.84. — С. 18–30.

Година Е.З., Миклашевская Н.Н. Экология и рост: влияние факторов окружающей среды на процессы роста и полового созревания человека // Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Т.3. — М.: ВИНТИ, 1989. — С. 77–134.

Година Е.З., Хомякова И.А., Задорожная Л.В., Ромашко К.С. Морфофизиологический статус и особенности самовосприятия внешности студенток начальных курсов Калмыцкого Государственного Университета // Международная научно-практическая конференция «Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа». 28–29 апреля 2009 г. Тезисы докладов. М.: Параллели, 2009. С. 56–58.

Дерябин В.Е., Негашева М.А., Паристова А.В. Изучение связей между морфологическими и психологическими признаками на примере московских студенток. Вестник антропологии. Альманах. Вып. 10. М., 2003. С. 176–197.

Дорожнова К.П. Роль социальных и биологических факторов в развитии ребенка. — М., 1983. — 159 с.

Задорожная Л.В. Влияние социально-экономических факторов на морфо-функциональные характеристики детей и подростков: Дис. ... канд. биол. наук. — М., 1998. — 101 с.

Кучма В.Р. Некоторые особенности физического развития детей и подростков на современном этапе // Здоровый ребенок. Мат-лы Конгресса педиатров России. — М., 1999. — С. 201.

Максинева Д.В. Конституциональные особенности психофизиологических показателей у девушек. Международная конференция «Антропология на пороге III тысячелетия». М., 2002. С. 63-64.

Никитюк Б.А. Акселерация развития (причины, механизмы, проявления и последствия) // Рост и развитие детей и подростков. Итоги науки и техники. Сер. Антропология. Т. 3. — М.: ВИНТИ, 1989. — С. 5-76.

Рогинский Я.Я. Влияние различных условий на прорезывание первых молочных зубов у ребенка // Русск. антропол. журн. — 1926. — Т. 15, Вып. 1-2. — С. 33-49.

Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Изд-во «Правда», 1988. 512 с.

Суханова Н.Н. Физическое развитие детей и подростков к концу XX века; связь с биологическими и социально-экономическими факторами: Автореф. дис. докт. мед. наук. — М., 1996. — 48 с.

Сыркин Л.А. О нормах физического развития детей школьного возраста. // Бюллетени №№ 4, 5 и 6. Приложение к ж. Социальная гигиена. — 1928. — Сб. № 4 (14). — С. 3-5.

Тамбовцева Р.В. Возрастные и типологические особенности энергетичности мышечной деятельности. Дисс. .... докт. биол. наук. М., 2002. 350 с.

Урысон А.М. Возрастная динамика размеров тела детей и подростков в возрасте от 4 до 18 лет // Рост и развитие ребенка / Под ред. Н.Н.Миклашевской. — М.: Изд-во Московского Университета, 1973. — С. 4-54.

Фараджева К.Я. Влияние социальных факторов на состояние здоровья и физическое развитие детей в Азербайджанской ССР: Автореф. дис. ... докт. мед. наук. — М., 1970. — 30 с.

Хрисанфова Е.Н. Антрополого-эндокринологические исследования как способ познания биосоциальной природы человека (историческая филогения). Международная конференция «Антропология на пороге III тысячелетия». М., 2002. С. 5.

Хрисанфова Е.Н. Критические этапы гормональной перестройки в онтогенезе человека: опыт конституционального подхода. Вестник антропологии. Альманах. Вып. 10. М., 2003. С. 159-175.

Чеснис Г. Аукасологическая характеристика литовских детей первого года жизни (Лонгитудинальное исследование): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. — Вильнюс, 1970. — 22 с.

Ямпольская Ю.А. Физическое развитие школьников — жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скрининг-оценки: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. — М., 2000. — 76 с.

Billewicz W.Z., Thomson A.M., Fellowes H.A. (1983). A longitudinal study of growth in Newcastle upon Tyne adolescents. Ann. Hum. Biol., 10, 125-133.

Bodzsar E. and C. Susanne (Eds.) Secular Growth Changes in Europe. Budapest: Eotvos Univ. Press, 1998. 381 p.

Bogin B.A. Patterns of Human Growth. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. 455 p.

Cawley J. Obesity as a barrier to the transition from welfare to work (устное сообщение)

Chinnock A., Reegan T., Fox P. et al. (1984). Associations between growth patterns? Social factors,

morbidity and developmental delay in a longitudinal survey of preschoolchildren. *Hum. Growth and Develop.*: 3rd Int. Congress Auxol., Brussels, Aug. 26-30, 1982. N.Y., London, 699-703.

Cinthio H. and Boldsen J. Patterns of distribution in the Early Medieval cemetery at Loodekoping // *Pap. Archeol. Inst. Univ. Lund (New Ser.)*. — 1985. — Vol. 5. — P. 84-97.

Cohen M.N. The emergence of health and social inequalities in archeological records // *Human Biology and Social Inequality* / Ed. S.S.Strickland and P.S.Shetty. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. — P. 249-271.

Crooks D.L. American children at risk: poverty and its consequences for children's health, growth and school achievement // *Yearb. Phys. Anthropol.* — 1995. — Vol. 38. — P. 57-86.

de la Puente M.L., Canela J., Alvarez J., Salleras L., Vicens-Calvet E. Cross-sectional growth study of the child and adolescent population of Catalonia // *Ann. Hum. Biol.* — 1997. — Vol. 24, No. 5. — P. 435-452.

Demoulin F. Secular trend in France // *Secular Growth Changes in Europe* / Eds. Bodzsar B.E. and Susanne C. — Budapest: Eotvos Univ. Press, 1998. — P. 109-134.

Hajniř K., Petrařek R. Body height, weight and BMI in the Czech and Slovak populations // *Homo*. — 1999. — Vol. 50/2. — P. 163-182.

Heath A. The sociology of social class // *Biosocial Aspects of Social Class* / Ed. Mascie-Taylor C.G.N. — Oxford University Press, 1989. — P. 1-23.

Hoey H., Cox L., Tanner J.M. The age of menarche in Irish girls // *Irish Med. J.* — 1986. — P. 283-285.

Hoppa R.D., FitzGerald C.M. (Eds.) *Human Growth in the Past. Studies from Bones and Teeth*. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. — 315 p.

Hulanicka B. Acceleration of menarcheal age of girls from dysfunctional families. *J. Reproduct. and Infant Psychol.*, 1999, **17**, 119-132.

Hulanicka B., Gronkiewicz L. and Koniarek J. Effect of familial distress on growth and maturation of girls: a longitudinal study. *Amer. J. Hum. Biol.*, 2001, **13**, 771-776.

Johnston F.E., Gordon-Larsen P. Poverty, nutrition and obesity in the USA // *Urbanism, Health and Human Biology in Industrialised Countries* / Ed. L.M.Schell and S.U.Ulijaszek. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. — P. 192-209.

Kromeyer K., Hauspie R.C., Susanne C. Socioeconomic factors and growth during childhood and early adolescence in Jena children // *Ann. Hum. Biol.* — 1997. — Vol. 24, No. 4. — P. 343-353.

Kromeyer-Hauschild K., Jaeger U. Social factors and physical growth of school children in Jena // *Acta Biol. Szeged.* — 1997. — Vol. 42. — P. 235-240.

Lindgren G. Secular growth changes in Sweden // *Secular Growth Changes in Europe* / Eds. E. Bodzsar and C. Susanne. — Budapest: Eotvos Univ. Press, 1998. — P. 319-334.

Lindgren G., Aurelius G., Tanner J. And Healy M. Socio-economic circumstances and the growth of Stockholm preschool children: the 1980 birth cohort // *Acta Paediatr.* — 1994. — Vol. 83. — P. 1209-1211.

Mascie-Taylor C.G.N. The biology of social class // *Biosocial Aspects of Social Class* / Ed. Mascie-Taylor C.G.N. — Oxford

University Press, 1989 a. — P. 362-378.

Mascie-Taylor C.G.N. (ed.) *Biosocial Aspects of Social Class*. — Oxford University Press, 1989 b. — 142 p.

Mascie-Taylor C.G.N. *Biosocial influences on stature: a review // J. biosoc. Sci.* — 1991. — Vol. 23. — P. 113-128.

Mascie-Taylor C.G.N. *How do social, biological, and genetic factors contribute to individual differences in cognitive abilities? // Twins as a Tool of Behavioral Genetics / Ed. T.J.Bouchard, Jr. and P.Propping.* — John Wiley and Sons Ltd., 1993. — P. 153-178.

Singh S.P., Mathotra P. *Secular shift in menarcheal age of Patiala (India) schoolgirls between 1974 and 1976 // Ann. Hum. Biol.* — 1988. — Vol. 15, N 1. — P. 77-80.

Stolarczyk H., Malinowski A. *Secular changes in body height and mass in the children and adolescents of Lodz // Z. Morph. Anthrop.* — 1996. — Vol. 81, No. 2. — P. 167-177.

Strickland S.S. and Shetty P.S. (Eds.) *Human Biology and Social Inequality*. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. — 346 p.

Susanne C., Bodzsar E.B. *Secular growth changes in Europe: do we observe similar trends? // Secular Growth Changes in Europe / Eds. E. Bodzsar and C. Susanne.* — Budapest: Eotvos Univ. Press, 1998. — P. 369-381.

Takasaki Y., Watanabe Y., Kurosawa T. *Assessment of excessive leanness in Japanese young women based on allometry. «6th International Congress of Physiological Anthropology. Methodology for Physiological Anthropology, Cambridge, England, 24-27 August 2002, Programme Abstracts», p. 25-26.*

Tanner J.M. *A History of the Study of Human Growth*. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. — 356 p.

Tanner J.M. *Growth as a mirror of the condition of society: Secular trends and class distinctions // Human Growth. A Multidisciplinary review / Ed. A.Demirjan.* — London and Philadelphia: Taylor&Francis, 1986. — P. 3-34.

Toth G.A., Eiben O.G. *Secular changes of body measurements in Hungary. Humanobiologia Budapestinensis, 28. Budapest, 2004.* 76 p.

Vidmar K. *Physical development of the high-school girls of Gimnazija Lava, Celje, Slovenia, and possible differences between their actual and desired body image (устное сообщение)*

Vignerova J., Blaha P., Kobzova J., Krejcovsky L., Paulova M., Riedlova J. *Growth and development of school children // Cent. Eur. J. Publ. Health.* — 2000. — Vol. 8, No. 1. — P. 21-23.

Voss L.D. *The measurement of human growth: A historical review. In: Perspectives of Human Growth. Eds. Parasmani Dasgupta and R. Hauspie. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 3-15.*

Wang Y., Monteiro C., Popkin B.M. *Trends of obesity and underweight in older children and adolescents in the United States, Brazil, China, and Russia. // Am.J.Clin.Nutr.* — 2002 — Vol. 75, No. 6. — P. 971-977.

Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Societies Stronger.* Bloomsbury Press: New York, Berlin, London. 2009. 331 p.

Исследование факторов неравенства населения¹

Костылева Л.В.

Автором проведено исследование дифференциации населения Вологодской области по доходам. Оцениваются масштабы неравенства населения, выявляются и оцениваются причины и последствия этого явления для региона.

Ключевые слова. Доходы населения, дифференциация населения по доходам, неравенство населения.

Kostyleva L.V.

Study of the factors of the inequality of the population

The author of the article has carried out a research into income differences of the population of the Vologda region. Scales of an inequality of the population are estimated, the reasons and consequences of this phenomenon for the region are revealed and estimated.

Keywords: Population incomes, income differences, a population inequality.

В современной России, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация и концентрация не уменьшаются, а продолжают нарастать. На протяжении многих лет наблюдается избыточное экономическое неравенство доходов и бедности населения, которые, в связи с кризисом, могут получить дальнейшее ускоренное развитие и еще больше обострить напряженную ситуацию в социальной сфере.

Высокий уровень дифференциации доходов населения влечет за собой негативные социально-экономические последствия, к которым можно отнести деформации в структуре и уровне развития потребительского рынка, снижение общей экономической активности населения. Кроме того, высокая степень неравенства населения оказывает негативное влияние на социально-психологическое состояние общества, обусловленное ограниченностью социальных перспектив, безысходностью социально-экономического положения, и ведет к распространению деструктивных явлений в социальной сфе-

Таблица 1

Распределение общего объема денежных доходов населения Вологодской области, 1995–2008 гг.

Источник: Социально-экономическое положение Вологодской области: доклады. – Вологда: Вологдастат, 2007 – 2009.

Показатели	Годы									
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Денегные доходы – всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в т.ч. по 20%-ным группам населения										
Первая (нижняя)	7,7	8,3	7,4	7,1	6,5	6,4	6,5	6,1	6,0	6,1
Вторая	12,6	13,1	12,3	12,0	11,3	11,2	11,3	10,9	10,8	11,0
Третья	17,0	17,4	16,8	16,7	16,1	16,0	16,1	15,8	15,7	15,8
Четвертая	23,1	23,1	23,1	23,1	23,0	23,0	23,0	22,9	22,9	22,9
Пятая (верхняя)	39,6	40,4	40,4	41,1	43,1	43,4	43,1	44,3	44,6	44,2
Коэффициент фондов, раз	7,7	8,0	8,7	9,2	11,0	11,3	11,0	12,2	12,6	12,2
Коэффициент Джини	0,323	0,333	0,329	0,338	0,363	0,368	0,364	0,378	0,383	0,382

ре (различные формы девиантного поведения, преступность, коррупция и т.д.).

Оптимальным как в экономическом, так и в общестратегическом плане считаются значения коэффициента фондов на уровне 7–9 единиц, что наблюдается в европейских странах. Параметры дифференциации доходов в России более чем вдвое превышают этот уровень: в 2008 г. уровень доходов 10% наиболее обеспеченного населения в 17 раз больше уровня доходов 10% наименее обеспеченных. В динамике показатель постоянно увеличивается – в 1995 г. коэффициент фондов в России находился на уровне 13,5.

Однако, по мнению специалистов, такой уровень коэффициента фондов (17 единиц) формален, так как рассчитан на основе лишь величины официально зарегистрированных доходов. В действительности около 30–40% финансовых средств перераспределяются в «тени», и, как правило, оседают в карманах богатых слоев населения. Поэтому реальный уровень расслоения населения страны со-

ставляет около 25–30, а в Москве достигает 60 раз, что соответствует ситуации, наблюдающейся сегодня в некоторых странах Латинской Америки.

Наиболее детально нами изучалось неравенство населения одного из регионов Российской Федерации – Вологодской области. Вологодская область отличается несколько меньшей степенью расслоения населения: коэффициент фондов здесь составляет 12 единиц против 17 в России. На долю 20% наиболее состоятельного населения приходится лишь 44% общего объема доходов против 48% в России. Однако неравенство населения в Вологодской области в период с 1995 г., как и в целом по Российской Федерации, увеличивается (табл. 1).

Среднедушевой доход в верхней группе почти в шесть раз превышает прожиточный минимум, в то время как средний доход населения нижней группы значительно меньше (77%) величины прожиточного минимума (табл. 2).

Можно отметить, что 40% населения области находятся на гра-

Таблица 2

Изменение среднедушевого денежного дохода населения Вологодской области в разрезе социально-экономических групп, 2000-2008 гг.

*ТЦ – текущая оценка;

**СЦ – сопоставимая оценка.

Источник: Социально-экономическое положение Вологодской области: доклады. – Вологда: Вологдастат, 2007 – 2009.

20%-ные группы населения по доходу	Среднедушевой денежный доход, руб.		Отношение к прожиточному минимуму, раз		Отношение доходов 2008 г. к 2000 г., %	
	2000	2008	2000	2008	ТЦ*	СЦ**
Первая (нижняя)	920	3658	0,92	0,77	3,98	1,54
Вторая	1506	6597	1,50	1,40	4,38	1,70
Третья	2032	9475	2,02	2,01	4,66	1,81
Четвертая	2761	13733	2,75	2,91	4,97	1,93
Пятая (верхняя)	4733	26507	4,71	5,61	5,60	2,17

Таблица 3

Распределение общего объема денежных доходов населения РФ и Вологодской области в разрезе социально-экономических групп, 2008 г.

Источник: Социально-экономическое положение Вологодской области: доклад. – Вологда: Вологдастат, 2008; Россия в цифрах. 2009: крат. стат. сб. / Росстат – М., 2009. – 525 с.

20%-с группы населения по доходу	Вологодская область		Российская Федерация	
	Показатели по каждой группе	Накопленная частота	Показатели по каждой группе	Накопленная частота
Первая (нижняя)	6,1	6,1	5,1	5,1
Вторая	11,0	17,1	9,7	14,8
Третья	15,8	32,9	14,8	29,6
Четвертая	22,9	55,8	22,5	52,1
Пятая (верхняя)	44,2	100,0	47,9	100,0
Коэффициент фондов, раз	12,2		16,9	

ни выживания. В динамике соотношения дохода и прожиточного минимума изменяются, но положительным образом (в сторону увеличения) – лишь начиная с четвертой группы. За исследуемый период наибольшим образом увеличились доходы населения верхней группы – в 2,2 раза, наименьшим – в первой группе (в 1,5 раза), что и способствовало углублению расслоения населения области.

Распределение денежного дохода по пяти равным группам населения также характеризуется неравномерностью (табл. 3).

Пятой, самой обеспеченной, группе населения принадлежит

около 44% общего объема денежных доходов, тогда как оставшиеся 56% распределяются между остальными 80% населения региона. Однако в стране в целом расслоение населения по доходу еще более глубокое, чем в регионе, что подтверждается и значениями коэффициента фондов (16,9 против 12,2 раз соответственно).

Расчеты показывают, что в результате реформ в Вологодской области выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (пятая доходная группа). Сохранили уровень благосостояния относящиеся к четвертой и – частично – к третьей группе. А уровень дохода и соответственно уровень

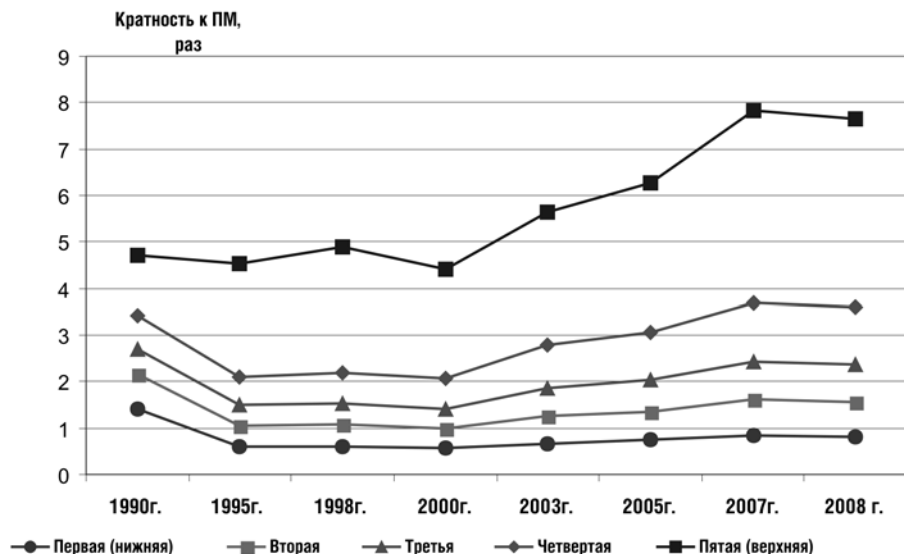

Рис. 1. Динамика соотношений среднегодушевого денежного дохода с прожиточным минимумом (ПМ) в квинтильных группах населения Вологодской области в 1990 – 2008 гг., раз.

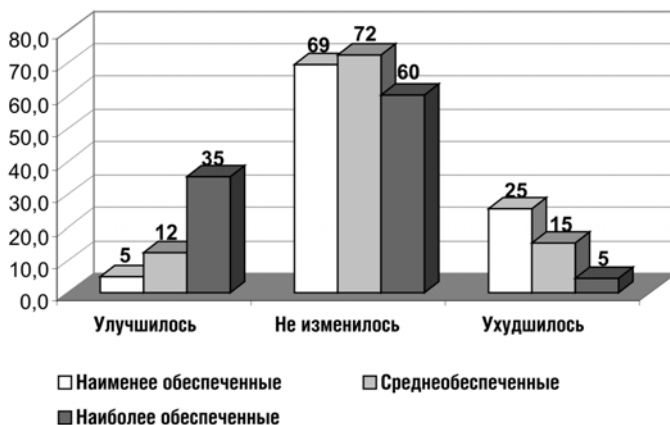

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?», 2008 г., в %.

Примечание: К наименее обеспеченным относилось население, относящееся к первой группе (квинтили) по доходу, к наиболее обеспеченным – население пятой группы, остальные – к среднеобеспеченным.

жизни населения первой и второй групп с самыми низкими доходами значительно снизился, большинство населения этих групп осталось за чертой абсолютной бедности (рис. 1).

В подтверждение выводов об углублении расслоения населения

по уровню дохода приведем распределение по оценке изменений благосостояния за последний год: в 2008 г.² по сравнению с 2007 г. богатые стали еще богаче, а бедные – еще беднее (рис. 2).

Доход является не единственным, но самым главным фактором,

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «К какой категории Вы себя относите?», 2008 г., в %

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Показатели	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Богатые	1,8	0,4	0,7	1,8	2,2	1,8
2. Люди среднего достатка	54,2	41,2	44,9	37,0	60,6	79,9
3. Бедные	30,3	37,6	38,0	46,9	27,0	12,0
4. Нищие	1,9	3,3	2,2	1,1	2,2	0,4
5. Затрудняюсь ответить	11,5	17,5	14,2	13,2	6,9	5,5

Таблица 5

Структура населения Вологодской области по оценке собственных доходов, в % от общего числа респондентов

Источник: Социологические опросы ИСЭРТ РАН, 2000-2008 гг.

Группы населения	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
1. Нищие	15,9	14,0	12,8	12,6	9,6	6,3	4,3	3,8	3,4
2. Бедные	46,4	43,8	40,7	38,8	35,9	34,7	34,4	31,1	13,6
3. Малообеспеченные	31,2	32,0	35,1	36,7	41,7	46,7	47,9	50,1	62,7
4. Обеспеченные	4,1	6,0	6,1	7,8	6,9	8,6	9,4	10,9	17,5
5. Богатые	1,4	2,1	3,1	2,4	2,3	1,4	1,6	2,3	2,1

влияющим на оценку людьми своего социально-экономического статуса. Немногим более половины населения области относят себя к людям среднего достатка, еще треть – к бедным. В разрезе 20%-ных групп оценки статуса населения значительно различаются. Если около 40% составляющих первую, наименее обеспеченную группу, относят себя к бедным и нищим, то 80% населения пятой, наиболее обеспеченной группы – к людям среднего достатка (табл. 4).

Однако эта классификация отличается высокой степенью субъективности. В табл. 5 применяется классификация³, которая, с точки зрения Е.В. Балацкого, является универсальной. Она пригодна даже для международных сравнений.

Структурно-динамический анализ таблицы позволяет понять, что в обществе происходят качественные сдвиги: в период с 2000 по 2008 г. значительно сокращается доля тех, кого можно отнести к нищим

и бедным (с 62% до 17%), увеличивается доля обеспеченных и богатых людей (с 6% до 20%). Следует отметить, что особенно важные изменения произошли в 2008 г. Можно сказать, что проявил себя эффект замещения: нищие и бедные с течением времени перешли в более благополучную группу малообеспеченных. В то же время растет количество обеспеченных за счет перехода в эту группу части малообеспеченных и колебаний численности богатых людей.

Уровень оценки собственного статуса повышается с ростом среднедушевого дохода (табл. 6). Наиболее сильно отличаются от других оценки жителей области, входящих в верхнюю группу по доходу: здесь доля малообеспеченных существенно ниже, чем даже в соседней, четвертой группе (49% против 72%), а удельный вес обеспеченных и богатых, напротив, существенно выше.

Более высокие оценки представителей пятой группы обуслов-

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Какая из нижеприведенных оценок наиболее точно характеризует денежные доходы вашей семьи?», 2008 г., в %

Источник: Социологический опрос ИСЭРТРАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Группы населения	Население в целом	Группы населения по доходу					
		1	2	3	4	5	
1. Нищие	2,1	5,8	2,6	1,5	0,7	0,4	
2. Бедные	17,5	33,9	25,2	16,8	8,0	4,0	
3. Малообеспеченные	62,5	55,1	69,0	71,4	72,3	48,5	
4. Обеспеченные	13,6	2,9	1,5	8,1	16,1	39,1	
5. Богатые	3,4	1,1		1,5	2,2	2,9	7,3

Таблица 7

Соотношение фактического и предпочитаемого уровня доходов населения Вологодской области, 2008 г.

Источник: Социологический опрос ИСЭРТРАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Показатели	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Фактический уровень дохода в расчете на 1 человека, руб.	7810	2963	4428	5907	8664	17080
2. Предпочитаемый уровень дохода в расчете на 1 человека, руб.	19576	12845	13610	17582	22787	29000
3. Соотношение между предпочитаемым и фактическим уровнем дохода, раз	2,5	4,3	3,1	3,0	2,6	1,7

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Рассчитываете ли Вы на улучшение своего материального положения в ближайшие 2-3 года?», 2008 г., в %.

Источник: Социологический опрос ИСЭРТРАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Показатели	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Да	29,1	13,9	18,2	26,7	35,0	46,4
2. Нет, думаю, что оно не изменится	50,2	49,3	52,9	50,2	52,9	46,4
3. Нет, боюсь, что оно даже ухудшится	19,9	35,8	28,1	23,1	11,7	6,6

лены не только более высоким значением фактического дохода, но и тем, что оно наиболее приближено к уровню, необходимому, по мнению населения, для «достойной жизни» (табл. 7). Если разница между фактическим и желаемым уровнем дохода для составляющих первую, нижнюю, группу составляет более четырех раз, то для представителей пятой группы – лишь 1,7 раза. Отметим, что для населения области в целом соотношение желаемого и фактичес-

кого уровня дохода в динамике уменьшается: на протяжении ряда лет оно составляло 3,0 – 3,2 раза, а по данным 2008 г. – 2,5 раза.

Ожидания людьми изменения своего материального положения или материального положения своей семьи, как выяснилось, также прямо пропорциональны уровню дохода: чем выше доход, тем более оптимистично настроены люди (табл. 8).

Если ухудшения своего материального положения опасаются

лишь 7% населения, относящегося к пятой группе, то среди первой и второй групп таких людей около трети. На улучшение ситуации надеются соответственно 46 и 14% представителей пятой и первой групп соответственно.

В качестве возможных способов улучшения материального положения наиболее часто отмечается увеличение количества времени, отводимого для работы и, соответственно, – уровня заработной платы (это характерно для всех 20%-ных групп населения, кроме первой). Население, относящееся к первой группе, в основном надеется на повышение размера социальных пособий и регулирование цен со стороны государства. С надеждами на увеличение доходов связаны и опасения по поводу их неосуществления. Представители 1–2 групп по доходу выше, чем другие, опасаются роста цен и ухудшения экономической обстановки в целом, а работающие слои населения, которые составляют основу 4–5 групп – потери работы и снижения заработной платы.

В случае резкого ухудшения материального положения работающее население готово больше работать, люди более старшего возраста – продавать свое имущество; в акциях протеста готовы участвовать не более 7% населения. Наиболее распространенным действием в подобной ситуации, независимо от возраста и уровня дохода, является сокращение расходов.

Как оказалось, соотношение доходов с размером прожиточного минимума увеличивается, но в верхних группах динамика происходит более быстрыми темпами, чем в нижних (что объясняется различными темпами роста среднедушевых доходов в исследуемом периоде). В сопоставимой оценке

произошло увеличение дохода населения первой группы в 2,2, пятой – в 2,6 раза.

На процесс дифференциации доходов населения оказывает влияние множество факторов, в том числе экономические, социальные, политические, географические, демографические, психологические. Основной причиной глубокого неравенства населения, наблюдающегося в современной России, безусловно, является несовершенство распределительных механизмов. Исследователи подчеркивают, что российская система налогообложения не только не ориентирована на снижение дифференциации располагаемых доходов по сравнению с номинальными, но приводит к прямо противоположному результату, увеличивая уровень дифференциации доходов и бедности населения [1]. В настоящее время учеными формируются предложения по совершенствованию распределительной системы в стране, которые заключаются во внедрении прогрессивной шкалы налогообложения и введения новых налогов, которые, как ожидается, коснутся прослойки наиболее богатых людей: налога на роскошь, рыночного налога на квартиры, а также повышении ставки налога на доходы в виде дивидендов.

Мы задались вопросом: насколько влияют на уровень дохода населения факторы социально-демографического характера, т.е. такие, регулировать состояние которых может сам индивид? Выявление и оценка причин неравенства основывались на данных социологического опроса населения области, проводившегося в 2008 г. Объем выборочной совокупности составлял 1500 человек. Выборка формировалась на территории двух наиболее крупных городов

Таблица 9

Структура населения Вологодской области по положению на основной работе, 2008 г., в %

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Положение на основной работе	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Насмный работник	100	21	20	20	20	19
2. Работающие на себя без привлечения наемных работников	100	19	26	21	24	10
3. Работающие на себя с привлечением наемных работников	100	9	13	12	21	45
4. Работающие в семейном деле	100	0	30	14	18	39

(Вологды и Череповца) и восьми районов Вологодской области. Ее репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), а также половозрастной структуры взрослого населения. Ошибка выборки не более 3%. Для выявления зависимости использовались корреляционно-регрессионный и дисперсионный методы.

Как показал корреляционно-регрессионный анализ, 24% вариации дохода связаны с изменением таких факторов, как (факторы приведены по убыванию степени влияния на величину дохода, причем, со всеми признаками, за исключением последнего, доход имеет прямую связь):

- должностная группа, к которой относится человек;
- отрасль экономики, в которой трудится человек;
- уровень образования;
- место жительства;
- количество несовершеннолетних детей в его семье.

Кроме того, на уровень дохода оказывает значительное влияние род занятий: наиболее высокий уровень дохода имеют занимающиеся собственным делом. Причем, немаловажным фактором при этом

является наличие наемных работников в распоряжении предпринимателя.

В наибольшей степени ($R=0,30$) доход человека зависит от того, к какой должностной группе он относится. Наибольший доход обеспечивают руководящие и высококвалифицированные должности, наименьший – неквалифицированный труд.

Занятие предпринимательской деятельностью не всегда обеспечивает высокий доход (табл. 9). Для получения доходов высокого уровня недостаточно вести индивидуальную предпринимательскую деятельность – очень важно при этом иметь наемных работников. В этом направлении у России имеется большой потенциал роста. По данным EES⁴, в России в 2006 г. доля занятых в семейном деле в работающем населении составляла только 5%, что меньше, чем в любой из стран не только Западной, но и Восточной Европы⁵. В соответствии с данными социологического опроса, в Вологодской области доля занятых в семейном бизнесе не превышает 1,5%.

Наибольший доход обеспечивает занятость в таких отраслях, как промышленность, транспорт, связь, финансы, управление, вооруженные силы и охрана порядка. Наименее обеспеченное население чаще трудится в сельском

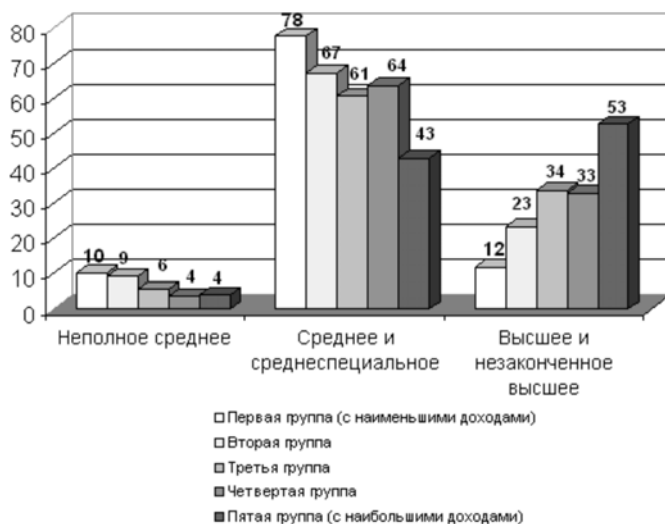

Рис. 3. Распределение населения Вологодской области по уровню образования, 2008 г., в %.

Таблица 10

Распределение населения Вологодской области по уровню образования, 2008 г., в %.

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Уровень образования	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Неполное среднее	100,0	31,5	28,1	17,0	11,1	12,3
2. Среднее и среднеспециальное	100,0	24,9	21,6	19,4	20,4	13,7
3. Незаконченное высшее и высшее	100,0	7,5	15,2	21,9	21,3	34,1

и лесном хозяйстве, культуре. Около 40% респондентов, относящихся к трем первым группам по доходу, не работают, причем наибольший удельный вес таких людей (43%) наблюдается не в первой, а во второй доходной группе (против 8% в группе населения с самым высоким уровнем дохода).

Важным фактором, влияющим на уровень доходов человека, является уровень образования. Чем выше уровень доходов в группе, тем меньше в такой группе доля населения с неполным средним, средним и средне-специальным образованием. И, напротив, наиболее высокому доходу соответствует наибольший удельный вес людей с высшим или неполным

высшим образованием: если в группе наименее обеспеченных имеющие высшее или неполное высшее образование составляют около 12%, то в группе наиболее обеспеченных – 53% (рис. 3).

Зависимость дохода от уровня образования подтверждают и данные табл. 10. Так, в верхней группе по доходу сосредоточено 34% респондентов с высшим образованием (включая незаконченное высшее), а в нижней – лишь 7,5%, со средним и средне-специальным – соответственно 14 и 25%, с неполным средним – 12 и 32%.

Кроме экономических и социальных факторов, на уровень дохода семьи оказывают влияние и демографические факторы. Нами

Таблица 11

Распределение респондентов по использованию социально-экономического потенциала, 2008 г., в %.

Тип	Группы	Характеристика	Распределение респондентов, %
I тип	4, 7, 8	Респонденты, недоиспользующие свой социально-экономический потенциал	32
II тип	1, 5, 9	Респонденты, имеющие доход, соответствующий их социально-экономическому потенциалу	55
III тип	2, 3, 6	Респонденты, получающие доход выше, чем предполагает их социально-экономический потенциал	13

выявлено, что наличие в семье более одного ребенка представляет собой определенную степень риска для уровня благополучия: около 64% наиболее состоятельных вологжан не имеют детей, а еще 28% из них имеют лишь одного ребенка. Более половины семей с двумя детьми (52%) относятся к двум нижним группам населения по доходу, среди семей с тремя детьми этот показатель составляет 85%. То есть наличие двух и более детей увеличивает вероятность отнесения семьи к группам населения с наименьшими доходами. Однако отметим, что треть домохозяйств, имеющих более трех детей, относятся к самой высокодоходной группе населения.

Наиболее сильным фактором, определяющим дифференциацию населения по доходу, как было выявлено на более ранних стадиях изучения этой проблемы, является место проживания. Разница в доходах городских и сельских жителей определяет наличие территориальной или поселенческой дифференциации населения.

Перед исследователями стояла задача оценить, насколько доходы населения соответствуют состоянию влияющих на них факторов (место жительства, уровень образования, отрасль деятельности, должностная группа, количество

детей). Сначала для каждого из 1345 респондентов была построена многомерная сравнительная оценка (МСО), учитывающая в себе состояние каждого из пяти перечисленных факторов. На основании значений МСО респонденты были разделены на три группы: 1) с потенциалом ниже среднего уровня (МСО < 1); 2) со средним потенциалом (МСО от 1,0 до 1,7); 3) с потенциалом выше среднего уровня (МСО > 1,7).

После чего респонденты были разделены на три группы по уровню получаемого ими дохода: 1) с доходом ниже среднего уровня (до 4500 руб.); 2) со средним доходом (от 4500 до 14000 руб.); 3) с доходом выше среднего уровня (более 14000 руб.). Отметим, что границы интервалов в группировках и по уровню потенциала, и по уровню дохода, фиксировались с помощью распределения респондентов по этим признакам. Группы респондентов по использованию социально-экономического потенциала можно объединить в три типа (табл. 11).

Результаты типологизации позволяют констатировать, что около половины населения региона (55%) имеет доход, соответствующий уровню влияющих на него факторов. Примерно 12% получают доход выше, чем предполагалось на основании значений тех же факторов. В то же время можно

отметить, что треть населения (32%) недоиспользует свой социально-экономический потенциал и получает доходы более низкого уровня, чем это возможно. Причинами такого несоответствия реального дохода возможному его уровню могут быть психологические характеристики людей.

Литература

1. Иванов, В.Н. Неравенство и бедность населения: опыт решения проблемы в России и за рубежом / В.Н. Иванов, А.В. Суворов // Проблемы прогнозирования. – 2006. – №3. – С. 144.

2. Костылева, Л.В. Социально-экономическое неравенство населения региона [Текст]: монография / Л.В. Костылева, К.А. Гулин, Р.В. Дубиничев. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 143 с.

3. Шевяков, А.Ю. Избыточное неравенство как тормоз развития страны [Текст] / А.Ю. Шевяков / Российская Федерация сегодня. – 2007. – №3.

Ссылки:

1 Исследование выполняется на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МК-3284.2009.6).

2 Несмотря на то, что на момент проведения данного исследования мы уже располагали материалами социологических опросов

за 2009 г., в данной работе мы ограничились результатами 2008 г., чтобы обеспечить сопоставимость статистической и социологической информации.

3 Классификация сформирована на основе ответов респондентов на вопрос: «Какая из оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?». При этом респонденты, давшие ответ «Денег не хватает даже на продукты питания», были отнесены к категории «нищие», «Денег хватает только на продукты питания, но на одежду уже не хватает» – «бедные», «Денег хватает на продукты питания и одежду, но на такие предметы длительного пользования как телевизор, холодильник и т.п. уже не хватает» – «малообеспеченные», «Денег хватает на продукты питания, одежду, предметы длительного пользования, но на такие дорогие предметы как квартира, машина, дача и т.п. уже не хватает» – «обеспеченные», «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать» – «богатые».

4 Проект «Европейское социальное исследование» - исследование, нацеленное на измерение социальных, политических и культурных изменений в России и других 20 европейских странах.

5 Предприниматели и занятые в семейном деле составляют 13% работающего населения Западной Европы.

Социальное обеспечение и социальная помощь: запросы среднего класса

Салмина А.А.

На основе данных Европейского социального исследования мы провели анализ представлений среднего класса о системе социального обеспечения и социальной помощи, об основных функциях государства в решении ряда социальных вопросов в различных странах с разными моделями социальной политики. Результаты исследования показали, что представление населения о роли государства в решении социальных проблем, а также об основных его функциях значительно отличается в разных странах. Можно говорить о некотором отличии установок среднего класса и рабочего класса относительно программ социального обеспечения.

Ключевые слова: Социальная политика, средний класс, рабочий класс, общественное мнение, социальное обеспечение

Salmiina AA

Social welfare and the social aid: the demands of the middle class

Based on the data of European Social Survey we made a research of the opinion of the middle class on the welfare and social assistance, the main functions of the state in resolving a number of social issues in different countries with different models of social policy. The results of investigation showed that the population's vision of the role of the government in solution of the social problems, as well as of its general functions is different in various countries. Besides we can speak about a certain difference of attitudes of the middle class and working class regarding the social support program.

Keywords: Social policies, middle class, working class, public opinion, welfare

Важным фактором в процессе формирования социальной политики государства, помимо институциональных особенностей страны, структуры, роли и «веса» различных игроков на политической арене, является отношение общественности к системе социального обеспечения и социальной помощи. Именно удовлетворенность общества текущей моделью социальной политики, а также степень соответствия ожиданий общества и реальной ситуации, определяет легитимность существующей модели социальной политики и, соответственно, текущей политической власти.

Как известно, общество неоднородно, его составляют различные классы и группы зачастую с разными и противоположными интересами. Идеальное общество предполагает наличие консенсуса между различными классами по вопросам, касающимся всех сторон политического и государственного устройства, направления социальной политики. Но такая картина на практике не осуществима. В лучшем случае выделяется какая-то группа людей, или класс, ко-

торая отражает интересы большинства населения, обладает внутренней солидарностью. В большинстве стран с развитым гражданским обществом такую роль выполняет средний класс. Что касается развивающихся стран, в том числе постсоветских стран, этот вывод не так очевиден, в первую очередь, в связи с тем, что средний класс в этих странах еще только зарождается. Например, в России средний класс, по оценкам ряда исследовательских центров, составляет порядка 20% населения. Тем не менее, в дальнейшем ожидается увеличение среднего класса, а значит, он будет играть все более важную роль.

В данной статье на основе данных Европейского социального исследования¹ проанализируем представление среднего класса о системе социальной помощи, об основных функциях государства в решении ряда социальных вопросов в различных странах с разными моделями социальной политики. Оно дается в сравнении с низшими слоями общества, а именно рабочим классом, который, по сути, является одним из основных получателей социальной помощи. Конечной целью сравнения является поиск наличия и возможности консенсуса касательно социальной политики между низшим и средним классом. От его наличия зависит успешность реализации реформ социального характера и формирования основного направления социальной политики на долгосрочную перспективу.

Средний класс: теория и методология выделения

В научной литературе можно выделить две основные традиции исследований среднего класса – классовая теория и теория стра-

тификации. Если классовая теория предполагает анализ конфликта различных социальных групп, то стратификационная теория основана на упорядоченности членов общества с помощью специальных критериев. Как в прикладном, так и в теоретическом плане, наибольшую популярность в научном сообществе получила стратификационная теория среднего класса. В различных странах для построения соответствующего пространства, как правило, используют похожие системы стратификационных признаков.

Следует отметить, что на сегодняшний день в отечественной социальной науке не существует общепринятой и эмпирически обоснованной структурной модели среднего класса. Хотя публике и представлена обширная российская литература, предлагающая свои определения среднего класса и различные оценки его численности. Если одни исследователи отрицают наличие среднего класса в России, то другие включают в него более половины населения. На этом фоне более адекватными выглядят данные исследований РАН «Средний класс: теория и реальность»² (2009) и НИСП «Российские средние классы: накануне и на пике экономического роста»³ (2008). В обоих исследованиях для определения структуры и размеров среднего класса используется совокупность трех признаков: *материально-имущественного положения, социально-профессионального статуса и самоидентификации*. На основании пересечения этих признаков выделяется ядро и периферия. Как показали РАН и НИСП, в целом в России доля среднего класса составляет порядка 20-30%.

В других странах также существует множество подходов к выделению среднего класса. Напри-

Таблица 1
Схема укрупнения классов по классификации Дж.Голдторпа

11-классовая версия	4-классовая версия
I Верхний служебный класс	I+II Служебный класс
II Нижний служебный класс	
IIIa Работники конторского нефизического труда, б.высокий уровень	IIIa+V Промежуточный класс
IIIb Работники, занятые нефизическим трудом, б.низкий уровень	
IVa Самозанятые с наемными работниками	IV Мелкая буржуазия
IVb Самозанятые без наемных работников	
IVc Самозанятые фермеры и т.д.	
V Техники более низкого уровня и супервайзеры в сфере физического труда	IIIa+V Промежуточный класс
VI Квалифицированные работники физического труда	
VIIa Полу- и квалифицированные работники физического труда (не в с/х)	IIIb+VI+VII Класс работников физического труда
VIIb Полу- и неквалифицированные работники физического труда и с/х	

мер, в США, в зависимости от используемой модели, средний класс может составлять от 25% до 66% домашних хозяйств. Многообразие подходов к выделению среднего класса значительно осложняет межстрановой анализ. Поэтому в нашей работе мы будем использовать наиболее известный и принятый в мировой науке к определению среднего класса подход агрегирования классов Дж.Голдторпа⁴. Он позволит провести сравнительный анализ среднего класса в различных странах.

Схема классовой структуры общества Голдторпа построена в традициях неовеберизма и позволяет выделить в населении группы дифференцированные по положению на рынке труда. Дж.Голдторп построил схему, используя оценку родов занятий с точки зрения их ситуации на рынке и отношений найма⁵. Его схема включает 11 категорий и является более детализированной, чем многие другие. В схеме не учтена только самая верхушка общества - элита. Сам Голдторп говорил, что элита

представляет небольшую часть общества, поэтому в эмпирическом исследовании как категория населения она несущественна.

Вопрос, что считать в схеме Голдторпа средним классом, не так прост, как кажется на первый взгляд. В западной литературе часто средним классом называют класс, получаемый в результате укрупнения 11 классов до трех основных классовых страт: класс «служащих», класс «промежуточный» и «рабочий класс». Класс, который Голдторп называет промежуточным, ученые относят к среднему классу⁶. На наш взгляд, такой подход не совсем продуктивен. Мы используем четырехклассовую версию укрупнения классов (см. табл. 1).

Средний класс мы получаем, агрегируя четыре класса к двум: средний класс и работники физического труда, которых можно назвать рабочим классом, или низшим классом⁷. К среднему классу относятся: служебный класс, мелкая буржуазия и промежуточный класс.

Межстрановой анализ отношения среднего класса к классовой структуре общества мы провели на данных опроса «Европейского социального исследования (ЕСС)» за 2008 г. ЕСС представляет собой исследование, нацеленное на измерение социальных, политических и культурных изменений в России и других европейских странах. Оно проводится более чем в 20 странах Европы, включая Россию, ряд постсоветских стран и большинство центрально-европейских стран. Для построения классовой схемы Голдторпа мы использовали разработанную специально для ЕСС так называемую «Trento version»⁸. Эта версия наиболее близка к современному этапу развития России, так как наиболее точно описывает состояние классовых позиций в нашей стране и учитывает социальные особенности России⁹.

Модели социальной политики: классификация Г.Эспинг-Андерсен

Существующие модели социальной политики могут быть сведены к двум основным типам – модель государственного патернализма и либеральная модель. В основе их выделения лежит распределение произведенного общественного продукта. *Модель государственного патернализма* предполагает принятие государством полной ответственности за благосостояние граждан и их социальное обеспечение. В основе *либеральной модели* лежит разделение на экономически сильных и экономически слабых. Целью общества в либеральной модели является забота об экономически слабых и создание условий для раскрытия потенциала наиболее сильных членов общества¹⁰. Здесь социальная помощь не охватывает

все население. Помимо государства в либеральной модели социальное обеспечение предоставляют и другие экономические агенты, например, благотворительные фонды.

Другие классификации типов моделей социальной политики, по сути, являются разновидностью либеральной и патерналистской моделей. В зависимости от принципов распределения модели социальной политики можно свести к следующим: «либеральной модели, опирающейся главным образом на индивида с минимизацией государственного влияния на жизнь населения; социально-демократические цели (вариант – социальная рыночная экономика), предусматривающие определенную роль государства в перераспределении доходов между различными группами населения, учет потребностей социально слабых групп; советской модели (опирающейся на централизованное регулирование производства и распределения); моделям, принятым в развитых странах, где в зависимости от состояния ресурсов социальная политика ставит своей целью борьбу с голодом, бедностью, антисанитарией и эпидемиями»¹¹.

Для характеристики моделей социальной политики, существующих в экономически развитых странах Запада, наиболее распространена классификация Г. Эспинг-Андерсена. Исходя из общих принципов государства благосостояния, он выделяет три типа такого государства, которым соответствуют три типа модели социальной политики: неолиберальный (американский), социально-демократический (скандинавский, шведская модель социальной политики), корпоративный (франко-германский)¹². В основе разделения этих моделей лежат следующие

Таблица 2

Классификация государств всеобщего благосостояния (Г. Эспинг-Андерсен)

	Несолиберальный тип	Социально-демократический тип	Корпоративный тип
Декоммодификация	Низкая	Высокая	Высокая
Характер государственного вмешательства	Регулирование рынка	Прямое гособеспечение	Регулирование экономики
Стратификация общества	Высокая	Низкая	Низкая

параметры: уровень декоммодификации, который предполагает замещение принципа рыночного распределения товаров и усиление бюрократизации; государственное вмешательство; стратификация общества.

Для межстранового анализа мы выбрали развитые страны, в наибольшей мере соответствующие трем типам социальной политики: Германия (корпоративная модель), Великобритания (либеральная модель) и Швеция (социально-демократическая модель).

Для сравнения отобраны постсоциалистические страны: Польша и Россия, где раньше господствовала советская модель патернализма, а сейчас еще не сложилась окончательная модель социальной политики. Во многом дает о себе знать советское прошлое.

Представление о социальной политике: средний класс vs рабочий класс

Различия в общественном восприятии, существующие в развитых странах, отражены в системе социального обеспечения. Это подтверждает ряд исследований. Например, Р.Бенабу и Э.Ок на данных Панельного исследования динамики дохода показали, что общественные представления в США отражают веру в значительные возможности вертикальной мобильности¹³. Хотя доход большин-

ства американцев гораздо ниже среднего, многие из них предпочитают не голосовать за перераспределение, потому что они полагают, что в будущем их доход превысит средний уровень. Таким образом, более низкие уровни расходов на социальное обеспечение в США отражают существующие длительное время среди американцев индивидуалистические установки на личный успех. Эти различия, в частности, объясняют, почему системы социального обеспечения в США менее развиты, чем на Западе.

Есть четкие данные и о том, что отношение населения, в свою очередь, формирует политику социального обеспечения в Америке. Исследование Б.Пейджа и Р. Шапино на временном отрезке в 44 года показывает, что изменения в общественном отношении нередко предшествовали изменениям государственной политики в самых различных областях¹⁴.

Все это подчеркивает важность изучения мнения и запросов населения в сфере социальной политики. Исследования показывают, что отношение к социальной политике в разных странах отличаются¹⁵. Но можно ли говорить, что взгляды различных классов, а именно среднего и низшего классов, на социальную политику, вопросы социального обеспечения и социальной помощи внутри стра-

ны не совпадают. Полагаем, что в разных странах уровень и характер согласия значительно отличается.

Нам предстоит проверить, есть ли область согласия в вопросах социальной политики между различными классами в разных странах? Для начала необходимо установить, можем ли мы говорить о взаимосвязи принадлежности к классовой позиции и представлений о социальной политике?

Основываясь на данных ЕСС, мы выделили ряд переменных, характеризующих важные аспекты социальной политики, которые можно свести к двум основным: 1) необходимость принятия правительством мер по уменьшению разницы в доходах между людьми; 2) основные функции государства в сфере социальной политики.

Статистический анализ показал, что связь между принадлежностью к классовой позиции и представлениями о социальной политике существует в разных странах, но ее характер различается. Для каждой страны характерен определенный набор переменных, по которым устанавливается статистически значимая связь между типом классовой позиции и установками в отношении социальной политики. То есть можно говорить о том, что представление о социальной политике среднего класса и рабочего класса значимо отличается. Это почти в равной мере характерно для развитых европейских стран (Германия, Швеция, Великобритания), хотя сами переменные, которые показывают отсутствие согласия, здесь различаются. Мы полагаем, что виной служат различные модели социальной политики. Тем не менее, есть ряд переменных, по которым взгляды среднего и рабо-

чего класса не совпадают. Так, во всех рассматриваемых странах средний класс и рабочий класс по-разному отвечает на вопрос, должно ли правительство принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. Если рабочий класс считает, что оно должно принять такие меры, то средний класс склонен придерживаться нейтральной позиции.

Наибольшее согласие по вопросам социальной политики наблюдается в России, чуть меньше в Польше. В частности, очень сильно совпадают представления российского среднего и рабочего класса об основных функциях государства в сфере социальной политики. Большинство респондентов как в среднем, так и в рабочем классе считают, что к функциям государства относится «обеспечение достойного уровня жизни в старости», «обеспечение жизни безработным», «обеспечение ухода за детьми работающих родителей», «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи». Что касается обеспечения всем желающим рабочих мест и квалифицированной медицинской точки зрения, главным оказывается принадлежность к тому или иному классу.

Представление о социальном неравенстве

Одним из ключевых вопросов в изучении представлений различных слоев общества о необходимых мерах социальной политики является вопрос уменьшения социального неравенства. Существующие в стране неравенство негативно сказывается не только на уровне жизни большей части населения, но и оказывает влияние на представления населения. На-

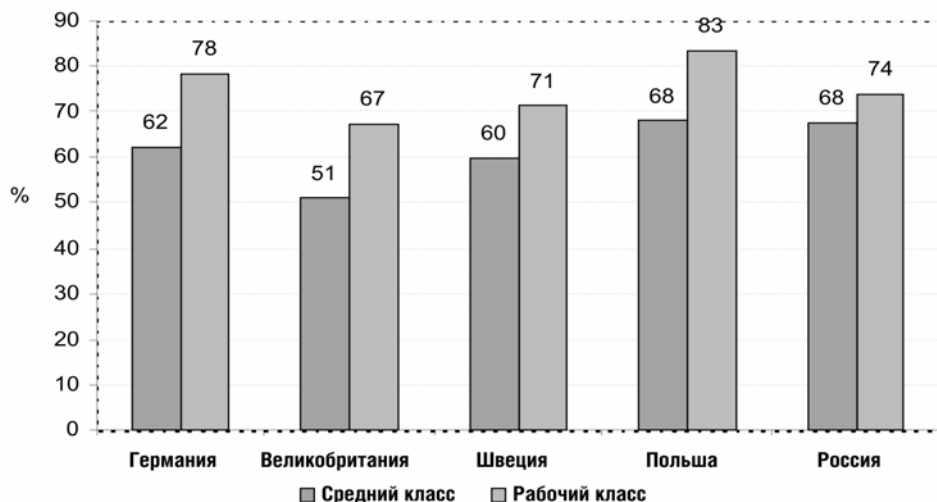

Рис. 1. Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми (доля согласившихся)

Таблица 3

Уровень неравенства в странах мира (2005)

Источник: World Bank, IMF.

	Германия	Россия	Польша
ВВП на душу, тыс. долл. (ППС)	31,1	12,1	14,9
Первая квинтиль (min доходы)	8,5	5,5	7,5
Вторая квинтиль	11,4	10,2	13,7
Пятая квинтиль (max доходы)	36,9	46,4	42,2
Коэффициент Джини	0,283	0,405	0,345

пример, исследование А.Алесина, Р.ди Телла и Р.Маккулоша показало, что при неизменности прочих факторов неравенство оказывает существенное отрицательное воздействие на субъективное благосостояние всего населения независимо от уровня дохода¹⁶. Самое сильное воздействие ощущается малообеспеченными слоями населения. Нами рассмотрено влияние классовой принадлежности на отношение к вопросам неравенства. На графике (см. рис. 1) отображена доля респондентов, согласившихся с утверждением: «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми».

Как но странно, большей поддержкой меры государства по

уменьшению неравенства пользуются у представителей рабочего класса, особенно в Польше. В этой стране наблюдается довольно большой разрыв в представлениях рабочего и среднего класса. Довольно интересно сравнить Польшу и Россию - две страны с советским прошлым, прошедшие через трудный и болезненный этап трансформации. Если в Польше наблюдается большой разрыв в ответах на вопрос о неравенстве, то в России мнение среднего и рабочего класса, хотя статистически значительно различается, более однообразное - респонденты единогласно поддерживают необходимость сокращения разницы в доходах. Интересен и тот факт, что, несмотря на высокое неравенство в России

(см. табл. 3), процент населения, поддерживающий уменьшение разницы в доходах (71%), меньше, чем в Польше (76%), и почти такой же, как в Германии (70%), где неравенство низкое. Возможно, это связано с относительной пассивностью россиян и неразвитостью гражданского общества.

Средний класс Великобритании в наименьшей мере считает необходимым снижение неравенства, тем самым поддерживая господствующую там неолиберальную модель. Интересная ситуация в Швеции, стране с социально-демократической моделью социальной политики. Несмотря на то, что в стране довольно низок уровень неравенства, большинство населения, как из среднего, так и из рабочего класса, считает, что необходимо принять меры для снижения разрыва в доходах.

В наибольшей мере расходятся классовые представления в Германии, Великобритании и Польше. Средний класс, хотя и полагает, что неравенство высокое (следовательно нужно предпринять какие-то меры), не считает проблему настолько важной, как рабочий класс, который на себе испытывает повседневное неравенство. Особенно это заметно в Польше, где 83% рабочего класса заявляют, что необходимо принять меры для уменьшения неравенства в стране.

Функции государства в сфере социальной политики

Социальные функции, которые несет государство, варьируются в зависимости от доминирующей модели социальной политики - неолиберальной, социально-демократической и корпоративной, - которые различаются в зависимости от степени *декоммодификации* (степени государственного распределения). Низкая декоммодифика-

ция свойственна неолиберальной модели, высокая - корпоративной и, еще сильнее, социально-демократической. Проще говоря, три модели можно расположить на шкале «либерализм - патернализм» в зависимости от того, какие именно и как много функций в сфере социальной политики государство берет на себя.

Мы используем несколько функций государства, которые выступают ключевыми индикаторами степени декоммодификации в стране: политика в сфере занятости, медицинское обслуживание, забота о пожилых. Для характеристики политики в сфере занятости отобраны следующие переменные: обеспечение рабочих мест (включая пособия по безработице, оплачиваемый отпуск людям, которые вынуждены ухаживать за заболевшими членами семьи, обеспечение ухода за детьми работающих родителей), забота о пожилых.

В целом, представления российского населения (как среднего, так и рабочего класса) отражают патерналистские установки: 75% населения считают, что государство должно обеспечивать рабочие места. При этом представления среднего и рабочего классов почти не отличаются. Они свойственны советской экономике, где основным работодателем выступает государство. В другой стране с социалистическим прошлым, Польше, также высок процент поддерживающих государственное обеспечение рабочих мест. Но в Польше велик разрыв в ответах среднего (58%) и рабочего классов (74%). Средний класс в Польше придерживается либеральных взглядов, хотя в целом соглашается с тем, что государство должно обеспечивать безработным рабочие места.

Если посмотреть на такой аспект социальной политики государства, как обеспечение достойного уров-

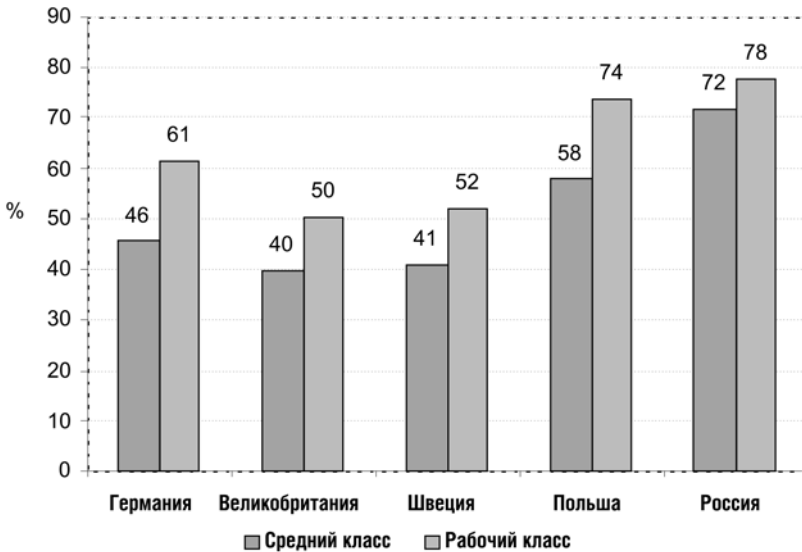

Рис. 2. Обязанность государства - обеспечение работой каждого, кто хочет работать (доля согласившихся)

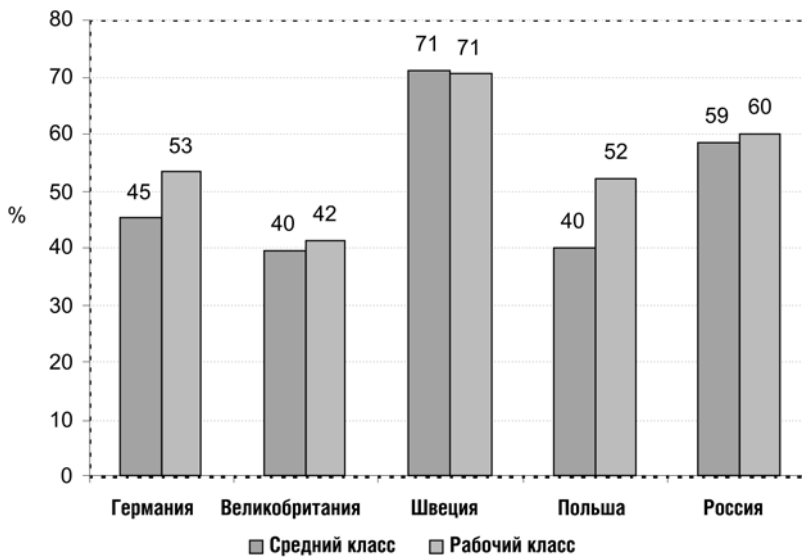

Рис. 3. Обязанность государства - обеспечение достойного уровня жизни безработным (доля согласившихся)

ня жизни безработным (см. рис.3), мы увидим, что ответы населения Польши и России различаются. Если россияне считают обеспечение достойного уровня жизни для безработных обязанностью государства, то поляки придерживаются

более либеральных взглядов. Но, как и в предыдущем случае, представления рабочего и среднего классов сильно отличаются.

Очень похожи представления среднего и рабочего классов в Великобритании и Германии. Населе-

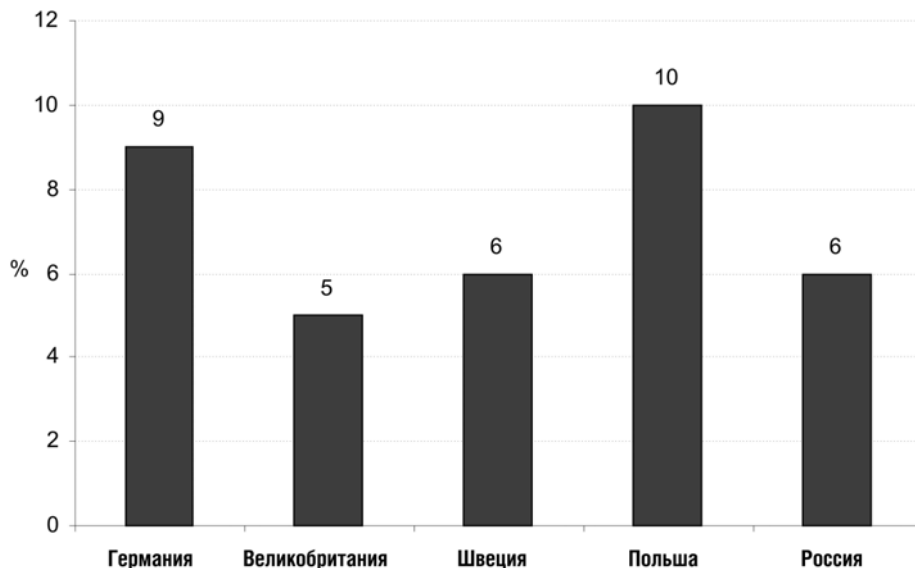

Рис. 4. Уровень безработицы, % от экономически активного населения (2007 г.)

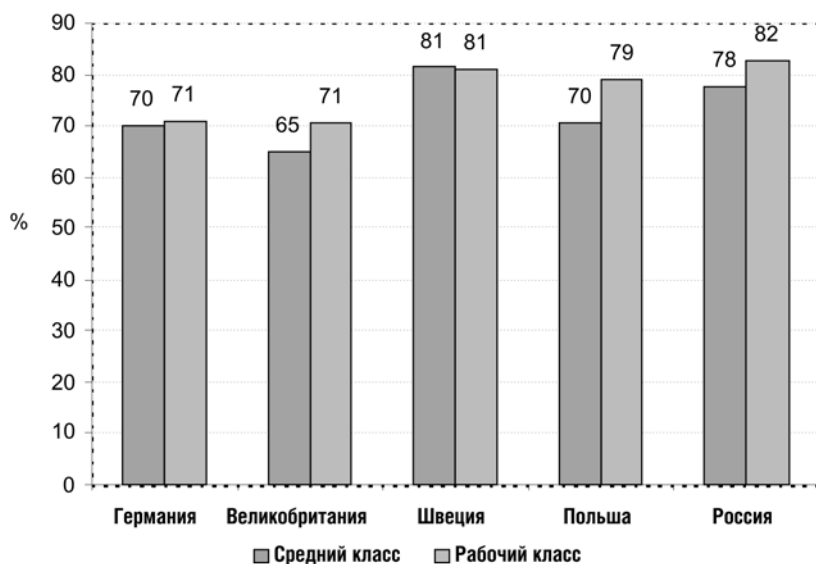

Рис. 5. Обязанность государства - предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи (доля согласившихся)

ние двух стран придерживается либеральных воззрений на политику государства в сфере занятости.

Логично сравнить представления населения о политике в сфере

занятости с реальным уровнем безработицы в этих странах (см. рис. 4). В случае если запросы населения совпадают с высоким уровнем безработицы в стране, значит, мы

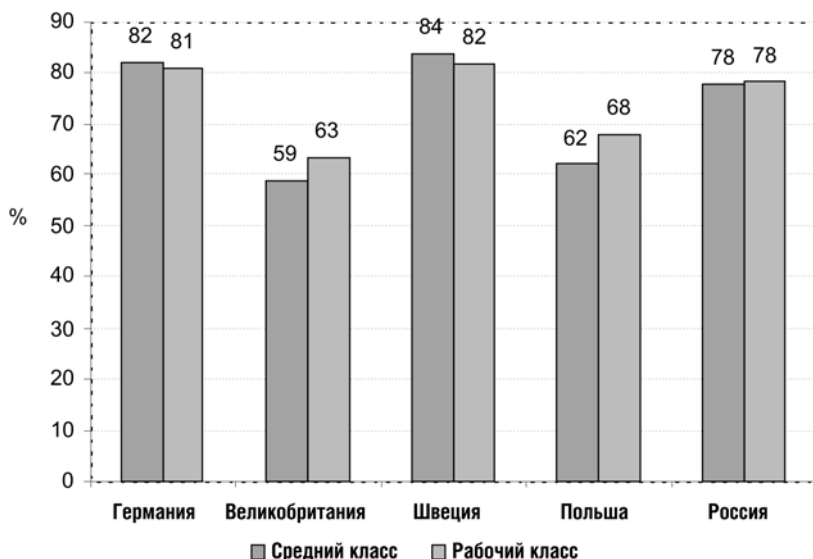

Рис. 6. Обязанность государства - обеспечение ухода за детьми работающих родителей (доля согласившихся)

можем сделать вывод о повышении социальной напряженности. Такая ситуация наблюдается в Германии и, особенно, в Польше. Выбивается из общих правил Россия. Несмотря на относительно невысокий уровень безработицы, большинство респондентов как среднего, так и рабочего класса считают обязанностью государства обеспечение полной занятости населения.

На фоне других стран выделяется Швеция. Население единогласно считает, что государство обязано обеспечивать достойный уровень жизни безработным (71% среднего и рабочего классов), хотя немногие считают, что государство должно обеспечивать полную занятость. На первый взгляд представление населения не соответствует действующей модели социального обеспечения: в стране с социально-демократической моделью социальной политики государство должно гарантировать занятость населения. На самом деле, общественное мнение полностью отражает существующую модель.

Политика «полной занятости», провозглашенная Швецией в начале 1960-х годов, никогда не понималась буквально, так как в условиях рыночной экономики стопроцентной занятости добиться невозможно. Такого рода политика означала, что государство, стремясь к тому, чтобы безработица оставалась в рамках «общественно приемлемого» минимума, позаботилось о соответствующих пособиях, которые позволяли безработному существовать. В резолюции одного из съездов шведские профсоюзы сформулировали: «Наша точка зрения в отличие от либеральной состоит в том, что люди должны иметь не только равные стартовые возможности, но и более равноправные условия в течение всей жизни, т.е. реальное равноправие. Результатом будет уменьшение бедности и рост среднего класса»¹⁷.

Из рассматриваемых нами индикаторов декоммодификации выделяются функции государства: предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынужде-

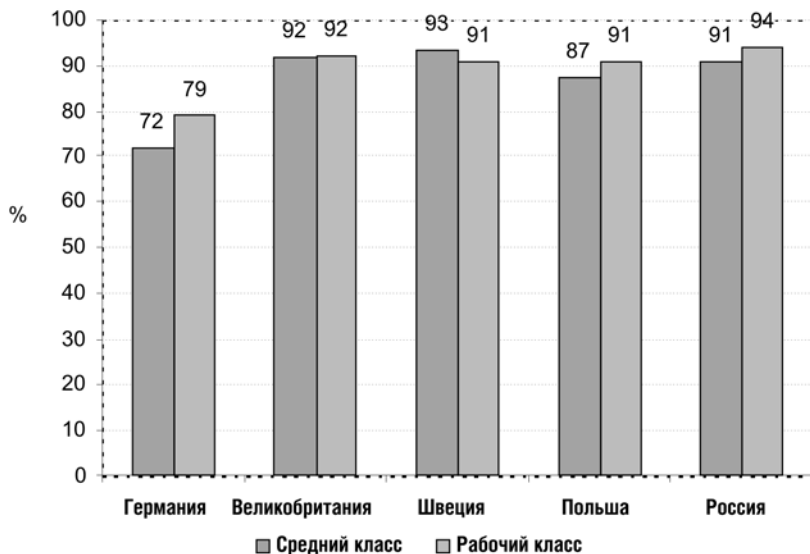

Рис. 7. Обязанность государства - обеспечение достойного уровня жизни людям в старости

ны временно ухаживать за заболевшими членами семьи, и обеспечение ухода за детьми работающих родителей, т.е. создание на бесплатной основе специальной инфраструктуры (ясли, детские сады). Их специфика в - охвате всего населения независимо от классовой принадлежности. Представление населения разных стран идентичны: все респонденты считают, что решение этих вопросов является обязанностью государства. Но все же существует ряд особенностей.

Во-первых, в ряде стран мнение среднего и рабочего класса различается. Средний класс в меньшей мере считает, что государство обязано выполнять свои функции, что может быть объясняется более высокими доходами и возможностями. В частности, средний класс, в отличие от рабочего, может решить свои проблемы без помощи государства, например, нанять для больных членов семьи сиделок, а детей отправить в платные детские сады, либо воспользоваться

услугами нянь.

Во-вторых, на фоне других стран выделяется Великобритания. Как средний, так и рабочий класс придерживаются более либеральных взглядов, особенно в решении вопроса ухода за детьми работающих родителей. Такое представление населения Великобритании в полной мере отражает сложившуюся там модель социальной политики. Как известно, образование в Великобритании, включая дошкольное, по большей части платное.

Обеспечение достойного уровня жизни людям в старости является одной из ключевых функций государства в сфере социальной политики. Такую точку зрения разделяет во всех рассмотренных странах - независимо от типа социальной политики. На фоне других стран выделяется Германия - ее население по сравнению с другими странами чуть меньше поддерживает государственное обеспечение пенсий. Возможно, это связано с реформированием системы пенсионного обеспечения с целью

постепенного снижения нагрузки на государство. В настоящее время система пенсионного обеспечения Германии представляет собой сочетание двух систем обеспечения граждан в старости: перераспределительную и накопительную. Она называется «системой трех уровней». Первый (около 80% всех пенсионных выплат в основном финансируется перераспределительным способом) охватывает обязательное пенсионное страхование работников по найму. Перераспределительная система характеризуется тем, что на выплаты пенсий пожилым используются поступления в фонд пенсионного страхования (ведомства пенсионного страхования). Ими являются взносы застрахованных лиц и работодателей, а также дотации государства. Такой пенсии достаточно для обеспечения нормального уровня жизни пожилого человека. Второй и третий уровни пенсионного обеспечения из фондов предприятий и частные накопления, финансируются накопительным способом.

Литература

1) Европейское социальное исследование: изучение базовых, социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад. // Институт сравнительных социальных исследований. Март 2008 г.

2) Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 7-102.

3) Массив данных Европейского социального исследования (European Social Survey): <http://ess.nsd.uib.no>

4) Можяев В. Совместима ли «шведская модель» с глобализаци-

ей и евроинтеграцией? // Человек и труд, №4, 2001. – С. 5.

5) Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика: Учебник. М.: Издательский дом «ГУ-ВШЭ», 2003. – С. 23-26, 109-110.

6) Средний класс: теория и реальность. / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.

7) Экономическая энциклопедия / Глав. Ред. Л.И. Абалкин. М., 1999. С. 579.

8) Энтони Г. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер.с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 261.

9) Alesina, Alberto, Rafael diTella, and Robert MacCulloch. "Inequality and Happiness: Are Europeans and Americans Different?" Harvard University, Cambridge, Mass. Processed. 2000.

10) Benabou, Roland, and Efe Ok. "Social Mobility and the Demand for Redistribution: The POUM Hypothesis." Working Paper No. 6795. 1998. National Bureau of Economic Research (NBER).

11) Boeri, Tito, Axel Borsh-Supan, and Guido Tabellini. "Welfare State Reform: A Survey of What Europeans Want." Economic Policy: A European Forum 16(32): 1-43. 2001.

12) Esping-Andersen G. *The Three World of Welfare Capitalism*. Cambridge, 1990.

13) Gilens. Martin. *Why Americans Hate Welfare*. Chicago: University of Chicago Press. 1999.

14) Leiulfstrud H., Bison I., Jensberg H. *Social Class in Europe* // Social Survey 2002/3. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd., 2005. ISBN 82-7570-161-9

Ссылки:

1 Ссылка на массив данных Европейского социального исследе-

дования (European Social Survey): <http://ess.nsd.uib.no>

2 Средний класс: теория и реальность. / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.

3 Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 7-102.

4 Схема классовой структуры общества, известная под названием схема Голдторпа, разработана европейскими социологами Робертом Эриксоном, Джоном Голдторпом и Люсьеном Портокаро.

5 В первых работах Голдторпа на первый план выдвинуты понятия ситуации труда, а не отношения найма. Различие заключается в различных типах контрактов найма. Трудовой контракт предполагает обмен заработной платы и трудовых усилий, который определен и ограничен. В отличие от трудового контракта, контракт о найме на службе содержит предположение о возможности повышения жалования и продвижения по службе. Согласно Голдторпу, для рабочего класса характерны трудовые контракты, а для класса служащих – контракты о найме на службу. Промежуточному классу характерны промежуточные типы отношений найма.

6 Энтони Г. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер.с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 261.

7 Следует отметить, что в других схемах классовой структуры общества рабочий класс не совпадает с низшим классом. В этом случае к низшему классу относят тех, кого принято называть «нищими».

8 См.: Leiulfstrud H., Bison I., Jensberg H. Social Class in Europe

// Social Survey 2002/3. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd., 2005. ISBN 82-7570-161-9

9 Европейское социальное исследование: изучение базовых, социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад. // Институт сравнительных социальных исследований. Март 2008 г.

10 Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика: Учебник. М.: Издательский дом «ГУ-ВШЭ», 2003. – С. 23-26.

11 Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика: Учебник. М.: Издательский дом «ГУ-ВШЭ», 2003. – С. 109-110. Экономическая энциклопедия / Глав. Ред. Л.И. Абалкин. М., 1999. С. 579.

12 См.: Esping-Andersen G. The Three World of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

13 Benabou, Roland, and Efe Ok. “Social Mobility and the Demand for Redistribution: The POUM Hypothesis.” Working Paper No. 6795. 1998. National Bureau of Economic Research (NBER).

14 Gilens. Martin. Why Americans Hate Welfare. Chicago: University of Chicago Press. 1999.

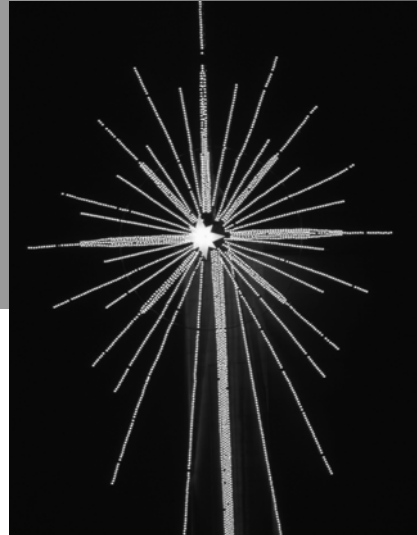
15 Gilens. Martin. Why Americans Hate Welfare. Chicago: University of Chicago Press. 1999.

Boeri, Tito, Axel Borsh-Supan, and Guido Tabellini. “Welfare State Reform: A Survey of What Europeans Want.” Economic Policy: A European Forum 16(32): 1-43. 2001.

16 Alesina, Alberto, Rafael diTella, and Robert MacCulloch. “Inequality and Happiness: Are Europeans and Americans Different?” Harvard University, Cambridge, Mass. Processed. 2000.

17 Можжаев В. Совместима ли «шведская модель» с глобализацией и евроинтеграцией? // Человек и труд, №4, 2001. – С. 5.

КУЛЬТУРА

Смена спортивных приоритетов в условиях глобального кризиса

Аверина М.В.

Одним из естественных средств восстановления и поддержания психофизиологического равновесия являются спортивные практики. Активируются такие направления как экстремальные спортивные практики, адаптированные к западной спортивной культуре восточно-азиатские практики, меняются функции фитнеса.

Ключевые слова: спортивные практики, глобальный кризис, экстремальный спорт, группы населения, восточноазиатские практики, фитнес

Averina M.V.

Change in the sport priorities under the global crisis

Since the global crises end is not coming yet, the people have to adapt to live without some stable orientations, without lasting factors of order that awoke not only social, but also psychological and physiological disbalance, which demands to be leveled. Some sport practices appear to be a natural remedy to restore and support psycho-physiological balance. There are being made active some extremal trends and some oriental and Asian sport practices adapted to Western sport culture, as well as there are being changed fitness functions.

Keywords: sport practices, global crises, extreme sports, population groups, oriental and Asian practices, fitness

Кризис как явление представляет собой неотъемлемый атрибут общественного развития. Соответственно важно идентифицировать его количественные и качественные параметры и, что самое насущное, возможности оптимального существования в нем и пути выхода из него. Приобретая статус глобального, кризис автоматически усложняет условия своего функционирования и может затягивать сроки своего завершения. Людям приходится учиться жить без общепризнанных авторитетов, устойчивых ориентиров, долговременных факторов порядка, что влечет за собой не только социальный, но и психический и физиологический дисбаланс, который требует нивелирования.

Одним из естественных средств восстановления и поддержания психофизиологического равновесия являются спортивные практики. В связи с изменяющимися условиями функционирования социума спорт, сохраняя заложенный в нем изначальный потенциал, приобретает новые функции.

В первую очередь в связи с тем, что здоровье начинает понимать-

ся несколько иначе. В принципе, в разных социокультурных пространствах даже объективное медицинское знание о здоровье, как отдельного индивида, так и целой социальной группы, становится достаточно подвижным. Кроме того, на представления о здоровье «все более влияют коды сигнификации в виде симулякров здоровья...» [4, С.197]. Именно под влиянием симулякров началась гонка за «идеальное» здоровье, «лучшее» тело. Особенно разительна смена идентификации здоровья у представителей современного среднего класса. В социальном поле этого класса время стоит больших денег, поэтому больничные листы, низкая трудоспособность из-за плохого самочувствия все чаще воспринимаются как большая роскошь [5]. Культивирование необходимости осторожного отношения к своему телу и запрет на нарушение «равновесия» организма отошли в прошлое. Здоровье стало восприниматься как потенциал, позволяющий вести напряженную жизнь; здоровым стал считаться человек, способный идти на риск и преодолеть опасности.

Спорт начинает рассматриваться как пространство освоения и усвоения новой культуры существования в изменяющейся социальной реальности. Однако традиционный спорт становится не интересен, возникает тяга к спорту разнообразных «приключений», где индивид совершенно свободен в выборе своей стратегии и единственным условием является добровольное и осознанное преодоление им всевозможных опасностей. Поэтому такое исключительное влечение к экстремальным видам спорта.

Сфера экстремального спорта – это калька современного социума в условиях глобального кризиса.

Занятия кайтсерфингом, велотриалом или маунтинбайком провоцируют развертывание в ситуации реального времени бесконечной цепочки стрессовых ситуаций, влекущих за собой стрессовые состояния. Страх возникает как естественная реакция, поскольку появляется реальная угроза жизни, здоровью, благополучию самого субъекта. Задача состоит в том, чтобы научиться реагировать на опасную ситуацию, не испытывая страха, а лишь отчетливо осознавать степень опасности и контролировать само состояние страха. Тренированность способствует нивелированию патогенного влияния фактора риска [3].

Соответственно при занятиях экстремальными видами спорта люди вырабатывают навыки более адекватных реакций, учатся рациональнее мобилизовывать свои резервные возможности. Вследствие этого страх может становиться менее выраженным, происходит адаптация к ситуации. Всё это приводит к росту доверия к себе, накапливается положительный опыт, чувство удовлетворения в связи с выполненной задачей.

Однако следует учитывать, что в реальности занятия экстремальным спортом воплощаются в жизнь в разных формах. Определенная прослойка населения, в первую очередь, это спортсмены и лица, имеющие соответствующие возможности (двигательные способности, время, деньги), занимаются экстремальными видами спорта профессионально. В эту группу входят и спортсмены СВД (спорта высших достижений, общепотребительно «большого» спорта), выступающие за честь страны на соревнованиях мирового уровня, и спортсмены-профессионалы, выступающие за гоно-

рар, и люди, которых можно назвать спортсменами-первопроходцами, для которых спорт – это образ жизни. В большинстве своем именно последние производят, осваивают и на своем примере внедряют в жизнь новые формы и виды спортивной активности, которые потом либо становятся мейнстримом и превращаются в распространенные виды спорта, либо остаются востребованными незначительной группой населения и получают статус маргинальных.

Так, возрождение серфинга – одного из популярнейших видов экстремального спорта – произошло благодаря спортсменам-первопроходцам. Возникший на островах Полинезии и первоначально имевший сакральный смысл (Макаһики – большое ежегодное торжество в честь бога Lono), серфинг был очень важной и значимой частью культуры полинезийцев примерно до начала 18 века, до тех пор, пока на острова не пришли haole – белокожие люди. Почти на два века серфинг был безнадежно запрещен. Лишь начиная с 1907 года благодаря стараниям самого известного в то время на Waikiki «beach-boy» 23 летнего Джорджа Фрита (George Freeth), Александра Хьюма Форда (Alexandre Hume Ford) – эксцентричного журналиста и исследователя, а также Джека Лондона, написавшего рассказ «Спорт Королей: Серфинг на Waikiki», где он описывал Waikiki и Форда, началась новая жизнь почти исчезнувшего, прекрасного вида спорта. Укреплению позиций серфинга способствовал и гавайский юноша Duke Paoa Kahanamoku, который в 1912 году по пути на Олимпийские игры в Стокгольм посетил Калифорнию, где устроил показательные выступления на волнах в Corona del Mar и Santa Monica. Его

искусство владения доской произвело сенсационное впечатление, намного большее, чем выступление Джорджа Фрита.

Таким образом, серфинг – главный носитель философии «Aloha aina, Aloha kai», бесценный дар древних полинезийцев всему Миру, стал достоянием человечества благодаря спортсменам-первопроходцам [16].

Возвратимся к анализу контингента, увлекающегося экстремальными видами спорта. Часть населения отводит этим занятиям появляющееся свободное время. В частности, представители нового среднего класса открыты для подобных спортивных инноваций. И у нового среднего класса есть финансовые возможности для покупки спортивного снаряжения, оплаты тренера и места занятий. (Например, комплект для пещерного дайвинга – 3000\$, дайвинг туры на Мальдивы или Филиппины – от 2500\$, курс обучения – 2000\$; виндсерфинг: доски Starboard Garve – 1780\$, паруса North Sails Warp – 950\$, одежда – 400\$, курс обучения – от 1500\$ и т.п.) [7]. Хотя применительно к этой прослойке корректнее говорить об их включенности в экстремальные спортивные практики, нежели о полноценных занятиях экстремальными видами спорта. Причем, данные практики выполняют свое прямое предназначение «лечить подобное подобным». Подразумевается сверхнормативная погруженность в работу, которая не дает возможности отключиться от нее, выйдя из офиса. Ситуация усугубляется в условиях кризиса, когда накладываются стрессовые нагрузки в виде тревоги ожидания ограничения круга возможностей, потери капитала, увольнения и т.п. Необходим «разрыв повседневности», сильное средство переключо-

чения («клин клином выбивают»), в частности, в виде упомянутых практик.

У основного же большинства интерес к экстриму (что имеет место быть) проявляется на уровне декларирования. Ведь для овладения спортивными навыками катания на сноуборде или езды на ВМХ-велосипеде или управления кайтом, чтобы выглядеть хотя бы «на уровне», а не как «чайник», (помимо денег и времени) необходимо наличие мало-мальских двигательных способностей, терпения и упорства в их развитии, быстрой реакции, готовности рисковать, смелости.

Соответственно, возможности выбора для этой категории невелики: либо пребывание в виде спорта в роли дилетанта (что может быть чревато нешуточными травмами, ведь спорт-то экстремальный); либо замена реальности на ее имитацию. Современный мультимедийный социум всячески способствует тиражированию подобной замены. Главное – поддерживать экстремальный образ, а добиваться успехов в спорте при этом совсем не обязательно. Поэтому важнее успеть приобрести и показать последние новинки снаряжения и одежды известных брендов, чем потратить время на освоение того же бэк-флипа. Важны не столько сами спортивные умения и навыки, сколько одежда, музыка, сленг, тусовки, демонстрация «отвязного» образа жизни.

Беря за основу анализа возрастной маркер, можно утверждать, что аудитория занимающихся экстремальными спортивными практиками в основном молодежная: дети представителей мелкой, средней и крупной буржуазии, нового среднего класса (в зависимости от социального статуса и

финансовых возможностей осуществляется выбор класса спортивного снаряжения и мест тренировок). Родители также занимаются, но в процентном отношении значительно меньше, и виды спорта предпочитают с невысокой экстремальной составляющей.

Анализируя с гендерных позиций можно констатировать, что экстремальный спорт (в том числе и одноименные спортивные практики) – это преимущественно мужская «игрушка», ассоциирующаяся с репрезентирующими образами маскулинности, поскольку для освоения требует проявления качеств личности, которые стереотипно воспринимаются как мужские – сила, настойчивость, целеустремленность, мужественность, жесткость и т.д. Женский контингент также представлен, но неоднозначно в процентном отношении мужчины преобладают.

Другая диаметрально противоположная тенденция выбора спортивных практик в кризисный период функционирования социума обусловлена их привлекательной неспешностью, резко контрастирующей с современным темпом и ускорением. Речь идет о восточноазиатских практиках: йоге, тайцзи цюань, пилатесе и других техниках медитации, релаксации и концентрации. Они направлены на развитие интуиции и образно-чувственного восприятия, спонтанности и естественности реакций, их характеризует отсутствие вербальной мотивации действий. Посредством погружения в занятия человек обретает осознание ценности своего индивидуального «Я», которое он теряет, чувствуя себя винтиком в громадном механизме западной урбанистической цивилизации. Кроме того, практики релаксации позволяют эффективно снимать накапливающиеся

стрессовые состояния в период кризиса и нивелировать их негативное воздействие.

Вновь обращаясь к реальности, следует констатировать, что процесс заимствования восточноазиатских практик является не точным копированием, а происходит их модификация (адаптация) в соответствии с (более близкими по духу) нормами западной спортивной культуры. Это выразилось в появлении большого количества разновидностей данных практик. Хотя и в аутентичном виде эти спортивные практики имеют место быть и довольно успешно функционировать.

В отличие от экстремального спорта у них своя целевая аудитория. В экономическом отношении они доступны практически всем слоям населения, поскольку, в принципе, не требуют дорогостоящего оборудования и специализированных мест занятий. Другое дело, их содержание включает не только комплекс физических упражнений, но и нравственно-аскетический тренинг и достижение «продвинутых состояний сознания». К освоению последних двух компонентов, по данным российской статистики, основное большинство населения не готово [7]. Поэтому аудитория, в основном, интеллектуально продвинутая. В возрастном аспекте – от 30 лет и выше. В гендерном – не наблюдается яркого преобладания мужчин или женщин.

Обойти молчанием такую форму спортивных практик современности как фитнес было бы не просто некорректным, а не профессиональным подходом к анализу проблемы смены спортивных приоритетов. Фитнес – изобретение XX века, форма воплощения одного из симулякров здоровья в борьбе за «лучшее» тело и «идеальное» здоровье. За 50 лет своего

существования эта система спортивных практик обросла мифами, продемонстрировала все свои плюсы и минусы. Не останавливаясь детально на объяснении сущности фитнеса (в силу «замысленности» тематики), напомним лишь, что в основу (60-е годы XX века) легли наиболее эффективные наработки *бодибилдинга* и *аэробики* (в сочетании с правильно подобранной диетой), что послужило базой для дальнейших самых замысловатых модификаций.

Влияние кризисного состояния социума на фитнес (не как на бизнес-индустрию, а как на спортивные практики) выразилось в определенном рода агглютинации форм западной и восточноазиатской спортивных культур, что привело к возникновению, например, таких форм как: *йога-аэробика* (сочетает статические и динамические асаны, дыхательные упражнения, концентрацию внимания на работе внутренних органов); *тай-бо* (совершенно новый вид аэробной тренировки с использованием техники восточных единоборств); *тай-кик* (сочетание высокоэффективной тренировки со скакалкой и популярного тай-бо); *фитнес-йога* (исправление и улучшение осанки, осознанность глубин тела, сбалансированность в работе мышц как поверхностных, так и глубоких) [15].

Фитнес не просто обрел статус нового спортивного явления современности, он создал свою философию и постепенно распространился среди различных слоев общества и продолжает распространяться, пытаясь удовлетворить самый разнообразный спектр ожиданий: экономических, социальных, возрастных, гендерных, духовных.

Возникнув как увлечение богатой элиты, фитнес и сейчас явля-

ется одним из мощных классовых маркеров. Посещение дорогих спортивных центров премиум-сегмента (World Class, Orange Fitness, Dr. Loder – годовой абонемент стоит от \$2,5-4тыс. Данные по г. Москва [11]) является ярким символом престижа, принадлежности к состоятельной прослойке общества и неважно, что забота о здоровье и атлетической форме отходит на второй план [6].

В 1983 году американец Марк Мастров создает систему «24 часа фитнеса», идеологической основой которой явилась доступность занятий во всех смыслах этого слова: от ценовой политики залов до режима их работы [13]. Идея понравилась, и возникло огромное количество фитнес-клубов демократичного сегмента (рассчитанного на людей среднего достатка), а позже и нижнего сегмента (так называемого Low-end).

Анализируя с позиции возрастного и гендерного маркеров, следует отметить, что в фитнесе представлены программы для разных возрастных мужских и женских аудиторий.

Девушки и молодые женщины предпочитают степ, слайд, фанк/хип-хоп, степ, джаз-сайз, аква-или гидро- и танцевальную аэробику, шейпинг, пилатес, калланетику, стретчинг, бодибалет, которые рассматриваются как разновидности фитнеса. Заметим, что фанк/хип-хоп-аэробика, поскольку соединила в себе движения брейк-данса и body-popping на основе импровизаций с шагами и движениями, стала популярной и увлекательной альтернативой физическим упражнениям, способствует улучшению функционирования сердечно-сосудистой системы, развивает выносливость и гибкость [2]. У женщин за 40 и выше большой популярностью пользу-

ются йога-аэробика, фитнес-йога, пилатес, аква-аэробика.

Данные виды спортивных практик кроме прямого предназначения – поддержания физической формы и хорошего самочувствия – четко соответствуют стереотипам феминности (элегантность, эмоциональность, мягкость, гибкость), что немаловажно для значительного числа женщин.

Мужская аудитория в соответствии со стереотипами маскулинности предпочитает силовую аэробику (памп), кардиотренажеры, сайклинг (имитация групповой шоссейной гонки на велотренажерах), беговую дорожку, тайский бокс, последнюю разработку – уроки MEN ONLY (тренировка сердечно-сосудистой системы и развитие силовых ресурсов организма в группе соратников под руководством профессионального тренера) [12].

Спортивные практики фитнеса, по данным статистики, наиболее востребованы у двух возрастных категорий мужчин: у молодых людей, мечтающих о «кубиках» на животе и могучем плечевом поясе, и у мужчин среднего возраста, желающих избавиться от накопившегося жира на животе и обрести красивые рельефные мышцы. Принадлежность к определенной социальной прослойке в данном случае не играет роли, поскольку посещение фитнес-клуба идет по прямому назначению, а не с целью подчеркнуть свою статусность. Зачастую фитнес-клубы премиум-класса выполняют функции, далекие от спорта. Андрей Попов в статье «Обзор спортивных фитнес клубов Москвы» замечает: «В такие фитнес центры («Планета Фитнес» в Кисловском переулке, «Николина гора» на Рублевском шоссе – примеч. автора) тренироваться не ходят, это отлич-

ное место для заведения нужных знакомств... сколько раз я там не был («Николина гора» – примеч. автора), столько раз я тренировался там один... И, судя по всему, владельцев этого фитнес центра такая ситуация совсем не напрягает... такие фитнес спорт клубы создаются не для того, чтобы в них тренировались» [6]. Естественно, возрастная категория посетителей таких фитнес-клубов может быть самой различной.

Как уже отмечалось, фитнес стремится удовлетворить и духовные запросы населения, которые обозначаются категорией wellness (буквально «хорошее состояние тела и духа»). Стали возникать wellness клубы (Sport & SPA Men's Health Club, Rixos Royal SPA), которые предлагают программы, направленные на совершенствование не только физической, но и духовной составляющей личности; их цель – дать человеку почувствовать, что жизнь прекрасна и многогранна.

Соответственно, наиболее важная функция, которую спорт призван выполнять в условиях кризисного состояния социума – это формирование стрессоустойчивых программ поведения; поддержание стабильно хорошего настроения; культивирование (по возможности) пропорций тела, идеальных для данного времени; формирование здоровья как потенциала, позволяющего вести напряженную жизнь; добровольное и осознанное преодоление индивидом всевозможных опасностей.

Однако и в данной статье об этом упоминалось, сильнодействующим фактором, влияющим на занятия спортом, является возраст. Говоря о возрасте, имеется в виду не «старческая немощ», а сложившаяся еще во времена Древней Греции (а может быть и

раньше) установка, что спорт – удел молодых. Именно молодежный отрезок жизни включается в традиционно жесткий жизненный сценарий, подчиненный строгому кодексу норм и санкций, как особый период временно допускаемой относительной свободы, публичности и состязательности поведения, аналогичный, например, празднику. Именно в короткий переходный период юности возможно универсально-инструментальное и демонстративно-символическое, но в любом случае – активное отношение к способностям и возможностям тела посредством занятий спортом, культивирование тела, вообще занятием своей внешностью.

За этими рамками заинтересованность своим телом, внешним видом, поддержание их на цивилизованном уровне, «забота о себе» или «работа над собой», по известной формулировке позднего Мишеля Фуко, – вытесняются из обихода именно как молодежные, «по возрасту» не подходящие старшим [1].

Целенаправленно для такой категории населения, которая спортом не занимается и не только по причине неподходящего возраста, а по ряду других самых разных причин, масс медиа (продукт развития цивилизации) предложили свою концепцию понимания роли спорта в изменяющемся социуме, сформировав огромную аудиторию зрителей и болельщиков.

Благодаря TV любое состязание может быть представлено теперь как яркое шоу. Так, футбольный или теннисный матч превращается в настоящее произведение искусства благодаря смене камер, замедленному показу и т.п. Гунтер Гебауэр (Gunter Gebauer) не преувеличивает, утверждая:

«СМИ развертывают собственную реальность по ту сторону спортивной практики – своего рода гиперреальности» [9]. Особенность гиперреальности в том, что она всегда обещает предъявить больше реальности, чем доступно человеку в обычной жизни. На глазах у миллионов зрителей совершаются неслыханные спортивные подвиги, проводятся рискованные испытания выносливости. Дополнительная информация, журналистские расследования, подробности частной жизни, домыслы и выдумки о звездах спорта – из всего этого складывается образ спортсмена как «сакрального героя» общественной жизни. Все это оказывает серьезное воздействие на умы.

Эльк Франке в работе «Современный спорт – религия рубежа тысячелетий?» указывает, что медиатрансляция сулит сопричастность живым спортивным событиям, с помощью особого реконструирующего языка порождает мифы и создает смысловые предпосылки для связывания людей в сообщество «адептов спорта» [10].

Видение событий, происходящих в сфере спорта, и соответственно ракурс их демонстрации по TV все активнее попадает под влияние социологии постмодерна, в контексте которой спорт связывается с культом удовольствия, с новой эротической игрой, чей позитивный потенциал обусловлен ее подрывными, анархическими, внекультурными тенденциями.

Трактовка спорта как действия с эротическим подтекстом активно продвигается и спортивными функционерами, и масс медиа, и публицистами, да и самими спортсменами.

Так, президент Международной федерации футбольных ассоциаций (ФИФА) Йозеф (Зепп)

Блаттер призвал сделать форму дам, играющих в футбол, более облегающей. Футбольный босс уверен, что нечего стесняться облегающих трусов. Мол, посмотрите на волейболисток, они их уже опробовали, отошли от мужского стиля – и не жалуется. Он искренне уверен, что облегающая форма – будущее женского футбола [14].

Телевизионные трансляции со спортивных событий последних лет (начиная с 2008 г.) строятся таким образом, что фокус камеры постоянно акцентирует внимание на «представительских» частях фигур спортсменов, как мужских, так и женских.

Журналисты, пишущие о спорте, не скупаются на выражение своих ощущений. В частности, Денис Тукмаков в статье «Спорт как победа над миром» пишет: «Слезы, пот, стоны, хруст костей, напор мускул, горячее дыхание, вопли радости и бесконечного счастья – все это делает спорт предельно телесным, плотским, сексуальным, физиологическим. И вместе с тем, столь гармоничные, естественные, отточенные движения спортсмена наполнены высшей эстетикой, красотой работающего на пределе возможностей организма. Сегодня, в конце второго тысячелетия, только на спортивных аренах и можно увидеть подлинное совершенство человеческого тела. Зрелище это столь прекрасно, что его одного достаточно, чтобы ходить на спорт» [8].

Таким образом, усложняющийся и ускоряющийся процесс развития общества провоцирует изменение условий своего функционирования. По мнению ряда исследователей, формируется новая нелинейная глоболокальная социальная реальность (Кравченко С.А.), которая несет неопределен-

ность и риски. Для успешного существования в такой реальности необходимы адекватные изменения индивидов, ее населяющих. Спорт как феномен, существующий тысячелетия и тесно связанный с физической, соматической, телесной культурой человечества, поневоле должен мобильно реагировать на подобные запросы времени и предлагать свои варианты, что собственно и происходит.

Литература

1. Дубин Б. *Состязательность и солидарность. Рождение спорта из духа общества*. М. – 2008.
2. Гуськов С.И., Дегтярева Е.И. Новые виды физической активности женщин – веление времени. – М.: Теория и практика физической культуры. – 1998. – №2.
3. Карпова О. П. Экстремальные виды спорта как модель адаптации в условиях психоэмоционального стресса [Электронный ресурс] // Новости украинской психиатрии. – Харьков, 2001. – Режим доступа: <http://www.psychiatry.ua/articles/paper033.htm>.
4. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Анкил. – 2009. – 321с.
5. Ильин В.И. Социология потребления. – <http://www.consumers.narod.ru>, 2008.
6. Попов А. Обзор спортивных фитнес клубов Москвы. – <http://www.fitsport.ru/images/papers/sportclub.jpg>
7. Совет по спортивной индустрии при Комитете по физической культуре и спорту Санкт-Петербурга, <http://sportindustry.ru>, 2009.
8. Тукмаков Д. Спорт как победа над миром. – <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/317/72.html>
9. Gebauer G. (Hrsg.) Körper und Einbildungskraft. Inszenierungen des Helden im Sport. Berlin 1988
10. Elk Franke. Humboldt-Universität zu Berlin 05/2006. «Der moderne Sport – die zeitgemäße Religion der Jahrtausendwende»
11. <http://www.rb.ru/biz/markets/show/61/>
12. <http://www.fitness.ru/rus/news/articles/index.wbp?article-id=>
13. <http://www.sportindustry.ru>
14. 25 самых влиятельных людей в мире спорта. Ж. «Business Week» <http://www.sport-business.ru>
15. <http://www.yourbody.ru/1/>
16. <http://www.alimit.ru/?class=article&page=6&id=123>

Значение ритуала в управлении организацией

Архангельская Л.С.

В статье автор раскрывает задачи, которые можно решить с помощью ритуалов в организации. Основной тезис: ритуал – это не элемент регулирования отношений, а инструмент проведения управления. Определяется место ритуала в системе управления, ритуал соотносится с функциями управления. Раскрываются возможности ритуала, как средства управления. Ключевые слова: ритуал, корпоративная культура, управление, инструмент управления, организация.

Arkhangelskaya L.S.

Value of ritual in management of the organization

In the article author portrays the problem which can be solved with the help of the rituals in a company. Main point is that ritual is presented not as the element of the relations regulation but as an instrument of management. He defines the place of the ritual in the management system and correlates it with the management functions. He shows ritual's potentials as a mean of management. Keywords: ritual, corporative culture, management, instruments of management, company

В основе формирования культуры организации лежит человеческая потребность в стабильности, последовательности (структурировании) и осмысленности. Это структурирование или интеграция выражается в появлении общих парадигм или гештальтов (состояний), что в конечном итоге приводит к появлению чего-то целого, а именно культуры, которая образована следующими составляющими: климатом организации, ценностями, моделями поведения, обычаями и ритуалами¹. Именно благодаря таким структурно-составляющим единицам культуры как ритуалы, достигается та самая стабильность и устойчивость, к которой стремится индивид и организационная группа за счет закрепления симбиоза личностных и групповых ценностей в вербализованные убеждения, нормы и правила поведения, т.е. в явном виде в паттерны поведения, которые являются отражением культурных представлений. Таким образом, наиболее удачным видится следующее определение ритуала. *Ритуал* – стереотипная последовательность действий, охватывающая жесты, слова и объек-

ты, исполняемые на специально подготовленном месте и предназначенные для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей².

Ритуал – неотъемлемая черта культуры. Так, одной из концепций культуры является представление о том, что культура – это проявление поведенческих стереотипов при взаимодействии людей. Такими стереотипами является язык, используемый ими, обычаи и традиции, которых они придерживаются, ритуалы, совершаемые ими в определенных ситуациях. Представителями данной концепции являются Гоффман, Джонс, Мур и Шнайдер, Трайс и Бейер, Ван Манен.³ Наглядными примерами, иллюстрирующими эту модель, являются эксперименты Г. Гарфинкеля, которые показали, что ритуалы характерны для большинства нормальных человеческих ситуаций и взаимодействий, а малейшее отступление от них, например, ответ «Что ты имеешь ввиду под делами?» в качестве ответа на вопрос «Как дела?», вызывает растерянность у задающего, не зная, как дальше строить диалог⁴.

Как определить, совершает человек ритуальное действие или нет? Следует отметить, что как полагают многие исследователи вслед за Зиммелем, современное общество – это общество с высокой степенью ритуализации. Люди ежедневно в течение дня, как дома, так в организациях, совершают множество ритуалов не задумываясь, что те самые действия – ритуалы. Ведь закрепленный, стандартизированный способ какого-либо действия уже можно считать ритуалом. Так, чтение газеты, утренний кофе, переодевание из повседневной одежды в униформу или просто приветствие – все это риту-

алы. Стандартизация действий связана с тем, что сам человек стремится сделать свое пространство стабильным и предсказуемым. Ритуалы призваны в этом помочь.

В социологии управления, ритуалы традиционно принято рассматривать в рамках организационной или так называемой корпоративной культуры. Американский социолог Э. Шейн определял место ритуалов в организации в рамках своей трех уровневой модели корпоративной культуры в качестве наблюдаемых образцов поведения, ставя их на «поверхностный» или символической уровень, наряду с другими внешними проявлениями: применяемой технологией, архитектурой пространства, способами вербальной и невербальной коммуникации. На этом уровне вещи и явления можно обнаружить, но сложно интерпретировать без знания других её уровней.

«Подповерхностный» уровень или «организационная идеология» – это разделяемые членами организации ценности, верования и убеждения. Именно они детерминируют проявления первого уровня. «Когда в основу взаимодействия с работниками положены базовые представления, работники со временем начинают вести себя соответствующим образом, дабы пространство их работы было стабильным и предсказуемым»⁵. Ядром корпоративной культуры являются именно ценности, ритуалы же являются их внешними проявлениями, показывая поведение, принятое в компании, стили общения, взгляды, способы взаимодействия.

«Глубинный» уровень – это «фундаментальный» общечеловеческий базис: отношение человека к бытию в целом, восприятие времени и пространства, общее отношение к человеку и работе. Следует отметить, что не все кор-

поративные ценности входят в систему базовых ценностей сотрудников, поэтому полноправным членом организации может стать лишь сотрудник, включенный в деятельность организации, ежедневно действующий в соответствии с корпоративными стандартами, соблюдая установленные правила поведения, принимая участие в ритуалах⁶.

Важнейшую роль в формировании двух первых уровней организационной культуры играет личность руководителя. Он должен понимать, что, будучи устоявшимися формами человеческой, да и организационной жизни, ритуалы возникают сами, хотим мы этого или нет. Если им не уделяется должного внимания, существует отношение как к явлению закостенелому, показному, то они остаются в неформальной плоскости, выполняя задачу поддержания человеческих отношений. Если же руководитель проникает глубоко в суть данного явления и рассматривает ритуал в качестве конкретной совокупности действий, направленной на достижение определенного результата, то на первое место в ритуале выходит цель. Ритуалы без целей неэффективны, это просто некие символические действия (пример – перерезание красной ленточки, во время открытия нового объекта). С появлением у ритуалов функции целедостижения (достижение целей – ключевой показатель для деятельности компании), они перестают быть просто элементами регулирования отношений в составе организационной культуры и становятся самостоятельными управленческими инструментами.

В качестве самостоятельного инструмента управления у ритуала можно выявить несколько задач. Первая из них – адаптация

персонала, вхождения в новую роль, усвоение ценностей. Человек, приходя в компанию, приносит с собой свой багаж ценностей и верований, и при вхождении в новую для себя роль, сталкиваются с ценностями и нормами, принятыми в компании. Для того чтобы вхождение было менее фрустрационным для новичка, компания должна позаботиться о процедурах, которые с первых минут продемонстрируют ему поощряемое поведение, расскажут об истории, традициях, ценностях. Такие процедуры носят название «ритуалов инициации», призванные облегчить вхождение новых сотрудников в жизнь организации. Практика показывает, что 90% людей, уволившихся с работы в течение первого года, приняли это решение уже в первый день своего пребывания в новой организации. Так, понимание руководством важности разработки ритуальных процедур посвящения отделом по работе с персоналом, способствуют не только снятию большего количества проблем, возникающих в начале работы у нового сотрудника, но и преодолению проблемы текучки кадров, связанных с первым негативным впечатлением сотрудника от компании, и таким образом, минимизации издержек на персонал (обучение первого сотрудника и его уход, затем поиск нового сотрудника и трата времени и денег на его обучение).

Интеграция персонала, его сплочение и усиление вовлеченности каждого из членов команды – еще одна задача, которую можно достичь с помощью ритуалов. Так корпоративные праздники, которые так прижились в российских компаниях, должны не просто иметь место «чтоб как у всех» и демонстрировать наличие бюджета и престижа компании, а иметь

цель, именно она определяет формат и сценарий праздника.

По данным опроса, проведенного Интернет-ресурсом hh.ru в августе 2009 г., более 22% офисных работников ненавидят корпоративы, либо считают их неизбежным злом. Такую нелюбовь к коллективному досугу можно объяснить непониманием задач, стоящих перед корпоративным праздником, ведь он, за счет усиления контактов и взаимоотношений, в конечном итоге должен повлиять на эффективность компании в целом. В результате опроса hh.ru выяснилось, что именно топ-менеджеры компании не преследуют конкретных целей, посещая корпоративы, хотя именно они должны по максимуму использовать данный управленческий ресурс, и еще до начала праздника дать понять подчиненным, что корпоратив – это не просто возможность весело провести время за счет компании, а работа, в которой должен участвовать каждый, по созданию корпоративного духа и усилению сплоченности. Для достижения задачи не обязательно проводить корпоративный праздник, а организовать team-building, поход или спортивное мероприятие, которое также можно рассмотреть как ритуал, изменив формат, объяснив истинные цели и вложив ценности.

Важнейшей из управленческих задач, которую могут помочь решить ритуалы, является мотивирование сотрудников. Если цель – качественно обслужить большое количество клиентов в час, то стоит задуматься, насколько будет эффективна корпоративная молитва или пение гимна до начала рабочего дня – ритуалы, привнесенные в отечественную практику из восточного менеджмента? Руководителю стоит уделить больше вни-

мание развитию привычных для российской ментальности ритуалов – хвалить сотрудника прилюдно на собраниях, если высказывать недовольство, то за закрытыми дверями. Мотивации может способствовать внедрение соревновательной системы за звание лучшего сотрудника и ежемесячное вывешивание фотографии «лучших» на всеобщее обозрение на «доске почета». Например, в рекламном агентстве «IQ-маркетинг», единственном в России агентстве, получившем три Золотых львов – ценную награду в области рекламы, на всеобщем собрании объявляется самый полезный сотрудник недели и в течение недели три льва стоят у него на рабочем столе.

Поддержание образца, требуемых правил и осуществление контроля – важные, основополагающие задачи ритуала. Ежедневное совещание, а то и несколько на неделе на разные темы, зачастую имеет единственный смысл, который заключается в создании иллюзии поддержания дисциплины и порядка. Формат таких собраний складывается из заслушивания отчетов подчиненных и начальственных разборов полетов. Потери времени в ходе самого заурядного совещания с повесткой дня о текущих задачах в составе более 10 человек достигают 50%. Именно столько времени руководители не вовлечены в обсуждении общих тем, которые неизбежно дробятся на частные⁷. В качестве более эффективного ритуала, который также решает рассматриваемую задачу, можно было бы предложить «точечное» общение небольшого числа участников и только по практическим вопросам, требующим конкретных действий. Примерами ритуалов контроля может быть и обычный эмейл от начальника, еженедельный отчет

о проделанной работе, неформальная беседа. Следует отметить, что беседа с менеджером, стоящим на иерархической лестнице на несколько ступеней выше, производит большое положительное воздействие на сотрудника. В Великобритании считается, что генеральный директор должен побеседовать с каждым сотрудником хотя бы раз в год.

Что же касается управленческой задачи развития социальных отношений и повышения их эффективности, то ритуал может быть эффективен и здесь. Данный тип ритуалов связан с изменениями стиля руководства или работы и носит название «ритуалов обновления»⁸. Примером такого ритуала может стать процесс делегирования полномочий, когда сотрудникам предоставляется возможность проявить себя в процессе принятия решений. Такие поручения подчиненным дел, невмешательство и лишь контроль за исполнением наполняют сотрудников гордостью за работу в компании, обогащают их трудовой опыт, а последующий успех является стимулирующим фактором для дальнейшей деятельности⁹.

С задачей снятия напряженности в коллективе и разрешения конфликтов в организации ритуалы также призваны эффективно справляться. Разрешение конфликтов – неотъемлемая часть деятельности руководителя, на которую он в среднем тратит 20% своего рабочего времени¹⁰. Так различаются консенсусные и конфронтационные ритуалы, которые можно использовать для разрешения конфликта. Консенсусные ритуалы – это переговоры, консультации, выработка и подписание совместных документов. Конфронтационные ритуалы – это голодовки, забастовки, массовые демон-

страции, позволяющие снять накопившуюся напряженность, привлечь внимание руководства или внешнего окружения. Так, в консенсусных ритуалах наибольшая роль отводится фигуре руководителя, который является медиатором конфликта, в конфронтационных ритуалах одной из сторон являются сотрудники организации, которые своими действиями хотят изменить ситуацию, а руководитель может выступать в качестве противоборствующей стороны. В любом случае, конфликт деструктивен для организации и ее членов, поэтому для профилактики конфликтов, полезно было бы заимствовать японского опыт избегания конфликта – ритуал избивания манекенов в облике боссов, способствующий психологической разрядке.

Задачи планирования и прогнозирования также решаются за счет ритуалов – это составление оценок и прогнозов разной степени срочности, разработка различных планов: планов работ, бизнес-планов, бюджетов, планов развития, планов участия в мероприятиях. После их подготовки происходит обсуждение в кругу заинтересованных лиц, внесение правок и дальнейшее принятие. Благодаря ритуалам прогнозирования компании понимают, что им необходимо достичь, как двигаться вперед, представляют внешнее конкурентное окружение.

Важнейшая задача ритуалов и церемоний в организациях – усиление самоопределения работников. Через ритуалы усиления и продвижения у сотрудников укореняется самоуважение, появляется уверенность в себе, осознание собственной уникальности, важности и полезности для организации.

Итак, ритуал в качестве управленческого инструмента может

помочь решить большой спектр задач: мотивирование и нематериальное стимулирование сотрудников, укрепление их самоуважения и уверенности в себе, адаптация персонала, сплочение и усиление их вовлеченности, создание и поддержание благоприятного морального климата и стабильности, усиление самоопределения работников, поддержание образца, требуемых правил поведения и норм, контроля, развития социальных отношений и повышение их эффективности, снятие напряженности в коллективе, разрешение конфликта, планирования и прогнозирования. Сопоставляя реализуемые ритуалом возможности с функциями управления, впервые описанными французским теоретиком менеджмента А. Файолем: «Управлять – значит прогнозировать и планировать, организовывать, руководить командой, координировать и контролировать»¹¹, приходим к выводу, что для ритуала нет ничего невозможного. Проанализировав задачи, которые помогает достигать ритуал, и, сравнив их с управленческими функциями, действительно понимаешь вслед за антропологом М. Дуглас, что ритуал «вездесущ и необходим»¹². Руководитель должен понимать важность данного инструмента проведения управления и продуманно использовать его в своей управленческой практике, исходя из поставленных целей. Наверное, нет задач, которые не мог бы помочь реализовать ритуал, следует лишь помнить, что с изменениями в обществе, инновациями в организации, должны трансформироваться и меняться и сами ритуалы.

Для использования ритуала в качестве инструмента эффективного управления большое значение имеет почва или среда, в которую хотят привести той или иной ритуал. А потому ритуал должен быть рационален и целесообразен, чтобы соответствовать и служить на благо организационным целям и задачам.

Ссылки:

- 1 Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002., с.30
- 2 Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983., с. 32
- 3 Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002., с.28
- 4 Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996, с. 127-128
- 5 Шейн Э. Организационная культура и лидерство. - С-Пб.: Питер, 2002. с. 41–43.
- 6 Скворцова Т., Стернин И. // Управление компанией, №2, 2007.
- 7 Щербаков Б. Страсть к совещаниям // Smart Money, №10 (51), 2007.
- 8 Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. – М.: Экономистъ, 2004. с. 275
- 9 Лэнгдон К., Брюс Э., Итон Д. и др. Мастерство менеджмента. М.: Росмэн, 2004. с. 529
- 10 Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. – М.: Экономистъ, 2004. с. 251.
- 11 Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Контроллинг, 1992., с.135.
- 12 М. Дуглас. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М. Канон-Пресс-Ц., 2000г., с. 63.

Сравнительный анализ эстетических предпочтений киноаудитории

Бояршинов Б.С., Бояршинова Е.Б., Прончев Г.Б.

Для сравнительного анализа эстетических предпочтений различных кино-аудиторий использован метод линейного регрессионного анализа. Он позволяет выявить произведения киноискусства, оценка которых различными сегментами мировой кино-аудитории наиболее сильно различается.

Ключевые слова: кино-аудитория, метод линейного регрессионного анализа, эстетические предпочтения.

Boyarshtinov B.S., Boyarshtinova E.B., Pronchev G.B.
Comparative analysis of the aesthetical preferences of the film auditorium

In article features of aesthetic preferences of the Russian and western film audiences are considered. The authors use the method of linear regression analysis for the comparative analysis of aesthetic preference for the works of cinema art for different audiences. This method allows you to identify works of cinema as assessed by different segments of the audience most of the world varies greatly.
Keywords: film audiences, method of linear regression analysis, aesthetic preferences.

Каждую неделю в российский кинопрокат выходит несколько фильмов. Например, в 2008 г. по данным сайта www.kinopoisk.ru [1] в прокат вышли 339 кинофильмов. Используя интернет, можно узнать самые различные сведения об этих фильмах. Можно просмотреть так называемый трейлер (это то, что раньше принято было называть анонсом). Можно познакомиться с отрывками из этих фильмов, просмотреть галерею, составленную из отдельных кадров, прочитать аннотацию, рецензии профессиональных и непрофессиональных рецензентов и отклики зрителей. Если бы этим и исчерпывалась информация об эстетических достоинствах кинопроизведений, то база для анализа была бы ограничена только мнениями аудитории, пишущей о кино профессионально или любительски. Но в настоящее время можно говорить о существовании массового Интернет сообщества, охватывающего широкие круги любителей кино (синефилов), которые участвуют в постоянно проводимых опросах на сайтах для киноманов. На этих сайтах автомати-

чески обобщаются статистические характеристики выражения мнений. Кроме того, косвенно о восприятии фильмов говорит их коммерческий успех или неуспех.

Итак, познакомимся с источниками информации, на базе которой проведены исследования, описываемые в нашей работе.

Непосредственно мнение синефилов по отношению к каждому фильму выражается в виде оценки по десятибалльной шкале в индексах Top250 и IMDb. Индекс Top250 используется русскоязычной публикой, а индекс IMDb является интернациональным. О фильмах вышедших в мировой прокат на сайте IMDb высказывается в десятки раз больше людей, чем на сайте Top250. Средние оценки фильмов, публикуемые этими индексами, могут служить для сравнения вкусов активных кинозрителей, которых мы назвали синефилами.

Кроме непосредственных оценок, выраженных баллами, имеется показатель, характеризующий интерес активных кинозрителей к тому или иному кинопроизведению, — это количество людей поставивших свою оценку фильму на сайтах Top250 и IMDb.

Статистическая сводка мнений профессиональных англоязычных кинокритиков также доступна на сайте www.kinopoisk.ru. Количество англоязычных рецензий и доля среди них положительных рецензий, а также средняя оценка фильмов рецензентами по десятибалльной шкале.

Сборы фильмов в кинопрокате позволяют сравнивать интерес публики к различным фильмам. Сборы от проката в России и (отдельно) в США доступны на этом сайте.

По 142-м из 339-ти фильмов вышедших в российский кинопро-

кат в 2008 году информация обо всех указанных оценках имеется.

Но как использовать богатую статистику? Неужели ограничиться, как это делают в популярных журналах по кино составлением десятки самых лучших фильмов? Кстати, Top250 именно так и задуман. С его помощью составлен и постоянно корректируется список 250-ти самых лучших фильмов.

Мы предлагаем несколько иной инструмент. Который, как это будет видно, позволяет выделять различия в оценке фильмов независимо от того, в какой части рейтингового списка они находятся.

Рассмотрим вопрос на языке математической статистики. О некотором количестве объектов (в нашем случае фильмов) известны две количественные характеристики. В нашем случае их можно выбрать из широкого списка:

- оценка синефилов Top250;
- оценка синефилов IMDb;
- количество людей выразивших своё мнение в рейтинге Top250;
- количество людей выразивших своё мнение в рейтинге IMDb;
- сборы фильма в российском прокате (характеристика интереса к фильму со стороны российской аудитории);
- сборы фильма в прокате США (характеристика интереса к фильму со стороны американской аудитории);
- оценка, данная фильму англоязычными рецензентами;
- процент англоязычных рецензентов положительно оценивших фильм;
- общее количество англоязычных рецензий;
- любые другие количественные характеристики зрительского внимания или зрительского восприятия, которые можно найти в интернете.

Мы имеем дело с парой количественных характеристик для некоторой совокупности объектов (фильмов). Обозначим эти характеристики $\{x_i; y_i\}$. Индекс i – порядковый номер, он меняется от 1 до n .

Существует математический критерий – коэффициент корреляции, который позволяет оценить степень обоснованности применения линейной зависимости для описания связи между величинами y и x . Таковым является коэффициент линейной корреляции [2]. Для его вычисления разумно использовать формулу:

$$r = \frac{COV_{xy}}{D_x} = \frac{(\overline{x \cdot y}) - \bar{x} \cdot \bar{y}}{x^2 - (\bar{x})^2}$$

Здесь горизонтальные чёрточки над выражениями означают усреднение. В частности:

$$\overline{(x \cdot y)} = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i \cdot y_i)}{n}; \bar{x} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n}; \bar{y} = \frac{\sum_{i=1}^n y_i}{n}; x^2 = \frac{\sum_{i=1}^n x_i^2}{n}$$

Следует иметь в виду, что $\overline{x^2} \neq (\bar{x})^2$. Величины

$$COV_{xy} = \overline{(x \cdot y)} - \bar{x} \cdot \bar{y} \text{ и } D_x = x^2 - (\bar{x})^2$$

называются в статистике, соответственно, ковариация и дисперсия.

Коэффициент линейной корреляции изменяется в пределах от минус единицы до плюс единицы. Если коэффициент корреляции больше нуля, говорят о положительной корреляции. В этом случае большим значениям одной из переменных чаще соответствуют большие значения другой переменной. В случае отрицательной корреляции всё наоборот: большим значениям одной из исследуемых величин соответствуют меньшие значения другой величины. Счи-

тается, что абсолютное значение коэффициента корреляции является мерой тесноты связи двух величин. Чем ближе к единице, тем теснее связь. Если коэффициент корреляции отличается от нуля менее чем на 0,2 ... 0,3; то это указывает на отсутствие связи между величинами или её крайне низкую степень.

Сама по себе величина коэффициента линейной корреляции о многом говорит. Например, по результатам проката 2008 года коэффициент корреляции между оценкой синефилов Top250 и сборами проката отсутствует: коэффициент корреляции равен 0,047. Это очень важный результат. Сборы никак не связаны с художественными и эстетическими качествами фильмов. Зато количество людей, давших оценку фильмам, зависит от сборов очень заметно. Коэффициент корреляции количества оценок на Top250 и сборов в РФ составляет 0,635. Это достаточно ожидаемый результат, количество просмотревших фильм синефилов определяется интенсивностью её проката.

Ещё теснее корреляция оценок Top250 и IMDb – для этой пары величин коэффициент корреляции равен 0,794; а количество проголосовавших коррелируют с коэффициентом 0,743. Значит, в целом, оценка фильма и внимание к нему со стороны отечественных и зарубежных синефилов определяются эстетическими критериями.

Но наибольший интерес представляют различия. Повторяем: мы имеем дело с парой количественных характеристик для некоторого количества фильмов. Мы обозначили эти характеристики $\{x_i; y_i\}$, где индекс i – порядковый номер, он меняется от 1 до n .

Если изобразить точки на координатной плоскости $ХОУ$, они

образуют в большей или меньшей степени вытянутое облачко. Сразу появляется желание изобразить зависимость между y и x с помощью прямой линии, т.е. линейной функции:

$$y_{\text{теор.и}} = kx_i + b.$$

Оправданность такого приближения тем выше, чем больше коэффициент линейной корреляции. Известен с эпохи Возрождения метод построения таких зависимостей. Он носит название метода наименьших квадратов. Метод заключается в подборе таких значений параметров зависимости (в нашем случае это k и b), чтобы сумма квадратов отклонений теоретических значений от фактических была бы минимальной. Отклонение фактического значения (y_i) от теоретического ($y_{\text{теор.и}}$) – это:

$$e_i = y_i - y_{\text{теор.и}} = y_i - kx_i - b.$$

Данная задача давно решена и имеет простое решение [2]:

$$k = r \cdot \frac{D_y}{D_x}; b = \bar{y} - k \cdot \bar{x}.$$

Величина отклонения фактических значений от расчётных (e_i) служит мерой соответствия теоретической зависимости фактической для каждого конкретного случая. Среднее квадратичное отклонение фактических значений от теоретических (остаточная дисперсия) является мерой точности соответствия зависимости фактическому положению дел в целом. Производной от неё величиной выступает остаточное среднее квадратичное отклонение, обозначаемое греческой буквой сигма σ . Эти величины легко вычислить по формулам:

$$D_{\text{ост.}} = \frac{\sum_{i=1}^n e_i^2}{n-2}; \sigma_{\text{ост.}} = \sqrt{D_{\text{ост.}}}$$

Значение подобных величин трудно переоценить. Напомним так

называемое правило «трёх сигм»: очень редко случайная величина отклоняется от своего среднего значения более чем на три средних квадратичных отклонения (три сигма). Если такое отклонение происходит, то оно указывает на то, что применительно к объекту можно утверждать, это «неспроста», что объект является особенным. Проиллюстрируем вышесказанное примером.

Если в качестве пары величин (y и x), между которыми исследуется степень зависимости, использовать две величины: количество любителей кино (синефилов), давших свои оценки на Top250, и сборы в РФ (коэффициент корреляции величин 0,635; количество фильмов для которых имеются эти данные 317), то выяснится интересный факт. Более чем на три сигмы (или чуть меньше) превосходит ожидаемый со стороны синефилов интерес к следующим фильмам: «Сумерки» (8,5 σ), «Тёмный рыцарь» (7,0 σ), «ВАЛЛ-И» (5,8 σ), «Я-легенда» (3,7 σ), «Заложница» (3,3 σ), «Железный человек» (2,6 σ), «Суиннитод: демон парикмахер с Флит-стрит» (2,6 σ).

Ажиотажное внимание к фильму «Сумерки» обеспечила аудитория, состоящая из молодых зрительниц, влюбившихся в главного героя фильма – симпатичного вампира. Понятно преувеличенное внимание к фильму «Тёмный рыцарь». В нем сыграл свою последнюю роль трагически ушедший из жизни актёр Хит Леджер, смерть которого незадолго до премьеры стала предметом острого внимания синефилов. Действие этого фактора суммируется с более высокими художественными качествами фильма по сравнению с массовой кино-продукцией, посвящённой супергероям. Остальные три фильма выделались бла-

годаря своим художественным качествам и сниженному интересу со стороны массового зрителя.

Несопоставимо мало внимания синефилы уделили следующим фильмам: «Мадагаскар-2» (-3,4σ), «Адмирал» (-2,6σ), «Мумия: Гробница Императора Драконов» (-2,6σ). Такое отставание легко интерпретировать. Фильмы оказались востребованы аудиторией, состоящей из людей, не принадлежащих к интернет-сообществу. Фильмы «Мадагаскар-2» и «Мумия: Гробница Императора Драконов» были кассово успешными, но рассчитаны на детскую аудиторию. Фильм «Адмирал» не заслужил внимания у любителей кино по эстетическим причинам, несмотря на интерпретацию образа А.В. Колчака, непривычную для поколений выросших в советское время. Кажется, новый подход к изложению событий революции и гражданской войны не мог не привлечь внимания синефилов старших возрастов. Но это не сказалось на результатах интернет-голосования. Подобный факт подчеркивает, что через интернет своё мнение высказывают представители поколения, чьи взгляды сформировались в постсоветское время.

Для исследования зависимости между количеством любителей кино, давших свои оценки на Top250, и сборами в РФ было использовано 317 фильмов. Применённый метод позволил выделить из общей массы 10 фильмов - менее 3%. Таким образом, использованный нами прием позволяет сконцентрировать внимание исследователей (социологов и эстетов)

на фильмах, чья оценка различными кино-аудиториями отличается в наибольшей степени, хотя фильмы могут находиться в общей рейтинговой массе.

Интересно, что предлагаемый метод можно использовать для исследования реакции телевизионной аудитории на транслирующиеся кинофильмы и телесериалы. Современное информационное пространство позволяет получить необходимую информацию. Еженедельный журнал «Итоги» публикует сведения о доле телевизионной аудитории, заинтересовавшейся теми или иными программами и телевизионными трансляциями. Например, по данным за неделю с 14 по 20 декабря 2009 года [3] выявлены следующие различия массовых эстетических предпочтений между Москвой, Санкт-Петербургом и остальными субъектами РФ. Сериалы «Кармелита» и «Братаны» особенно по душе телезрителям провинции и Санкт-Петербурга (отличие 1,5...2 σ). Разошлись мнения провинциальной и московской телевизионных аудиторий относительно телесериала «Воронины». В провинции он набрал полтора у, против того, что можно было бы ожидать по московским рейтингам.

Литература

1. Интернет-ресурс <http://www.kinopoisk.ru>.
2. Бронштейн И.Н., Семендяев К.А. Справочник по математике для инженеров и учащихся ВТУЗов. - М.: Наука, 1980.
3. Зубакова М. TV-рейтинг 14 - 20 декабря / Итоги, 2009, №53, С. 68-69.

Коммуникационное взаимодействие глобальной и локальной культур

Могилевич Б.Р.

В статье даны характеристики основных партнеров по межкультурной коммуникации – глобальной и локальной культур. Представлена специфика современного этапа межкультурной коммуникации в России и намечены пути достижения успешного взаимодействия и избежания конфликтов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобальный, локальный, интеграция, культура.

Mogilevich B.R.

Communicative interaction global and local cultures

The article deals with the modern stage of intercultural communication in the period of globalization. The main partners of intercultural communication are presented – global and local cultures – as well as their specific characteristics in Russia and abroad. The ways of achieving successful interaction and avoiding conflicts are given.

Key words: intercultural communication, global, local, integration, culture.

Процесс глобализации непосредственно связан с культурой. Согласно П.Сорокину, культура представляет собой коммуникативный процесс, в котором участвуют, по крайней мере, два индивида на основе общего культурного разума¹. По мнению П.Сорокина, общечеловеческая культура представлена в виде двух взаимоисключающих типов – «умозрительный» и «чувственный» с промежуточным «идеалистическим» типом. Умозрительная культура характеризуется приматом духовного над материальным во всех областях человеческой жизнедеятельности; добро воплощено в духовных ценностях, а истина – вечна.

Чувственная культура воплощает добро в материальных ценностях, которые существуют не в душе, а во внешнем мире, поэтому обстоятельства доминируют над моральными принципами. Чувственная и умозрительная культуры не существуют в чистом виде, им сопутствует идеалистическая культура, совмещающая материальные и духовные характеристики, предполагающая твор-

ческую деятельность человека по самосовершенствованию вместе с улучшением материального мира. Культурные циклы сменяют друг друга по мере исчерпания своего творческого потенциала, обусловленного внутренними причинами, а также внешними факторами.

Современная эпоха демонстрирует появление нового явления – «глобальной культуры» как яркого примера межкультурной коммуникации в виде интеграции различных культур, в результате которой появляется новый тип личности, которой присущи такие качества, как: независимость; желание учиться, совершенствоваться и получать новый опыт; убежденность в ценности науки и прогресса; высокий уровень культурных и моральных ценностей. Именно современная личность способна найти свое место в глобальном мире, ценить настоящее, осознавать значимость времени для человека. В то же время, глобальная культура является причиной исчезновения традиционных, этнических культур в форме утраты традиционных моральных ценностей, способов производства и потребления разрушения традиционных институтов семьи.

Следует особо подчеркнуть, что межкультурная коммуникация в плане взаимодействия глобальной и локальной культур принимает разные формы в различных культурах. Современная эпоха модернизации характеризуется повышенным вниманием к индивидуальности, ее независимости от коллектива и стремлении к личной свободе при осознании ответственности за свои поступки. Вследствие этого, культуры с высокой дистанцией власти (Китай, Япония, Россия) в процессе глобального взаимодействия привносят свои характеристики в современ-

ный процесс межкультурного взаимодействия. Например, процессы модернизации в Китае проходят с широким участием государственных структур, регулирующих рынок. Вхождение Чили в глобальное сообщество означает успешное сосуществование свободного рынка, консервативности и доминирующей ролью католицизма в социальной и повседневной жизни. При взаимодействии локальных японской и китайской культур с глобальной культурой, пришедшей с Запада, сохраняются тенденции, характерные для локальных культур: долгосрочная работа на одном месте, продвижение по службе по принципу старшинства, приоритет личности в установлении деловых отношений.

Глобальное взаимодействие в странах Западной и Восточной Европы неоднозначно, но и там локальные культуры привносят свои характеристики, наделяя глобальную культуру локальным своеобразием. Социологические исследования культурного взаимодействия глобальных и локальных характеристик обусловлены спецификой «доглобального» развития принимающих стран. Например, глобальная культура трансформируется в Германии крайне своеобразно. Если социальная реальность территории бывшей Западной Германии поразительно напоминает США, то на территории бывшей Восточной Германии сохраняются характеристики социалистического строя. Жители Западной Германии, испытывая чувство стыда за нацистское прошлое, стремились обрести новые формы социализации на всех уровнях (социальном, экономическом, политическом, культурном). План Маршалла позволил стране совершить экономическое чудо, основанное на модернизации всех сторон жизни обще-

ства. Для западногерманского общества стало знаковым императивом покончить с прошлым. Общая тенденция к космополитическому образу жизни свидетельствует о существовании мультикультурного общества, что подтверждается и чему способствует большое количество мигрантов.

После падения Берлинской стены и воссоединения Западной и Восточной Германии стало очевидным, что глобальная культура, так успешно взаимодействующая с локальной культурой Западной Германии, встретила противодействие со стороны социалистической локальной культуры. Причины заключались в том, что страна в течение 45 лет находилась в изоляции от глобального модернизма².

Социально-культурные стереотипы и предубеждения («социальные установки» по Т. ван Дейку) затрудняют принятие принципов свободного рынка, социальной ответственности, соблюдения прав человека. Тем не менее, современный период культурной интеграции глобальной и локальной культур характеризуется поисками сохранения культурной идентичности в рамках мультикультурализма и приверженности глобальным ценностям.

Следуя этому стремлению, Германия, Франция направляют свои усилия по формированию новой концепции глобальной культуры, отражающей общеевропейские тенденции сохранения европейских культурных характеристик.

Интересным примером гибридизации глобальной и локальной культур в настоящее время служит Турция³. В 1980-е годы после окончания «холодной войны» и краха социалистического лагеря турецкое общество испытало коренные изменения во всех сферах

жизни, выразившиеся в осознании своей идентичности как полноправного члена глобального сообщества. Взаимодействие глобальной и локальной культур приобрело в Турции специфические, отличные от других стран, формы выражения, основанные на ведущей роли культуры в процессе модернизации политической и экономической жизни общества. Турецкий вариант глобального межкультурного взаимодействия в полной мере продемонстрировал возможность и плодотворность интеграции западных универсальных ценностей и локальных традиций, не исключая распространения «макмира» (стандартизации) в сферах массового потребления, массовой культуры и космополитического образа жизни.

Альтернативная модель глобального взаимодействия, предложенная Турцией, заключается в невиданном ранее «всплеске» ислама, который проявился в модернизации экономической, политической и культурной жизни турецкого общества. Экономическая глобализация выявила глубинную связь ислама с принципами свободного рынка, но с опорой на доверительные и партнерские отношения. Особенный упор делается на традиционные для ислама связи и солидарность между предприятиями мелкого и среднего бизнеса и религиозными ценностями, ориентированными на семью.

Культурная модернизация в глобальном контексте характеризуется появлением новых тенденций в сфере потребления и массовой культуры. В этой связи, произошла переоценка традиционных социальных установок и одновременная их глобализация. Массовая культура нашла воплощение в новых для турецкого общества стремлениях к плюрализму, мульт-

тикультурности, изучении и поддержке этнических символов и, в то же время, в изменении набора потребительских товаров. Культурный капитал в Турции способствовал и объединению идентичности и их дефрагментации. Исламская идентичность больше не выступает как символ отсталости, а глобальная культура не является абсолютным злом.

Социологические исследования, проведенные в Индии, представили новые данные о взаимодействии глобальной культуры с локальной культурой⁴. Для жителей Индии глобализация – это новое «свидание с судьбой», которое дает стране второй шанс стать полноправным членом глобального сообщества независимых государств. Первое «свидание с судьбой» – слова первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру из его речи 14 августа 1947 г. – состоялось при получении Индией независимости. Индийский вариант глобализации также проходит под воздействием всех 4 типов глобальной социализации, но и Индия стала страной строящей альтернативные модели глобализации и выступает в роли «излучателя» культуры в виде индийских традиций медитации, йоге, методов лечения, питания, предметов туалета и драгоценностей⁵.

К числу стран «излучателей» культуры западного образца относится Япония. Интересный пример межкультурной коммуникации приводит Тамоцу Аоки. Японская косметическая компания Shiseido стала экспортером своей продукции в глобальном масштабе при помощи интегративного подхода к производству своей продукции, включающего модернистские и традиционные идеи. Создатель этого стиля, Ямана Адо, был при-

верженцем художественного стиля известного английского художника-модерниста Обри Бердслея. В свою очередь, О.Бердслей в своем творчестве использовал элементы японской гравюры по дереву – ойкийое. Компания Shiseido в 80 годы XX века предприняла попытку возрождения традиций модернизма 1920-х годов в новых формах. Новый имидж компании в виде сочетания японских традиций косметологии и оформления продукции и достижений французской косметической промышленности, основанный на культурном взаимодействии Японии и Франции, стал ярким примером «душевного родства» двух народов⁶.

Глобализация культуры и межкультурная коммуникация «центра» и «периферии» представляет собой многогранное и противоречивое явление. Оно принимает разные формы в зависимости от социокультурных особенностей взаимодействующих сторон. Социальные агенты глобализации – давосская культура интеллектуалов, массовая культура и общественные (религиозные) движения – по-разному воздействуют на процесс межкультурной коммуникации.

Модернизация социальной, экономической и политической жизни индивидов проявляется в виде появления новых ценностных норм и исчезновения старых. Массовая культура представила индивидуумам возможности выбора моделей поведения, потребления. Локальные культуры, давая ответы на вызовы глобальной культуры, предлагают альтернативные модели глобализации. Полный отказ от вызовов глобальной культуры приводит к всплескам фундаментализма в повседневной жизни, государственном и глобальном масштабах. Думается, что поиск оп-

тимальных выходов из возможных социокультурных конфликтов заключается в воспитании толерантного отношения к «чужим» культурам; в создании благоприятных условий для развития локальных культур в социальной, экономической и политической жизни; открытости локальных культур тем достижениям глобального сообщества нации, которые несут с собой прогресс и улучшение жизни каждого индивида. Следует отметить, что все исследователи процесса взаимодействия глобальной и локальной культур подчеркивают глобализаторскую роль английского языка – «проводника из проводников» успешной межкультурной коммуникации. По мнению П. Бергера, хотя миллионы людей во всем мире пользуются английским языком, преследуя прагматические цели успешной социализации, сам язык как высшее духовное богатство, обязательно несет с собой культуру его носителей. Английская терминология, особенно в области экономики, управления, информационных технологий обуславливает внедрение западных способов понимания и внедрения продуктов и процессов модернизации.

Особый интерес представляет собой межкультурная коммуникация в период глобализации в России. По мнению Ю.Е. Федорова, Россия еще не упустила свой шанс успешной аккультурации, но ей необходимо как можно скорее войти в контакт с демократическим сообществом. В этом случае обязательным условием будет принятие общечеловеческих демократических норм. Возможен и другой путь – отстранение от общего развития, либо конфронтация, который предусматривает авторитарный государственный строй и экономическую изоляцию⁷. И. Вал-

лерстайн в своей концепции разделения мира на «ядро» и «периферию» считает Россию полупериферийным государством, так как многочисленные неудачные реформы вывели ее из состава «ядра». По его мнению, Россию обладает мощным культурным и экономическим потенциалом, который вскоре будет востребован⁸.

Неготовность российской элиты и большей части населения может привести к необратимым последствиям. Жизненно важно для России использовать все международные инновации в научно-технической, экономической и культурной сферах для обеспечения будущего страны. Достижения России в области литературы и искусства обогатили мировую культуру: Дягилевские сезоны в Париже, открывшие миру русский балет, оперу, сценографию, живопись в начале XX века; великая русская литература, реалистический театр; российская и советская наука, и особенно, космонавтика являются доказательством способности России быть «излучателем» культуры на благо всего человечества.

Глобализация коренным образом изменила мир, поэтому необходимость успешного взаимодействия со всеми народами и государствами является вопросом выживания всего человечества и России в частности.

Глобальные тенденции общемирового развития требуют осмысления проблем межкультурной коммуникации представителей разных культур и социумов. Все сферы человеческой коммуникации на уровне индивидов, социальных групп, государств и цивилизаций демонстрируют разнообразные процессы межкультурной коммуникации как в рамках одной культуры, так и при взаимодействии раз-

ных культур. Коммуникация между глобальной и локальной культурами включает влияние отдельных регионов друг на друга, что способствует успеху межкультурной коммуникации и избежанию конфликтов. Игнорирование межкультурных различий приводит к возникновению социокультурных конфликтов. Успешная социализация в глобальном мире невозможна без знания и учета законов успешного межкультурного взаимодействия. Главнейшим условием успеха межкультурной коммуникации в эпоху глобализации является воспитание толерантного отношения к другим культурам, языкам и их носителям.

Межкультурная коммуникация как механизм успеха социального взаимодействия представителей разных культур приобрела невиданное раньше значение именно в эпоху глобализации. Новые этапы ее развития характеризуются коммуникацией между новым видом культуры – глобальной культурой и локальными культурами. Глобальная культура проявляется в сочетании таких новых видов как давосская культура, клубная культура, массовая культура и культура протестантизма. Современное состояние общества характеризуется возникновением множества социокультурных конфликтов, разрешение которых требует усилий всех конфликтующих сторон. Следуя принципам межкуль-

турной коммуникации, человечество может и должно находить компромиссы и использовать диалог как самое оптимальное средство выживания.

Ссылки:

1 Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Республика, 1991.

2 Кельнер Х., Зофнер Х.-Г. Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. С.131-158.

3 Озбудун Э. Фуат Кейман Е. Культурная глобализация в Турции // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Бергера и Хантингтона М., 2004. С.314-319.

4 Шринвич Т. Свидание с судьбой // Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. С.98-130.

5 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

6 Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Бергера и Хантингтона М., 2004. С.88.

7 Федоров Е.Ю. Критический вызов для России // Pro et Contra. 1999. Т.4. №4. С.26.

8 Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления и исследования. М., 1998.

Технологии создания новой реальности

Франц С.В.

В статье проанализировано содержание агитационного видеоролика «Рабочий», который был использован в ходе предвыборной кампании в одном из муниципальных округов Свердловской области. Видеоролик был представлен в суде одним из конкурирующих кандидатов для выявления в его содержании недопустимых приемов ведения предвыборной агитации и давления на избирателей и стал объектом лингвистического исследования. Фактически суду отводилась решающая роль в устранении политического конкурента. Показано, как с помощью политрекламы в период предвыборных кампаний моделируются события, формируется отношение к ним, создаются образы кандидатов и их конкурентов, оказывается воздействие на предпочтения избирателей.

Ключевые слова: медиареальность, лингвистическая экспертиза, политическая технология, психолингвистическое воздействие, манипуляция, обесценивание.

Franz S.V.

Technologies of the creation of new reality

In the article is represented the analyses of the content of the agitation movie "The worker", that was used in the process of the election campaign in one of the municipal units of the Sverdlovskaya oblast. One of the political rivals presented this movie in the court to find in its content the inadmissible methods of the election procedure and the political pressure, and got the object of the linguistic research. In fact the court played the deciding role in the process of the removal of the concurrent. The research shows the ways of creating the political events, it's perception, the image of the candidates and their political rivals etc in the frame of the process of the election campaign.

Keywords: Mediareality, linguistic examination political technology psychological influence manipulation depreciation

Если бы четверть века назад нам сказали, что большую часть эфирного времени будет «съедать» реклама и что она станет средством не только формирования потребительского спроса, но и управления сознанием людей, то сильно бы удивили, поскольку телевидение тогда не было коммерческим. Сегодня реклама на TV – норма, а к ее помощи прибегают не только коммерсанты. В век постмодерна продается все: от товара – до имиджа. И фантастически успешно, поскольку за постперестроечный период рекламодателям (и не только им) удалось сформировать психологию потребительства. Для этого была использована не только реклама, но и различные технологии: PR, НЛП, мифодизайн и еще кое-что из запасников ВПК. Они базируются на использовании механизмов сложного отражения реальности в сознании человека, на виртуализации и мифологизации действительности, на естественном стремлении людей к получению наслаждения, на проницаемости для информационных технологий сознания людей и возможностях его стимулирования с помощью электрон-

ных сигналов. А человек, как выяснилось, склонен обманывать и обманываться.

В наши дни постепенно исчезает проблема границы тела как эксклюзивной области («локуса получения наслаждения»). Как в античный период развития философии, происходит стремительный переход от идеи телесных удовольствий к идее интеллектуального наслаждения, часто усиленного визуально и с помощью аудио-средств, иногда сознательно симулированных СМИ, средствами рекламы и Internet.

Распространяясь через СМИ, информация ведет себя подобно энтропии, и осуществляет не социализацию, но, напротив, «имплозию социального в массах», которая представляет собой не что иное, как расширение до макроскопического уровня имплозии смысла. Имеет место гигантский процесс симуляции – возникновение Гиперреальности. Рождается гиперреальность коммуникации и смысла, их результатом становится разложение существующих смыслов, «пожирание» коммуникации и социального, превращение их в некую туманность. Так на смену миру реальному с его конкретным содержанием приходит мир виртуальный со стандартизованным «глянцевым» содержанием.

Виртуальный мир (виртуальная реальность), или медиареальность, – реальность воображаемая, принадлежащая рекламному, игровому, кино-, аудио- и подобным им «мирам». Один из наиболее результативных способов создания медиареальности – теле-реклама. Сегодня ею пользуются все, начиная с коммерсантов, заканчивая политиками. Так, с помощью политрекламы в период предвыборных кампаний моделируются события, формируется

отношение к ним, создаются образы кандидатов и их конкурентов, оказывается воздействие на предпочтения избирателей...

Например, в НЛП сначала очерчивается эллипс индивидуальных предпочтений, а затем из него извлекается инвариантное содержание, которое и становится программным продуктом, вживляемым в сознание человека. То же наблюдается и в рекламе (презентация образа через максимальное его упрощение и доступность для большого числа потребителей), и в выборных технологиях (через механизм навязывания позитивного во всех смыслах образа, например политика). Таким образом, техники манипулирования сознанием построены на прогнозируемых и предождаемых результатах и являются, по сути, симулятивными, программирующими человека и моделирующими Гиперреальность. С помощью массмедийных технологий они вживляют в сознание людей «матрицы», симулирующие и универсализирующие представления даже такого уровня, как национальная государственность и самоидентификация, международные отношения, процесс глобализации...

Нам хотелось определить, как в действительности «работает» «политрекламный продукт» на создание медиареальности. С этой целью мы проанализировали ролик «Рабочий», который был использован в качестве рекламного в период проведения предвыборной кампании в одном из муниципальных образований Свердловской области. Вот его «содержание»: на экране – выходящие из заводской проходной люди; камера выхватывает из толпы мужчину среднего роста и возраста, темноволосого, смуглолицего, одетого в темную расстегнутую куртку, черные

брюки и кожаную кепку. По мере приближения к зрителю рабочий недовольно произносит следующее: «Начальство заставляет нас голосовать за банкира. | А на хрена нам банкир? | Сытый голодного не разумеет. | Не-е, мы с мужиками решили: «Будем голосовать за... (фамилия кандидата)!»

На последней фразе формат изображения укрупняется. Рабочий появляется на обочине дороги и разворачивается в сторону рекламного щита (единственного яркого «пятна»). В левой части щита размещено фото располагающего к себе кандидата. В правой – крупно написаны его фамилия, имя и отчество. Внизу щита – слоган: «ЗА правду! ЗА людей! ЗА справедливость!» Рекламный щит красного цвета медленно «наезжает» на зрителя и «зависает» на экране.

19 секунд плотно упакованной политической рекламы, в которой есть всё: почти документальная достоверность (реальный завод и выходящие из него рабочие), звуки и планы заводского города, убедительно произнесенная речь рабочего с подкрепляющими её жестами, различные цветовые решения.

Агитационный ролик сделан профессионально (как и предвыборная кампания победившего кандидата), с использованием вербальных и невербальных приемов и средств, видео- и аудиоэффектов, поэтому при исследовании его воздействия нами были выделены соответствующие уровни, а также осуществлен комплексный подход. Установка делалась на принципы «дополнительности» и «интерференции» (в терминах науки). Первый позволял дополнить один метод исследования другим, опереться на сведения из различных областей познания; второй – обнаружить «результатирующий эффект» от совмещенного воздей-

ствия различных методик, техник и технологий. Нами использовались различные обще- (измерение, сравнение, анализ, синтез) и частнонаучные (лингвистические, социо-культурологические) методы исследования.

1) **Визуальный уровень.** Анализировалось как «содержание» увиденного, так и способы и особенности изображения, воздействия и восприятия в широком социокультурном контексте.

2) **Вербальный уровень.** В основном использовались лингвистические методы анализа: начиная с фонетических, заканчивая грамматическими.

3) **Невербальный уровень.** Внимание уделялось невербальным приемам (жестам, позам, мимике), их роли в контексте общего воздействия.

4) **Аудиовоздействие.** Исследовалась «звуковая подложка» ролика.

Переходя от одного уровня исследования к другому, опираясь на указанные принципы, меняя методики, мы обнаружили сходство с указанными выше технологиями воздействия. Комплексный подход позволил определить, каким образом создаваемая с помощью медиа реальность делает ее «определенным» бытием, т.е. реальностью неизбежной. Хочется заметить, что рекламно-агитационный ролик сделан профессионально, с соблюдением всех канонов, более того – переизбытком средств воздействия.

Итак, анализ производимого роликом эффекта будем делать поэтапно, «снимая» слой за слоем, а затем вновь наложим один на другой.

Слой первый – визуальный

Во-первых, возраст «рассказчика» и кандидата совпадает, он примерно соответствует возраст-

ным, социальным и материальным параметрам основной части избирателей города. Значит, был сделан точный социологический «отстрел» аудитории.

Во-вторых, как и подобает современной рекламе, сообщение преподнесено в *аспекте надежности*: выбран убедительно-категоричный тон повествования, использован «респектабельно-геничный» фотоснимок кандидата, документальный жанр изложения. Данный приём в рекламе означает, что *замыслам свойственно сбываться*, а это, в свою очередь, формирует подсознательную психологическую установку на «завершенность действия», окончание события, т.е. уже заранее кем-то произведенный выбор. В таком случае срабатывает пусковой механизм «присоединения» у одних (формируя желание сделать так же), «парализа» у других (вызывая апатию и нежелание сопротивляться, когда всё и так решено). Во всяком случае, всегда приятно переложить груз ответственности за выбор на чьи-то плечи.

В-третьих, использована типизация кандидата (*подстраивание под аудиторию*): причёска, макияж, оптимистичное выражение лица, строгость и мягкость одновременно, явный жизненный опыт, открытый взгляд и легкая «хитринка» в уголках глаз – как похоже это лицо на учителя, бухгалтера, врача, руководителя среднего звена... Оно почти гармонично, что имеет глубинно-мифологические и вполне объяснимые на уровне понимания визуальных воздействий основы: *деление людей на «своих» и «чужих» и «маркировка» кандидата как «своего»*. Он соответствует ожиданиям электората (опять *предвосхищение событий*): зная насущные проблемы избирателей, он решит их как

свои личные (рекламный прием, заключающийся в том, чтобы человек, погруженный в свои проблемы, *нашел в предлагаемой рекламе способ их разрешения*).

В-четвёртых, воздействие рекламного фотоизображения происходит ещё и из удивительного сочетания активных цветов (оттенков красного) и композиционного решения рекламного щита (проверенного соотношения изо- и графо-составляющих), увеличения изображения в процессе его приближения к зрителю (*укрупнение и приближение события*, усиленное третьей подачей).

Эффективность воздействия основана на технике *субмодальности*. Это использование особенностей и характеристик изображения (или звука) для управления эмоциональным тоном. Как правило, с помощью субмодальностей создается позитивная эмоциональная окраска для создания поведенческих предпочтений на бессознательном уровне. Красивым примером является рекламный ролик «Мегафона», в котором быстро летящие по небу облака в сочетании с пробивающимся через них светом, создают ощущение быстро приближающегося светлого будущего» [1]. Кстати будет упомянуть опять же о троекратно увеличенном «ЗА» в слогане «ЗА правду! ЗА людей! ЗА справедливость!». Это явное использование в рекламе (наряду с различными видами шрифтов и их размеров) так называемых «*привлекателей*», подсознательно воздействующих на принятие решений.

Как утверждают профессиональные источники, для рекламных технологий НЛП важно, в первую очередь, «*определение метапрограмного профиля* целевой аудитории – то есть выявление собственных целевой аудитории

фильтров внимания и определенных стратегий мышления. Это позволяет создавая рекламные обращения, «кодировать» их в тех нейро-стратегиях и транслировать в тех каналах восприятия, которые наиболее свойственны этим людям. Помимо точного попадания рекламной идеи в сознание целевой аудитории, это дает еще и очень высокий процент принятия этими людьми рекламной идеи как своей собственной либо авторитетной для них» [2].

Этим, видимо, можно объяснить произведенный роликом визуальный эффект.

Слой второй – вербальный

Языковая статистика: в тексте 4 предложения, 24 языковые единицы, объединенные в 19 смысловых блоков-синтагм¹ (это проклитика и энклитика²) – ровно столько секунд длится и ролик.

1. Начальство заставляет нас голосовать за банкира.

2. Ана хренанам банкир?

3. Сытый голодного не разумеет.

4/5. Не-е, мыс мужиками решили: «Будем голосовать... за(фамилия)!

Следовательно, каждой единице времени строго соответствует определенный языковой образ. Это задает, во-первых, *чёткий темп речи (соответствующий пульсу человека)*, во-вторых, *создаёт условия для точной когнитивной фиксации созданных образов*. Этим можно объяснить хорошую запоминаемость текста.

Выбранный темпо-ритм и синтаксический строй предложений оптимальны для запоминания, что подтверждает проведенный нами эксперимент: вместо данного текста испытуемым был предложен уподобленный оригинальному, и он также был дословно повторен аудиторией.

Точно воспроизвести прочитанный нейтрально текст.

Соседи мешают нам спать по ночам.

Зачем нам такие соседи?

Выспавшийся недоспавшего не поймет.

Не, мы с родителями решили: «Будем избавляться от Галкиных»!

Точно соблюденный рекламный приём «выражайтесь яснее, изъяснитесь максимально простым языком – таким, каким вы говорили бы со своими клиентами при личной встрече, не допускайте возможности двойного толкования» сработал и в данном случае.

Орфоэпические³ особенности текста:

Рассматриваемый текст озвучен профессионально, с соблюдением орфоэпических норм, а именно:

- смыслового изменения темпа речи,

- произношения слов,

- расстановки акцентов в словах и предложениях.

Обратите внимание на акцентуацию⁴, которая имеет целью выделить в предложении и в тексте слова и предложения с наибольшей смысловой нагрузкой.

1. *Начльство* заставляет нас голосовать за *банкъра*.

2. А на *хренб* нам *банкър*?

3. *Сы?тый* голудного *нй* *разумй-ет*.

4/5. *Не-й*, мы с мужиками *решъли*: «*Бу?дем* *голосовбть...* за *?.!*»

Как видим, по количеству акцентов наиболее значимыми являются третье и четвертое/пятое предложения. В данном случае наиболее эффективным является их *акцентуация*.

Грамматический⁵ и контекстный анализ:

1. Начальство заставляет нас голосовать за банкира.

2. А на хрена (=нейтральному «зачем») нам банкир?

3. Сытый голодного не разумеет.

4/5. Не-е, мы с мужиками решили: «Будем голосовать... за ...»!

По составу все предложения простые, что способствует их легкому усвоению и воспроизведению.

В первом предложении в роли подлежащего используется собирательное существительное «начальство», обобщающий характер которого изначально задает тон всему повествованию, указывает на социальную-профессиональную рознь. В контексте с глаголом «заставляет», лексическое значение которого «побуждать к действию кого-то вне его желания», оно формирует агрессивно-враждебное отношение к служащим – как к белым, так и синим воротничкам (другими словами, любым представителям власти).

Второе предложение неполное, в нем отсутствует сказуемое. Это назывное вопросительно-утвердительное предложение с использованием нелитературного (=ненормативного) выражения, являющегося общеупотребительным в социальных слоях низшего уровня (например, в Словаре русского языка Ожегова С.И. выражение «старый хрен» дается с пометой «прост., бран.»). В назывном предложении акцент смещается на подлежащее «банкир», что делает его словом-«якорем» (*психол.*), особенно воздействующим на эмоциональное восприятие. А поскольку нейтральное существительное «банкир» употребляется в сочетании с бранным словом, контекстуально формируется резко негативное к нему отношение. В условиях всемирного банковского кризиса происходит *наложение негаций: отрицательный образ банкира* четко связывается с финансовым кризисом (объект-субъектный перенос). Это действует деструктив-

но на подсознательном уровне в отношении к представителем данной профессии, формирует, если хотите, опасный образ врага и является распространенным политтехнологическим приемом.

Третье предложение представляет собой пословицу («краткое народное изречение с назидательным смыслом»), следовательно, имеет сильное образно-эмоциональное и воспитательное воздействие. В пословицах в обобщенной форме выражается определенная точка зрения (сентенция, суждение). Являясь логическим продолжением предшествующих предложений, пословица позволяет провести нам соответствующие смысловые параллели: банкира привязать к эпитету «сытый», а автора-рассказчика – к эпитету «голодный». Использованный эмоционально-образный литературный прием формирует резко негативное отношение к «банкиру», восходит к *архетипическим бессознательным образам «богатого» и «бедного», социально-классовым различиям и социальной несправедливости*. Это также очень эффективный рекламный ход.

Последнее предложение осложнено прямой речью, что свидетельствует о его авторстве, т.е. дословном воспроизведении чьей-то коллективной речи (так как из контекста восстанавливается местоимение 1 лица множественного числа «мы»).

И, наконец, о словах автора в определено-личной части последнего предложения (в ней отсутствует подлежащее). Составное глагольное сказуемое с вспомогательным глаголом «будем» модально⁶ усиленно. При отсутствующем подлежащем высказанное в нем суждение становится категоричным. В логике оно называется аподиктическим, т.е. «доказываю-

щим, достоверным, основанным на логической необходимости, непроверяемым» (Словарь иностранных слов). Помимо прочего, оба глагола («будем» и «голосовать») в предложении интонационно выделены и их действие конкретно направлено на также интонационно маркированное дополнение (фамилия кандидата). Прямая речь в контексте «мы с мужиками решили» может быть расценена с точки зрения логики и орфоэпии как принятое решение, *открытое давление коллективного мнения*, которому сложно индивидуально противостоять, как *агрессивная агитация (черная технология)*.

Хочется также обратить внимание на обилие в тексте различных форм местоимения «мы», хотя повествование ведется от 1-го лица. Такая явная подмена выражает коллективное мнение. Чье конкретно? Ясно, что не «начальства», не «банкира» (в единственном числе), но человека, находящегося в толпе людей, выходящих из проходной завода в конце рабочего дня, «голодного» мужика, как следует из рекламного ролика, к которому непонятно каким образом (извините за употребление явно эмоционально окрашенного слова) «присоседился» кандидат на должность Главы муниципального образования. Подобное «присоединение» – технология создания *комплексных эквивалентов*. «Комплексные эквивалентны – это объединенные друг с другом факты, но не имеющие четкой причинно-следственной связи, а соединенные предполагаемой (домысливаемой) логической связью. Например: «Хорошие хозяйки выбирают Тайд». Почему они выбирают именно Тайд? Как это связано с тем, что они хорошие? Каждый найдет в этом свою логику, подтвердив тем самым мета-сообщение

связки: если вы выбираете Тайд, значит вы хорошая хозяйка. В большинстве случаев мета-сообщение воспринимается на бессознательном уровне» [3]. Так и в нашем тексте: если мы голосуем за банкира – значим мы за одно с начальством, а если мы голосуем за кандидата – значит, выбираем того, кто против него. Откуда такая убежденность, что кандидат «свой»?

Наряду с перечисленными в видеоролике используется еще одна НЛП-технология, названная «*речевой пресуппозицией*». «Технология речевых пресуппозиций позволяет строить предложения, смещая фокус внимания с необходимых утверждений на детали так, что необходимые утверждения начинают подразумеваться, как само собой разумеющееся. Тогда эти утверждения принимают клиентом как данность, не подлежащая сомнению, и выбор происходит уже внутри этой рамки. Простой пример: «Вы можете взять «Кока-колу» в новой большой бутылке, и получить больше за ту же цену». Теперь выбор происходит уже между бутылками, а не между Кока-колой и чем-то еще» [4]. В нашем случае смещение делается именно на банкира, хотя он не был единственным конкурентом данного кандидата.

Помимо прочего документальный характер видеосъемок производит *эффект достоверности сказанного и подлинности происходящего*, что также является явным искажением (точнее, моделированием) событий.

Слой третий – невербальный

Если убрать звук и обратиться внимание на имеющиеся в ролике невербальные «излишества», поразит «сурдологическая нервность» рассказчика. *Каждой про-*

изнесенной фразе соответствует определенный набор движений: 1-ое предложение – троекратное подергивание козырька кепки (начальство-крыша-кепка); 2-ое предложение – двукратное моргание (приглашение согласиться с высказыванием); 3-ье предложение – рука погружена в карман, оставленный на поверхности большой палец 4 раза к нему прикасается; 4-ое предложение – высоко поднимается и поправляется воротник куртки, изображение увеличивается, перекрывая экран (подводится итог сказанному, предыдущее изображение отсекается от последующего, негатив от позитива). Самый оригинальный прием *невербального использования скрытой метафоры* содержится, несомненно, в эпизоде с манипуляцией большим пальцем руки, в нём скрыта аллюзия следующих высказываний: «дать на лапу», «положить в карман» (но ведь это не прозвучало, следовательно, не является «уликой»).

Итак, очевидным остаётся факт использования *скрытого воздействия* на восприятие потребителя рекламы.

Слой четвёртый – аудиовоздействие

Мы уже упомянули о таких средствах аудиовоздействия, как:

- четкая расстановка смысловых акцентов в каждом предложении;
- различный темпоритм (произнесение скороговоркой менее значимых слов и четкое проговаривание имеющих смысловую нагрузку);

- хорошо подобранный тембр голоса (низкий регистр), с хрипотцой, так называемый низкочастотный резонанс, оказывающий программирующее воздействие.

Хочется, тем не менее, обратить внимание еще на одну осо-

бенность рекламного ролика – явное использование «звуковой подложки» для текста (вполне вероятно, были использованы какие-то запрещенные сигналы. Так, фраза «начальство заставляет нас голосовать за банкира, а на хрена нам банкир» сопровождается усиливающимся давящим на уши гудком, который сменяет шум улицы, звонок трамвая, автоклаксоны, во второй части остаются только незначительные шорохи. Заметьте, использованы как бы естественные звуки, музыка отсутствует. Мы, конечно, не могли провести частотно-резонансное исследование, поэтому можем только констатировать наличие в ролике «посторонних» шумов, как и тот факт, что каждое движение, многократно повторенное (как в ритуальном танце, скрыто направлено на закрепляющее воздействие на аудиторию).

Итак, использование в видеоролике «Рабочий» различных технологий воздействия на аудиторию (наряду с ненормативной и экспрессивной лексикой), в т.ч. скрытых (возможно, и недопустимых) является нарушением закона «О рекламе» (статья гл. II) и позволяет назвать этот рекламный продукт «недобросовестным», «неэтичным» (как минимум – ст.6, ст.8), «недостоверным» и «заведомо ложным» (в потенциале – ст.7, ст.9), «продуктом ненадлежащего качества», деформирующим действительность, что влечет ответственность по ст.30-31 того же закона.

Сегодня расширяется практика судебных расследований, связанных с лингвистическими экспертизами и исследованиями (особенно по ст.ст. 129 УК РФ – клевета, 130 – оскорбление, 282 – возбуждение ненависти либо вражды... унижение человеческого достоинства, 6.13 КоАП РФ и

152 ГК РФ – защита чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц). К подобному рода исследованиям стали прибегать и в период проведения предвыборных кампаний, используя суды как средство воздействия на политического соперника и общественное мнение. Поводом (судебным прецедентом) для конкурирующих кандидатов может стать любой текст (публичная речь, выступление по ТВ, опубликованная статья...). В нашем случае это был проанализированный выше рекламный ролик, который использовался в качестве «факта», имеющего значение судебного доказательства. Предстояло доказать, что в нем были использованы недопустимые приемы ведения предвыборной агитации (что противоречит нормам ФЗ № 131 от 06.10.2003 г.), формировался отрицательный образ конкретного кандидата-конкурента, разжигалась социальная рознь, оказывалось давление на избирателей. Фактически суду отводилась решающая роль в устранении политического конкурента, поскольку конкурирующие стороны подали встречные иски о снятии конкурентов с регистрации. На наш взгляд, это определенный социальный симптом, когда суды начинают использовать как рычаг политического давления и отказа от предвыборной борьбы.

Данная статья – попытка соединения 3-х различных парадигм: языковой, правовой и социально-политической – для оценки нового социально-политического явления; в её основе – масс-медийный (в широком смысле) деликт конкретного политического события (выборов). Произведенное совмещение позволило выявить «базис» для технологий создания новой реальности.

Социально-политическая парадигма. Апеллируя к пласту социально-политическому, сошлюсь на *интегральную социологию* российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина, который в структуре культурного мира выделял бесконечное множество *идеологических смыслов*, выраженных (наряду с другими подсистемами) в языке, науке, религии, философии, искусстве. Декларируя также принципиально новый взгляд на человека как интегральное существо, Сорокин утверждал, что человеческая личность формируется под воздействием ряда факторов: космических, биологических, социально-психологических, но прежде всего, – социокультурных. Как социокультурный «продукт», человек идентифицирует себя как с определенным типом социокультурной личности (хозяин/рабов, католик/протестант, француз/англичанин и т.д.), так и социокультурной группы (политической, экономической, профессиональной, религиозной и т.п.) и вырабатывает соответствующие им образцы поведения, содержащие определенный набор смыслов (выраженный в церемониях, ритуалах поступках). Создавая суперорганический мир, человек, вписывает себя в его структуру, становясь частью суперсистемы. И «теперь уже этот мир посредством вышеотмеченных идеологических, материальных, личностных и поведенческих явлений формирует как личность каждого индивида, так и облик каждой социальной группы» [5]. Как сложноорганизованная суперсистема, общество и индивид в его составе подчиняются законам синергетики, откликаясь на флуктуации. Социальные катаклизмы, по мнению социолога, – результат дезинтеграции моральных, право-

вых и других ценностей регуляторов поведения людей. Итогом же кризисов становится вырождение «свободных институтов, ценностей и идеологии в «принудительных и мошеннических монстров»» (Сорокин П. Главные тенденции нашего времени); растущее обесценивание прежних институтов, ценностей и идеологий. «Конкретно это выражается в том, что на фоне торжественных деклараций равных прав всех граждан на жизнь, свободу, поиски счастья в реальной жизни гигантски возрастает неравенство между властными магнатами и зависимым «человеческим прахом»; что газеты, радио и телевидение монополично контролируются небольшой группой «властной элиты»; что принцип всеобщего избирательного права «в своей выхолощенной форме» обеспечивает лишь «правительства политиканов, посредством политиканов и для политиканов»» [6].

Находясь «по ту сторону» произошедшего и представленного в статье, могу отметить, что политическое управление социальными процессами перешло из области идеологии в область даже не политтехнологий, а психолингвистики и её методологии. В качестве аргумента хочу использовать следующее утверждение: «В 1992 году начались работы по изучению и компьютерному моделированию скрытого воздействия текстов на человека. Одной из поставленных задач было предсказание эффекта воздействия на аудиторию статьи, листовки, устного выступления до того, как они будут растиражированы в миллионах экземпляров или прозвучат по радио и телевидению на всю страну. Эти работы получили название «Проект ВААЛ». В дальнейшем тематика исследований была значительно расширена...

Области возможного применения программ серии ВААЛ:

- составление текстов выступлений с заранее заданными характеристиками воздействия на потенциальную аудиторию;

- активное формирование эмоционального отношения к политическому деятелю со стороны различных социально-демографических групп...

Программы серии ВААЛ позволяют...:

- задавать характеристики желаемого воздействия и целенаправленно корректировать тексты по выбранным параметрам в целях достижения необходимого эффекта воздействия..;

- настраиваться на различные социальные и профессиональные группы людей, которые могут быть выделены по используемой ими лексике...» [7].

Автор данной книги утверждает, что модернизированная система ВААЛ становится все более востребованной, и не только журналистами и специалистами по связям с общественностью, но и в среде депутатов различных уровней и... «Она нашла успешное применение при проведении кампаний по выборам депутатов Государственной думы 1993, 1995, 1999 и 2003 годов, выборов Президента России в 1996 и 2000 годах» [8]. Более того, автор книги утверждает, что «знание... умонастроенный – ключ к эффективному управлению социальными процессами. Таким образом, факт психолингвистического воздействия на аудиторию в политических целях официально признается. И если так хорошо обстоит дело на верхних этажах власти, то почему бы не применить ту же самую технологию несколькими этажами ниже?

Правовая парадигма (это и состоявшийся судебный процесс, и

предшествовавшее ему лингвистическое исследование – аналог речеведческой экспертизы). Что представляет собой судебная экспертиза? Специалисты утверждают, что в теоретической части она тесно связана с «общественными науками: философией, этикой, логикой, психологией. На основе *философских категорий* строится общая теория рассматриваемой науки, формируются представления о системе ее методов, определяются те закономерности, которые должны быть учтены в целях повышения эффективности судебно-экспертной деятельности» [9]. Следовательно, специалист (лингвист) или эксперт, приступая к анализу материала (в т.ч. текстового), должен иметь не только специальные познания, но и уметь широко интерпретировать факты, включая их в социокультурный контекст: в единичном видеть всеобщее, в частном – закономерное. Учитывать как лингвистические, так и металингвистические факты, т.е. конкретно-историческую манифестацию языка. Тогда, с точки зрения социолингвистики, эксперт (или специалист) – не просто «дешифровальщик» Текста, а «модификатор» определенных событий.

И, наконец, **языковая парадигма**. Она подтвердила тот факт, что ресурс языка поистине неисчерпаем: в нем и денотат, и сигнификат, и коннотации, и эмоционально-экспрессивные компоненты и проч. Этот ресурс позволяет превратить Текст в социально значимое политическое событие, перевести из *«potentia»* в план *«actu»*. Еще русский филолог Михаил Михайлович Бахтин утверждал, что слово – это тоже поступок. Ученый констатировал его социокультурную двуполосность: «Акт нашей деятельности, нашего пе-

реживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни... Так и живое слово, полное слово... уже тем, что я заговорил о нем, я стал к нему в некоторое не индифферентное, а заинтересованно-действенное отношение... не только обозначает предмет как некоторую наличность, но своей интонацией... выражает и мое ценностное отношение к предмету, желательное и нежелательное в нем и этим приводит его в движение по направлению заданности его, делает моментом живой событийности... Поскольку я действительно переживаю предмет, хотя бы переживаю-мыслю, он становится меняющимся моментом свершающегося события переживания-мышления его, т.е. обретает заданность, точнее, дан в некотором событийном единстве, где неразделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности» [10]. Другими словами, Бахтин указывал на слово как социальный актор, онтологизирующий высказанную мысль. В таком случае человек становится аксиологически ответственным за последствия своего речеакта. Помимо этого, «Бахтину язык представляется потенциалом, актуализирующимся в конкретных контекстах, в которых говорящий использует смысловые ресурсы языка для достижения определенных целей...» [11], причем идеологических. Бахтин характеризует язык как «идеологически наполненный» (см. работу «Слово в романе») и утверждает, что любой Текст – это «конкретная реализация языка в определенном социально-идеологическом контексте» [12]. Следуя установке Бахтина, можно признать, что язык обладает ре-

сурсом психологического и идеологического воздействия. Психологины выразились бы несколько иначе: мысль программирует, слово мотивирует, озвученная мысль обретает силу реального события, т.е. онтологический статус. А подкрепленная визуально (видеоролик), образно воплощенная идея – аналог мифологической персонификации природных явлений. Обращение к мифологизированным подструктурам сознания, ориентированным на определенную систему социальных образов – это пусковой механизм создания новой реальности. Демонстрация политрекламы – демифологизация политидеи, перевод ее из области подсознания в сферу осознаваемой необходимости. В роли «психоаналитиков» выступают политтехнологи, а «пациентов» – электорат.

Возможно, практика судебно-лингвистических экспертиз, к которой стали прибегать «сильные мира сего», – инобытие формирующегося правосознания? Фантом, обретающий юридическую силу в отсутствие реальной социально-политической представленности, некий «перекидной мостик» между политической идеей – представленным событием (текстом-объектом лингвистической экспертизы) и его юридической оценкой, или юридической фиксацией факта). Это уже почти Бахтинская триада, когда событие, вырастая из идеологии (политологии), конституируется через лингвистическую экспертизу и в процессе судебного разбирательства обретает де-юре статус социального явления. Определяя нарушенную в деянии норму закона (выявляя социальную аномалию), суд актуализирует не только её, но и фактически утверждает бытие самой аномалии, признает

факт её существования. В нашем случае – наличие социальных слов, активно не приемлющих кандидата-банкира. Таким образом, и сама судебно-лингвистическая экспертиза, и судебный процесс, и его освещение в СМИ – этапы закрепляющей онтологизации имплицитных социально-политических процессов и явлений. А если теперь вспомнить о таких принципах права, как справедливость, законность и равенство граждан перед законом, то в отношении кого они применяются и чьи интересы защищают в данном случае? Кто субъект права и какова объективная сторона процесса? По сути, когда гражданский процесс имеет социальный резонанс, в него втягивается всё общество. В данном случае же объективность такова, что защищаться должны интересы не депутата-банкира, а права избирателей на независимость их политического выбора от каких бы то ни было политических ангажементов...

Поскольку практика правового решения политических споров – явление достаточно новое, некоторые из рассмотренных в статье вопросов имеют постановочный характер. Например: если политическое событие (выборы) вполне социально самодостаточно, то зачем его правовой дискурс? Что это: проявление исчерпанности (слабости, неубедительности) политической аргументации или отработка нового политтехнологического приема? Рассмотренное событие – экстраординарное (единичное) явление или начало новой дискурсивной практики («политико-судебной»)? Чтобы до конца разобраться в этих вопросах, нужно время. Обозначившаяся тенденция еще должна конкретизироваться с помощью фактов.

Ссылки:

1. См.: http://nlp-system.com/vvedenie_v_nlp.php.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения / <http://lib.socio.msu.ru>.
7. Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложение в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы / В.И. Шалак. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2009. С.5-6.
8. Там же. С.11-12.
9. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. С.55.
10. Бахтин М.М. К философии поступка / http://www.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=814.
11. Мика Ляхтеэнмяки (Шеффилд, Великобритания). Лингво-философская концепция М.М. Бахтина: о двуединой онтологии языка / <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/29735>.
12. Там же.

Примечания:

1 **Синтагма** – цельная синтаксическая интонационно-смысловая единица (слово или группа слов). Например, следующие стихи Пушкина делятся на 4 синтагмы: «Три девицы Р под окном Р пряли Р поздно вечером» (Цит. по: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984).

2 **Энклитика** – слово, утратившее собственное ударение и стоящее позади ударяемого слова, к которому оно примыкает, образуя вместе с ним в отношении ударения одно целое (например, муй<то, тут<то).

Проклитика – безударное слово, стоящее впереди ударного, к которому оно и примыкает в отношении ударения (например, подо>мнуй).

3 **Орфоэпия** – 1) раздел лингвистики, занимающийся изучением правильного литературного произношения; 2) правильное литературное произношение.

4 **Акцентуация** – 1) обозначение ударений; 2) повышение голоса в местах речи, требующих этого.

5 **Грамматика** – наука о строе языка; включает *морфологию* (учение о формах слова) и *синтаксис* (учение о сочетании слов в предложении).

6 **Модальность** – способ существования к.-л. объекта или протекания к.-л. явления или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии.

ОБРАЗОВАНИЕ

Вузовский преподаватель: штрихи к портрету на фоне реформ

Довейко А.Б.

На основании проведенных в четырех городах России исследований автор анализирует установки, мнения и оценки преподавателей вузов относительно их социального статуса, педагогической деятельности и различных аспектов реформирования системы высшего образования в стране.

Ключевые слова: высшее образование, реформа, Болонский процесс, кадровое обеспечение, оплата труда, статусная рассогласованность, отношение к изменениям, негосударственные вузы.

Doveyko A.B.

Higher educational instructor: features to the portrait against the background of the reforms

According to the social poll held in four Russian cities the author analyses teachers opinions about their social status, pedagogical work and different aspects of high education system reforming in the country.

Key words: high education, Bologna process, people ware, wage, status nonagreement, attitude to changes, nongovernmental universities.

В ходе исследования модернизационных процессов в образовании в апреле – июне 2009 года автором был проведен опрос 300 преподавателей 14 вузов (государственных и негосударственных) в городах Владимире, Воронеже, Мурманске и Санкт-Петербурге. Анкета разработана с использованием некоторых вопросов исследования «И.Б.Назарова. Преподаватели экономических дисциплин: профессиональный потенциал, особенности занятости и трудовой мотивации»¹.

Очевидно, что наиболее значимым фактором для нормального функционирования высшей школы является кадровое обеспечение. Сегодня положение в этом вопросе вызывает вполне обоснованное беспокойство. Данные аналитического отчета² о государственной аккредитации учреждений высшего, среднего и дополнительного профессионального образования в 2007 г. позволяют предположить, что выросший объем предоставляемых высшей школой образовательных услуг обеспечивается практически той же численностью преподавательского корпуса. Су-

щественно вырос показатель количества студентов, приходящих к единицу ППС с учеными степенями кандидата и доктора наук. Численность профессорско-преподавательского состава вузов России, имеющего ученые степени и звания, увеличилась незначительно, чего не скажешь о росте среднего возраста³. К 2004 г. средний возраст кандидата наук или доцента, работающего в должности заведующего кафедрой, достиг 48,9 лет, доктора наук и профессора – 56,5 лет. Средний возраст преподавателей на кафедрах составлял 45 лет, при этом 26,2% преподавателей выпускающих кафедр имели средний возраст более 50 лет. Ситуация со средним возрастом ППС в последние годы менялась только в сторону его увеличения. Таким образом, можно считать, что учебный процесс реализуется не только той же численностью преподавательского корпуса, что и почти 15 лет назад, но и преимущественно все тем же, но сильно «повзрослевшим» составом.

Рост среднего возраста вузовского преподавателя, отсутствие притока молодежи в образование высвечивают еще одну проблему. Сегодня аспирантура фактически перестала обслуживать высшую школу, наращивать ее потенциал. В настоящее время число выпускников аспирантуры, пришедших в сферу науки или/и образования, невелико. Если проанализировать данные различных исследователей по этой проблематике, увидим следующее.

По данным уральских социологов в 1999 г. (критическом для системы образования по многим параметрам) желающих профессионально заняться наукой было 2% опрошенных, в 2007 г. – уже 8%⁴. По данным наших исследований в

2003 г., продолжить обучение в аспирантуре намеревались 7% студентов, а получить второе высшее образование – 10%. В 2005 г. в аспирантуру хотели бы поступить уже 17% студентов, получить второе высшее образование – 43%, продолжить обучение по специальности в университетах Западной Европы и США – 20%⁵. В 2008 г. по данным нашего исследования ценностных ориентаций студенчества в Санкт-Петербурге и Воронеже, доля наметивших для себя поступление в аспирантуру не превышает 14%.

На вопрос о том, в какой сфере они хотели бы работать после окончания вуза, науку называют лишь 6% студентов, из них 9% на факультетах гуманитарного профиля, 7,5% на естественнонаучных и 2% на технических факультетах. Преподавательскую деятельность в вузе или другом учебном заведении выбирают 6,5% студентов, в основном гуманитарии⁶.

Суть проблем российской высшей школы А.Шишлов усматривает в низком, неконкурентоспособном уровне зарплаты преподавателей. И, как следствие, кадровые проблемы. Это отсталая материально-техническая база большинства вузов (хотя в ряде вузов за последние годы ситуация и изменилась к лучшему за счет целевого государственного финансирования). Это устаревшие учебные программы, низкий уровень вузовской науки, слабость международных научно-образовательных связей, социальная незащищенность студентов. И, конечно же, слабое развитие вузовской автономии и самоуправления, доминирование административной вертикали, слабость и конформизм профессионального образовательного сообщества. Совокупность этих причин

предопределяет нынешнее качество российских вузов⁷.

В докладе министра образования и науки РФ А. Фурсенко⁸ приводилась средняя заработная плата в сфере образования в размере 10149 рублей в месяц (по состоянию на ноябрь 2007 г.). Конечно, «средняя температура по больнице» не отражает состояния больного, но приведенная заработная плата сопоставима со средним доходом доцента, работающего на полную ставку. Оплата труда преподавателей отстает от уровня притязаний в 2-3 раза и ведет к негативному отбору. Начиная с 1990-х годов, в системе образования отмечается вымывание людей с высоким творческим потенциалом и квалификацией.

К числу важнейших проблем относится соотношение оплаты труда преподавателей и роста их учебной нагрузки. Как отмечают российские социологи, занимающиеся исследованиями проблем высшей школы, с ростом учебной нагрузки оплата труда не возрастает. Для социального положения преподавательского корпуса характерно несоответствие статусных элементов, прежде всего таких, как доход, престиж и уровень образования (при высоком уровне образования наблюдается снижение престижа и низкий уровень дохода). Рассогласованность статусных показателей приводит к возникновению чувства неудовлетворенности преподавателей своим положением в социальном пространстве.

Преодолеть статусную рассогласованность преподаватели пытаются путем изменения индивидуальных ситуаций. Отсюда множественная занятость преподавателя, которая реализуется в самых различных формах. Наиболее популярные из них: сочетание рабо-

ты в нескольких вузах и ведение нескольких курсов, репетиторство, занятие наукой – не столько как одним из видов профессиональной деятельности, сколько как источником дополнительных средств, а также разного рода подработки, не связанные с профессией, но приносящие иногда основной доход. Множественная занятость преподавателя, продолжительная работа сверх законодательно установленных норм изнуряет, приводит к перегрузкам, росту издержек преподавательского труда, которые не компенсируются соответствующей наградой. В результате снижается мотивация и качество труда преподавателя по основному месту работы, происходит его своеобразный «уход» из вуза. Вроде он еще и в рядах ППС, но все меньше способен прилагать усилий для решения задач, поставленных перед ним вузом. При таком положении преподавателя высшей школы вряд ли можно серьезно говорить о престиже профессии, не говоря уже о реализации амбициозных планов, одним из которых является национальный проект «Образование».

Значительная часть вузовских преподавателей, принявших участие в нашем опросе, совмещает преподавательскую деятельность в нескольких учебных заведениях. Чаще всего это преподаватели гуманитарных кафедр (до 40%), несколько реже (до 34%) – «преподаватели-технари» и еще реже (до 30%) – представители естественнонаучных кафедр. Зато последние чаще занимаются репетиторством.

Что же привлекает преподавателей вузов? Наиболее часто встречается ответы о возможности быть самостоятельным участником образовательного процесса (84%), влиять на развитие студентов,

формировать их мышление и мировоззрение (76%). Далее следует такой мотив, как реализация своих знаний, опыта и способностей (75%). При этом наблюдается разброс мнений в зависимости от профиля профессиональной подготовки и деятельности педагогов. Так, у преподавателей, работающих на гуманитарных кафедрах, этот показатель составляет 80%, у преподавателей-естественников – 62% и у их коллег на кафедрах технического профиля только 60%. 71% опрошенных устраивает, прежде всего, график работы, позволяющий совмещать основную работу с другой (54%). Возможность заниматься наукой в данном вузе отмечают 62% респондентов, условия труда привлекают 60% преподавателей. Далеко не последнюю роль играют также возможность установить полезные связи (54%) и надежные гарантии занятости (51%).

Наибольшую неудовлетворенность у вузовских педагогов вызывает оплата их труда, что еще раз подтверждает уже высказанные ранее нами соображения. Этот фактор неудовлетворенности назвали две трети респондентов. Средняя зарплата по вузу изменилась в ходе внедрения новой системы оплаты труда весьма незначительно. Почему? Потому что сегодня зарплата состоит в основном из повышающих коэффициентов, доплат и надбавок, которые рассчитываются от мизерных ставок. И это при том, что увеличили количество студентов на одного преподавателя, то есть фактически нагрузка возросла. Состояние российской образовательной системы и учреждений образования таково, что методы материального стимулирования отдельных работников трудно реализуемы, что связано не только с дефицитным ресурсным обеспечени-

ем системы образования, но и с жесткой регламентацией расходов.

В связи с этим особое значение приобретает выявление возможностей нематериального стимулирования. По мнению Н.В.Акинфиевой, возможный набор ключевых действий руководителей в системе образования, направленных на поддержание интереса к профессиональному труду, развитию мотивации персонала образовательных учреждений, составляет: а) обеспечение стабильности профессиональной деятельности; б) эффективное и своевременное решение служебных проблем работника; в) корректность оценки работника (его личностных качеств, результатов профессиональной деятельности); г) обеспечение повышения квалификации; д) разумное, «ненавязчивое» вмешательство в профессиональную деятельность; е) обеспечение необходимой информацией для качественной работы; ж) регулярное, систематическое информирование работника о качестве его работы; з) психологическая поддержка вновь пришедшего сотрудника; и) создание условий для карьерного роста; к) публичное признание хорошей работы; л) создание условий для проявления инициатив, креативной самостоятельности; м) освобождение от работы, связанной с неоправданным контролем и отчетностью⁹.

На втором месте среди факторов, вызывающих неудовлетворенность с большим отрывом находятся техническое оснащение учебного процесса и распределение работы (педагогической нагрузки). Их назвали по 45% преподавателей. На третьем месте оказалась такой фактор неудовлетворенности, как возможности профессионального развития, повышения квалификации (26%).

Таблица 1
Основные цели преподавательской деятельности (в %)

	гос. вузы	негос. вузы	всего
Вооружить студентов знаниями, умениями и навыками практической работы.	37,6	42,9	39,4
Помочь студентам развить способности и найти свое место в российском обществе.	22,5	26,4	23,8
Способствовать всестороннему личностному развитию студентов.	17,4	20,9	18,6
Продемонстрировать студентам интеллектуальную красоту науки.	3,9	-	2,6
Помочь тем студентам, которые проявляют интерес к учению.	12,9	7,7	11,2
Помочь студентам продолжить учебу за границей	-	1,1	0,4
Другое	4,5	1,1	3,3

Участвующие в исследовании преподаватели высказывают различные пожелания относительно повышения уровня своих знаний. 46% считают необходимым для себя стажировки в российских вузах или организациях, 34% - то же самое, но за рубежом, 35% хотели бы участвовать в научных проектах. Для трети опрошенных большое значение имеет доступ к нужной информации с помощью современных технических средств (интернет, доступ к электронным библиотекам, вузовская внутренняя сеть и т.д.). Востребованными являются также семинары по обмену опытом с коллегами из других вузов России (36%) и с зарубежными коллегами (14%). О необходимости участия в российских научных конференциях заявляют 24% педагогов и в зарубежных конференциях - 11%.

Удовлетворенность трудом вузовских педагогов формируется, не в последнюю очередь, исходя из целевых установок. В чем состоит, по мнению респондентов, основная цель их деятельности? На первом месте - вооружить сту-

дентов знаниями, умениями и навыками практической работы (до 40% ответов), на втором - помочь им развить свои способности и найти свое место в обществе (26%). Способствовать всестороннему личностному развитию студентов готов каждый пятый наставник, а помогать тем студентам, которые проявляют интерес к обучению, намерены 7% преподавателей государственных и 11% негосударственных вузов. 4% видят свою цель в том, чтобы продемонстрировать перед студентами интеллектуальную красоту науки.

Соответствие уровня преподавания уровню современных знаний по соответствующим дисциплинам преподавателями оценивается как полное и, пожалуй, полное - 78%, отставание от современного уровня - 14% и значительное отставание - 3%. Наиболее критичными выглядят преподаватели кафедр гуманитарного профиля, а в большей мере уверены в том, что их уровень преподавания соответствует в той или иной степени современному уровню развития науки представители кафедр техни-

Таблица 2

Отношение к изменениям и событиям, произошедшим в высшей школе за последние 5 – 7 лет (в индексах)

	госуд. вузы	негосуд. вузы	всего
Возникновение рынка образовательных услуг.	0,14	0,53	0,27
Введение приема в вузы по результатам ЕГЭ.	- 0,45	-0,41	- 0,44
Расширение сферы негосударственного образования.	- 0,32	0,35	- 0,09
Вхождение в Болонский процесс.	- 0,24	- 0,18	- 0,22
Переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования – бакалавр – магистр.	- 0,20	- 0,14	- 0,18

ческих наук. Естественнонаучные кафедры занимают по этому показателю среднее положение.

Значительно усложняется деятельность преподавателей по участию в разработке образовательных программ и курсов, так как быстро меняется объем информации, содержание образовательных программ, технология их подготовки и реализации. Высокие требования предъявляются и к качеству учебно-методического обеспечения образовательных программ. Все большую роль играют учебные материалы, представленные в электронном виде, призванные заменить обычные учебные пособия. Подготовка таких материалов – новая профессиональная компетенция преподавателей, а повышение их квалификации в этом направлении – фактор дальнейшего повышения качества образования. По данным опроса, в текущем учебном году 38% преподавателей начали преподавание 1-2 новых для себя курсов, 18% – 3-х и более курсов. 29% преподавателей пришлось поменять содержание своих лекций и семинаров, 54% изменили его незначительно и лишь 16% не считают для себя нужным что-либо менять в преподавании.

Относительно методов подачи материала и организации учебной

работы студентов 23% опрошенных считают, что в последние три года они принципиально изменились, 65% считают эти изменения не столь принципиальными, а 11% практически не вносили в методику преподавания каких-либо заметных изменений.

Представление о преподавательском корпусе будет неполным без выявления его отношения к различным процессам и проблемам института высшего образования. Проведенный анализ социологических данных выявил сложную и многоцветную палитру общественного мнения по самым актуальным вопросам. Изучение этого мнения является неотъемлемым элементом социальной технологии управления инновациями в вузах, одним из важных факторов эффективности модернизации системы высшего образования.

Респондентам были заданы вопросы об их отношении к изменениям и событиям, произошедшим в высшей школе за последние 5-7 лет (табл.2).

Налицо явный перевес негативных оценок. Самое большое недовольство преподавателей вызвало введение приема в вузы по результатам ЕГЭ – индекс равен - 0,44 (индекс рассчитывался как разница между положительными и от-

рицательными оценками различной степени интенсивности и может варьировать от +1 до -1). В этом вопросе наблюдается полное единодушие преподавателей как государственных, так и негосударственных вузов. В ЕГЭ можно увидеть один положительный момент: сделана попытка создать единый измеритель знаний. Но когда на него навешивают дополнительные обязательства, немедленно возникают проблемы. Теперь ЕГЭ становится автоматическим испытанием в вуз, учителей «прессуют», если у них низкие показатели ЕГЭ. Теряется объективность. Появляются нечестные результаты. В ряде вузов проведены проверки на предмет соответствия реальных знаний первокурсников баллам, указанным в сертификатах ЕГЭ. По разным данным, от 20 до 60% студентов не смогли подтвердить высокую оценку, полученную на экзаменах¹⁰. По словам ректора Высшей школы экономики Я.Кузьмина, три четверти инженерных направлений и специальностей приняли студентов на первый курс со средним баллом ЕГЭ ниже 60–55. Это значит, что половина зачисленных на бюджетные места людей имеют тройку по физике и математике!

По мнению спикера Совета Федерации С. Миронова, руководство Минобразования сделало ошибку, введя единый госэкзамен, который с 2009 г. получил статус обязательного, и будет являться единственной формой государственной аттестации выпускников школ. Очень трудно признавать ошибки, но это нужно будет сделать обязательно. На основе единого госэкзамена невозможно проявить себя как личность. Такие предметы, как обществознание, история и литература, вообще не могут сдаваться на основе ЕГЭ. Необходимо вносить коррективы и дать возможность абитуриентам поступать либо на

основании ЕГЭ, либо на основании обычных вступительных экзаменов.

Негативную реакцию преподавательского корпуса вызывают также вхождение в Болонский процесс (-0,22) и, соответственно, переход на двухуровневую систему высшего образования (-0,18). При этом негативизм в негосударственном секторе образования выражен чуть мягче. С переходом на двухуровневую систему обучения возрастет число различных рисков, в том числе это может негативно сказаться на рынке труда, поскольку, к примеру, диплом бакалавриата пока в целом не является признанным в среде работодателей. Более того, возникает опасность дифференциации заработной платы в зависимости от вида диплома: бакалавра или магистра. Это может коснуться значительной части выпускников вузов, поскольку магистратура многим может оказаться не «по карману».

К сожалению, большинство наших вузов ничего в этой системе не видят, кроме сокращения срока обучения. Просто назвать выпускника, проучившегося четыре года вместо пяти, бакалавром – значит, исказить полностью смысл Болонской системы. Это не та подготовка специалиста, когда преподаватель и вуз знают, что необходимо студенту, чтобы он через пять лет работал успешно. Это когда преподаватель и вуз создают условия, чтобы студент сам за четыре года определился, что ему нужно, за что он будет нести свою ответственность. Такая система требует другой компетентности преподавателей, другой организации учебного процесса. Очень мало в России вузов, где студент за четыре года может «попробовать» несколько разных вариантов и, в конце концов, выйти на диплом по интересующей его теме.

В настоящее время, как нам видится, в России идет два слабо

Таблица 3

Отношение преподавателей к предлагаемым инновациям в системе высшего образования (в индексах)

	гос. вузы	негос. вузы	всего
Увеличение времени самостоятельной работы студентов, заметное сокращение числа аудиторных часов	- 0,35	- 0,42	- 0,37
Более активное введение учебных курсов по выбору	0,29	0,26	0,28
Увеличение числа письменных работ, переход к письменным зачетам и экзаменам	- 0,25	- 0,40	- 0,30
Выделение из всего массива государственных вузов национальных, федеральных университетов.	0,02	- 0,12	0,03
Увеличение доли общобразовательных и общепрофессиональных дисциплин, что должно обеспечить большую универсальность, адаптивность выпускников вузов на рынке труда	0,15	0,07	0,12
Ужесточение процедур контроля качества высшего образования со стороны государства	0,22	0,15	0,19
Расширение сферы платного образования и коммерциализации образовательных услуг.	- 0,44	- 0,11	- 0,33
Создание эффективных форм участия работодателей в управлении и финансировании системы профессионального образования, формировании содержания образования	0,30	0,49	0,36
Преобразование вузов в автономные образовательные учреждения.	- 0,18	0,14	- 0,07
Создание независимых общественных организаций, проводящих аккредитацию вузов	0,06	0,02	0,04
Организация и развитие дистанционных форм обучения	0,06	0,17	0,10
Самостоятельный выбор вузом образовательных программ реорганизации и сроков реализации Болонских соглашений.	0,14	0,20	0,16
Введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов	0,13	0,24	0,17

взаимодействующих процесса: внедрение в вузы форматов Болонского процесса - разворачивается интенсивно и интеллектуальное осмысление соответствующих социальных реалий - проводится чрезвычайно слабо.

Положительно оценили участники опроса факт возникновения рынка образовательных услуг

(+0,27, в том числе преподаватели государственных вузов +0,14, а негосударственных - +0,53). Расхождения в оценках провинциальных и столичных вузов по данным вопросам являются малозначимыми. Все это наводит на мысль о широкой оппозиции в преподавательском корпусе проводимой властями политике в области высшего

го образования.

Далее мы попросили респондентов высказаться по поводу их отношения к различным предлагаемым нововведениям в системе высшего образования. В этом случае мы получили примерный баланс положительно и отрицательно оцениваемых мероприятий.

Наибольший позитивный резонанс вызывает предложение создания эффективных форм участия работодателей в управлении и финансировании системы профессионального образования, формирования его содержания (+0,36, в т.ч. в негосударственных вузах – +0,50), активнее вводить учебные курсы по выбору (+0,28), ужесточение процедуры контроля качества высшего образования со стороны государства (+0,19), введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов (+0,17 и вдвое выше в негосударственных вузах), а также самостоятельный выбор вузом образовательных программ и сроков реализации Болонских соглашений (+0,16).

В привлечении к процедурам оценки качества образования негосударственных организаций заинтересованы и государство, и общество, и образовательные учреждения (организации), и студенты, и родители, и бизнес – одним словом, все. Подтверждение этому мы находим и в заявлениях руководителей государства. На этом фоне возникает другой вопрос: а заинтересованы ли в этом государственные органы, осуществляющие политику в области образования? Ответ не столь однозначен. По выступлениям руководителей – да, по реально проводимой практике – нет! В связи с этим можно поставить третий вопрос: а почему на оценке качества образования и аккредитации вузов слабо привлекаются негосударственные структуры? Мы под-

писали Болонскую декларацию. В соответствии с нормативными документами Болонского процесса оценку качества образования и аккредитацию вузов должны проводить негосударственные аккредитационные агентства, признаваемые государственными органами, осуществляющими политику в области образования.

Единодушное неприятие преподаватели вузов высказали по отношению к идее увеличения времени самостоятельной работы студентов при сокращении числа аудиторных часов, что вполне понятно, т.к. ведет к ощутимому снижению учебной нагрузки преподавателя (-0,37), а также к возможности перехода от традиционных лекций и семинаров к консультированию студентов (-0,34). По-видимому, определенная часть преподавателей усматривает в этом новшестве покушение на их «часы», а ломка привычных стереотипов учебных занятий не может вызвать особого восторга.

Предложение сделать все экзамены письменными не находит отклика в преподавательской среде. Эта идея возможно хороша для точных наук, но не для студентов-гуманитариев, которым надо шлифовать свои коммуникационные умения – говорить, держаться перед собеседником-экзаменатором, справляться со стрессом. Как письменный экзамен может это обеспечить?! Сегодня распространяется практика перевода итоговых испытаний по дисциплине на компьютерное тестирование. Вероятно, по определенным предметам такое нововведение может быть вполне оправданным. Вместе с тем, если это становится панацеей, преподаватели начнут натаскивать студентов на правильные ответы, увеличивая объем справочного материала для запоминания; учащиеся разовьют навыки письменной

речи, научатся работать с тестами, но слабые студенты разучатся разговаривать.

Пожалуй, один пункт, где мнения представителей государственного и негосударственного секторов образования существенно расходятся, это дальнейшее расширение сферы платного образования, что вполне понятно (-0,44 и -0,10 соответственно). Заметим, что и «негосударственники» хотя и в значительной мере менее, но тоже против такого расширения.

Что же касается таких изменений, как выделение вузов федеральных и научно-исследовательских университетов, преобразование вузов в автономные образовательные учреждения, создание независимых общественных организаций, проводящих аккредитацию вузов, то эти меры вызывают очень осторожный оптимизм преподавателей при большом числе воздержавшихся.

Таким образом, в преподавательской среде сформировалось отчужденное отношение к бюрократическим методам модернизации высшего образования, слепому копированию зарубежного опыта функционирования высшей школы.

Настороженность нельзя отнести на счет консерватизма мышления. Неосведомленность педагогов о целях, формах и методах реформирования высшей школы, о тех принципах, на основе которых определялись государственные образовательные стандарты – результат не столько инертного отношения вузовских работников к преобразованиям в сфере высшего образования, сколько свидетельство формализации процесса модернизации, неумения и нежелания органов управления высшим образованием заинтересовать преподавателей вузов, сделать их активными субъектами подлинных, глубоких реформ в вузах.

Ссылки:

1 Источник: <http://www.ecsocman.edu.ru>.

2 Государственная аккредитация учреждений высшего, среднего и дополнительного профессионального образования в 2006 г.: Аналитический отчет. – М., 2007.

3 См.: Резник С.Д. Управление кафедрой. – М., 2004.

4 Дидковская Я.В. Мотивация научной деятельности молодежи. / Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации». Т. 3. – М.: КДУ, 2007. – С. 43.

5 Новые университеты: отношение студентов воронежских университетов к социальным условиям учебы и быта / Под общей редакцией В.Т. Титова. – Воронеж, изд-во ВГУ, 2005. – С. 89.

6 Новые университеты: отношение студентов воронежских университетов к социальным условиям учебы и быта / Под общей редакцией В.Т. Титова. – Воронеж, изд-во ВГУ, 2005. – С. 105.

7. Шишлов А. Вуз закрытых дверей. <http://www.gazeta.ru/comments/2008/12/04>.

8. См.: Доклад министра образования и науки А. Фурсенко на заседании коллегии Министерства «Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2007 году и задачи на 2008 год». – <http://www.mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/4530/>

9 Акинфиева Н.В. Социальные механизмы управления устойчивым развитием российской образовательной системы. Автореферат диссер. на соиск. уч. степени д.социол.н. – Саратов, 2007. – С. 30.

10 Новые Известия, от 12 ноября 2009 г.

Особенности маркетинговых коммуникаций в сфере образования

Тимохович А.Н.

В статье описаны результаты исследования, посвященного изучению особенностей маркетинговых коммуникаций, выстраиваемых учреждениями начального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы. Произведен анализ коммуникационных стратегий, используемых учреждениями НПО и СПО с целью ориентации на рынок труда.

Ключевые слова: начальное профессиональное образование, среднее профессиональное образование, коммуникационная стратегия, рынок труда, востребованность, маркетинговые коммуникации, реклама.

Timokhovich A.N.

Features of marketing communications in education sphere

The basic results of the research devoted to studying of features of marketing communications, used by establishments of the initial and average vocational training, introducing innovative educational programs are described. The analysis of the communication strategy used by establishments of the initial and average vocational training for the purpose of orientation to labour market is made.

Keywords: Initial vocational training, average vocational training, communication strategy, labour market, demand, marketing communications, advertising.

За последнее десятилетие система среднего профессионального образования (СПО) сильно ослабла, а начального профессионального образования (НПО) практически распалась. В результате на российском рынке труда возник серьезный перекося в подготовке профессиональных кадров.

Современное состояние начального и среднего профессионального образования ведет к катастрофической нехватке квалифицированных молодых рабочих на рынке труда. По данным Министерства образования и науки РФ, на каждые 10 тыс. населения страны приходится 480 человек с высшим образованием, 176 человек со средним и только 108 с начальным специальным образованием. Выпуск специалистов с высшим образованием в ближайшие годы превысит потребность в 1,5 раза. Дефицит же специалистов со средним специальным образованием возрастет в 3 раза, а с начальным профессиональным – в 2 раза. Это приведет к тому, что уже в ближайшее время острый дефицит рабочих кадров станет тормозом развития российской экономики.

В стране работают более трех тысяч учреждений начального профессионального образования и более двух с половиной тысяч учреждений среднего профессионального образования, из них около двухсот негосударственные. Ежегодный выпуск квалифицированных рабочих составляет примерно по 700 тыс. человек в системе НПО и системе СПО. Примечательно, что от 60 до

90% вакансий региональных рынков труда (по оперативным данным Роструда) составляют именно рабочие профессии. Средний возраст российского рабочего составляет 53-54 года.

В постоянно меняющихся социально-экономических условиях в образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования возникает множество разноплановых проблем, которые учреждения самостоятельно не в силах разрешить: финансово-экономическое обеспечение, соответствие перечня профессий и специальностей требованиям рынка труда, подбор квалифицированных педагогических кадров, набор абитуриентов, трудоустройство выпускников, модернизация образовательного процесса.

Одной из основных проблем сейчас является восстановление связей образовательных учреждений НПО и СПО с предприятиями. В советский период существовала тесная связь профессионально-технических училищ и колледжей с предприятиями, но в период становления новой России, новой экономики они оказались на периферии внимания предприятий из-за сокращения уровня производства и перенасыщения рынка труда свободными специалистами.

Происходящая в России модернизация производственных мощностей изменяет требования к профессиональным компетенциям рабочих и технического персонала – возрастает роль аналитической функции, увеличивается доля труда, связанного с внедрением и обслуживанием новых технологий, использованием современных методов контроля качества продукции. Квалификация и культура мышления как работников старших поколений, так и молодых выпускников учреждений НПО и СПО, к сожалению, в большинстве случа-

ев остаются на прежнем дореформенном уровне. Это положение блокирует деятельность предприятий, тормозит и делает невозможным развитие промышленности, производства, сельского хозяйства.

Ситуация на рынке труда сейчас такова, что более половины выпускников российских образовательных учреждений НПО и СПО по разным причинам не работают после их окончания по приобретенной специальности.

Особенность воспроизводства образовательного потенциала рабочих в современной России состоит в том, что эта профессиональная группа в настоящее время в большей степени, чем другие, оказывается незаинтересованной в повышении уровня своего образования и квалификации в рамках рабочей специальности.

В советские годы наряду с ростом и стабильностью численности происходил рост уровня квалификации и образованности рабочих. В начале 1980-х гг. удельный вес квалифицированных рабочих составлял 60%. В настоящее время, по данным переписи и выборочных исследований, их количество уменьшилось почти вдвое (35%). Между тем некоторые исследователи говорят о том, что доля квалифицированных рабочих в России доходит до 5%. Необходимо формирование базового уровня подготовки рабочих, т.е. доведение до 40-50%-ной доли рабочих с этим уровнем профессионального образования.

В настоящее время большинство работодателей не удовлетворены не только уровнем квалификации выпускников училищ, но и набором их знаний и умений. Тревожным фактором считается увеличение в последние годы такого показателя, как доля выпускников учреждений начального профессионального образования, получивших разряды ниже установленного. Выходом из

подобной ситуации должно быть совершенствование качества подготовки посредством сотрудничества и партнерства предприятий и образовательных учреждений, осуществляемых не только путем договоренности о необходимых качествах работника, но и непосредственного участия обеих сторон в процессе его подготовки.

Рабочие со средним профессиональным образованием в настоящее время составляют основную базу высококвалифицированных рабочих. Вместе с тем специалисты отмечают отток работников с этим уровнем образования с рабочих должностей, особенно на менее благополучных предприятиях. Это особенно касается выпускников, которые не желают идти на рабочие должности, и в связи с этим вынуждены пополнять ряды безработных либо продолжать свое обучение.

Одним из направлений модернизации российского начального и среднего профессионального образования является повышение конкурентоспособности и востребованности выпускников. В этой связи учреждения НПО и СПО нуждаются в: объективном прогнозе потребности региона в кадрах и специалистах; восстановлении связи между учреждениями НПО и СПО и работодателями; интегрировании систем образования разных уровней (школа, НПО, СПО, ВУЗ).

К сожалению, как показывают исследования, проведенные Институтом статистических исследований и экономики знаний ГУУ – ВШЭ в 2002–2006 гг.¹, система НПО и СПО в целом в современной России не обеспечивает достаточного уровня профессиональной подготовки.

В последние годы наметился качественный сдвиг в сфере начального и среднего профессионального образования. В целом ряде учебных заведений НПО и СПО разра-

батываются и успешно внедряются инновационные образовательные программы, целью которых является увеличение соответствия между уровнем подготовки выпускников и требованиями профессиональной среды. Но одной из актуальнейших проблем, так практически и нерешенной в большинстве регионов, является недостаточное количество и качество коммуникационных связей между предприятиями-работодателями и образовательными учреждениями начального и среднего профессионального звена. От количества и качества коммуникаций между этими сторонами зависит очень многое, и в первую очередь, востребованность выпускников учреждений НПО и СПО. Ведь востребован будет, в первую очередь, тот специалист, который обладает знаниями и навыками, необходимыми в конкретной профессиональной деятельности. Образовательные учреждения, в силу ограниченности своих ресурсов, не в полной мере успевают даже отследить эти изменения, не говоря уже о том, чтобы гибко перестроить образовательный процесс под эти изменения.

Для того чтобы оценить степень востребованности выпускников НПО и СПО, а также выявить факторы, влияющие на эту степень, было проведено социологическое исследование. Использовались следующие методы:

1. традиционный (содержательный) анализ, контент и интент-анализ открытых информационных источников о подготовке рабочих кадров;

2. анализ нормативных документов Министерства образования и науки РФ для составления списка образовательных учреждений НПО и СПО, подлежащих изучению;

3. информационно-целевой анализ документов учреждений НПО и СПО;

4. анкетный опрос руководителей учреждений НПО и СПО, внедряющих инновационные образовательные программы (были опрошены руководители учебных заведений начального и среднего профессионального образования, принимавшие участие в съезде победителей конкурса национального проекта «Образование-2007»);

5. полуструктурированные глубинные интервью сотрудников профильных предприятий, проводящих итоговую и промежуточную аттестацию работников (география проведения интервью: Москва и Московская область; Санкт-Петербург; Рязань; Воронеж; Псков; Сургут; Каменск-Уральск; Верхняя Салда; Старая Кулатка; Саранск; Томск; Улан-Удэ; Волгоград; Краснодарский край; Таганрог; Казань);

6. глубинные интервью с экспертами, относящимися к следующим категориям: «Работодатель», «Молодой специалист», «Рекрутер». «Работодатель» - представитель руководства или кадровой службы предприятия; «Молодой специалист» - выпускник изучаемого учреждения НПО и СПО, т.к. он в процессе работы на профильном предприятии мог убедиться в недостаточности навыков, знаний, умений для конкретной рабочей деятельности. «Рекрутер» выступает посредником между «Работодателем» и «Молодым специалистом», находится в курсе требований, предъявляемых «Работодателем» к «Молодым специалистам», а также знает об уровне подготовленности «Молодых специалистов».

Оценивая спрос рынка труда на специальности и программы подготовки рабочих кадров в изучаемых образовательных учреждениях, руководители учреждений НПО и СПО отмечают, что самый высокий спрос на рынке труда имеют профессии, напрямую вос-

требуемые в промышленности: электрогазосварщики, токари, сварщики, слесари, электромонтеры, слесари-сборщики, фрезеровщики, монтажники, технологи машиностроительной отрасли. Самый низкий спрос рынка труда имеют специалисты в области экономики и управления: бухгалтер, маркетолог, экономист, специалист в области государственного и муниципального управления.

Соответственно, наилучшие условия трудоустройства у выпускников, получивших специальности и профессии промышленного сектора: станочников, сварщиков, электрогазосварщиков, монтажников, литейщиков, металлургов, машиностроителей; и строительного сектора: строительство и эксплуатация зданий и сооружений, монтажник санитарно-технических систем и оборудования, электрик, мастер столярно-плиточных и паркетных работ.

Наихудшие условия трудоустройства имеют выпускники, получившие специальности в области экономики и управления: государственное и муниципальное управление, бухгалтер, экономист, маркетолог, менеджер; в области строительства: маляр, мастер столярно-плиточных и паркетных работ, выпускники по специальности «строительные материалы», «строительство и эксплуатация зданий и сооружений»: оператор ЭВМ, АСУ. Некоторые специальности («строительство и эксплуатация зданий и сооружений», «мастер столярно-плиточных и паркетных работ») оказались одновременно и наилучшими, и наихудшими по условиям трудоустройства. На наш взгляд, это объясняется особенностями развития промышленности в различных регионах, а также возможностью образовательного учреждения взаимодействовать с потенциальными работо-

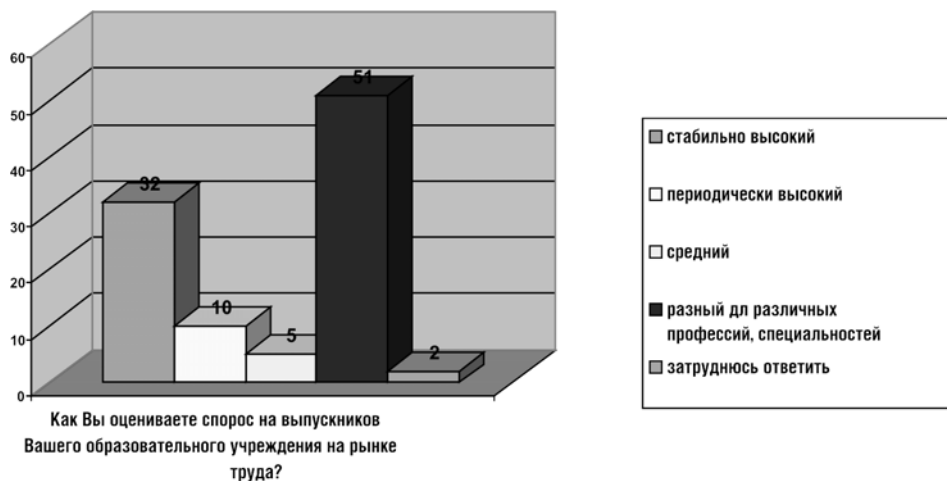

Рис. 1. Оценка спроса на выпускников учреждений НПО и СПО на рынке труда.

дателями.

Оценивая спрос на выпускников, руководители изучаемых учебных заведений предоставили следующую картину: только треть респондентов оценивают спрос на выпускников своих учреждений как «стабильно высокий», половина опрошенных – как разный для различных профессий и специальностей (рис.1).

Данную тенденцию можно объяснить тем, что большинство изучаемых образовательных учреждений предлагают широкий спектр различных специальностей и профессий, иногда совершенно разноплановых. Сложно дать однозначный ответ, насколько выигрышна стратегия «охватить необъятное» и предложить в рамках одного учебного заведения и экономические, и промышленные, и строительные специальности, либо стоит идти по пути «точной» подготовки под конкретные предприятия или даже подразделения этих предприятий. Обе стратегии имеют как преимущества, так и недостатки: с одной стороны, «точная» подготовка более выигрышна в плане трудоустройства и в плане профессионализма за счет подготовки к конкретной

рабочей среде. С другой стороны, появляется слишком явная зависимость от одного работодателя, что обедняет возможности маневра образовательных учреждений.

Проанализируем роль образовательных учреждений в формировании спроса на выпускников. Среди тех, кто считает спрос на рынке труда на своих выпускников стабильно высоким, 50% гарантируют распределение своим выпускникам, 44% приглашают представителей компаний-работодателей на обсуждение учебных планов, программ и курсов, а 41% респондентов отмечают, что сотрудники потенциальных работодателей ведут в учебных заведениях регулярные учебные занятия и спецкурсы.

Отрадно отметить, что абсолютно во всех исследуемых образовательных учреждениях ведется работа по ориентации на рынок труда. Это организация практики и стажировок учащихся на предприятиях и в организациях, на которые в будущем есть возможность трудоустройства (98% респондентов); заключение договоров о трудоустройстве с предприятиями и организациями (76%); привлечение представителей компаний к оценке работ

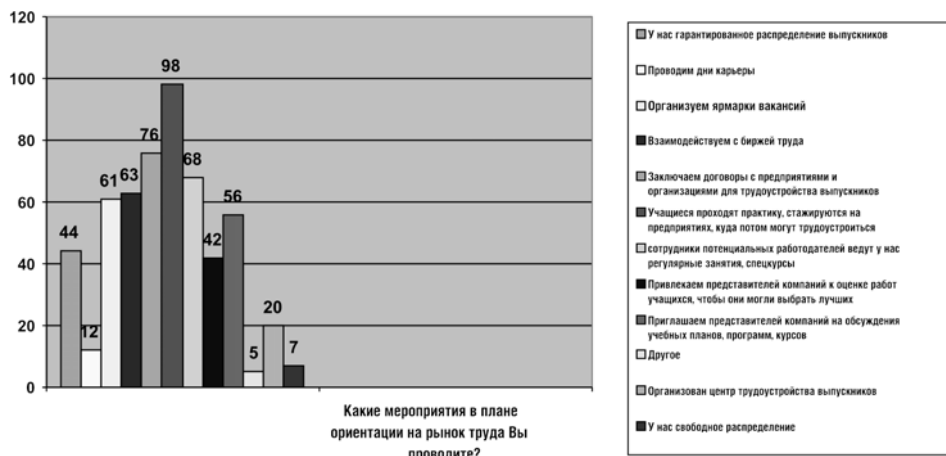

Рис. 2. Мероприятия с целью ориентации на рынок труда

учащихся (68%); взаимодействие с биржей труда (63%); организация ярмарок вакансий (61%); приглашение представителей компаний на обсуждение учебных планов, программ и курсов (56%); приглашение сотрудников потенциальных работодателей вести в образовательных учреждениях регулярные учебные занятия и спецкурсы (42%); организация центра трудоустройства выпускников (20%); проведение дней карьеры (12%) (рис. 2).

Анализ спроса на выпускников учреждений НПО и СПО на рынке труда соответствует планируемым структурным изменениям в образовательной деятельности изучаемых учреждений, что позволяет надеяться: образование «идет в ногу со временем» и готово меняться и совершенствоваться в направлении текущих запросов экономики и производства.

В большинстве образовательных учреждений руководство помогает своим выпускникам найти работу заранее. Однако трудоустроиться удается не всем. Представители образовательных учреждений называют число трудоустроившихся с их помощью от 5% до 96%.

Среди факторов, в большей сте-

пени помогающих выпускникам быть востребованными на рынке труда являются: постоянное взаимодействие с будущими работодателями, хорошая профессиональная подготовка выпускников, имидж учебного заведения, повышенный спрос на представителей профессий, специальностей, готовящихся в данном учебном заведении, навыки работы, дисциплины, умение работать в коллективе, стратегические мероприятия, проводимые учебным заведением (дни карьеры, ярмарки вакансий и т.п.) (рис. 3).

Респонденты-представители образовательных учреждений выделили несколько факторов, оказывающих влияние на процесс трудоустройства выпускников. Основным фактором респонденты назвали постоянное взаимодействие с будущими работодателями.

Большинство изучаемых образовательных учреждений (83%) заключает договора с предприятиями и организациями для трудоустройства выпускников. В перечне данных предприятий находятся такие крупные и известные в масштабах России предприятия как: Новолипецкий металлургический комбинат (сотрудничающий

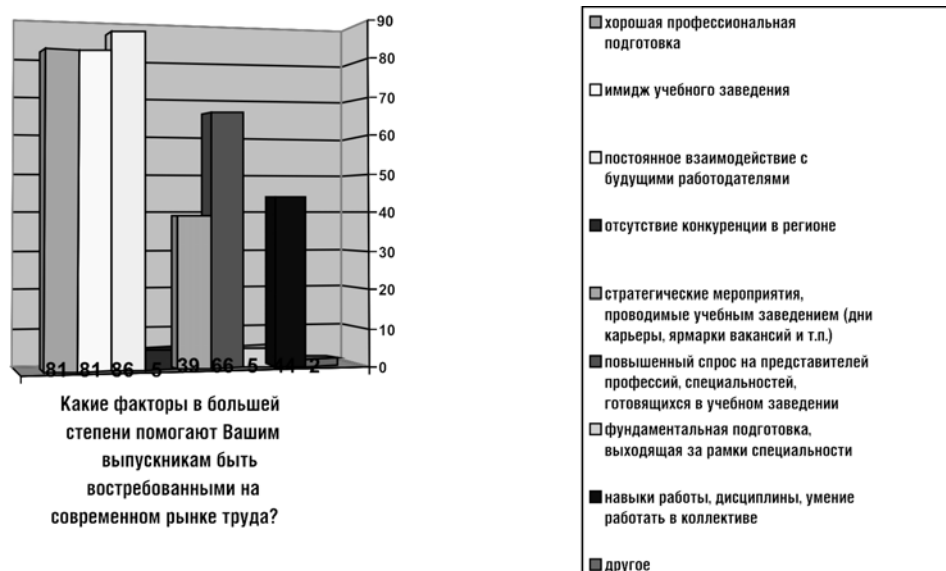

Рис. 3. Факторы, влияющие на востребованность выпускников на рынке труда

с профессиональным училищем №10 г.Липецка), Магнитогорский металлургический комбинат (профессиональное училище №97 г.Магнитогорска), Пермский завод машиностроитель (Пермский политехнический колледж), Уральский алюминиевый завод, Каменск-Уральский металлургический завод, Каменск-Уральский завод обработки цветных металлов (Каменск-Уральский политехнический колледж), Савеловский машиностроительный завод, Кимрский машиностроительный завод (Савеловский промышленно-экономический колледж, Тверская область) и другие.

Как показало исследование, заключение договоров с предприятиями и организациями для трудоустройства выпускников является приоритетным направлением в деятельности образовательных учреждений НПО и СПО. Договоры о трудоустройстве выпускников заключаются в большинстве изучаемых учреждениях НПО и СПО. Большее количество договоров зак-

лючается с крупными градообразующими предприятиями регионов.

Не все образовательные учреждения добились заключения договоров с предприятиями о трудоустройстве выпускников, но абсолютно все респонденты отмечали, что в их учреждении организована работа с будущими предприятиями-работодателями. 93% респондентов указали, что их учащиеся проходят производственную практику на базе потенциальных работодателей, 71% респондентов отметил, что предприятия-работодатели организуют стажировки мастеров и преподавателей образовательных учреждений, 68% респондентов отметили, что предприятия предоставляют оборудование и материалы для развития практических производственных навыков учащихся, 34% респондентов сказали, что происходит совместное использование оборудования, а также работодатель выплачивает учащимся стипендии. Кстати, 66% респондентов отмечают, что работа организована по-разному для разных спе-

циальностей.

На сегодняшний день самой популярной формой взаимодействия предприятия-работодателя и образовательного учреждения является организация производственной практики на базе предприятия-работодателя, однако и другие формы взаимодействия постепенно набирают силу. Все изучаемые образовательные учреждения так или иначе сотрудничают с выпускниками предыдущих лет: приглашают выпускников на традиционные встречи, привлекают выпускников на преподавательскую работу, к участию в семинарах и конференциях, проводимых на базе образовательных учреждений, бывшие выпускники помогают в трудоустройстве вновь вступающим студентам, также осуществляют спонсорскую помощь.

Можно констатировать, что для изучаемых образовательных учреждений выпускники прошлых лет являются достаточно важным звеном в развитии отношений «образовательное учреждение – рынок труда». Именно выпускники прошлых лет позволяют сторонам глубже понять проблемы в развитии подобных отношений, могут подсказать взаимовыгодные варианты их решения. Выпускники прошлых лет знают изнутри все достоинства и недостатки процесса обучения в конкретном образовательном заведении, часто они бывают сами заинтересованы в квалифицированных рабочих кадрах, то есть выступают потенциальными и реальными работодателями.

Образовательные учреждения активно сотрудничают с социальными партнерами: представители социальных партнеров входят в итоговые аттестационные комиссии и принимают участие в организации производственной практики учащихся; привлекаются к разработке и корректировке учебных планов; способ-

ствуют обновлению учебно-материальной базы учреждений начального и среднего профессионального образования; способствуют внедрению новых педагогических информационных технологий.

Институт социального партнерства является достаточно новым для системы образования нашей страны, но результаты исследования показали, что изучаемые учреждения НПО и СПО успешно и разнопланово сотрудничают с социальными партнерами.

Подавляющее большинство образовательных учреждений НПО и СПО отмечают, что конкретно их учреждение испытывает конкуренцию на рынке образовательных услуг региона. Конкуренция выражена в разной степени, но поскольку она повсеместно присутствует, то директора и другие представители администрации училищ, колледжей, техникумов ведут постоянную работу по привлечению новых учащихся.

Образовательные учреждения проводят разного рода рекламные мероприятия с целью привлечения большего числа абитуриентов: ведут профориентационную работу с выпускниками школ и их родителями; используют коммерческую рекламу в газетах, по радио и т.п., регулярно проводят дни открытых дверей; участвуют в выставках и ярмарках образовательных услуг; помещают объявления в специализированных изданиях, используют рекламные плакаты и щиты; расклеивают небольшие рекламные объявления; проводят различные олимпиады и конкурсы; размещают рекламу и подробную ознакомительную информацию на собственном сайте в Интернете; проводят рекламную концертно-фестивальную деятельность. Никто из респондентов не ответил, что их образовательное учреждение хорошо известно и в

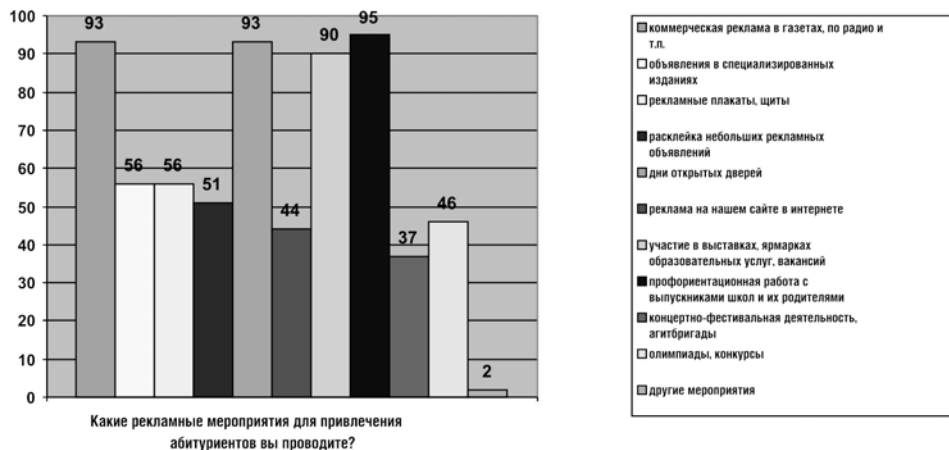

Рис. 4. Рекламные мероприятия для привлечения абитуриентов

рекламе не нуждается.

Ситуация на региональном рынке труда по привлечению молодых работников стоит крайне остро. Даже те предприятия и организации, которые напрямую сотрудничают с образовательными учреждениями НПО и СПО отмечают, что испытывают дефицит рабочих кадров. Работодатели называют следующие причины дефицита рабочих кадров: разрушение прежних связей со школами и учреждениями начального и среднего профессионального образования; наличие большого спектра вакансий для молодежи на рынке труда с более высоким уровнем оплаты труда, чем в промышленном секторе; территориальная удаленность предприятий от мест проживания молодежи; непрестижность рабочих профессий.

Бизнес достаточно высоко оценивает профессиональные навыки выпускников образовательных учреждений НПО и СПО, внедряющих инновационные программы (73% респондентов-представителей работодателей оценивают профессиональные навыки выпускников на «4-5», выше всего работодатели ценят умение выпускников работать

в коллективе, дисциплинированность, умение выпускников применять на практике знания и навыки, полученные во время учебы).

Работодатели отмечают, что налаженная система взаимоотношений с образовательными учреждениями даст возможность бизнесу использовать долгосрочное кадровое планирование.

Респонденты-работодатели выделяют следующие критерии выбора постоянных партнеров среди учреждений НПО и СПО: соответствие профиля подготовки выпускников запросам и потребностям предприятия, качество подготовки молодых специалистов, готовность и способность учебного заведения мобильно перестраиваться и учитывать запросы и пожелания предприятия, территориальная близость, так как это удобно в плане прохождения студентами практики и местожительства будущих работников.

Несмотря на то, что все изученные образовательные учреждения постоянно взаимодействуют с организациями-работодателями, в большинстве своем это взаимодействие носит утилитарный характер (организация практики, про-

ведение регулярных учебных занятий и спецкурсов представителей работодателей). С одной стороны, это очень важная и нужная форма взаимодействия бизнеса и образования. Однако если бы это взаимодействие стало более системным (вышло на уровень отрасли или топ-менеджмент предприятий был бы заинтересован в постоянном сотрудничестве со всеми учреждениями НПО и СПО, готовящими профильные кадры), то это позволило бы снизить остроту вышеперечисленных проблемных точек (профориентация и повышение имиджа рабочих профессий). Кроме того, ряд респондентов отмечает, что студентам целесообразно проходить практику на тех предприятиях, где они будут работать после окончания обучения; и учебные заведения и предприятия и центры занятости должны работать в этом направлении, чтобы данный подход стал реальностью и нормой. В значительной степени небольшой масштаб сотрудничества работодателей и системы профессионального образования обусловлен тем, что каждый из субъектов образовательного процесса в минимальной степени взаимодействует друг с другом. Различные формы сотрудничества профессионального образования с работодателями реализуются локально и в ограниченных масштабах.

Можно констатировать, что взаимодействие работодателей с профессиональным образованием носит несистемный характер, поскольку чаще всего напрямую зависит от характера личных (неформальных) взаимоотношений руководителей предприятий и образовательного учреждения. Кроме того, взаимодействие осложнено внутренними проблемами каждой из сторон (недостаточность финансирования образовательных учрежде-

ний, дефекты кадровой политики на предприятиях работодателей, например, большая текучка, обусловленная низким уровнем мотивации, профориентационной работы, неразвитостью системы удержания работников на предприятии). Очевидно, что такая ситуация не отвечает задачам долговременного сотрудничества работодателей и образовательных учреждений и ведет к обособлению сторон, замыканию их на собственных проблемах, ограниченным контактам по решению частных проблем в деле подготовки рабочих кадров.

Респонденты-работодатели отмечали, что на предприятиях недостаточно хорошо развита система привлечения и удержания «молодого рабочего». Процент трудоустроившихся выпускников по специальности сразу после окончания учебного заведения достаточно высок (от 40 до 100%), но через год-два после начала трудовой деятельности их остается меньше половины. Одним из мотивов смены работы является низкая заработная плата и отсутствие перспективы ее повышения (работодатели готовы платить высокую заработную плату высококвалифицированным специалистам узкого профиля с опытом работы, вчерашние выпускники учреждений НПО и СПО не соответствуют этим требованиям. Вкладываться на перспективу бизнес пока не готов).

Проведенные глубинные интервью с сотрудниками региональных центров трудоустройства и бирж труда показали, что территориальные центры занятости достаточно активно взаимодействуют с предприятиями города и округа, заинтересованно относятся к трудоустройству выпускников учреждений начального и среднего образования.

Специалисты по трудоустройству обозначили ряд проблем, с

которыми сталкиваются выпускники учреждений НПО и СПО. В первых, в качестве основной проблемы была названа проблема недостаточного уровня квалификации выпускников. Работодатели готовы платить высокую зарплату, но профессионалу высокого уровня, часто – узкой, уникальной специализации, а выпускники учреждений начального и среднего уровня – это чаще всего «специалисты широкого профиля», которых нужно доучивать либо переучивать.

Еще одна проблема подготовки молодых специалистов – попытка совместить две профессии, в результате чего молодой специалист оказывается «между двух стульев», не владея ни одной из профессий.

Иногда местные училища и техникумы готовят не по всем востребованным рабочим специальностям, а уезжать учиться в другой город далеко не для всех возможно по ряду причин, в том числе финансовых.

Общая проблема в подборе кадров – психологическая неготовность работать по специальности, отсутствие соответствующей мотивации и личностная незрелость выпускников учебных заведений, а также низкий уровень развития коммуникативных навыков и навыков самопрезентации выпускников учреждений НПО и СПО – они не могут себя показать в выгодном свете, не умеют пройти собеседование, продемонстрировать свои знания, сформулировать свои мысли. Соответственно, впечатление у работодателя от беседы с таким выпускником остается негативное.

В качестве одной из проблем подбора рабочих кадров подчеркивается несоответствие между низким уровнем заработной платы и высокими требованиями работодателя.

Между предприятиями и цент-

рами занятости существуют достаточно тесные связи, организации обращаются за помощью в подборе кадров к посредникам. Как отмечают эксперты-рекрутеры, подобные запросы происходят не на первом, а на втором этапе поиска необходимых специалистов: в начале предприятия пытаются самостоятельно найти нужных работников, размещая объявления в газетах и в Интернет.

Следует отметить, что работодатели не готовы брать на работу специалистов без опыта. В начале подбора сотрудников работодатели ориентируются на идеальный вариант: возраст 25-35 лет, опыт работы от 5 лет и т.д. Но постепенно, по мере ненахождения нужных специалистов, работодатели приходят к тому, что расширяют возрастные границы, снижают уровень требования к квалификации, опыту работы, готовы брать выпускников училищ и колледжей с тем, чтобы доучить их и подготовить для себя специалистов нужного уровня. На этом этапе посредничество центров занятости весьма востребовано: они призваны подобрать толковых и мотивированных ребят, готовых и способных расти в своей профессии.

Несколько иначе обстоит дело с контактами и сотрудничеством с учебными заведениями. Часто эксперты-рекрутеры высказывали неудовлетворенность уровнем взаимодействия с образовательными учреждениями, так как пока не удается выстроить долгосрочные отношения с учреждениями НПО и СПО. Руководство образовательных учреждений редко проявляет интерес к мероприятиям по трудоустройству, которые предлагает совместно, с участием студентов и учащихся, провести центр занятости.

Анализ полученных данных показывает, что и работодатели, и

образовательные учреждения предпочитают общаться напрямую, в обход центров занятости. Работодатели приходят в учебные заведения, преподаватели училищ интересуются судьбой своих учеников, выясняют, какие возникают проблемы на новом месте работы, каких знаний и умений не достаточно в подготовке их выпускников.

Среди целевой аудитории (школьники, родители) рекламируется образовательное учреждение, а не профессия. Как следствие, поступают «не те» и не за получением профессии, а за получением образования. Во многих учреждениях НПО и СПО уже несколько лет нет набора на некоторые рабочие специальности, востребованные в регионе (т.е. не приходят абитуриенты вообще на некоторые рабочие специальности). Респонденты-рекрутеры отмечали, что образовательные учреждения заинтересованы набрать как можно больше учащихся, поскольку от их количества зависит объем финансирования учебного заведения. Поэтому представители учреждений НПО и СПО идут в близлежащие школы, рассказывают о преимуществах обучения, а не о профессиях, и в короткие сроки формируют очередной курс, не проводя никакого отбора при приеме. То есть образовательные учреждения НПО и СПО заинтересованы в первую очередь в наборе обучающихся, а не в профотборе и профориентации. Респонденты отмечают, что «до перестройки профориентация проводилась не за 2 часа, в ходе посещения ярмарки учебных мест, а в течение года, когда раз в неделю дети встречались с представителями той или иной профессии, и у них было время для обдумывания и принятия решения. Раньше система профориентации выполняла функции профинформирования

и профотбора. Значительную роль в этом процессе играли учебно-производственные комплексы».

Традиционно низок имидж рабочих профессий. Об этом говорят все респонденты: и представители образовательных учреждений, и работодатели, и рекрутеры. Низкая заработная плата, как отмечают респонденты, также не способствует повышению престижа рабочих профессий. Необходим четкий инструментарий воздействия на целевую аудиторию (например, социальная реклама, цикл радио и телепередач об успешных карьерах рабочих, фильмы-сериалы, знакомящие аудиторию с рабочими профессиями).

Вчерашние выпускники учреждений НПО и СПО, сегодняшние молодые специалисты, успешно трудоустроившиеся на предприятия, выделили следующие критерии выбора места работы: работа по полученной специальности, квалификации, уровень заработной платы, рекомендации родных и друзей, возможность получить работу молодым специалистам, не имеющим профессионального опыта, возможные перспективы профессионального и служебного роста, подходящие условия работы (удобный график работы, хороший коллектив, гигиенические условия и т.д.), перспективы развития производства, близость к месту жительства.

Участники исследования подтвердили, что на тех предприятиях, где они работают, для молодых специалистов предусмотрена помощь наставника. Анализ интервью показывает, что в большинстве случаев наставник не играет ключевой роли в адаптации молодого специалиста. Респонденты не всегда могли подробно рассказать об обязанностях наставника по отношению к ним, характеризовали роль наставника общими фразами,

отмечали, что помощь наставника во многом зависит от его личностных черт, расположения к недавнему выпускнику, а не от четко регламентированных функциональных обязанностей.

Участники исследования выбрали профессию сообразно своим склонностям и интересам. При выборе профессии респонденты прислушивались к рекомендациям родителей, советам друзей, учителей.

В настоящее время большинство респондентов-молодых специалистов удовлетворены выбранной профессией, связывают свое ближайшее будущее именно с данной профессией, считают свою профессию перспективной и востребованной.

Следует отметить, что обсуждение вопросов, связанных с профессиональной реализацией сокурсников респондентов, показало, что в профессии остаются именно те ребята, кому специальность нравится, - остаются именно благодаря своему интересу к выбранному делу. Однако 50-70% выпускников изучаемых образовательных учреждений НПО и СПО уходят из профессии: кто-то понял, что неправильно выбрал профессию, кто-то уходит в поисках более высокой зарплаты, кто-то пытается открыть собственное дело. По мнению молодых специалистов, важными факторами удержания на предприятии являются возможность решения жилищной проблемы и наличие социального пакета.

Вместе с тем, участники исследования считают, что некоторые из их сокурсников вернутся в профессию, так как отечественное производство восстанавливается, развивается, и на предприятиях можно будет иметь значительный и стабильный заработок.

Респонденты называли следующие критерии выбора образовательного учреждения НПО и СПО: на-

личие интересующих профессий, хорошее качество профессиональной подготовки, престижность учебного заведения, рекомендации родителей и друзей, удобное территориальное расположение.

Большинство участников исследования рассматривали альтернативные варианты образовательных учреждений. На окончательный выбор повлияло наличие программ обучения по выбранной специальности, очное предварительное знакомство с училищем\колледжем, положительное впечатление от этого знакомства, рекомендации друзей и родителей, их отзывы об уровне преподавания и качестве подготовки учащихся. Выпускники в целом довольны обучением в изучаемых образовательных учреждениях НПО и СПО, отношением с преподавателями, организацией учебного процесса.

Выпускники отмечают недостаточность своих практических знаний и навыков, устаревшее оборудование в учебных заведениях, недостаточное количество часов, выделенных для спецкурсов и практики: «Практики не доставало. Начали всему теоретически, а здесь, на работе, сам пощупал», «Училищу нужно больше выдавать часов по вождению на разных тракторах, практических занятий не хватает», «Наверное, мало информатики было, компьютерной графики вообще не было... Спецпредметам очень мало времени уделяется, буквально полгода на предмет, и не раскрывается обширно, сжато материал дают. А по металлу у нас вообще очень мало было, один предмет, по моему...», «Оборудование шестидесятих годов, вот с этим проблема. На производстве более новое оборудование».

Все респонденты подтвердили, что у них сохранились хорошие отношения с преподавателями, которые с готовностью откликают-

ся на просьбы о помощи, рекомендуют продолжать обучение, интересуются дальнейшей судьбой своих учеников.

Исследование, направленное на изучение востребованности работодателями рабочих специальностей, готовящихся в учреждениях НПО и СПО, внедряющих инновационные образовательные программы, позволило оценить результаты действия модели взаимодействия бизнеса и образования.

Готовность бизнеса инвестировать средства в востребованные специальности заставляет образовательные учреждения постоянно совершенствовать образовательный процесс (образовательные учреждения НПО и СПО активно разрабатывают и внедряют инновационные образовательные программы, направленные на лучшую интеграцию выпускников в современный рынок труда: проводятся качественные и количественные реформы в рамках образовательных учреждений: сокращают или расширяют прием абитуриентов, раскрывают образовательные программы, не пользующиеся спросом в их регионах, вводят новые, более актуальные, образовательные программы).

Среди основных форм коммуникаций можно перечислить следующие: заключение долгосрочных договоров с предприятиями, сотрудничество с социальными партнерами (привлечение социальных партнеров к организации производственной практики учащихся, включение в работу итоговых аттестационных комиссий, привлечение к разработке и корректировке учебных планов, обновление с их помощью учебно-материальной базы), рекламные мероприятия (дни открытых дверей, дни карьеры, реклама в СМИ, агитационная работа в школах), привлечение бывших выпускников к препо-

давательской деятельности.

Основной проблемой, следствием которой являются непрестижность рабочих профессий, отсутствие конкурса на определенные программы обучения в учреждениях НПО и СПО, дефицит кадров, утечка кадров является отсутствие системы эффективного взаимодействия между школой, образовательными учреждениями НПО и СПО и работодателями. В настоящее время эффективной интеграции школьного, начального и среднего профессионального образования с работодателями в деле подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего производственного звена в масштабах всей страны пока не существует. Удачные примеры такого сотрудничества единичны. Респонденты-представители образовательных учреждений одной из насущных проблем называли ориентацию школьной системы образования на продолжение обучения в ВУЗах. В школах практически отсутствует информация о других формах послешкольного образования. Каждая образовательная ступень (школа, НПО, СПО, ВУЗ) практически повсеместно действует как отдельная система, ориентированная не на подготовку будущего квалифицированного работника, а на выполнение образовательных функций. Инвестиции бизнеса в образование (как материальные, так и интеллектуальные) позволили бы выстроить систему эффективного коммуникации: «школа – учреждения НПО и СПО – работодатель».

Ссылка:

1 Бондаренко Н.В., Красильникова М.Д., Харламов К.А. «Мониторинг экономики образования». Информационный бюллетень. М., ГУ-ВШЭ, 2006.

ДЕТСТВО

Влияние мультфильмов на социализацию детей

Ткач В.П.

В статье рассматривается проблема воздействия мультипликационных фильмов на процесс социализации детей, формирование их социальных установок и ценностей. Анализируются трудности, встающие перед специалистами в ходе осуществления экспертизы ценностного содержания анимационной продукции. В качестве методики для реализации подобной экспертизы предлагается цветовой тест отношений. На основе данных эмпирического исследования анализируются познавательные возможности цветового теста отношений в рамках выполнения данной задачи.

Ключевые слова: социализация, социальные установки, социальные ценности, мультипликационные фильмы, экспертиза ценностного содержания, цветовой тест отношений, познавательные возможности.

Tkach V.P.

Influence of cartoons on the socialization of the children

The article addresses the problem of the impact of cartoons on the process of socialization of children, the formation of their attitudes and values. Analyzes the difficulties faced by professionals in the implementation of the examination of values content of animation production. As a methodology for the implementation of such examination requested color test relations. On the basis of empirical research examines the cognitive possibilities of color test of relations within the framework of the implementation of this task.

Keywords: socialization, social attitudes, social values, cartoons, examination of values of content, color test of relations, cognitive capabilities.

Сотни лет функцию основного агента социализации детей выполнял институт семьи. Именно семья формировала образцы поведения, нормы, ценности, установки индивида. По мере развития общества к наиболее влиятельным агентам первичной социализации добавились различные образовательные учреждения. В XX столетии одним из важнейших факторов становления личности ребенка стали еще и средства массовой информации, особенно телевидение. То, что дети любят смотреть телевизор, ни у кого не вызывает сомнения. Ежедневно смотрят телевизор 65% детей, причем в среднем они проводят перед телевизором почти четыре часа в сутки¹. Неудивительно, что современный ребенок в значительной мере усваивает модели поведения и социальные нормы из телепередач, сериалов и мультфильмов. Однако если семья и школа в целом придерживаются единой системы ценностей, которая базируется на таких качествах, как любовь к людям, уважение, честность, ответственность, трудолюбие и т.д., то телевидение зачастую транслиру-

ет противоположные модели поведения. При этом, по мнению специалистов [1; 2], детям гораздо сложнее, чем взрослым защитить себя от влияния телевидения: игнорировать поступающую информацию, критично к ней относиться, отказаться от просмотра телепрограмм сомнительного содержания.

Проблема воздействия телевидения на становление личности активно разрабатывается зарубежными исследователями, особенно в США. В центре внимания западных ученых находится вопрос влияния на маленьких зрителей сцен, демонстрирующих насилие. Начало научного изучения этой проблемы принято связывать с именем американского исследователя У. Шорта, результатом многолетней работы которого стал ряд аргументов, доказывающих отрицательный эффект, оказываемый сценами насилия в кино на поведение и ценностные ориентации детей и подростков [3]. В 1930-е годы разработкой этой гипотезы занимались сторонники концепций массового общества и бихевиоризма. В тот же период социологи Г. Блумер и П. Хаузер доказали, что демонстрация агрессивного поведения на киноэкране особенно сильно воздействует на детскую психику в ситуации ослабленного влияния институтов первичной социализации – семьи, школы, религиозных учреждений [4]. Первые эмпирические исследования, доказавшие экспериментально влияние образцов агрессии кино- и телегероев на формирование установок к насилию у детей дошкольного и младшего школьного возраста, провел в 1960-х годах А. Бандура [5]. В дальнейшем его работа «Принципы модификации поведения» получила широкую известность и была признана как

«классика цитирования», завоевав множество последователей. Около 90% исследований, посвященных этой теме, пришлось на 1970-е годы. В 1972 г. Дж. Макинтайер, Дж. Тивэн и Т. Хартнейгель провели три крупных исследования учащихся старших классов, выявив тесную корреляцию между участием школьников в крупном хулиганстве и их телепредпочтениями [6]. Этот вывод нашел подтверждение в работах Дж. Робинсона и Д. Бакмэна, изучивших 1,5 тысячи выпускников школ [7]. Несколькими годами позже подобное исследование было проведено на учениках младших классов У. Торнтоном и Л. Войтом [8]. Доказательства деструктивного воздействия примеров экранного насилия получены в ходе ряда лонгитюдных и ретроспективных исследований [9;10;11]. Серьезные исследования по данной тематике проводили такие ученые, как Х. Айзенк, У. Бенсон, Э. Дейл, С. Ливингстон, Э. Парк, Р. Смит, М. Томас и другие. В 1980 г. представители Научно-консультативного комитета по изучению телевидения и социального поведения при Министерстве здравоохранения США, обобщив данные 2,5 тысяч исследований, повторили вывод своих предшественников о возможности негативного влияния телевидения на формирование системы ценностей и социальных установок детей.

В России этот вопрос изучен пока в меньшей степени. Хотя в последние десятилетия ведется активная исследовательская деятельность. Различные аспекты данной проблемы затрагиваются в работах А.В. Радищевой, В.Г. Собкина, К.А. Тарасова, А.В. Федорова, В.П. Чудиновой, А.В. Шарикова и др. Большинство исследователей сходятся на мысли о необходимости усиления механизмов

социального контроля для защиты детей от возможности деструктивного воздействия телевизионного контента.

Среди всех телевизионных жанров самым популярным у детей, безусловно, остаются мультипликационные фильмы. По данным исследования «Телевидение глазами телезрителей – 2008»², более трети детей смотрят мультфильмы ежедневно, остальные – почти каждый день³. Как следствие, среди всего наполнения телевизионного эфира именно мультфильмы оказывают наиболее существенное воздействие на процесс становления личности ребенка.

Специалисты выделяют несколько принципов действия механизма формирования у детей социальных установок и ценностей под воздействием мультипликационных фильмов. *Информирование* – повышение осведомленности детей об окружающем мире, формирование первичных представлений о добре и зле, эталонах хорошего и плохого поведения. *Идентификация* – усвоение ребенком социальных установок и ценностей через сопоставление себя с персонажами мультфильмов. *Имитация* – копирование поведения, подражание героям мультипликационных фильмов. *Сюжеты мультфильмов* – стандартные ситуации, с которыми сталкиваются дети в повседневной жизни, в процессе общения с другими членами общества. Они содержат социальные нормы, правила, гендерные роли, ценности и модели поведения. Затем сюжеты не раз обыгрываются детьми, закрепляя образ действия в тех или иных ситуациях.

Как и любая другая телепродукция, мультипликационные фильмы могут оказывать на процесс социализации как позитив-

ное, так и негативное влияние. Еще 20 лет назад проблемы деструктивного влияния мультфильмов на ребенка в России не существовало. Производство советских мультфильмов было частью идеологической системы воспитания. В настоящее время телеэфир заполнился популярными коммерческими мультсериалами российского и зарубежного производства, о содержании которых в обществе идут активные дискуссии. По мнению специалистов, многие транслируемые сегодня мультфильмы могут иметь опасные для детей и общества последствия.

В последнее время особенно часто звучат обвинения в отношении целого ряда мультипликационных фильмов и сериалов в пропаганде откровенно антисоциального поведения, неуважения, цинизма, жестокости по отношению к людям, дискредитации статуса взрослых, побуждению к совершению противоправных действий и т.д. Во многих мультфильмах такой стиль поведения демонстрируют положительные персонажи. Дети, идентифицируя себя с этими героями, подражая им, постепенно усваивают агрессивные модели поведения, принимая их как норму. В результате регулярного столкновения с тем, что девиантное поведение на телеэкране не наказывается и даже не порицается, у ребенка происходит формирование и легитимация деструктивных социальных установок и ценностей.

Таким образом, необходимость социального контроля ценностного содержания мультипликационных фильмов в настоящее время особенно актуальна. Выполнение этой задачи тесно связано с проблемой разработки критериев и механизмов проведения экспертизы телепродукции, предназначен-

ной для детей, ее ценностного содержания и эффекта, оказываемого на систему социальных установок ребенка.

Проведение подобной экспертизы затрудняется, с одной стороны, сложностью самих понятий «социальные установки» и «социальные ценности». Эти категории являются ключевыми в социологии и социальной психологии. Их разработкой занимались как западные, так и российские ученые [12; 13; 14; 15; 16]. Непреходящий интерес к ним объясняется исключительной важностью их для понимания всей социальной жизни и поведения человека. Под термином «социальная установка» принято понимать ценностное отношение к социальному объекту, психологически выражающееся в готовности к положительной или отрицательной реакции на него [17, С. 844]. Социальной ценностью определяют как компонент социальной системы, наделяемый особым значением в индивидуальном или общественном сознании. [17, С. 872].

Обнаружены методические трудности экспертизы, связанные с отсутствием валидного инструментария. В настоящее время суждение о ценностном содержании телевизионных программ выносится на основе метода экспертной оценки. Однако такая практика, получившая распространение в связи с рядом судебных разбирательств, подвергается критике, поскольку полученные данные всегда можно обвинить в субъективности и бездоказательности. Так, в 2008 г. главы протестантских церквей России направили обращение с требованием закрыть телеканал «2x2», который занимается «пропагандой многочисленных пороков». Каналу было вынесено предупреждение, так как эксперты действительно обнаружили в

мультфильмах, демонстрируемых на телеканале, признаки экстремизма, а также пропаганды культа насилия и жестокости. В дальнейшем был проведен целый ряд экспертиз, с самыми различными результатами, как доказывающими пункты обвинения, так и опровергающими их. В итоге лицензия на вещание телеканала «2x2» была продлена на пять лет.

Этот пример демонстрирует существующую потребность в появлении новых методов, позволяющих получать информацию непосредственно от самих телезрителей. Особенно остро стоит проблема социологического изучения детей дошкольного и младшего школьного возраста. Чем младше ребенок, тем меньше вероятность того, что он сможет ответить на прямые вопросы. По мнению специалистов, использование анкетирования до семилетнего возраста фактически невозможно, круг тем для интервью серьезно ограничен. При работе с этой возрастной категорией социолог вынужден ограничивать себя игровыми и рисуночными методиками. В подобной ситуации особую роль играют проективные методы, так как именно они дают возможность получить достоверную информацию о взглядах, мнениях, отношениях, установках, ценностях ребенка, даже если он сам еще не может их точно сформулировать.

Вариантом такой проективной методики может служить цветовой тест отношений Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинды [18]. Методической основой теста выступает цветоассоциативный эксперимент, который базируется на идее отражения фундаментальных характеристик невербальных компонентов отношений к значимым объектам и явлениям социальной действительности в цветовых ассоциациях к ним.

Цветовой тест отношений позволяет получить информацию как об осознанных, так и о неосознанных установках детей. При этом он дает возможность избежать тех затруднений, с которыми сталкиваются социологи при работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста - основными потребителями анимационной продукции. Невербальная процедура теста позволяет решить проблемы, связанные с недостаточным развитием коммуникативных способностей детей, а также снизить вероятность искажения информации, которое часто происходит в ходе социологических исследований детей и подростков.

С целью анализа познавательных возможностей цветового теста отношений в качестве методики изучения социальных установок и ценностей детей, формируемых посредством мультипликационных фильмов, автором статьи в 2009 г. было проведено эмпирическое исследование. Объектом исследования выступили 28 детей 7-8 лет, обучающиеся в первом классе общеобразовательной московской школы. Небольшое количество респондентов объясняется тем, что, согласно В.Ф.Петренко, при использовании психосемантических методов и тестов достаточно небольшого количества человек (от 5-15 респондентов), чтобы иметь возможность делать содержательные выводы [19].

Процедура исследования предполагала отбор нескольких мультфильмов для анализа. Он проходил по двум основным критериям. Во-первых, в целях максимального снижения вероятности «не-ответов» выбраны широко известные мультипликационные фильмы. Вторым критерием отбора служила неоднозначная оценка экспертами ценностного содержания мульт-

фильмов. Кроме того, с целью предотвращения возможных смещений результатов исследования предполагалось подобрать для анализа не только западные мультфильмы, но также мультипликационные фильмы советского и российского производства.

В соответствии с этими критериями были отобраны четыре мультфильма, хорошо знакомые детям: «Смешарики», «Ну, погоди!», «Том и Джерри» и «Шрек». На основании контент-анализа статей в средствах массовой информации удалось установить, что они вызывают противоречивые оценки экспертов относительно своего ценностного содержания.

Среди социально полезных ценностей и установок, которые содержатся в данных мультфильмах, эксперты называют: толерантность, противостояние экстремизму, агрессии, ненависти, насилию, социально одобряемые способы решения конфликтов, творчество, совершенствование навыков общения и социализации, дружелюбие, сочувствие, гуманизм, материнство, ценность семьи, активная жизненная позиция, здоровый образ жизни, успешная социальная адаптация, плодотворное взаимодействие с социальным окружением, сострадание, сочувствие, созидательная деятельность.

С другой стороны, те же самые мультфильмы обвиняют в пропаганде антиобщественного, деструктивного поведения, агрессии, совершения противоправных действий, превосходства с позиции силы, авантюризма, хулиганства, вредных привычек, безнаказанности насилия, а также подозреваются в формировании у детей девиантной модели поведения, отрицания семейных ценностей, восприятия насилия как нормы соци-

Таблица 1.
Частотное распределение цветов по социальным установкам.

	Красный	Синий	Желтый	Зеленый	Фиолетовый	Коричневый	Серый	Черный
Дружба	9	5	5	3	4	1	0	1
Семья	6	10	3	3	2	4	0	0
Зд. образ жизни	5	4	4	11	3	0	1	0
Сочувствие	4	3	9	3	3	4	2	0
Творчество	3	4	12	5	1	1	2	0
Разрушение	1	1	0	1	4	3	12	6
Вредные привычки	4	0	0	1	3	10	4	6
Жестокость	6	1	1	1	10	1	3	5
Вражда	4	1	0	1	12	1	5	4
Преступление	2	0	0	1	2	2	3	18

Таблица 2.
Частотное распределение цветов по мультипликационным фильмам.

	Красный	Синий	Желтый	Зеленый	Фиолетовый	Коричневый	Серый	Черный
Смешарики	7	2	7	3	4	3	2	0
Шрек	10	10	0	6	2	0	0	0
Ну, погоди	6	4	0	6	2	2	6	2
Том и Джерри	3	4	4	3	7	0	7	0

альной жизни, трансляции образа враждебного социального окружения.

Зачастую в одном и том же мультфильме разные специалисты находят элементы пропаганды прямо противоположных ценностей. Например, в мультфильме «Ну, погоди!» - как формирование миролюбия и установок на дружелюбное взаимодействие, так и пропаганду насилия, агрессивного поведения.

Для исследования были отобраны несколько наиболее повторяющихся в отзывах социальных ценностей и установок. Социально одобряемые: дружелюбие, семейные ценности, здоровый образ жизни, сочувствие, творчество. Антиобщественные: жестокость, вражда, разрушение, преступления, вредные привычки.

Процедура проведения цветового теста отношений проходила следующим образом. Перед респондентом раскладывались в случайном порядке 8 цветных карточек, соответствующих стандартному комплекту Люшера. Интервьюер зачитывал названия мультфильмов и выбранные для анализа соци-

альные ценности и установки и просил подобрать к ним наиболее подходящие, ассоциирующиеся с ними цвета. Уточнялось, что выбранные цвета могут повторяться.

После того как ассоциативная процедура была закончена, респонденты ранжировали цвета по степени предпочтения, ориентируясь только на «приятность» цвета в данный момент.

Анализ результатов позволил получить типологические группы, в которые входили как мультфильмы, так и социальные установки. Такие группы выявляются с помощью составления таблицы частотного распределения цветов, ассоциируемых с социальными установками и конкретным мультфильмом. Дружба ассоциируется у детей с красным цветом, семья - с синим, здоровый образ жизни - с зеленым. Установки на сочувствие и творчество воспринимаются в желтой гамме, хотя частота упоминаний желтого при ассоциации с творчеством несколько чаще, чем с сочувствием. Разрушение связано у детей с серым цветом, вредные привычки - с коричневым. Жестокость и вражда

ассоциируются с фиолетовым цветом, причем скорее это касается вражды, чем жестокости. И, наконец, преступление связано с черным цветом.

Цветовые ассоциации с мультипликационными фильмами оказались более размытыми, один мультфильм мог вызвать самые разные ассоциации. После анализа таблиц частотного распределения цветов стало видно, что мультфильм «Смешарики» воспринимается детьми в красно-желтой гамме; «Шрек» - в сине-красной, «Ну, погоди!» ассоциируется сразу с тремя цветами - красным, зеленым и серым, «Том и Джерри» - с серым и фиолетовым.

Проведя сопоставление цветовых ассоциаций с социальными установками и с мультипликационными фильмами, были сделаны следующие выводы.

Мультфильм «Смешарики» не несет в своем содержании деструктивных ценностей, он способствует формированию у детей младшего школьного возраста установок на дружелюбное поведение, творчество, воспитывает в детях гуманизм и сочувствие к окружающим.

Мультфильм «Шрек» способствует укреплению в детях семейных ценностей, а также установок на дружбу и мирное решение конфликтов.

Благодаря мультфильму «Ну, погоди!» дети усваивают установки на здоровый образ жизни, а также на миролюбивое поведение и дружелюбный стиль общения. Однако также дети могут почерпнуть из него образцы деструктивного поведения. Такие неоднозначные по смысловому наполнению мультипликационные фильмы требуют особенного внимания взрослых, комментариев, оценок и пояснений относительно сюжета

мультфильма.

Мультфильм «Том и Джерри» несет в себе скорее деструктивные ценности. Он может способствовать формированию в детях установок на жестокость, разрушение и враждебное восприятие окружающей действительности.

Таким образом, эмпирическое исследование позволило убедиться в эффективности использования методики цветового теста отношений для изучения социальных установок и ценностей, транслируемых мультипликационными фильмами. Несмотря на то, что объектом исследования выступали дети младшего школьного возраста, достаточно сложная для социологического изучения возрастная группа, все респонденты справились с заданием. Малые объемы временных затрат на проведение и интерпретацию данных позволяют считать методику не только эффективной, но и достаточно экономичной. Кроме того, цветовой тест отношений практически не вызывает реакций отказа у респондентов, они меньше устают в процессе опроса и более свободно дают информацию по вопросам, которые касаются установок и отношений к объектам исследования. Методика цветового теста отношений в полной мере отвечает задачам, которые стоят перед специалистами в ходе экспертизы ценностного содержания телевизионного контента. Безусловно, не следует забывать, что для получения достоверных результатов с помощью цветового теста отношений необходимо строго следовать инструкции по его проведению и анализу полученных данных.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2009.

2. Романов А.А., Васильев Г.А. Массовые коммуникации. М., 2009.
3. Sklar R. *Movie-Made America: a Social History of American Movies*. N. Y.: Random House, 1975.
4. Blumer G., Hauser P.M. *Movies. Delinquency and Crime*. N. Y.: Macmillan, 1933.
5. Albert B. *Principles of Behavior Modification*. N. Y., 1969.
6. Mdntyre J.J., Teeven J.J., Hartnagel T. *Television Violence and Deviant Behavior / Comstock G.A., Rubinstein E.A. (eds.) Television and Social Behavior*. V. 3. Television and Adolescent Aggressiveness. Wash., D.C.: U.S. Govt. Printing Office, 1972.
7. Robinson T.R., Bachman J.G. *Viewing Habits and Aggression / Comstock G.A., Rubinstein E.A. (eds.) Television and Social Behavior*. V. 3. 1972.
8. Thornton W., Voight L. *Television and Delinquency // Youth and Society*. 1984. V. 15. N. 4.
9. Eron L.D., Huesmann L.R., Lefkowitz M.M., Walder L.O. *Does Television Violence Cause Aggression? // American Psychologist*. 1972. V. 27. N.4.
10. Campbell S. *Media Violence: a New Report on Television Violence // FWATO Newsletter*. 1992. V. 11. N. 2.
11. Mcleod J.M., Atkin C.K., Chaffee S.H. *Adolescents, Parents and Television Use: Adolescent Self-report Measures from Maryland and Wisconsin Samples / Comstock G.A., Rubinstein E.A. (eds.) Television and Social Behavior*. V. 3. 1972.
12. Thomas Y., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. Cambridge, 1918.
13. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
14. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2006.
15. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.
16. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975
17. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Осипова Г.В. - М., 1995.
18. Бажин Е.Ф., Эткин А.М. Цветовой тест отношений (методические рекомендации). Л., 1985.
19. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.

Ссылки:

1 По данным электронных измерений телесмотрения компании TNS за 2008 год в городах с населением больше 100 тысяч человек (дети в возрасте 4-14 лет).

2 Исследовательский проект «Телевидение глазами телезрителей» был разработан и впервые реализован «Аналитическим Центром Видео Интернешнл» в 1997 г., а с 2000 г. исследования проводятся ежегодно. Исследуемая совокупность - городское население России. Метод опроса - личное формализованное интервью по месту жительства респондента. Выборка в 2008 г. составила 3223 человека (из них 246 дети в возрасте 10-14 лет).

3 Ежедневно смотрят мультимедийные фильмы - 39% детей в возрасте 10-14 лет, несколько раз в неделю 42%, один раз в неделю и реже - 13%, не смотрят - 3%, затруднились ответить - 3%.

Онтологический статус и социальная защита детства

Филипова А.Г.

Социальный статус детства утверждается в качестве его важнейшего онтологического содержания, концентрирующегося вокруг функций взаимодействия со взрослым миром. Основной стороной этого взаимодействия оказывается социальная защита детства, структура социальных институтов которого рассмотрена как коррелирующая производная от онтологической структуры детства.

Ключевые слова: Детство, общество, культура, человек, социальный институт, социальная защита, функции детства, регионы бытия

filipova AG.

Ontological status of childhood and specific character of social institute of its protection

The social status of childhood is confirmed as the most important ontological content, concentrated around functions of the interaction with the adult world. The main side of this interaction is the social protection of the childhood, the structure of its social institutes is considered as correlative derivation from ontological structure of the childhood.

Keywords: Childhood, society, culture, person, social institute, social protection, functions of childhood, regions of being.

Построение современной концепции детства сопряжено с рядом проблем. Во-первых, исследователь может быть оторван от реальной ситуации детства, оперировать неподходящим набором ожиданий и требований в отношении детей. Во-вторых, существует определенная разобщенность представлений о детстве в отдельных науках (например, в определении возрастных границ детства). В-третьих, исследование затрудняет специфика детства, выражающаяся в его закрытости для мира взрослых, психологических особенностях (например, фантазировании, социальной незрелости и др.).

Каждая конкретная наука изучает детство под собственным углом зрения; социология – как социальный институт, культурология – как вид артефактов, антропология – как возрастной уровень. Из всех этих подходов социологический на сегодняшний день представляет собой наиболее комплексное изучение детства. В настоящее время в недрах социологии выделилось самостоятельное научное направление – социология детства, которая в свою очередь распалась на

социокинетику детства (Е.В. Титова, С.В. Косарецкая), социологию детской субкультуры (С.Б. Борисов, И.А. Бутенко, М.В. Осорина), социологию детского и молодежного досуга (В.Я. Суртаев, Б.А. Титов), социологию девиаций среди детей и молодежи (Я.И. Гишинский, И.Л. Первова), социологию здорового образа жизни детей (И.В. Журавлева), социологию прав детей (С.Н. Щеглова, Е.М. Рыбинский) и др.

Детство в социологии рассматривается как *организованная система* социальных связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие потребность общества в сохранении его социальной структуры и культурного наследия. Рассмотрение детства на надындивидуальном уровне позволяет взглянуть на детство комплексно и в то же время отвлеченно, не вдаваясь в специфические социальные проблемы детства, а выделяя основные тенденции развития этого социального института. Детство изучается социологом и как теоретический конструкт, и как реально существующая социально-демографическая общность (теоретическое и прикладное исследование). Эмпирические исследования детства становятся основой для теоретизирования, открывая новые горизонты образа детства, а теория выдвигает новые исследовательские гипотезы для прикладных исследований. В этой связи уместно обратиться к высказываниям зарубежных исследователей (А. Джеймс, К. Дженкс, А. Праут), которые говорят о том, что проблемы детства должны быть выведены *аналитически*, а не просто получены как трудности современной социальной практики детства¹. Современное детство сопряжено с множеством проблем

(педофилия, жестокое обращение, нарушение прав детей, эксплуатация детского труда и др.), однако социолог должен изучать его обобщенно, подмечая его тенденции, выводя закономерности. Почему детство стало таким? Какие факторы привели к этому? Эти факторы риска связаны с микро-, мезо- или макросистемой детства? Обратимы ли эти изменения? – на эти и другие вопросы призван ответить социолог.

Ресурсы социологии позволяют рассмотреть детство синхронически – в пространстве и диахронически – во времени. В пространстве оно может рассматриваться на макроуровне (уровень общества определенного исторического типа), мезоуровне (все чаще в социологических исследованиях детства выделяется региональный уровень, связанный с особыми природно-климатическими, географическими, социально-экономическими и экологическими условиями), микроуровне (уровень социальных групп – семьи, школы, группы сверстников). Во времени оно может рассматриваться как процесс собственного становления в совокупности тех или иных культурно-исторических условий (например, история детства в России). Культура детства в этом контексте предстает как социальный институт. Пространственно-временной вектор задает такие направления социологического исследования детства, как изучение природы и концепции детства в различные исторические периоды в определенных обществах или в разных культурах, но в определенный временной период. Социология может взять на себя и исследование детства как возраста, взглянув на него как на процесс социализации индивидуума и сопоставив эти результаты с соответствующей моделью

Регионы бытия		Институты социальной защиты детства
Сфера общества	политика	Управление детством, осуществление
	досугово-игровые	Коммуникация, социализация, идентификация детства
	семья	Первичная социализация, жизнеобеспечение детства
	средства массовой информации	Информирование, развлечение, социализация
Сфера человека	здравоохранение	Лечение, оздоровление
	образование	Воспитание, развитие, обучение, социализация
	пенитенциарная система	Ресоциализация
	социальное обслуживание	Социальная адаптация, реабилитация, социальная помощь
Сфера культуры	наука и искусство взрослых	Инкультурация детей и исследование детства, Формирование образов детства
	культура детства	Ценностное ориентирование, самовыражение
	религия и идеологические институты	Духовно-нравственная защита детства, социальное вспомоществование
	экономика	Материальное обеспечение детства

Рис. 1. Регионы бытия и структура социальной защиты детства.

детства как социальной (на индивидуальной) структуры.

Специфика социологического рассмотрения детства связана с пониманием сущности данного феномена, его места и роли в обществе, его взаимодействий с различными формами бытия. На рис. 1 представлена схема организации пространства детства, а, следовательно, основа для его научного изучения. Конечной целью и фак-

тором, интегрирующим сферы общества, культуры и человека, в ней выступает социальная защита детства, под которой понимается совокупность социальных норм, ролей, практик, обеспечивающих выживание и развитие социально-демографической общности детей.

Детство можно рассматривать как регион всех четырех основных форм бытия: природы, общества, культуры и человека. В каждой

форме оно представлено взаимно направленными социальными действиями взрослых и детей. Такая тесная взаимосвязь обусловлена, с одной стороны, социальной незрелостью и физической слабостью детства, его зависимостью от взрослых, потребностью в защите, а с другой – позицией детства как со-участника конструирования мира, дети не только потребляют, но и, осваивая культуру, участвуют в процессе культуротворчества, в общественной жизни, влияют на мир взрослых.

Следовательно, выделяются три функции детства: *влияние детства на мир взрослых* через участие детей в общественном производстве, создании культурных артефактов; *влияние взрослых на детство*: непосредственное (так, родители и учителя организуют воспитательное пространство, демонстрируют социальные роли, прививают социальные навыки) и опосредованное (например, через средства массовой информации, которые пропагандируют определенный образ жизни, нормы поведения, жизненные ценности; также влияние взрослых опосредуется созданными ими произведениями искусства, выполняющими не только эстетическую, но ценностно-ориентационную функцию); *направленность детства на себя* приводит к формированию пространства детства силами самих детей. Творчество становится формой адаптации детей к постоянно меняющимся условиям социальной среды. Гибкость, мобильность детства подчеркивают многие исследователи, используя термины «проектирование детства» (И.И. Клявина), «социальное конструирование детства» (С.Н. Щеглова) и др.

Возвращаясь к вышеозначенным формам бытия детства, рассмотрим в каждой из них специ-

фику взаимодействий взрослых и детей, функции детства, а также сформировавшиеся научные направления соответствующих исследований.

Так, регион «детство-общество» предполагает рассмотрение детства в качестве структурного компонента, формирующего общество. Дети являются строительным материалом для будущих поколений. В этом отношении детство существует независимо от особенностей его индивидуального протекания, начала и окончания. Детство, таким образом, выполняет *функцию воспроизводства общества*. Общество в свою очередь влияет на детство посредством специфических социальных связей, институтов, механизмов социального управления и социального контроля, норм, ценностей. Влияние общества приводит к статусным позициям детства – маргинальным, зависимым или равноправным со взрослыми. Детство рассматривается как структурная форма, а дети как социальные агенты, которые вносят свой вклад в производство детства и общества.

В современном обществе социальный статус детства заметно трансформировался. «Если раньше оно рассматривалось лишь как подготовка к жизни, то сейчас к нему относятся как к особому периоду жизнедеятельности, который обладает не меньшей ценностью, чем жизнь взрослого человека. «Взросление» человеческого общества идет через диктат развивающихся потребностей детства, его внутреннего роста. Проявления его связываются, во-первых, с реальной позицией ребенка по отношению к осваиваемому им взрослому миру, во-вторых, с современным уровнем саморазвития ребенка»².

На разных исторических этапах развития общества складывалось

разное отношение государства и общества к детям: от инфантицида до поддерживающей модели. Для обозначения совокупности убеждений, ценностей, характерных для членов данного общества на определенном историческом этапе, путей и механизмов их практической реализации в области социальной защиты, образования и воспитания детей сформировалась категория «*парадигма детства*»³. Если говорить о современной парадигме детства, то необходимо отметить ее противоречивость: с одной стороны, это осознание уникальности, ценности детства, а с другой, его стесненное, депривированное положение.

Регион «*детство-культура*» определяет «вписанность» детства в культурный контент. Существование детства обуславливается совокупностью социально-культурных норм, культурных образцов поведения, культурных артефактов. Поэтому исследователи говорят о *культурно-историческом типе детства*, т.е. о детстве, сформировавшемся в определенных пространствах и времени. Детство также влияет на культуру через культуротворческую деятельность. Дети создают свой собственный язык, занимаются художественным творчеством (страшилки, анекдоты), формируют специфические практики («секретики», посещение свалок, страшных мест, формирование штабов) и др. Детская субкультура является важным компонентом человеческой культуры. Воспользовавшись концепцией М. Мид, можно назвать современную культуру префигуративной, в которой взрослые учатся также у своих детей. В то же время детство способствует сохранению культурного наследия. Именно дети выступают связующим звеном между поколениями. К. Мангейм, выделяя харак-

терные черты смены поколений, обращает внимание на то, что «члены каждого одного поколения могут участвовать только в промежулке исторического процесса, ограниченного временем, поэтому необходимо непрерывно передавать накопленное культурное наследие»⁴. Значит, детство реализует функции *социального обновления общества, сохранения и передачи социально-культурного наследия*. Данный уровень рассмотрения детства находит отражение в культурно-антропологических исследованиях. Они изучают совокупность ценностей, верований, традиций и обычаев, сопровождающих и формирующих детство.

Третий и четвертый регионы «*детство-человек*» и «*детство-природа*» подчеркивают значимость детства для индивидуального развития. Детство представляет собой возрастной этап усвоения социальных и культурных норм, заканчивающийся переходом во взрослый мир. О значимости социальных и физических условий протекания индивидуального детства говорят психологи, педагоги, врачи, они же активно изучают процессы психического и физиологического развития в детском возрасте. (Так, биологическое направление занимается исследованием физиологии детства, изучает такие процессы, как рост организма, половое созревание и др., а психологическое – изучает особенности развития детской психики, становление психосоциальной идентичности; детство рассматривается как цепь возрастных периодов связанных с ведущей деятельностью – младенчество, ранний возраст, дошкольный возраст, младший школьный возраст, отрочество и юность). Социология также долгое время ограничивалась рассмотрением только процесса социализации в детстве. В данных регионах бытия детство

рассматривается как процесс освоения социальных норм, социальных ролей «взрослого мира», приобретения социального статуса посредством социальных взаимодействий со взрослыми и сверстниками. Основная функция детства, реализуемая через воспроизводство социальных норм и ценностей – это *поддержание социального порядка*.

Институт социальной защиты детства равномерно представлен во всех формах бытия – обществе, культуре, человеке.

Социальные институты *экономики, политики, религии-идеологии и семьи* обеспечивают стабильность общества через воспроизводство народонаселения, закрепление институциональных (правовых, узаконенных) и неинституциональных (традиции, религиозные верования) норм, формирование ресурсной базы развития общества. Политические факторы значимы для формирования социальной политики в интересах детства, организации и управления системой защиты детства. Экономика создает материальную базу функционирования детства – это «особая сфера производственной и социальной деятельности общества, направленная на удовлетворение специфических материальных и духовных потребностей детей, необходимых для выживания и нормального развития ребенка»⁵. В семье, или другой социальной группе, ее заменяющей, проходят важные процессы жизнеобеспечения, социализации, формирования системы ценностей ребенка. Религия и идеология как социальные институты участвуют в формировании традиционных ценностей семьи и детства. Церковь и другие идеологические сообщества также являются активными участниками нравственного воспитания подрастающего поколения и благотворительной деятельности.

Социальное становление, медицинское поддержание физиологических основ жизнедеятельности или социальная реабилитация осуществляются с помощью социальных институтов *сферы человека*: образования, здравоохранения, социального обслуживания, пенитенциарных учреждений и др. Эти институты создают условия для реализации социального потенциала детства, а именно – сохранение физического и психического здоровья, поддержание интеллектуально-образовательного и нравственного развития.

Научно-художественная *сфера культуры* находится в неразрывной связи с социальной структурой общества. Соответствие целей, содержащихся в артефактах науки и искусства, религиозно-идеологических систем, институциональным средствам их достижения выступает гарантом стабильности общества. Научно-художественная сфера культуры выполняет функцию интеллектуальной и эмоциональной рефлексии социальных действий, предписываемых социальной нормой и ценностными ориентациями. В духовной культуре в целом действуют определенные механизмы, институты, которые обеспечивают подключение ребенка к обществу, т.е. «освоение индивидом миропонимания и поведения, присущих его культуре, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с представителями данной культуры и отличие от представителей других культур»⁶.

Можно выделить культуру и общество взрослых и культуру и общество детства, которые одинаково важны для социокультурного становления человека. Не только взрослые, но и дети выступают создателями культурных артефактов и социальных (преимущественно игровых) институтов. Дет-

ские социальные практики способствуют постепенному включению ребенка во взрослый мир.

Необходимое информационное пространство для взаимодействия социальных институтов создают средства массовой коммуникации. Кроме того СМИ формируют общественное мнение о детстве, его характеристиках и проблемах. Пресса, радио, телевидение, Интернет выступают каналами распространения неинституциональных норм (представлений о семье, системе воспитания, ценностных ориентирах современного общества и др.).

Подводя итог теоретической разработке специфики и структуры института социальной защиты детства, еще раз обратим внимание на прикладную значимость теории. Статусные характеристики современного российского детства определяют актуальность внедрения и развития системы его социальной защиты, а значит, возникает новый вектор социологического изучения детства. Российское детство начала XXI века характеризуется социальным расслоением по признаку материальной обеспеченности и вытекающим из него неравенством стартовых возможностей детей из разных семей; затрудненным переходом от детства к взрослости (длительная экономическая зависимость, социальный инфантилизм, сужение экспериментального пространства детства из-за свертывания его социальной инфраструктуры); снижением качества социализации (в связи с оттоком детей из детских дошкольных учреждений, появлением категории детей «вне образования», заменой семейной социализации «уличной» и пр.); ослаблением роли семьи как гаранта социальной безопасности и развития детей, превращением семьи в один из факторов риска детства (насилие в семье, пренебрежение или злоупотребление родительскими

правами и обязанностями); включением детей в криминальную среду (наблюдается омоложение преступности, увеличение рецидивов среди несовершеннолетних, совершение преступлений в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, соучастие несовершеннолетних в преступной деятельности взрослых); распространением зависимого поведения среди несовершеннолетних, причем наряду с традиционными аддикциями (алкоголизм, наркомания, токсикомания), появляются новые – интернет-зависимость, игровая зависимость; размытостью ценностных ориентиров и социальной нестабильностью (как показывают социологические исследования, многие подростки и молодые люди не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, не ощущают себя защищенными) и др.

Ссылки:

1 James, A., Jenks, C., Prout, A. *Theorizing childhood / Childhood. Critical concepts in sociology.* – N.Y., 2005. – Vol. 1. – P.138-140.

2 Мехришвили, Л.Л. Проблема детства в системе российской социальной политики: Диссертация на соискание ученой степени доктора социол.наук. – Тюмень, 2007. – С. 141-142.

3 Кураева, Л.Г. Детство как социокультурная ценность: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук – Саратов, 1995. – 19 с.

4 Мангейм, К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / перевод Е.Я. Додина. – М., 2000. – 164 с.

5 Детство: краткий словарь-справочник / под общ. ред. А.А. Лиханова и Е.М. Рыбинского. – М.: Дом, 1996. – 136 с.

6 Флиер, А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие. – М., 2000. – С. 30.

ДЕБЮТ

Политическая утопия: гносеологические и социологические корни

Исмаилова Л.М.

Предметом рассмотрения данной статьи являются феномены утопии в политическом процессе. Автор предлагает типологию утопических образований. Особое внимание уделяется осмыслению гносеологических и социологических корней возникновения утопических конструкций в политической жизни.

Ключевые слова: политика, утопия, эффективность власти

Ismailova Laila Magomedovna

Political utopia: gnoseological and sociological root

The subject of consideration of the article is the utopia phenomenon in political process. The author offers typology of utopian formations. The special attention is given to judgement of gnoseological and sociological roots of occurrence of utopian designs in a political life.

Keywords: policy, utopia, efficiency of the power

В контексте особенностей политического процесса, когда рациональное знание обращено к таким объектам, как «возможность», «вероятность», «предпочтение» и т.п., оно, по необходимости, ограничивается анализом и упорядочиванием логики вероятностных событий, логики гипотез. Вместе с тем, за пределами этого рационализма может оказаться действительность, которую он не охватывает. Помимо значительной роли случайных, субъективных, эмотивных, непознанных или ложно интерпретированных факторов политики, которые делают ее особенно уязвимой в плане рациональности, приходится признать, что и объективная рациональность политического процесса (знание законов, тенденций развития, фактов) также не застрахована от иррациональных восприятий.

Данные особенности политического процесса способствуют возникновению утопии. Сложность и специфика утопии в политике – в глубоком проникновении в политическое мышление, в рационализации – свойстве приобретать все признаки логически правильно

построенной, целенаправленной мыслительной и практической деятельности (рациональная утопия) и в конкретизации, имитирующей действительные явления и реальные события (конкретная утопия). Эти свойства обеспечивают утопии устойчивое бытие в политическом сознании и политической практике. Знание условий, при которых возникают действительно утопические тенденции в политике, дает возможность корректировать политический процесс и направлять его, освобождаясь от утопии во всех ее формах. Это особенно важно в современную эпоху, когда масштабы политических решений, их значение и ответственность неизмеримо возросли. Распознавание политической утопии осложняется, однако, в том случае, когда утопическое начало возникает в политике не преднамеренно, не как цель той или иной политической теории или практики, а как невольный результат достаточно сложного стечения объективных и субъективных обстоятельств.

Примером такого рода является утопия, возникающая на основе принципа предельности¹. Согласно взглядам Т.А. Алексеевой, в политике обнаруживаются два вида пределов. Первый из них определяет общие возможности политики в том простом смысле, который может быть выражен словами: политика не может беспредельно воздействовать на общество, разрушать или пересоздавать его, преобразовывать организующие его системы. Гиперполитизация экономики, права, культуры, науки, идеологии, морали не проходит безнаказанно и карается утопическими иллюзиями и тяжелыми общественными последствиями².

«Существуют границы рационального проникновения одних общественных систем в другие, за

которыми начинается их общее разрушение. Отсюда возникает, в частности, хорошо теперь известная проблема этатизма – засилья государства, вмешательства государственной власти в экономику и в иные сферы жизни человека и общества. Отсюда и способность власти порождать общественные кризисы и сомнения в возможности выходить из них политическими средствами, сопровождаемые массовыми иллюзиями и утопическими ожиданиями <...> Утопия в политике – удел отнюдь не одних только носителей и творцов политики. Если утопия зарождается в центрах власти, она распространяется и в обществе и тем шире, чем значительнее политический процесс. Утопия, таким образом, – это массовое явление»³.

Второй тип пределов, согласно взглядам Т.А. Алексеевой, – это предельность, возникающая в конкретном политическом процессе. Так или иначе начавшееся и продолжающееся политическое действие может не завершиться, не дойти до обозначенных в проекте целей или привести к непредвиденным результатам, столкнувшись с теми или иными препятствиями: дефектами самой политики или/и внешними факторами. Эта ситуация означает, что процесс вошел в пограничную зону («зону насыщения»), где его рациональный потенциал исчерпывается и возникает коррелятивный ему утопический потенциал иллюзии успешно продолжающейся политики⁴.

Исчерпанность политики означает не ее конец и не отказ от политики вообще, а необходимость ее смены, призыв к новой политической стратегии. Отсюда вечность политики и власти, вечная проблема их изменения, перемены курса, стратегии и тактики, т.е. проблема выхода из критичес-

кой пограничной зоны. Однако утопия может быть и одним из альтернативных результатов вероятностного процесса. Она и сама представляет собой вероятностный процесс, исходом которого становится изживание утопии - реализация, казалось бы, неосуществимого события или подтверждение несбыточности его ожидания. Признавая критерием утопии неосуществимость замысла, мы вправе говорить о границах и принципах оценки, поскольку то, что неосуществимо в одних условиях и в данное время, может оказаться осуществимым при других обстоятельствах и в иное время.

Политическая утопия может анализироваться и классифицироваться по характеру ее образования как объективно и субъективно обусловленная; а также по месту образования в политическом процессе - на его исходном этапе, при формировании проекта, при определении общей или частных целей, в период осуществления проекта и т.д. Особое значение имеет объективно и субъективно обусловленная типология политической утопии. С этой точки зрения политическая утопия может быть подразделена на следующие типы:

1) непреднамеренную, возникающую на стадии идеального замысла в качестве максималистского проекта. Она связана с формированием модели проектируемого объекта, его идеального состояния. Такая утопия может быть преодолена при детальной разработке плана и его реализации;

2) непреднамеренную, возникающую в процессе осуществления проекта вследствие незнания закономерностей данного явления, неполноты информации, неопределенности будущих состояний объекта и т.п. Она может быть отражена и закреплена в прогнозе,

в проекте и плане его реализации и способна сделать этот проект неосуществимым. Такая утопия устойчива, имеет тенденцию определять идеологию и методологию целеполагания и разработки проекта. Отметим, что последняя чрезвычайно распространена в политике, в социально-политическом прогнозировании и проектировании, особенно там, где имеют место субъективизация входной информации и ее объективная неполнота, ошибки в определении целей, методов, задач и т.д.;

3) преднамеренную, но идеологически санкционированную и сознательно примененную утопию. Такая утопия признается своеобразным основанием отношения к действительности, исходя из представлений об идеальном образе действительности и ее конструктивном, с точки зрения этого идеала, преобразовании. Она сопоставляет существующее и желаемое, воображаемое, в котором преодолеваются начала неопределенности и вероятности. Таков опыт реализации идеалов свободы, равенства, справедливости, права в политической и социальной истории современной цивилизации. Преднамеренная утопия, отвергающая рациональное начало в политике, проектировании и прогнозировании, порывающая с объективными законами функционирования и развития общества - крайняя форма проявления утопического сознания и весьма распространенное явление политического авантюризма.

Утопические явления могут проистекать из основных рассогласований, возникающих как дисфункции между следующими отношениями:

1. Между политическими и общественными отношениями. Время истории и время политики могут не совпадать. Ускорение раз-

вития одних частей общественно-го целого неизбежно приводит к отставанию других его частей и потому может привести к негативным последствиям для этого целого, каким бы закономерным ни был феномен неравномерности исторического развития. Так, процесс индустриализации обычно опережает процесс культурного, профессионального, этического развития человека и общества, формирование гуманистического сознания, без чего индустриализм может получить - и реально получает - антигуманную направленность, выражающуюся в разрушении природы, использовании знания и технико-производственного потенциала общества для создания средств массового уничтожения.

Наконец, политическое и общественное развитие могут расходиться друг с другом в целом и в отдельных отношениях и даже противоречить друг другу. Политика колониализма, например, всегда противостояла процессу интегрального исторического развития народов, принудительно включенных в колониальные империи. Отсюда и утопии «вечных», «могущественных» имперских государств-конгломератов.

2. Между политическими и другими общественными процессами, осуществляющими в обществе организационные и регулятивно-контрольные функции. Это рассогласование связано с первым, наиболее общим рассогласованием политического и общественного, когда политика может не отвечать нуждам общества, его сознанию, интересам, уровню развития и возможностям. Но такое рассогласование образует более определенные и конкретные ситуации, например, несоответствие политического регулирования правовому. Все развитые европейские общества прошли этап развития, на котором пози-

ция политической власти (возможность деспотического, самодержавного, абсолютистского правления разных уровней - от местного до центрального, королевского) порождала потребность в создании правового общества. Тогда право (судебная власть и конституционный суд) становилось чем-то внешним по отношению к государственной власти и должно было быть независимым от нее, призванным ее контролировать⁵.

3. Внутри самого политического процесса: как несоответствие между уровнями теоретической и практической политической деятельности; между конкретными действиями власти и интересами и целями политического процесса; несоответствие между целями политики и средствами, а также методами власти. «Осуществление власти включает ряд процессуальных этапов, на которых возможно появление утопических представлений. Главными из них являются: 1) определение целей; 2) разработка целеполагания и организации управляющих и контрольных функций власти - одна из самых сложных и противоречивых. Существует абстрактная возможность превращения нормы в утопию. Такого исхода, естественно, избегает любое государство. Это стремление проявляется как желание добиваться реализации процесса органического усвоения политических норм, идеологии и т.п. Положительная, правильно понятая и усвоенная норма не должна порождать негативных утопических явлений <...> Иной эффект нормативности порождается сферой «государственного формализма» - бюрократией, создающей свои нормы, согласно которым осуществляется деятельность власти и управляется общество»⁶.

Как показал еще Маркс, институт бюрократии представляет собой своеобразный порочный круг, из которого никто не может вырваться. Бюрократическая иерархия, согласно его взглядам, имеет вид рационально устроенной иерархии знания: «Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»⁷.

Это взаимное заблуждение относительно целей и средств проекта и его истинных результатов основано на нежелании открывать их подлинное соотношение: «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство»⁸. В искажении подлинного смысла власти, которая скрыта в тайне, иллюзии, заинтересована власть и, прежде всего, бюрократия. Покров тайны вообще может придавать значимость политическим нормам и всем отношениям в обществе, породить обманчивые представления о подлинных целях и самой природе власти, внушать людям убеждение в объективности ее решений, истолковании тех или иных средств и приемов. Иллюзии такого рода проникают не только в массовое политическое сознание, но и в политическую теорию.

Таким образом, согласно Марксу, бюрократия необходимо признает конечной целью государства саму себя, поскольку из собственных «формальных» целей производит свои содержания. Закономерно поэтому, что институт бюрократии всегда в той или иной мере вступает в конфликт с реальными политическими и социальными целями. Можно заключить, что бюрократия по самой своей природе вынуждена выдавать нечто формальное за само содержание, а

содержание за нечто формальное. Иначе говоря, именно на этом пути собственно государственные задачи превращаются в сугубо канцелярские (равно как справедливо и обратное утверждение). Тем самым средство становится самоцелью процессов управления бюрократическо-чиновничьего типа. Возникает своеобразная «утопия целей», причем устроенная по рациональному образцу (имеющая полную видимость рационально и целесообразно организованной деятельности). Глубоко преобразуется в этой утопической ситуации и весь процесс усвоения обществом политических норм, которые тоже оказываются утопическими. Между тем нормативная политика призвана служить своеобразной антиутопической мерой, повышающей эффективность управления.

Важное свойство политического процесса - его дискретность. Значительные цели достигаются последовательно через ряд этапов, на которых ставятся частные (или промежуточные) цели. Если экстраемальные (универсальные или высшие) цели постоянны, то частные - временны. Их достижение приближает к общей цели. Это цели конкретной деятельности, хотя и они могут быть общезначимыми: оборона, сохранение мира, достижение могущества и т.п. Кроме того, частные цели, интересы, проекты и средства ближе друг к другу во времени и пространстве, что позволяет обеспечивать их взаимную адекватность. В принципе, норма должна быть равнозначна закону, разработанному данной политической системой. Как правило, так и бывает в политической действительности, если она не трансформирована утопией. Однако обычно на промежуточных этапах осуществления политики возникают несоответствия элементов политического процесса и накоп-

ливаются отклонения от избранных целей. В результате и общее направление политики может удалиться от намеченной цели. Этот же эффект может возникнуть при несогласованности общих и частных целей⁹.

К идеальной, абстрактно-общей цели приближает такая частная цель, которая соотносится с общей как особенное, воплощающее всеобщее, и потому способная стать самоцелью, как и сама общая цель. Иными словами, частная цель выступает как отчуждение идеальной цели, становится формальной по отношению к ней. Можно заключить, что в системе частных целей таится возможность утопических иллюзий. При такой интерпретации политический процесс предстает как цепь последовательно решаемых задач и соответствующих действий. Утопические феномены возникают в конкретных звеньях этой цепи, прежде чем превратиться в ложное представление о процессе в целом. Нарушения процесса сами по себе конкретны, а, стало быть, и иллюзии, которые возникают в связи с ними, также конкретны. Другими словами, политический процесс таит в себе альтернативы, равенство или неравенство шансов благоприятного и неблагоприятного исхода событий. Иллюзорными могут быть как расчеты на успех, так и сомнения в нем. Именно по этой причине, как представляется, в политическом мышлении столь распространена логика вероятностей, т.е. описание реальности в терминах шанса, случая и препятствия. Производный способ мышления в данном случае — это своеобразная «логика надежд», которая зачастую приводит к бесконечному пролонгированию самых безнадежных политических инициатив и проектов, что, в свою очередь, ведет к

дополнительному консервированию политических иллюзий.

Политическая цель возникает на грани объективного и субъективного, реального и желаемого, ожидаемого. Отметим, что политическому расчету, реальному проекту на стадии целеполагания присуще то мысленное преобразование мира, которое свойственно и мифологии, и утопии. В этом свойстве кроется возможность ограничить преобразование мира мыслительной деятельностью, поскольку и всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения. Для перехода от воображаемого к практике необходимо преобразование самого воображаемого. Цель как абстрактно общее — это идеализированный объект, мысленное образование. Его появление закономерно в политическом процессе на ранней стадии проектирования.

На этапе формирования проект неизбежно выглядит как теоретическое утверждение, соотносимое с идеализированным объектом. Но в этом утверждении идеальный образ мира уже дается средствами рационального познания как его объяснение, как неизбежный результат выполнения плана (в который перерабатывается проект). Вполне естественно, что модель будущего, политическая цель может оцениваться качественно. Идеализированный объект в конкретном проекте предстает как система, поддающаяся предварительной оценке в аспекте вероятности его реализации. Сама идеализация конкретного проекта при этом состоит не в превращении цели в абсолют, а в принципе целеполагания — одушевлении исполнения необходимыми стимулами. Реально она состоит не только из образов, схем, операций (мысленный эксперимент, раз-

работка теоретических моделей и т.п.), необходимых для выбора стратегии данного политического процесса¹⁰.

«Выбор цели, принятие политических решений, призванных обеспечить реализацию политической цели и рационализировать политический проект, обращены к сложному миру человеческой субъективности. В этом его действительность и потенциальная двойственность. Большую роль в выборе цели играет убежденность, которая может оказаться в определенном смысле автономной по отношению к проекту, способной эволюционировать иными темпами и в другое время, чем сам проект и исполняющая его власть. Они могут перестать совпадать и по содержанию. Если проект осуществляется без внутренних стимулов, становясь от этого неэффективным, то внутренняя убежденность в ложности проекта есть уже свидетельство его утопичности (...) Убежденность вообще означает доверие к политическому замыслу исполняющей его власти, ее методам, возможностям и к самой цели. Неконтролируемое, безотчетное доверие переходит в веру. Возникновение веры само по себе создает условие для формирования утопического сознания. Вера в высший идеал - цель иная, нежели вера в конкретные частные цели и в средства их достижения. Вера в конечную идеальную цель допускает представление об ее отдаленности. Вера в частную, ближайшую и конкретную цель сразу же вынуждает ставить вопрос о том, насколько оправдана эта вера и насколько реальна такая цель»¹¹.

В этой связи сложная диалектика отношений в цепи политического проектирования может быть сведена к следующим положениям. Основное нарушение согласо-

вания между элементами политического процесса связано именно с утратой внутренних импульсов, исходящих от формирующей политику инстанции власти. Нарушения могут возникать уже в самом начале процесса идеализации, если определение политики и ее целей осуществляется ошибочно (идеальный аналог не адекватен действительности, а идеальная модель мыслимого будущего не может быть выведена из действительности и ее теории). Это относится, например, к моделям построения послевоенного общества: неизвестен исход войны и не может быть данных о послевоенном мире, хотя война и начинается с определенными целями, а послевоенное устройство общества заранее в какой-то мере предполагается.

Далее, формирующая и исполняющая политический проект власть не отвечает по каким-либо признакам характеру задачи - это обычная в политике ситуация (неэффективность власти). Власть может вообще не получить идеального импульса или не воспринять его (например, при несогласованных действиях проектирующих и исполняющих органов политического управления). Тогда происходит разобщение теоретической и практической политической деятельности. Осуществление политики без значительных внутренних общественных побуждений становится формальным актом. Такая политика обычно имеет целью поддержание статус-кво и собственных интересов конкретной власти.

Таким образом, в соответствии с критерием утопичности, реалистической власти можно считать власть, осуществляющую программу, построенную в соответствии со следующими характеристиками:

а) основанную на фундаментальной концепции общества и по-

строенную, исходя из теории данного общественного процесса;

б) адекватно отображающую действительность, законы и тенденции ее изменения, реально возможное в политике;

в) исходящую из представления о данном политическом процессе как системе, способной развиваться и активно взаимодействовать с другими процессами - экономическими, правовыми, культурными и т.п.;

г) преследующую соответствующую возможностям цель;

д) обладающую средствами полной реализации своих собственных возможностей;

е) способную критически оценивать результаты выполнения программы.

В заключении можно сказать, что ключевым вопросом рассматриваемой проблематики является проблема адекватности власти ее общим целям и задачам. Такая постановка вопроса выводит на вопрос эффективности функционирования власти. Когда такой адекватности нет, возникает утопия. Прочтения и ошибки, естественные для любого вида деятельности это еще не утопия, а лишь ее предпосылки.

Литература

1.Алексеева Т.А. Власть и легитимность (эволюция немарксистских подходов в современной английской политической философии) // Власть: философско-политические аспекты. - М.: ИФ РАН, 1999. - С. 110-133.

2.Спиридонова В.И. Власть и влияние //Технология власти (философско-политический анализ) / отв. ред. Р.И. Соколова. - М.: ИФ РАН, 1995. - С. 27-33.

3.Спиридонова В.И. Методы политического манипулирования // Технология власти (философско-политический анализ). - М.: ИФ РАН, 1995. - С. 106-124.

4.Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40.

5.Амелин В.М. Власть как общественное явление // Социально-политические науки. - 2007. - №2. - С. 3-15.

6.Кравченко И.И. Власть и общество // Власть: Очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. - М.: Наука, 1989. - С. 37-64.

Ссылки:

1 См.: Алексеева Т.А. Власть и легитимность (эволюция немарксистских подходов в современной английской политической философии) // Власть: философско-политические аспекты. - М.: ИФ РАН, 1999. - С. 115.

2 Там же.

3 Спиридонова В.И. Методы политического манипулирования / / Технология власти (философско-политический анализ). - М.: ИФ РАН, 1995. - С. 120.

4 См.: Алексеева Т.А. Власть и легитимность. Ук. соч. С. 121.

5 См. подр.: Спиридонова В.И. Власть и влияние // Технология власти (философско-политический анализ). - М.: ИФ РАН, 1995. - С. 28-30.

6 Спиридонова В.И. Методы политического влияния // Технология власти (философско-политический анализ). - М.: ИФ РАН, 1995. - С. 91-92.

7 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 158.

8 Там же.

9 См. подр.: Амелин В.Н. Власть как общественное явление //Социально-политические науки. - 2007. - №2. - С. 7-10.

10 См. подр.: Кравченко И.И. Власть и общество //Власть: Очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. - М.: Наука, 1989. - С. 66-68.

11 Там же.

Экономическая культура: структура и функции

Миннегалиев И.М.

В статье ставится задача проанализировать сущность, структуру и общественные функции экономической культуры. Особое внимание уделяется раскрытию символической природы данного образования.

Ключевые слова: экономическая культура, корпоративная культура, социальный опыт.

Minnegaliev I.M.

Economic culture: structure and functions

In article the problem is put to analyse essence, structure and public functions of economic culture. The special attention is given to disclosing of the symbolical nature of the given formation.

Keywords: economic culture, corporate culture, social experience.

Термин «экономическая культура» помимо предиката «экономический» содержит грамматический субъект «культура», который отсылает к явлению, выступающему предметом изучения целого комплекса наук – от социологии и философии до антропологии и истории. Культурология, в качестве общей теории культуры, разрабатывает культурные типы в их историческом и систематическом разрезе. В целом же, в современных социально-гуманитарных науках насчитывается, по-видимому, не одна сотня различных определений культуры. В самом широком смысле под культурой понимается все созданное человеком, ее также истолковывают как «социальную наследственность» или «социальную память», как духовное развитие и богатство человека; как образ жизни определенного народа и т.п. «Культура включает в себя ценности, носителями которых являются члены определенной группы, нормы, которым они следуют и материальные и духовные блага, производимые ими»¹. Совокупность ценностей и норм, которые разделяются все-

ми членами определенного общества, обычно называют «доминирующей культурой». Как видим, все эти представления о культуре отражают разные стороны этого многообразного явления, однако мало что дают для понимания того, что представляет собой экономическая и, в частности, корпоративная культура.

Ставя задачу по теоретическому определению этого феномена именно с позиций культуры, необходимо иметь ввиду, что большая часть современных исследователей в этом вопросе склоняется к социологическому подходу, руководствуясь тем соображением, что корпорации по своей сути являются особыми социально-экономическими группами. Кроме того, в отличие от других гуманитарных наук, социология рассматривает культуру в ее взаимосвязи с другими социальными институтами. Поэтому не случайно, что именно в сфере социологического знания можно обнаружить ряд понятий, близких к рассматриваемой проблематике: «культура предприятия», «культура управления» и т.д. Вполне естественно, что каждое из этих явлений имеет свою специфику и относится к соответствующим социальным институтам (производство, управление и т.д.).

Последнее позволяет нам - уже в культурологическом разрезе - квалифицировать интересующий нас феномен как особую «субкультуру». Под «субкультурой» в этом узком значении термина следует понимать определенные культурные комплексы, свойственные небольшим и средним социальным группам. Можно сформулировать целый ряд признаков, по которым в современном мире формируются субкультурные общности: национальность, религия, род заня-

тий, регион, пол, возраст, классовые и микросоциальные различиями внутри социума. Изучение таких субкультур весьма важно, поскольку каждое общество имеет не просто один общий вид культуры, но достаточно пеструю мозаику взаимодействующих субкультур. Можно констатировать, что жизнь конкретных людей протекает главным образом в рамках определенных субкультур.

Тот бесспорный факт, что экономическая культура формируется в контексте общей культуры, присущей данному обществу, не отменяет один из ее базовых признаков: данный тип культуры (особенно в форме культуры корпоративной) несет в себе ценности и нормы, которые могут существенно отличаться от ценностей и норм, господствующих в доминирующей культуре. Культура социальна в том смысле, что те или иные привычки разделяются людьми, живущими в организованных коллективах, и сохраняют свое относительное единообразие под воздействием социальных факторов. Иными словами, это *групповые* привычки, свойственные членам определенной социальной группы.

Помимо социологии эвристически плодотворный категориальный инструментарий для анализа феномена «культура» предоставляет современное антропологическое знание. Ряд определений, выработанных этой отраслью гуманитарного знания, имеют существенное значение для описания интересующей нас проблематики. Так, например, феномен культуры, проинтерпретированный в качестве «социального опыта», отсылает исследователя к особым способам трансляции и аккумуляции группового опыта. В то же время процесс формирования и накопле-

ния традиций является ключевым для анализа закономерностей экономической (организационной и корпоративной) культуры.

Помимо этого, ряд авторов склонны считать способность к обучению культурной способностью по преимуществу, придавая последней антропологическое значение одного из базовых конститутивов собственно человеческого состояния. Например, согласно Ч.Хоккету, культура может в пределе быть сведена к совокупности привычек, транслируемых в процессе обучения и взаимодействия². Это очень важно для интерпретации корпоративной культуры определенное, поскольку носители перенимают данный тип культуры, по преимуществу в порядке научения от лидеров-руководителей и от «старожилов» компаний. Однако не всякое научаемое поведение можно отнести к культуре социальной группы. Поэтому в определениях культуры часто подчеркивается, что культура - это «поведение, общее для членов определенного сообщества», это «общие для членов общества паттерны (стереотипы) научаемого поведения», «культура состоит из общих и более или менее стандартизированных идей, установок и привычек»³. В этой трактовке справедливо подчеркивается, что культурные нормы и образцы поведения должны быть общими для многих людей, типичными и стандартными. Однако при этом нужно учитывать, что в культуре больших корпораций могут одновременно присутствовать несколько различающихся или даже соперничающих субкультур.

Наконец, еще одна значимая для проводимого анализа научная традиция в трактовке понятия «культура» сводится к ее определению через трансляцию интер-

субъективных идей, ценностей и представлений, значимых внутри данного социума. Применительно к корпоративной культуре идеи - это ценности, цели, общие схемы «видения» и т.п. Наконец, важно отметить, что культура способствует удовлетворению исходных биологических потребностей и вторичных потребностей, возникающих на их основе. «Культура состоит из привычек, а психология показывает, что привычки существуют лишь до тех пор, пока приносят удовлетворение. Удовлетворение подкрепляет привычки, упрочивает их и воспроизводит, в то время как отсутствие удовлетворения неизбежно приводит к их угасанию и исчезновению»⁴.

Итак, предварительный анализ феномена экономической культуры предполагает локализацию экономической системы в пространстве культуры, экспликацию ее особой системы координат. Одним из тех исследователей, кто уделил особое внимание данной проблематике, был крупнейший экономист XX века, представитель институционалистской школы Дж. Гэлбрейт. В своих научных трудах учёный исследовал факторы формирования крупных корпораций акционерного типа. В качестве ключевых процессов, способствовавших росту корпораций, учёный выделил следующие:

- роль государственного планирования экономического развития должна быть существенно усилена;

- во главе предприятий должны стоять профессионалы, в том числе - технические специалисты-администраторы (автор относит их к особой социальной групп, которую называет «техноструктурой»);

- применение новейших высоких технологий неизбежно интен-

сифицирует производительность труда в корпорациях.

В итоге, согласно взглядам рассматриваемого автора, в обществе складываются две системы - "рыночная система", охватывающая преимущественно мелкие хозяйства, и "планирующая система", куда входят корпорации, взаимодействующие с государством. Исходя из качественно изменившихся в XX веке объективных условий хозяйственного развития, Дж. Гэлбрейт решительно опровергает устаревшие идейные установки неоклассицизма: о подчинении целей экономической системы интересам отдельного человека, о свободной и совершенной конкуренции мелких товаропроизводителей, о рыночном саморегулировании национальной экономики, о преимуществах хозяйственной деятельности единоличных собственников, о соединении в лице предпринимателя собственника, организатора производства и получателя дохода⁵.

В целом, в рамках своей концепции учёный выделяет следующие основные нововведения и изменения, произошедшие в экономической жизни в XX веке:

Во-первых, применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства, связанное с его укрупнением. Всё это предполагает крупные вложения капитала, а также привлечение высококвалифицированных специалистов. Из этих перемен вытекает необходимость и возможность создания крупных хозяйственных организаций. Только такие организации в состоянии привлечь необходимый для современного производства капитал; только они могут мобилизовать рабочую силу требуемой квалификации.

Во-вторых, расширение сферы деятельности корпораций. Если в

начале XX века деятельность последних ограничивалась лишь отраслями, в которых производство должно было вестись в крупном масштабе (железнодорожный и водный транспорт, производство стали, добыча и переработка нефти, некоторые отрасли горнодобывающей промышленности), то уже во второй половине XX века корпорации стали охватывать также бакалейную торговлю, мукомольное дело, издание газет и увеселительные предприятия - словом, те виды деятельности, которые ещё недавно были уделом занятий индивидуального собственника или небольшой фирмы. При таком множестве принадлежащих корпорациям предприятий, производящих сотни видов продукции, крупнейшие фирмы используют оборудование стоимостью в миллиарды долларов и привлекают к труду сотни тысяч работников. Так, на долю пятисот крупнейших корпораций приходится почти половина всех товаров и услуг, производимых в Соединенных Штатах.

В-третьих, произошло разделение предпринимателя-собственника, организатора производства и получателя дохода. Учёный отмечает, что в начале XX века та или иная корпорация была инструментом ее владельцев и отражением их индивидуальности. Имена этих магнатов - Карнеги, Рокфеллер, Гарриман, Меллон, Гугенгейм, Форд - были известны всей стране. Те, кто возглавляет теперь крупные корпорации, как правило, безвестны. Эти люди, опять же, не являются собственниками сколько-нибудь существенной доли данного предприятия. Их выбирают не акционеры, а, как правило, совет директоров.

В-четвертых, изменились взаимоотношения между государ-

ством и экономикой. За пятьдесят лет доля экономической деятельности государства возросла примерно в четыре раза и составила в 70-е годы XX столетия 20 - 25%.

В-пятых, несколько видоизменились и экономические функции государства. Так, теперь государство берет на себя задачу регулирования совокупного дохода, расходовемого на приобретение товаров и услуг, в масштабе всей экономики. Оно стремится обеспечить достаточно высокий уровень покупательной способности, позволяющий реализовать всю продукцию, которую может произвести существующая в данный момент рабочая сила. Если эта деятельность приводит к достижению высокого уровня занятости, правительство стремится не допустить повышения цен в результате роста заработной платы, равно как и повышения заработной платы под давлением роста цен, упорно движущихся вверх по спирали. Хотя в данном вопросе деятельность правительства носит более осторожный характер и встречает меньшую поддержку со стороны общественности.

В-шестых, начался упадок профсоюзов. Число членов профсоюзов в США достигло максимума в 1956 г. С тех пор занятость продолжала расти, а число членов профсоюзов в целом уменьшалось.

В-седьмых, произошли структурные изменения в профессиональном составе рабочей силы. Существенно возросло число лиц, желающих получить высшее образование, и наряду с этим, в более умеренной степени, увеличились реальные возможности для его получения.

В-восьмых, возросла роль планирования. Привлечение крупного капитала и соответствующая орга-

низация производства требуют – задолго до того, как можно будет воспользоваться его результатами, – предвидения и – более того – принятия всех возможных мер, которые гарантировали бы, чтобы это предвидение действительно сбылось⁶.

Так, по мнению Гэлбрейта, характер техники и связанные с ней потребности в капитале, а также время, которое занимает разработка и производство продукции, еще более настоятельно диктуют необходимость государственного регулирования спроса. Корпорация, рассматривающая вопрос о производстве автомобиля новой модели, должна иметь возможность убедить людей купить его. Столь же важно, чтобы население располагало необходимыми для этого средствами. Это обстоятельство приобретает решающее значение, когда производство требует очень крупных и долгосрочных капиталовложений, а продукция может с равной степенью вероятности попасть на рынок и во время депрессии, и во время подъема. Таким образом, возникает необходимость стабилизации совокупного спроса.

Нельзя также не видеть, как разросся аппарат рекламных служб, связанный с продвижением товаров на рынке. По средствам, которые расходуются на эту деятельность, и прилагаемым усилиям, которые находят в ней применение, она все более соперничает с непосредственным процессом производства товаров.

По утверждению ученого, любая экономическая система является плановой по преимуществу, все же прочие рассуждения в этой области экономист так или иначе относит к сфере идеологии. Аргументация автора «Нового индустриального общества» достаточно

проста и убедительна: в экономической системе любого типа именно крупная производственная организация, а вовсе не автономный потребитель принимает решения о том, сколько и каких товаров будет произведено. Организации будут осуществлять этот процесс тем эффективнее, чем более тщательным будет планирование производства и потребления. При нынешнем же положении вещей, — утверждает автор, — корпорация, стремясь установить контроль над стихийным рынком (который при нормальных условиях она должна была всего лишь обслуживать), будет воздействовать на потребителя в соответствии со своими нуждами и тем самым кардинальным образом формировать систему ценностей потребителя, саму его культуру, образ мыслей, убеждения и даже потребительские предпочтения и вкусы.

Следует обратить внимание, что такие процессы, как увеличение роли планирования в экономической сфере, привели к снижению степени свободы в рамках данной социальной сферы. Кроме того, дифференциация экономических ролей на функции инвестора, собственника, организатора, рабочего и получателя дохода свидетельствует о “перешагивании” через существовавшие в сфере экономики традиции. Можно констатировать, что в комплексе этих черт и заключается первая специфическая особенность феномена экономической культуры. Итак, экономическая культура представляет собой сложное многосоставное понятие. Структурная сложность данного образования проявляется, прежде всего, в том, что различные аспекты экономической культуры проявляются сразу в нескольких социально-антропологических плоскостях. Кроме того,

экономическая культура осуществляет одну из своих специфических функций: она помогает социуму понимать и оценивать действия экономического действия, соотнося его деятельность со своими поведенческими стереотипами, которые находятся в этой же социальной плоскости. Отметим и то обстоятельство, что экономические институты определяют саму парадигму и способ действия индивида в условиях как рыночного, так и планового хозяйства. Наконец, следует выделить ещё одну особенность феномена экономической культуры, которая выражается в синтезировании культурных и экономических институтов.

Обобщив изложенное выше, получим следующий тезис: проявляя какую-либо экономическую активность, индивид провоцирует и стимулирует внешний контекст на ответные действия; в свою очередь, ответные действия социального контекста вынуждают индивида к инициативе нового порядка. Можно заключить, что феномен экономической культуры является тем местом в координатах социальной сферы, где происходит синтез или, иначе говоря, интеграция взаимных экономических претензий и интересов индивида и внешнего ему социального контекста.

Уместно предположить, что если будут осмыслены механизмы конституирования и функционирования феномена экономической культуры, общество получит дополнительные рычаги управления экономическими и социальными процессами, что может способствовать достижению экономической стабилизации. Это обстоятельство лишней раз подчеркивает актуальность изучения феномена экономической культуры применительно к современным реалиям

развития общества и обосновывает необходимость данного изучения.

Таким образом, экономическая культура - это часть более широкой системы - общей культуры общества. Если культура представлена во многих сферах - искусстве, науке, политике, праве, религии, морали и экономике, то, говоря об экономической культуре, мы имеем в виду те традиции, привычки, сложившиеся нормы поведения, которые реализуются в сфере экономики и связаны с соответствующим типом деятельности людей. Однако экономическая культура связана не только со сферой экономики, но одновременно и со сферой социальных отношений. С одной стороны, привычное экономическое поведение люди реализуют на множестве различных рынков - на рынке товаров и услуг при покупке каких-либо товаров; на рынке труда, при приобретении рабочих мест; на рынке финансов, где они осуществляют операции с деньгами. Рынки и отношения на них - это та среда, внутри которой функционируют люди, являющиеся субъектами экономики и одновременно носителями экономической культуры. Можно утверждать, что в экономической культуре эти две среды - экономическая и социальная - соединены в единое целое, поскольку социальные отношения всегда пронизаны экономическими⁷.

Необходимо отметить, что каждый сегмент экономического пространства формирует свои собственные стереотипы действия, среди которых можно выделить три главные группы:

(1) ориентация на приобретение выгодных рынков сбыта продукции в области внешнеэкономической политики;

(2) устойчивые интересы людей в сохранении рабочих мест, повышении оплаты труда в сфере занятости;

(3) устойчивые ориентации на приобретение земли и прибыльных предприятий - в сфере отношений собственности.

Изложенные выше стереотипы свидетельствуют о символической природе экономической культуры и - как следствие - преобладании культурного начала в данном феномене над сугубо экономическим. Однако главные различия в системе экономической культуры проявляются не между различными сферами ее реализации, а между различными социальными субъектами - группами населения, теми или иными общностями, культура которых, так или иначе, отличается.

В связи с этим перед исследователем встает *проблема идентификации российской экономики*: является ли отечественная экономическая культура гомогенным образованием или представляет собой набор различных партикулярных культурных стилей хозяйствования. Нам представляется, что данная проблема в последующем должна будет решаться посредством использования диалектического метода. Это вполне естественно, поскольку, с одной стороны, институты права, идеологии и искусства задают культуре «партикулярность», а экономика, напротив, выстраивает целостность системы.

Итак, при всех особенностях экономических культур разных стран везде сохраняются одни и те же структурные закономерности. Рассмотренный феномен экономической культуры - это всегда и везде своеобразный посредник между комплексом политико-правовых, экономических и иных

условий той или иной страны и экономическим поведением субъектов ее экономики. В этом смысле экономическую культуру следует считать своеобразным посредником в процессе перевода ценностных и идейных ориентаций из духовной (символической, культурной) сферы в материальную. Именно экономика овещает ценности и интересы в материальном действии - в производстве товаров и услуг, в финансовых операциях, в торговых сделках, получении кредита, выплате налогов, внедрении новых технологий и так далее.

Литература

1. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. - Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. - М.: Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. - 608 с.
3. Кафанья А.К. Формальный анализ определений понятия «культура» // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. - СПб.: Универ. книга, 1997. - С. 91-114.
4. Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культу-
- ры. Т.1. Интерпретации культуры. - СПб.: Универ. книга, 1997. - С. 49-56.
5. Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. - М.: Издательство «Дело», 1998. - 432 с.

Ссылки:

1 Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. - Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 43.

2 Цит. по: Кафанья А.К. Формальный анализ определений понятия «культура» // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. - СПб.: Универ. книга, 1997. - С. 102.

3 Там же.

4 Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры. Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. - СПб.: Универ. книга, 1997. - С. 52.

5 См. подр.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Изд-во АСТ; Транзиткнига, 2004. - С. 234-237.

6 См. подр.: Гэлбрейт Дж. Ук. соч. - С. 250-259.

7 См. подр.: Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. - М.: Издательство «Дело», 1998. С. 314.

Политические технологии в контексте тенденции и закономерностей массовой культуры

Поздышева О.Н.

В статье ставится задача проанализировать основные стратегии управления общественным сознанием в контексте функционирования массовой культуры. Анализируется как само понятие массовой культуры, так и ее отдельные конститутивные функции. Особое внимание уделяется описанию своеобразия культурного самосознания современного «массового индивида».

Ключевые слова: политические технологии, массовое сознание, манипулятивные стратегии, массовая культура

Pozdysheva O.N.

Political technologies in context trend and regularities of the mass culture

In article the problem is put to analyze the basic strategy of management by public consciousness in a context of functioning of a mass culture. It is analyzed both concept of a mass culture, and its separate constitutive functions. The special attention is given to the description of an originality of cultural consciousness modern «the mass individual».

Key words: political technologies, mass consciousness, manipulative strategies, mass culture.

Содержательный анализ политических технологий невозможен без предварительного прояснения того культурного фона, на котором только и стал возможен данный феномен. Всё это означает, что при описании этого явления необходимо вскрыть основные тенденции и взаимосвязи современной культуры, приобретшей во всё большей степени форму так называемой *массовой культуры*. Как известно, функция современной культуры – это обеспечение первичной социализации индивида в новых условиях, когда социализирующая и инкультурирующая функции традиционной обыденной культуры (сословного типа), аккумулирующей социальный опыт городской жизни в доиндустриальную эпоху, утрачивают свою эффективность и практическую актуальность. Именно такую функцию в настоящее время в современном обществе выполняет массовая культура.

Этот общественный феномен можно определить как производство норм, правил и образцов социального поведения и восприятия, формулирование тенденций моды и жизненных стилей. Кроме того, принципиальным отличием массовой культуры от культур традиционного типа является новый способ трансляции нормы: теперь это уже не частная передача «полусакрального» знания (от мастера к ученику, от отца к сыну, от священника к прихожанину), а общедоступное образование и влияние масс-медиа. Отметим важный методологический аспект рассматриваемого вопроса.

Заключается он в двусмысленности исследовательской позиции, в соответствии с которой познающий субъект одновременно находится как бы в двух измерениях: в качестве «незаинтересованного» эксперта он строит суждения, претендующие на объективность, но, вместе с тем, будучи субъектом культуры он сам принадлежит описываемому феномену, живет внутри него, являясь его неотъемлемой частью. Более того – сам исследователь современной массовой культуры во многом является таким же порождением этой культуры, как и те ее элементы, которые он подвергает анализу. Игнорировать этот факт, по нашему мнению, было бы свидетельством наивного «объективизма», не замечающего фундаментального постулата, на котором строятся большинство современных гуманитарных наук, согласно которому наблюдатель с необходимостью принадлежит наблюдаемому объекту, включен в него.

От исследователя в этой ситуации требуется, на наш взгляд, не достижение некой мифической объективности, но соблюдение *герменевтической дистанции* по отношению к описываемому феномену. Иными словами, дискурс по отношению к современной массовой культуре относится к исследователю-гуманитарию в той же мере, как и ко всему прочему, раскрывает в самом субъекте дискурса важные аспекты: проводя такой анализ, мы узнаем нечто о себе самих как о субъектах культуры, поскольку это мы сами пытаемся беспристрастно описывать себя самого, свое положение в обществе и культуре. Подчеркнем, что такое положение не является более привилегированным положением интеллектуала как «медиума» Истины (классическая модель интеллектуала Нового Времени), но всего лишь указывает на специфику исследовательской по-

зиции, не отменяя ее статуса «равного среди равных», т.е. положения всего лишь одной из возможных точек зрения¹.

Итак, предельно общий контекст современной культуры, формирующий ее специфику, многие исследователи характеризуют как состояние *кризиса*, развивающегося в ситуации «смерти Бога» (Ницше), т.е. кризиса моральных и религиозных ценностей на сломе этико-поведенческих парадигм. Таково, пожалуй, наиболее распространенное определение кризисных симптомов современной культуры. Однако, наиболее симптоматичными в контексте рассматриваемой проблематики нам представляются более конкретные и специальные описания сегодняшнего «духа времени». Среди них выделим концепцию немецкого философа Петера Слотердайка.

Согласно его взглядам, доминирующее настроение современной культуры, сама ее идейная и духовная «атмосфера», сводятся к некоему особому концепту, под которым философ понимает настроение – так называемый «цинизм» (понятый специфическим образом), или, иначе, «сумеречное мироощущение». «Сумерки» европейской культуры конца 20-го столетия – это мироощущение, в котором не видны базовые, твердые жизненные ориентиры (ценности). Для него характерно ощущение неопределенности будущего (как своего собственного в качестве культурного субъекта, так и всей культуры в целом). При этом «циническое мироощущение» рисует своему носителю лишь два проекта развития будущего: либо «будет только то, что уже было» («вечное возвращение» в отличном от ницшеанского понимании), либо настроение надвигающейся катастрофы. В диапазоне между этими двумя коллективными настро-

ениями, - замечает автор концепции «цинического мироощущения», - располагает робкая надежда на светлое будущее.

Второе коллективное настроение достаточно полно описано в литературе и представляет собой элемент весьма характерного для современной культуры так называемого «катастрофического сознания». Что же касается первой установки, анализируемой Слотердайком, то представляется необходимым несколько уточнить и дополнить ее. Речь здесь идет о не менее распространенном мироощущении современного образованного человека, согласно которому культура и история уже не могут породить ничего принципиально нового: все значения, смыслы и ценности уже реализовались в истории, и современному человеку доступны лишь комбинации из этих элементов. «Все уже было, все по-настоящему значимые исторические события случились, все сказано и написано» - таковым, пожалуй, мог бы быть лейтмотив данной культурной установки.

«В это циническом сумеречном свете возникает специфическое чувство безвременья, - чувство, в котором соединились стремление лихорадочно действовать и растерянность, желание что-то предпринять и уныние. День завтрашний видится в двойственном свете. С одной стороны, он вроде бы не сулит ничего особенно нового, с другой - может обернуться катастрофой, а между этими двумя возможностями живет маленькая надежда на то, что все обойдется и образуется. Прошлое либо становится балованным ребенком, с которым носит академическая наука, либо превращается в лавку старьевщика, где собраны курьезные миниатюры, свидетельствующие о том, что когда-то все уже было. Самый большой интерес еще вызывают

жизнеописания людей былых времен и давно забытые цари»².

Как можно заметить, такое настроение вполне вписывается в парадигму «конца истории», имеющую давнюю традицию - от Гегеля до Фукуямы. Кроме того, согласно данному подходу к истории (уже в смысле истории идей), незавидна и роль исследователя-гуманитария в современном мире - она сводится всего лишь к пассивному изучению ценностей и идей прошлого, к составлению своеобразного «каталога» культуры. В частности, согласно Карлу Ясперсу, на долю историка философии в XX веке приходится лишь аутентичное описание философских концепций прошлого и выявление их взаимосвязей³.

Рассмотрим концепцию цинического сознания более детально, выделив в ней три различные составляющие:

(1) «Цинизм» в том специфическом смысле, который придает этому понятию немецкий философ, можно определить как полное знание, просвещение, развитая критическая способность, недоверие идеям, словам и идеалам, *утрата иллюзий*, которая при этом, что принципиально, ничего не меняет в реальности. Современный человек вполне отдает себе отчет в том, что политики зачастую обманывают его, что «человек человеку волк», ничто не происходит по задуманному, одни люди эксплуатируют других, всем правят деньги, никто ни во что не верит, мир несправедлив и люди в нем не равны, *не бывает независимой прессы и честной рекламы* и т.д., - и это его знание совершенно ничего не меняет в окружающем его мире, все остается по-прежнему. Слотердаик в этой связи определяет циническое мироощущение как состояние «с абсолютно ясной головой на краю пропасти», с соответствующими модусами отношения к

миру, которые может предложить субъекту такое состояние: ирония, меланхолия, сарказм, ностальгия, волонтаризм, депрессия, одурманенность.

(2) Вторую составляющую цинического мироощущения автор метафорически квалифицирует как «шизофреническое состояние». Данная метафора, на наш взгляд, не несет какой-то особой психиатрической нагрузки, но скорее с особой силой подчеркивает и иллюстрирует состояние «разорванности» (исконное древнегреческое значение слова «шизис»), раздвоенности современного культурного субъекта. Отметим, что речь идет о раздвоенности трех типов: (а) между желаниями и возможностями, (б) приватным и общественным, (в) между тем, что я знаю о мире и тем, как себя веду в этом мире. В последнем случае речь идет об уже упомянутой черте современного человека: зная истинное положение дел и вполне отдавая себе в нем отчет, современный потребитель все равно читает рекламные плакаты и буклеты, покупает рекламируемые продукты, прислушивается к мнению масс-медиа, притворяется перед начальством, голосует за того или иного политика под влиянием его предвыборных речей и т.д.

«Современное ощущение средни ощущению туриста, отстраненно озирающему чуждую реальность во время экскурсии; это – ощущение серой повседневности, пребывания в тисках между суровым реализмом и грезами о невозможном, ощущение холодного безразличия или увлеченности – здесь уже каждый волен выбирать сам. Одни честолюбивы, другие инертны, но и те, и другие одинаково ожидают чего-то такого, что оправдало бы предчувствие лучших дней, ощущение, будто есть что-то впереди. И весьма многие хоте-

ли бы активно включиться – не так важно, во что именно. Хорошие фильмы, конечно, важны. Но добрым примерам следовать нелегко, поскольку всякая реальная жизнь отличается от показанной на экране, а в особенности – своя собственная <...>. Делают свою работу и говорят себе, что лучше было бы вообще ни с чем не связываться и ни от чего не зависеть. <...> Одни уже давно борются с привычкой ходить к психоаналитику, другие ищут себе оправдание, почему они еще не начали этого делать; так-то оно так, да ведь поневоле призадуматься, во что это встанет и удастся ли дотягивать до полочки. А тут еще вдобавок выяснилось, что хорошо питаться – вовсе не государственное преступление, да еще весь этот идиотский шум вокруг потребительства и помешательство на автомобилях, и вообще <...> Живут от одного дня к другому, от отпуска до отпуска, от одного вечернего выпуска новостей до другого, от проблемы до проблемы, в судорожном напряжении, – и в то же время вяло. Чувствуют, что какие-то вещи еще настоящему волнуют, но в большинстве случаев происходящее совершенно безразлично»⁴.

(3) Наконец, третья черта современного культурного сознания сводится к его эклектичности и мозаичности: сегодня у одного и того же человека мы можем наблюдать одновременное сосуществование самых разных представлений и образцов поведения в различных сферах его приватной и социальной жизни. При этом происхождение таких ценностей, идей и представлений, если проследить их культурную историю, зачастую датируется совершенно несхожими эпохами и принадлежат различным культурно-мировоззренческим парадигмам, зачастую прямо противоречащим друг

другу и в истории располагающихся на противоположных друг другу полюсах. В качестве иллюстрации этого тезиса Слотердаjk замечает, что сегодня уже никого не удивит, например, фигура профессора, преподающего философию Ницше, являющегося при этом верующим католиком, любителем классической музыки и одновременно поклонником рок-музыки, а также коллекционирующего индийские древности.

Вместе с тем, отметим, что при всей оригинальности авторской концепции Слотердаjка, она все же затрагивает далеко не все черты и характеристики современной массовой культуры. Для большей полноты анализа перейдем к краткому описанию иных, не менее важных спецификаций того контекста, в котором зарождаются интересующие нас манипулятивные стратегии:

1. *Инфантилизация.* Применительно к внутреннему устройству массовой культуры прежде всего следует говорить о превалировании образного мышления (включая создание фантастических образов, характерных для детского сознания) в его примитивно-картиночных формах над абстрактно-логическим⁵.

2. *Виртуализация.* Эта черта современного сознания напрямую вытекает из предыдущей и тесно с ней взаимосвязана. Суть этой характеристики заключается в том, что образно-визуальное мышление по своей природе значительно быстрее логико-аналитического способа восприятия информации, и именно этот тип мышления следует признать в современных условиях доминирующим у большинства субъектов культурного пространства. Нетрудно заметить, что информация визуально-наглядного типа усваивается значительно легче, поскольку происходит данный процесс почти ав-

томатически, едва ли не бессознательно, сам собой, не требуя от субъекта каких-то специальных усилий (которые являлись бы продуктами обучения и подготовки).

Отсюда следует важнейшая для рассматриваемой проблематики особенность: *критическая способность субъекта* (т.е. способность к самостоятельному анализу и фильтрации полученного таким образом знания) *по отношению к такой информации гораздо менее развита, эффективна и необходима.* Именно в этом звене механизма массового сознания, таким образом, открываются *самые широкие возможности для разнообразных манипулятивных стратегий по формированию и управлению общественным сознанием.* Поэтому не случайно, что телевидение, будучи в современных условиях, пожалуй, основным каналом трансляции массовых норм и ценностей, фактически наследует свой способ подачи информации (визуальная динамика, так называемый «action», скорость смены картин и образов) у другого специфического жанра массовой культуры – комикса⁶. При этом, как отмечает С. Кара-Мурза, сочетание сразу нескольких каналов распространения информации порождает особый эффект в сознании потребителя, который исследователь называет «разрыв фильтров», под которым следует понимать все то же ослабление критической способности⁷. Причины притягательности такого способа восприятия информации из окружающего мира вполне очевидны: это ее легкодоступность (не требуется специальной подготовки), удовлетворение желания релаксации и пассивности, иллюзия событийности и наполненности смыслом при отсутствии собственных усилий.

Французский философ-постмодернист Жан Бодрийяр в этой свя-

зи задается вопросом, почему мы бессознательно верим телевидению. Согласно концепции этого автора, достаточно популярной сегодня на Западе, *телевидение (и – шире – вообще масс-медиа) не отражает реальность, а создает ее*. В частности, эффект присутствия непосредственно в новостном тексте диктора (в который потребитель информации оказывается буквально погружен, начиная бессознательно и почти автоматически ему доверять) достигается видеорядом «с места событий». В этом французский философ видит основную причину влияния телевидения, формулируя свой скандально-провокативный тезис «войны в Персидском заливе не было». В качестве аналогичного события автор также подробно рассматривает произошедшую в 1986 году бомбардировку Триполи, которая, согласно его мнению, фактически была поставлена как теле-репортаж в реальном времени (на протяжении всей военной операции велась подробная теле-съемка в прямом эфире)⁸.

3. *Новый тип чтения: чтение как потребление*. На смену классической парадигме европейской книжной культуры как диалога с автором (куда следует отнести как средневековые рукописи, так и печатное слово Нового времени) сегодня приходит новый тип чтения без диалога. Речь идет о феномене чтения-потребления, т.е. получении информации через экран. «Макротекст» как традиционный тип Текста, *объясняющего мир* (предельным воплощением которого можно считать Библию) сменяется бесчисленным количеством «микротекстов», механически накапливающих всего лишь *описания* (без объяснения и анализа) разнообразных «микрособытий»⁹.

4. «Симулятивность». Уже упоминавшемуся выше Жану Бод-

рийяру принадлежит авторство концепции «симулякра» как главенствующего элемента «пост-современного» культурного пространства. Речь идет о центральной роли визуального элемента в современной культуре, который ответственен за создание бесчисленного количества видимостей и иллюзий. В частности, сегодняшнее увлечение дизайном (начавшееся на Западе более 20 лет назад и постепенно пришедшее в нашу массовую культуру) Бодрийяр предлагает интерпретировать как глобальную метафору всей современной культуры, поскольку именно здесь тяга к приданию видимости, к эстетизации реальности достигает своего максимального воплощения: например, жить в атмосфере японского стиля для современного европейского потребителя означает быть *как бы* японцем, во всяком случае – ощущать себя таковым¹⁰.

5. *Подверженность манипуляции и программированию*. Понятие «идеологии», впервые сформулированное Марксом, сегодня все чаще принимает формы, просто неведомые классическому сознанию. Прежде всего, отметим, что современные воплощения идеологических механизмов гораздо менее очевидны и ощутимы (но отнюдь не менее реальны), чем их классические прообразы, – акцент здесь переносится со сферы политического влияния в область экономического потребления, сами же механизмы идеологической манипуляции все больше переходят в сферу рекламы и многообразных PR-кампаний¹¹.

Вместе с тем, что касается политической идеологии, которая является в современных условиях более тонкой и менее заметной, то она по-прежнему разделяет с марксистским понятием свою главную задачу: объяснить и оправдать тот социальный и политический порядок,

который защищает. Это осуществляется через апелляцию к «естественным законам» и «картине мира». От прямой пропаганды (как открытого распространения и навязывания каких-либо идей) такие механизмы идеологического манипулирования отличаются распространением тонких психолого-информационных «стимулов» с более или менее программируемой реакцией.

Подчеркнем, что чисто оценочное отношение к идеологии в духе социальной критики и разнообразных «теорий заговора», при которых всегда так или иначе подразумевается наличие конкретного субъекта манипуляции (либо ограниченной группы конкретных лиц), не представляется нам продуктивным. В противоположность данному подходу значительно более интересным и эвристически продуктивным представляется более тонкое истолкование этого феномена как сложного, бессубъектного и анонимного процесса, у которого нет авторов (полностью просвещенных субъектов), а имеются только разные степени компетентности и информированности множества субъектов, чьи интересы зависят друг от друга в едином политическом пространстве.

Литература

1. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 234 с.
2. Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
3. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального // Пер. с англ. Смирнова А. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2007. – 213 с.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002. – 312 с.
5. Луман Н. Реальность массмедиа. Пер. с нем. Ю. В. Антоновского. – М.: Практикс, 2005. – 256 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: Refl-Book, 1994. – 368 с.
7. Носов Н.С. Психологические виртуальные реальности. – М.: Институт человека РАН / Лаборатория виртуалистики, 2008. – 196 с.
8. Слотердаик П. Критика цинического разума. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 333 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Ссылки:

- 1 См.: Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Пер. с англ. Смирнова А. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2007. – С. 101.
- 2 Слотердаик П. Критика цинического разума. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 112.
- 3 См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – С. 114-118, 156-160.
- 4 Слотердаик П. Ук. соч. С. 123.
- 5 См.: Луман Н. Реальность массмедиа. Пер. с нем. Ю. В. Антоновского. М.: Практикс, 2005. С. 77-79.
- 6 См.: Носов Н.С. Психологические виртуальные реальности. – М.: Институт человека РАН / Лаборатория виртуалистики, 2008. – С. 20-21.
- 7 Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002. – С. 238.
- 8 Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – С. 13.
- 9 См.: Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы. – М.: Политиздат, 1987. – С. 78-79.
- 10 См.: Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 234 с.
- 11 Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Refl-book, 1999. С. 93-98.

Особенности построения гражданского общества в России

**Бабаева Загра Мамедовна,
Вершинина Мария Игоревна**

В статье развенчиваются существующие мифы о гражданском обществе, в частности критикуется широко распространенный тезис о приравнивании процессов демократизации и построения гражданского общества. При этом подчеркивается неоднозначность, многогранность толкования смысловой категории «гражданское общество». Проводится анализ особенностей построения гражданского общества в России на основании трех подходов, предложенных М.Эдвардсом.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская активность, демократия, общественные нормы, неправительственные организации.

Existing myths about a civil society are discredited in the article, in particular the widespread thesis about equating of processes of democratisation and construction of a civil society is criticised. Ambiguity, many-sided nature of interpretation of a semantic category «a civil society» is underlined. The analysis of features of construction of a civil society in Russia on the basis of three approaches offered by M. Edwards is carried out.

Keywords: a civil society, civil activity, democracy, public norms, the non-governmental organisations.

Гражданское общество относится к числу явлений, в понимании которых еще не достигнута теоретическая и практическая ясность. Как следствие отсутствует устоявшееся определение гражданского общества. До сих пор нет единой научной позиции относительно его структуры, происхождения, исторических границ и «благородности» целей.

На наш взгляд, мысль о том, что гражданское общество автоматически способствует достижению общественного блага, несостоятельна по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, все составляющие гражданского общества имеют собственные экономические интересы. Во-вторых, общественное благо – это не какая-то фиксированная данность, скорее, это идея, выходящая победителем из общественной борьбы.

Общественным благом может быть одновременно незагрязненная окружающая среда и низкие цены на энергию, свободная торговля и максимальная занятость населения, свобода слова и защита от оскорблений и клеветы, полная безопасность общества и неограниченные свободы (собраний, шествий, даже тайна переписки и так далее). Что из этого большее общественное благо? Одно благо всегда достигается за счет ущемления другого. К примеру, ассоциации охотников и общества охраны животных по определению не могут разделять одни и те же взгляды касательно общественно-го блага.

Если рассматривать становление мирового гражданского общества, а именно, такую его составляющую как антиглобалистское движение, то и здесь мы можем наблюдать противоречия относительно понимания общественных благ. Так, профсоюзы стран Севера протестуют против перевода рабочих мест в страны Юга. В свою очередь, рабочие преуспевающих стран Юга, напротив, крайне заинтересованы в этих местах в целях повышения зарплат и условий труда. Таким образом, борьба за определение истины, что есть общественное благо на данный момент, ведется не между гражданским обществом с одной стороны и «врагами» гражданского общества - с другой, а между различными силами самого гражданского общества.

Не менее дискуссионным представляется вопрос о векторе корреляций между процессом демократизации государства и построением гражданского общества. Несмотря на то, что демократизация и построение гражданского общества взаимосвязаны (в их основе лежит принцип ограничения всевластия государства), тем не менее, нельзя не согласиться с английским политологом Ларри Зидентопом, утверждающим, что «распространение по всему миру внешних форм западной государственности, демократических институтов, судебной системы, признания равенства граждан перед законом и т.д. отнюдь не тождественны образованию гражданского общества»¹. Если демократическая форма правления может быть «импортирована» куда угодно, то демократическое (гражданское) общество импортировать нельзя. Поэтому за внешне схожими в разных странах демократическими формами политической жизни мо-

жет скрываться весьма разное ее содержание.

Однако всегда ли наличие сильного гражданского общества приводит к демократии? В истории немало примеров ситуаций, когда резкое усиление гражданского общества может быть симптомом опасного ослабления политических структур. В частности, американский профессор Шери Берман в своих публикациях дает отрезвляющий анализ роли гражданского общества в Веймарской Республике. Германия 20-30-х годов прошлого века отличалась высокой кружковой активностью: почти все немцы являлись членами тех или иных профессиональных ассоциаций и культурных объединений, что, по идее, должно было вести к укреплению демократических институтов.

Тем не менее, гипертрофированное гражданское общество не только не гарантировало победу демократии и либеральных ценностей в Германии, но, наоборот, подорвало их. Слабые политические структуры Веймарской Республики были не в состоянии удовлетворить заввышенные и противоречивые запросы конкурирующих гражданских объединений, что и привело в результате к размаху националистических, популистских движений, к чувству потребности «сильной руки» и к возникновению нацистской партии. Плотность и структурированность гражданского общества, по мнению Бермана, только облегчила нацистам приход к власти².

Усиление гражданского общества вовсе не означает повышение уровня демократии, репрезентативности представленных общественных интересов. Преувеличенное влияние групп интересов и групп давления может подорвать функционирование представительских институтов и систематически ис-

кажать результаты процессов принятия решений в пользу группировок с большими финансовыми возможностями, с лучшими связями или попросту с лучшей организацией. В 90-х годах прошлого века этот процесс усиления лоббистских группировок получил название «демосклероз общества».

Так, Роган Керш, автор многих научных исследований и книг о проблемах лоббирования, утверждает, что американская система лоббирования оказывает негативное влияние на США: «Подобное прекрасно видно на примере огромного числа лоббистов, вне зависимости от их задач и ориентации, которые производят то, что политологи называют «демосклерозом». Демосклероз - это закупорка артерий власти, не позволяющая им свободно прокачивать кровь демократии. По приблизительным оценкам, ныне в Вашингтоне работают до 70 тыс. лоббистов, что означает, что на одного конгрессмена приходится почти 20 лоббистов. Это не может не оказывать негативного влияния на законодательный процесс»³.

Как мы выяснили, наличие гражданского общества не означает существование демократии. В свою очередь, демократия также не является гарантом сильного гражданского общества. Япония, к примеру, является стабильной демократией уже полвека, однако в ней крайне слабы именно те проявления активности, которые в США и Европе считаются воплощением гражданского общества: охрана окружающей среды и потребителей, защита прав человека и женского равноправия. На соответствующую критику со стороны американцев, японцы отвечают, что живут в соответствии с собственной традицией отношений между гражданином и государ-

ством. Действительно, аргумент, по которому демократия не является подлинной, если не опирается на гражданское общество американского толка, не только фальшив, но и опасен - он ведет к убежденности в том, что демократия может быть либо американской, либо никакой.

Особую актуальность рассмотрение соотношения демократии и гражданского общества приобретает в российских реалиях. В связи с этим встают следующие вопросы: что является изначальной целью российских реформ - гражданское общество как тип социальной организации или демократия как внешняя форма управления? Если Россия, наряду с абсолютным большинством других государств, столько времени обходилась без гражданского общества (в американском понимании этого термина) и без демократии, так ли они необходимы ей и в дальнейшем?

При ответе на последний вопрос очень важно понимать, что в Советском Союзе существовал довольно развитый общественный сектор, имелся определенный опыт и история развития общественных организаций. К ним относились профсоюз, комсомол, творческие союзы писателей, композиторов, дружины по охране природы и по охране правопорядка, общества трезвости, общество юных пожарников, дворцы пионеров, юннатские кружки, самостоятельные художественные коллективы и т.д. В советское время каждое предприятие, завод, учреждение, институт, организация представляли своего рода корпорацию, через которую индивидуум не только приобретал общественно значимую профессию, но и приобщался к общегосударственным делам. Таким образом, элементы гражданского общества в

России существовали задолго до выработки странами Запада стратегии помощи России в становлении «третьего сектора».

Фонд «Общественное мнение» в 2003 г. провел опрос населения России относительно образа России в мире. Большинство сограждан хотело, чтобы Россию считали «сильной и великой», «могучей», «непобедимой», «несокрушимой», «мощной мировой державой». Лишь малая часть опрошенных хотела бы видеть Россию «государством, где соблюдаются законы» или же «демократической страной»⁴. Логично предположить, что российский электорат не считает демократию главным приоритетом, и даже готов поступиться ею ради стабильности и порядка; его не беспокоит отсутствие прямых выборов губернаторов⁵, ему безразлично, каким способом наделяется полномочиями глава территории. Наряду с тягой к сильной централизованной государственной власти в России наблюдается и такой феномен как «социальное иждивенчество»: россияне всегда ждут что кто-то (власть) решит их проблемы.

Россияне не ощущают себя самостоятельными, во-первых, при принятии решений; во-вторых, ответственными за их последствия, представляя из себя так называемую «массу». Как справедливо отметил Хосе Ортега-и-Гассет в своем труде «Восстание масс»: «Массы не формируют граждан. Они формируют антиграждан»⁶. При этом гражданское осознание ответственности является самым важным элементом, разрушающим эту самую «массовость». Современному жителю России отведена роль стороннего и одновременно пассивного наблюдателя политической жизни, от которой он фактически отчужден. Российские граждане от-

страняются от общественной сферы, становятся аполитичными и не стремятся публично отстаивать собственное мнение по ключевым политическим и социальным проблемам.

Именно против такой социально-политической апатии, «массовости» должно быть направлено функционирование гражданского общества. Основная функция институтов гражданского общества – приобщение обывателя к общегосударственным задачам как через право участвовать в принятии законов, так и через обязанности подчиняться этим законам. К сожалению в современном российском обществе эта функция пока «не заявила о себе» в полную силу.

Дистанцируясь от политики, считая ее чем-то неприятным, грязным и безнравственным, россияне выбирают очевидный и естественный способ поведения в таких обстоятельствах — это адаптация, приспособление, попытка реализовать себя в отличных от политики сферах (профессиональная активность, литературная деятельность, частная жизнь и так далее). При этом они не видят, как через митинг можно решить ту или иную задачу. По мнению отечественного социолога Бориса Дубина «... сегодняшняя Россия — адаптирующийся социум. Под адаптацией я (Борис Дубин — прим.авт.) имею в виду пассивное или преимущественно реактивное (по образцу стимул — реакция) поведение большинства социальных групп. Важно не достижение лучшего, примеривание к более высокому и отдаленному в пространстве и времени, а страх потерять то, что есть, и редукция к более низкому, скромному, простому: «Лишь бы не было хуже»... Наконец, адаптивное поведение означает готовность даже

сокращать — до определенной степени — собственные нужды, снижать требования к себе и другим, чтобы не потерять разом всё»⁷.

Совокупность таких черт социального характера Дубин обозначает термином «синдром узилища». Это понятие одним из первых этот термин использовал австрийский психиатр и психолог Виктор Франкл. При описании лагерного сообщества, Франкл показал, что апатия соединяется с другой движущей силой — с агрессией. В итоге «синдром узилища» — это переключение режимов апатии и агрессии, в том числе агрессии, направленной на таких же членов социума. По мнению Дубина этот феномен ведет к фрагментации общественной жизни, к отчуждению от государства и от политики вместе с ощущением глубочайшей зависимости от властей и постоянным недовольством ими как «коррупцированными», «чужими, далекими от народа», «бюрократичными»⁸.

Как было упомянуто выше «синдром узилища» имеет две составляющие — это апатия и агрессия. Психолог Ольга Маховская утверждает следующее: «До 80 процентов населения устойчиво говорят о том, что чувствуют себя и своих близких в постоянной опасности из-за того, что с ними может произойти. Это могут быть чеченцы, это могут быть милиционеры, это могут быть бандиты. Насилие как будто бы разлито повсюду»⁹. Действительно, тезис о высоком уровне агрессии и насилия в современном российском обществе спорен не вызывает. В тоже время вопрос — «можно ли назвать современных российских граждан тотально равнодушными?» — является весьма дискуссионным.

Действительно, некоторые элементы апатии присутствуют в рос-

сийском обществе. К примеру, один из ведущих отечественных экспертов по региональной политике, член Общественной палаты Вячеслав Глазычев так комментировал прошедшие в 2006 г. в России региональные и муниципальные выборы: «В ряде муниципалитетов Красноярского края выборы вообще не состоялись — явка безобразно низкая. Так же как и в Норильске. Это даже не апатия, а позиция «Ну вас всех к черту!», своеобразная замена отменной в большинстве регионов графы «против всех». Но самое тревожное — фантастически низкая явка молодежи, которая «все в гробу видала». Такая тенденция представляет угрозу самому демократическому институту выборов, что может проявиться даже очень скоро»¹⁰.

Очевидно, что присутствие некоторых элементов социальной апатии является общественной «нормой». Для России гораздо страшнее другое — тотальная политизация, являющаяся признаком нездорового неуравновешенного общества, и продолжительная по времени высокая политическая активность, приводящая к революциям. Об отсутствии тотального равнодушия свидетельствуют следующие проявления социально-политической активности: в конце января 2010 г. по России прокатилась волна митингов под политическими и экономическими лозунгами. 30 января тысячи жителей Калининграда протестовали против повышения тарифов ЖКХ и увеличения транспортного налога. 31 января «несогласные» провели в Москве акцию в защиту 31-й статьи конституции, где говорится о свободе собраний и демонстраций. На улицы в различных городах вышли парламентские партии, общественные организации и простые граждане.

Повышение цен на билеты на пригородные поезда с 1 февраля 2010 г. затронуло интересы более трех миллионов пассажиров, регулярно пользующихся услугами пригородных электропоездов московской железной дороги, и, соответственно, вызвало бурю эмоций у жителей Подмосквья и правозащитных организаций. В итоге широкий общественный резонанс привел к тому, что руководство ОАО «РЖД» снизило цены до прежнего уровня.

Таким образом, вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что современные российские граждане в состоянии выражать свои протестные настроения. При этом митинги и протесты могут быть весьма результативными по своим последствиям. Однако те же самые примеры свидетельствуют о том, что проблема формирующегося гражданского общества в России состоит в отсутствии такой ценности, как солидарность. Люди в состоянии выходить на улицу для того, чтобы защищать свои права, но никогда не выйдут, чтобы защитить права своего соседа.

Руководитель международной программы Фонда Форда «Правительство и гражданское общество» Майкл Эдвардс выделяет три дополняющих друг друга подхода к определению гражданского общества¹¹, которые помогут нам раскрыть сущность и особенности функционирования гражданского общества в России.

Сторонники первого подхода – *нормативистского* – полагают, что для функционирования гражданского общества важна не столько численность НПО, сколько утверждение таких общественных норм как солидарность, коллективизм, доверие, толерантность, отказ от насилия, уваже-

ние прав личности. Большинство из этих норм как было показано выше пока еще не приняты российским гражданам.

В итоге гражданское общество определяется не по формальным (рост численности НПО), а по ценностным, нормативным признакам. При этом, нормативисты рассматривают существующие в России НПО в значительной степени как «мертвые души», которые, даже будучи живыми, совсем не обязательно оказывают существенное влияние на социально-политическое развитие региона, оставаясь зачастую «вещью в себе».

Сторонники второго подхода – *институционального* – говорят об успехах гражданского общества в России, указывая на огромное количество зарегистрированных в стране общественных организаций. Однако, на наш взгляд (с этим согласны и сторонники предыдущего подхода), такая корреляция между эффективностью гражданского общества и ростом числа НПО является весьма спорной. Формирование гражданского общества в России идет по пути количественного роста и нарастания качественного многообразия, а не объединения соответствующих структур в действенные гражданские институты.

Нельзя не согласиться с президентом некоммерческого фонда «Социальная экология» А.А. Канунниковым, который рассматривает гражданское общество как общество, в котором не просто существует многие общественные свободные неправительственные организации, но являются способными защитить индивида. По мнению ученого, «если НПО не способны защищать индивида в силу ограничений, которые накладываются со стороны государства, то

получается всего лишь декорация гражданского общества»¹².

В тоже время существует опасность отождествления гражданского общества с НПО (в узком смысле этого слова). Гражданское общество действительно чаще всего ассоциируется с активностью НПО, борющихся за «общественное благо» вообще: за окружающую среду, права человека, равноправие женщин, справедливые выборы, против коррупции и т.д. Однако наряду с НПО социально-политической ориентации в гражданское общество входят следующие организационные компоненты: профсоюзы, торговые палаты, профессиональные коллегии, этнические ассоциации, религиозные организации и политические партии. Помимо этих компонентов в него входит широчайший спектр объединений, не имеющих социально-политической программы: религиозные, студенческие, спортивные и культурные общества (от кружков любителей хорового пения до клубов спортивных болельщиков и добровольных пожарных), организации самопомощи (например, союз ветеранов войны в Чечне).

Такие объединения по интересам, как профсоюзы, палаты, спортивные клубы и так далее, имеют, в отличие от НПО, широкую членскую базу и отечественные источники финансирования. Однако удельный вес таких традиционных сегментов гражданского общества превышает вес НПО многократно. И это несмотря на то, что значение и роль НПО весьма велика.

Особенность институционального подхода состоит в том, что гражданское общество рассматривается как «третий сектор», действующий независимо от двух других секторов общества — государ-

ства и рынка, но в то же время играющий роль посредника между ними. Этим наименованием, заимствованным из западной терминологии, подчеркивается его отличие от первого сектора - публичной власти и политических партий, борющихся за власть, и второго сектора - предприятий и фирм, создаваемых для получения прибыли. Этот «третий сектор» должен состоять из организаций, которые имеют формальную структуру и независимое управление, платят налоги и обеспечивают работой значительную часть населения, но при этом носят некоммерческий характер, т.е. не ставят своей задачей получение прибыли.

Традиционно страной с наиболее развитым негосударственным некоммерческим сектором считается США. Значительного развития третий сектор достиг в Великобритании. По официальным данным, до половины взрослого населения страны в той или иной форме принимают участие в организованной добровольческой работе. Возросшую роль добровольческого сектора многие исследователи объясняют двумя причинами: сокращением государственных социальных расходов и, соответственно, государственной помощи нуждающимся; ростом ожиданий и активности граждан. В англосаксонском мире гражданское общество и государство считаются взаимодополняющими, а не враждебными друг другу силами.

В свою очередь, для российских реалий свойственно строгое противопоставление государства и гражданского общества. Не быть частью государственных структур считается признаком гражданского общества в России. В тоже время Россию давно критикуют за попытки создать управляемое,

лояльное гражданское общество, в котором действуют «ручные» НПО, получающие гранты со стороны власти. Оппонируя, Россия в том же самом пытается упрекать и США.

Так, в январе 2010 г. в Вашингтоне прошло первое заседание рабочей группы по гражданскому обществу и российско-американской президентской комиссии, в ходе которого российская сторона поставила вопрос о схемах финансирования некоммерческих организаций в США и об их независимости с учетом того, что многие организации получают дотации непосредственно в госдепартаменте. В США (где исторически ГО формировалось «снизу») произошло полное огосударствление гражданского общества, потому что все его институты финансируются федеральным или региональными бюджетами. В итоге, несмотря на огромное количество фондов и корпоративных специализированных программ, правительственный бюджет все еще остается главным источником финансирования некоммерческих организаций США и вдвое превышает объем частных пожертвований.

Критика США со стороны России, не мешая российскому правительству усиливать властную вертикаль, что проявляется, в частности, в насаждении принципа «назначаемости сверху». Так, треть состава Общественной палаты – главного атрибута гражданского общества – назначается президентом. Эти назначенные члены в свою очередь назначают еще треть, а те – еще одну треть. Принцип назначаемости сверху стал определять и законодательную власть, которая сегодня полностью подчинена президентской воле. В частности, Совет Федерации наполовину состоит из сена-

торов, назначенных главами регионов. Но если губернаторов ныне назначает президент, то таким образом и половина членов верхней законодательной палаты тоже являются фактически президентскими назначенцами.

Действительно, несмотря на господствующую в России идею автономности «третьего сектора» по отношению к государству, в условиях современной российской действительности этот сектор формируется «сверху», т.е. государство играет ведущую роль в этом процессе. Одной из первых мер по огосударствлению российского гражданского общества было принятие закона о регулировании неправительственного и некоммерческого сектора в 2006 г. Основные положения этого закона заключались, во-первых, в ужесточении ограничений на деятельность иностранных НПО, а также российских НПО с зарубежным финансированием, во-вторых, в поощрении тех НПО, которые действуют под крылом государства. Кроме того, увеличение государственного финансирования НПО было заявлено в качестве приоритетного направления деятельности Общественной палаты. Таким образом, правительство стремилось уменьшить зависимость российских НПО от внешней поддержки.

Несмотря на закономерно негативную реакцию стран «образцовой демократии» на подобные инициативы, в Европе сформировались «группы поддержки» принятого закона из весьма авторитетных исследователей. Так научный сотрудник Исследовательского центра по изучению Европы (Германия) Д. Шмидт и британская исследовательница С. Хендерсон в своих публикациях отстаивают следующий тезис: российские

НПО не стали результатом формирования гражданского общества «снизу» или активности «низов», пользующихся устойчивой «низовой» же легитимацией, а возникли благодаря западной поддержке демократизации и принципов гражданского общества, а также западной финансовой помощи. Соответственно евро-атлантические интересы Европы и США в существенной мере формируют программы и определяют организационный потенциал российского «третьего сектора». Тем самым, по мнению Шмидт и Хендерсон, страны Запада оказывают «медвежью услугу» зарождающемуся российскому гражданскому обществу¹³.

Помимо зависимости от интересов иностранных доноров и транснациональных организаций российский «третий сектор» имеет еще одну национальную особенность: его субъектом выступают, как правило, общественные организации, а не рядовые граждане. Напротив, в странах Запада гражданская активность граждан проявляется на добровольных, общественных началах, и она независима (по крайней мере, первоначально) в институциональном плане.

Третий подход, предложенный Майклом Эдвардсом, рассматривает гражданское общество *публичную сферу*, т.е. как арену деятельности на благо общества, арену рационального диалога и проявления активной гражданской позиции во имя общественных интересов. ГО в этом подходе не ограничивается сферой политического волеизъявления, а включает в себя всю полезную гражданскую активность – участие в НПО, в гражданских инициативах, социальных движениях, благотворительности.

В этом контексте нельзя не упомянуть идею открытого общества К.Поппера. Последнее, по мнению ученого, является как бы формой свободы; гражданское общество наполняет его содержанием, порождая атмосферу общественной солидарности¹⁴. «Открытое общество», – по мнению Поппера, – «это то общество, в котором граждане сознательно вовлечены в социальную активность и отказываются сидеть сложа руки, переложив всю ответственность за управление миром на долю человеческих и сверхчеловеческих авторитетов»¹⁵. Исходя из этого определения современное российское общество не является «открытым», и тому есть определенная историческая подоплека. Российские граждане, привыкли уповать либо на батюшку-царя, либо на вождей пролетариата, либо на другую авторитарную власть: «пусть будет царь, он жесткой рукой наведет порядок, мы ни в чем участвовать не будем».

Именно этот третий подход объясняет тщетность попыток Запада по материальному стимулированию развития ГО в России. Действительно, только по Партнерской Программе Институционального Развития (ИВРП), цель которой – содействие в развитии гражданского общества и местных инициатив – за прошедшие годы Европейский Союз предоставил гранты более 160 проектам на сумму в 35 миллионов евро¹⁶. Многие иностранные доноры недовольны и разочарованы весьма скромными результатами своей работы. Видя, как их стратегии терпят неудачу, а бюджетные средства расходуются впустую, они склоняются к тому, чтобы уйти из России.

К примеру, фонд Сороса в 2003-м закрыл свои офисы в России после того, как он в течение 15

лет оказывал ей помощь в переходе от закрытого общества к открытому (через Институт «Открытое общество»). Хотя здесь справедливо заметить, что созданные при содействии Фонда Сороса структуры и теперь активно работают без его непосредственного участия. К таким проектам относятся Московская высшая школа социальных и экономических наук; фонд культуры и искусства «Институт ПРО АРТЕ»; Международный благотворительный фонд имени Д. С. - Лихачёва; некоммерческий фонд поддержки книгоиздания, образования и новых информационных технологий «Пушкинская библиотека».

Несмотря на сокращение бюджетов, есть иностранные НПО, которые в настоящее время пересматривают свои стратегии и программы содействия развитию гражданского общества в России, т.е. адаптируются к существующим условиям. Стратегия и рекомендации ЕС в отношении демократизации и построения гражданского общества в странах Восточной Европы, в том числе, России, активно обсуждались на прошедшем в 2006 г. семинаре в Центре исследований европейской политики (CEPS)¹⁷. Научный сотрудник Финского института иностранных дел Кристи Райк определила следующие актуальные проблемы, затрудняющие сотрудничество ЕС и стран Восточной Европы в сфере построения гражданского общества:

- отсутствие политической воли стран-реципиентов;
- жесткие механизмы финансового контроля для НПО в странах-реципиентах;
- межведомственная напряженность¹⁸;
- недостаточность человеческих и финансовых ресурсов стран-доноров.

Эти и многие другие обстоятельства привели к тому, что ЕС стал поощрять вклад самих стран реципиентов, снижая их зависимость от помощи извне. Ведь, несмотря на колоссальный объем западной помощи, наличие просветительских программ по исследуемой тематике и на фоне роста количества НПО, россияне до сих пор не ощущают себя гражданами.

Какие конкретные шаги предприняло ЕС для демократизации и построения гражданского общества в России? Было принято Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) и Коллективная стратегия ЕС по отношению к России, которые определили законодательную базу этого процесса. Огромное практическое значение имеют программы ЕС в области демократии, в отношении России (или, иначе, политика Европейской инициативы в области демократии и прав человека - ЕИДПЧ).

В качестве примера одной из таких программ можно привести проект «Практическая школа для молодых юристов по международной защите прав человека», который реализуется в России с 2004 года. Его цель - создание ресурсного образовательного центра для правозащитных организаций по обучению юристов международным механизмам защиты от пыток, дискриминации и проявлений ксенофобии. В качестве международных экспертов на сессии этой школы приглашаются известные практикующие адвокаты и юристы из ЕС. На этом семинаре участники совместно с экспертами на примере конкретных дел, уже рассмотренных Европейским судом по правам человека, выясняют, какие действия необходимо предпринимать официальным структурам, чтобы устранить нарушения внутри страны и не допустить «наплыва» дел в Европейском суде.

Таким образом, мы можем наблюдать две точки соприкосновения российских и европейских интересов. Это снижение зависимости российского гражданского сектора от помощи извне (и соответственно снижение европейских финансовых вливаний) и создание гражданского общества «снизу» через правосознания рядовых граждан. При этом стоит учитывать, что «гражданские общества не возникают за одну ночь, ни за тот срок, в течение которого можно составить демократическую конституцию или даже заложить основы рыночной экономики»¹⁹.

Литература

1. Алексеева Т. Россия в пространстве глобального восприятия // <http://www.intertrends.ru/fourteen/005.htm#3>
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Пер. с нем. М., 2002. С.64.
3. Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. Май-июнь 2008. С. 24.
4. Зидентон Л. Демократия в Европе / Пер. с англ.; Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 2001.
5. Керри Р. Вашингтонские лоббисты обеспечивают репрезентативность и вызывают «демосклероз» // <http://www.washprofile.org/ru/node/1195>
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // «Вопросы философии», № 3, 4. 1989. С.37.
7. Парад победителей // <http://izbiratel.ru/vyboryros/regionalnie/2006/10/11/parad.html>
8. Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 26
9. Цигун Ю. Существует ли гражданское общество в России? // <http://www.epochtimes.ru/content/view/8278/9/>
10. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. № 1.
11. Berman Sh. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // World Politics. 1997. Vol. 49, N3. P. 401-29.
12. Edwards M. Civil Society. — Cambridge: Polity Press, 2004. — 138 p
13. EU support for civil society in the Eastern Neighbourhood <http://www.ceps.eu/content/eu-support-civil-society-eastern-neighbourhood>
14. Henderson S. L. Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organisations. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2003.
15. IBPP: гражданское общество и местные инициативы http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_387.htm

Ссылки:

- 1 Зидентон Л. Демократия в Европе / Пер. с англ.; Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 2001.
- 2 Berman Sh. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // World Politics. 1997. Vol. 49, N3. P. 401-29.
- 3 Керри Р. Вашингтонские лоббисты обеспечивают репрезентативность и вызывают «демосклероз» // <http://www.washprofile.org/ru/node/1195>
- 4 Алексеева Т. Россия в пространстве глобального восприятия // <http://www.intertrends.ru/fourteen/005.htm#3>
- 5 Кстати, в США отсутствуют прямые выборы президента. При этом сложно упрекнуть США в отсутствии демократии на основании того, что у них нет прямых выборов президента.
- 6 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // «Вопросы философии», № 3, 4. 1989. С. 37.

7 Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. Май-июнь 2008. С. 24.

8 Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. Май-июнь 2008. С. 24.

9 Общественная апатия <http://www.svobodanews.ru/content/Article/1492956.html>

10 Парад победителей <http://izbiratel.ru/vyboryros/regionalnie/2006/10/11/parad.html>

11 Edwards M. Civil Society. — Cambridge: Polity Press, 2004.

12 Цит по Цигун Ю. Существует ли гражданское общество в России? // <http://www.epochtimes.ru/content/view/8278/9/>

13 Об этом Henderson S. L. Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organisations. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2003; Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. — № 1.

14 Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 26

15 Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 26

16 IBPP: гражданское общество и местные инициативы http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_387.htm

17 См.: EU support for civil society in the Eastern Neighbourhood <http://www.ceps.eu/content/eu-support-civil-society-eastern-neighbourhood>

18 Европейская Комиссия, в задачу которой входит содействие демократическим реформам, была подвергнута критике со стороны Европейского парламента за его бюрократию в этой области. Кроме того, есть государства-члены, которые выступают против увеличения наднациональной власти комиссии.

19 Дарендорф. Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Пер. с нем. М., 2002. С.64.

Наши авторы

Аверина Марина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский Государственный Университет Физической культуры, Спорта, Туризма и Молодежной Политики (ГЦОЛИФК).
m-averina@list.ru

Архангельская Лидия Сергеевна – магистр социологических наук, аспирант, Общество с ограниченной ответственностью “Эксперт-ТВ”.
archangelskaya@mail.ru

Бабаева Загра Мамедовна – кандидат философских наук, ученый секретарь диссертационного совета, 82456@rambler.ru.

Бояршинов Борис Сергеевич – кандидат физико-математических наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
boyarshinov_b_s@mail.ru.

Бояршинова Елена Борисовна – преподаватель, Московский экономический институт.
boyarshinova_e@mail.ru.

Брянцева Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Вершинина Мария Игоревна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии Военного университета Министерства обороны, 82456@rambler.ru.

Година Елена Зиновьевна – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией аукологии, Научно-исследовательский институт и Музей антро-

пологии МГУ, зав. кафедрой анатомии и биологической антропологии Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, godina@antropos.msu.ru

Довейко Александр Борисович – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского института экономики, менеджмента и права (филиал в г. Воронеже). alex07@vmail.ru

Дуран Татьяна Валентиновна – кандидат социологических наук, Уральский государственный университет им. А.М. Горького, г.Екатеринбург.
tanyakostina2006@hotmail.com

Журавлева Людмила Анатольевна – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». hiarcs72@mail.ru

Задорожная Людмила Викторовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ.
mumla@rambler.ru

Исмаилова Лайла Магомедовна – преподаватель Альметьевского филиала Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева; e-mail: ismailova64@list.ru

Костин Валентин Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Уральская академия государственной службы, г. Екатеринбург
valentin.kostin@uara.ru

Костылева Людмила Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, Институт соци-

ально-экономического развития территорий Российской академии наук. lvk888@mail.ru

Масленников Евгений Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. maslev@rambler.ru

Миннегалиев Ильшат Маузирович – аспирант кафедры финансов и кредита ГОУ ВПО «Камская государственная инженерно-экономическая академия». e-mail: Ilshat82@yandex.ru

Могилевич Бронислава Рафаиловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. mogilevich@sgu.ru

Новикова Лариса Васильевна – старший преподаватель кафедры философии и политологии, ГОУ ВПО ТЭИ (Торгово-экономический институт), Санкт-Петербург. necropolis@list.ru

Поздышева Ольга Николаевна – соискатель кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет» olgane@mail.ru,

Прончев Геннадий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. pronchev@rambler.ru

Романенко Михаил Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. miklwas@mail.ru

Салмина Алла Александровна – научный сотрудник, Государ-

ственный Университет Высшая Школа Экономики, Кафедра социально-экономических систем и социальной политики. a_salmina@fief.ru

Синяков Алексей Викторович – социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. alsin@socio.msu.ru

Суркова Ирина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. irina_surkova@mail.ru

Сюй Яньли – кандидат социологических наук, старший преподаватель Пекинского института трудовых отношений (КНР). wangmingyu1220@126.com

Тимохович Александра Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, Государственный университет управления. 3178720@list.ru

Ткач Валерия Петровна – аспирант кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского Университета Дружбы Народов, специалист отдела социологических исследований Аналитического центра «Видео Интернешнл». VTKach@vitpc.com

Филипова Александра Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (г. Комсомольск-на-Амуре). alexgen77@list.ru.

Франц Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург. e-mail: franz@isnet.ru

